

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 2

**Ростов-на-Дону
2022**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор **ИГНАТОВА Т. В.**,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Зам. главного редактора **ЧЕРКАСОВА Т. П.**,
доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Аманесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, докт. экон. наук, проф.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Пешкова Е. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Понеделков А. В.*, заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 2

**Rostov-on-Don
2022**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **IGNATOVA T. V.**,
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **CHERKASOVA T. P.**,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Arsenieva V. A.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Dzakhova L. Kh.**, Doctor of Political Science, Professor; **Drobyshevskaya L. N.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Zolochevskaja E. Yu.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kislitsyn S. A.**, Doctor of Historic Science, Professor; **Kozlyuk N. V.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Kolyadin A. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kryukova E. M.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Milyaeva L. G.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ovcharenko R. K.**, Doctor of Sociology, Docent; **Peshkova E. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ponedelkov A. V.**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Popova E. A.**, Doctor of Political Science, Docent; **Skvortsov N. G.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Sologub V. A.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Chernova O. A.**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
<i>Ю. В. Гимазова</i> ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНКУРСОВ: РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ	11
<i>Е. И. Лазарева, А. А. Геворгян</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПРИРОДОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ «SMART TRANSPORT» В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСОМ.....	21
<i>Ю. Н. Лапыгин, М. А. Розенков</i> КОМПЕТЕНЦИИ КОМАНДЫ НА ЭТАПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ	29
<i>С. Л. Нужнова</i> ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТАХ РФ.....	35
<i>А. В. Рачипа, К. Г. Абазиева, С. И. Самыгин</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	43
<i>Р. В. Шхагошев, А. А. Бахунов</i> ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ «УМНОГО» РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ	50
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	62
<i>Ю. В. Демидченко, Т. Г. Погорелова, Н. Ю. Лебедева</i> РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ СОСТАВЛЕНИЯ РЕЦЕНЗИИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАЛОГОВОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	62
<i>К. В. Завацкая</i> АНАЛИЗ СТОИМОСТИ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	67
<i>Д. Е. Иванова, В. Е. Иванов</i> ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ НА УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	76
<i>Т. В. Игнатова, Г. В. Трофимов</i> РАЗВИТИЕ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИЙСКОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	83
<i>А. Н. Козлов</i> ЭВОЛЮЦИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	91
<i>А. В. Кокин, А. А. Кокин</i> ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТЬ: МИР, РОССИЯ, РЕГИОНЫ	98
<i>Ю.А. Мащенко, О. В. Кургузкина</i> СОЗДАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	107

А. В. Полянин, Ю. П. Соболева, Л. И. Кулакова ИННОВАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ.....	114
А. А. Сафронова, Н. В. Капустина, Н. И. Маракова ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ТНК (НА ПРИМЕРЕ ПАО «АЭРОФЛОТ»).....	128
Г. Г. Сидоренко, О. Г. Сидоренко, Д. С. Термосесов ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ: МОДЕЛЬ ДОХОДНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ АКТИВОВ (САРМ) И МОДЕЛЬ ФАМЫ-ФРЕНЧА.....	135
Л. С. Скачкова, Цзя Ицин ОБЗОР КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В КИТАЕ.....	142
Ю. Р. Туманян, М. А. Индустриев ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	152
Т. Г. Философова ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19.....	158
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	169
М. А. Аствацатурова, Л. Х. Дзахова, И. Д. Ибрагимов ГРАЖДАНСКО-ИНИЦИАТИВНАЯ МЕДИАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ.....	169
А. М. Вафин ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	175
Д. А. Ленков КОНЦЕПТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОПЫТ ЕГО АДАПТАЦИИ К РОССИЙСКИМ УСЛОВИЯМ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ.....	183
Е. А. Попова, З. С. Мартельянова ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ.....	189
С. П. Поцелуев, А. А. Гаас, А. А. Летуновский СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ КЛЮЧЕВОГО СИМВОЛА: К ТЕОРИИ АКТУАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА.....	194
А. М. Старостин ИННОВАЦИОННЫЕ ТРЕКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУКИ И НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИВНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ.....	201
Т. П. Черкасова, Д. А. Айрапетян ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	207
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	217
Осман Шахин ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ В СТРУКТУРЕ СТРЕССА НАЛОГОВЫХ РАБОТНИКОВ.....	217
Ж. В. Андриевская, С. Г. Воскобойников, Т. В. Щукина СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ УТРАТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	222
Г. В. Ганьшина, Н. Х. Гафиатулина, Я. В. Артамонова МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ	228
Е. А. Капогузов, Р. И. Чупин КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?.....	234
Л. Ш. Крупеникова, В. И. Курбатов BIG DATA: НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ	247

В. А. Жуков, Н. В. Баблюян, А. М. Лилухин, Л. П. Вардомацкая АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	252
Р. Д. Хунагов, З. А. Жаде, С. А. Ляужева ЯЗЫК КАК МАРКЕР ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ.....	259
М. М. Шахбанова ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА	265
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	272
Инань Дун ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ГЕДОНИСТИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ.....	272
Юнцзин Ши КОНКУРЕНЦИЯ И КООРДИНАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	281
Б. С. Бадмаева РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИЙ В БИЗНЕС-МОДЕЛЯХ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	289
Мэн Юйфэн «ДАТУНИЗМ» КАК ИСТОК «СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» (К АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАН ЮВЭЯ).....	295
И. А. Демешкин ОТНОШЕНИЕ К НАСЛЕДОВАНИЮ БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ.....	304
А. В. Макарова СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СУДОВ	309
С. Н. Смолянинов ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ	314
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Yulia V. Gimazova</i> FINANCING OF SOCIAL PROJECTS FUNDED BY COMPETITION: DEVELOPMENT OF METHODOLOGY AND METHODICS OF EVALUATION	11
<i>Elena I. Lazareva, Aram A. Gevorgyan</i> INNOVATIVE ECO-SAVING TECHNOLOGIES "SMART TRANSPORT" IN THE SYSTEM OF MEGAPOLIS SUSTAINABLE MANAGEMENT	21
<i>Yurii N. Lapygin, Mikhail A. Rozenkov</i> TEAM COMPETENCES AT THE STAGES OF PROJECT IMPLEMENTATION	29
<i>Svetlana L. Nuzhnova</i> EVOLUTION OF THE PUBLIC SERVICE MANAGEMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	35
<i>Andrey V. Rachipa, Kamilla G. Abazieva, Sergey I. Samygin</i> SOCIOCULTURAL BACKGROUND OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA	43
<i>Rustam V. Shkhagoshev, Astemir A. Bakhunov</i> INDICATORS FOR THE ASSESSMENT OF "SMART" DEVELOPMENT OF THE TERRITORY	50
PROBLEMS OF ECONOMICS	62
<i>Yurii V. Demidchenko, Tatiana G. Pogorelova, Natalia Yu. Lebedeva</i> DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR REVIEWING THE CONCLUSION OF A TAX FORENSIC EXAMINATION	62
<i>Kseniya V. Zavackaya</i> ANALYSIS OF THE VALUE OF THE TOURIST ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF AN UNSTABLE ECONOMY	67
<i>Daria E. Ivanova, Vyacheslav E. Ivanov</i> ASSESSMENT OF THE IMPACT OF PENSION REFORM ON THE LEVEL OF WELL-BEING OF THE POPULATION	76
<i>Tatiana V. Ignatova, Gleb V. Trofimov</i> PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS DEVELOPMENT I N RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: PROBLEMS OF ORGANIZATIONAL AND FINANCIAL SUPPORT	83
<i>Andrey N. Kozlov</i> EVOLUTION OF ECONOMIC STRUCTURES IN THE CONTEXT OF NEW SOCIAL DEVELOPMENT	91
<i>Alexander V. Kokin, Alexander A. Kokin</i> ENERGY SECURITY: WORLD, RUSSIA, REGIONS.....	98
<i>Yulia A. Mashchenko, Olga V. Kurguzkina</i> BUILDING A SUSTAINABLE MANAGEMENT SYSTEM OF THE HOUSEHOLD WASTE: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	107
<i>Andrey V. Polyinin, Yuliya P. Soboleva, Lyudmila I. Kulakova</i> INNOVATIVE RISKS IN ENTREPRENEURSHIP	114
<i>Anastasia A. Safronova, Nadezhda V. Kapustina, Natalia I. Marakova</i> TOOLS FOR ANALYZING AND MANAGING THE COMPETITIVENESS OF TNCs (USING THE EXAMPLE OF PJSC AEROFLOT).....	128
<i>Grigoriy G. Sidorenko, Oleg G. Sidorenko, Dmitriy S. Termosesov</i> STOCK MARKET PRICING: CAPITAL ASSET RETURNS MODEL (CAPM) AND FAMA-FRENCH MODEL	135
<i>Liudmila S. Skachkova, Jia Yiqing</i> OVERVIEW OF KEY INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF THE ACADEMIC INDUSTRY IN CHINA.....	142

Yurii R. Tumanyan, Maksim A. Industriev ECONOMIC RELATIONS IN THE FACE OF NON-ECONOMIC CHANGES.....	152
Tatyana G. Filosofova TRANSFORMATION OF WORLD ECONOMY ARCHITECTURE: GLOBAL VALUE CHAINS IN THE PERIOD OF COVID-19 PANDEMIA.....	158
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	169
Maya A. Astvatsaturova, Larisa Kh. Dzakhova, Ibrahim J. Ibragimov CIVIL-INITIATIVE MEDIATION IN THE COMMUNITIES OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT IN THE CONDITIONS OF MODERN GEOPOLITICAL RISKS.....	169
Arthur M. Vafin THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE IN GREAT BRITAIN	175
Dmitry A. Len'kov CIVIL SOCIETY CONCEPT AND EXPERIENCE OF ITS ADAPTATION TO RUSSIAN CONDITIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS.....	183
Ekaterina A. Popova, Zlataslava S. Martemyanova ECOSYSTEM APPROACH FOR FORMING DIGITAL POLITICAL SPACE: CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR APPLICATION	189
Sergey P. Potseluev, Alan A. Gaas,, Alexander A. Letunovsky SEMANTIC WAR IN THE SPACE OF A KEY SYMBOL: TOWARDS THE THEORY OF AN ACTUAL PHENOMENON	194
Alexander M. Starostin INNOVATIVE TRACKS OF REPRESENTATION OF SCIENCE AND SCIENCE POLICY IN THE INTERACTION OF NATIONAL INCLUSIVITY AND GLOBAL DYNAMICS	201
Tatiana P. Cherkasova, David A. Ayrapetyan POLITICAL SCIENCE ANALYSIS OF MODELS OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS IN THE MODERN WORLD.....	207
SOCIOLOGY PROBLEMS.....	217
Osman Shahin INVESTIGATION OF THE EFFECT OF ON JOB SATISFACTION OF TAX OFFICERS' STRESS STRUCTURE	217
Zhanna V. Andrievskaya, Sergey G. Voskoboynikov, Tatiana V. Shchukina CONTEMPORARY THREATS OF THE LOSS OF SOCIO-HISTORICAL MODELS OF RUSSIAN THINKING SYMBOLIC PROGRAMS AND SOCIAL BEHAVIOR IN MODERN RUSSIA	222
Galina V. Ganshina, Natalia Kh. Gafiatulina, Yana V. Artamonova MODELS OF PARENTAL BEHAVIOR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE SOCIAL HEALTH OF A YOUNG FAMILY	228
Evgeny A. Kapoguzov, Roman I. Chupin QUALITY OF LIFE AND PROTEST ACTIVITY IN RUSSIAN CITIES: IS THERE A RELATIONSHIP?.....	234
Leila Sh. Krupenikova, Vladimir I. Kurbatov BIG DATA: NEW ORGANIZATIONAL OPPORTUNITIES AND SOCIAL RISKS.....	247
Vladimir A. Zhukov, Natalia V. Babloyan, Andrey M. Lilyukhin, Lyudmila P. Vardomatskaya ADDICTIVE BEHAVIOR AS PART OF SOCIAL BEHAVIOR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS.....	252
Rashid D. Khunagov, Zurieta A. Zhade, Svetlana A. Lyausheva LANGUAGE AS A MARKER OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY IN THE REPUBLIC OF ADYGEA	259
Madina M. Shakhbanova LANGUAGE INSTRUCTIONS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN	265

YOUNG SCIENTISTS	272
<i>Yinan Dong</i>	
VALUING THE ECOLOGICAL QUALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT USING HEDONIC PRICING METHOD.....	272
<i>Yongjing Shi</i>	
COMPETITION AND COORDINATION OF CHINA'S REGIONAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY	281
<i>Bayrta S. Badmaeva</i>	
DEVELOPMENT OF BUSINESS MODEL INNOVATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY	289
<i>Meng Yufeng</i>	
«DATONGISM» AS THE SOURCE OF «SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS» (SOME TOPICAL ASPECTS OF KANG YOUWEI'S POLITICAL THEORY)	295
<i>Ilya A. Demeshkin</i>	
ATTITUDE TO BUSINESS HERITAGE IN ENTREPRENEURIAL FAMILIES.....	304
<i>Anastasia V. Makarova</i>	
SOCIOLOGICAL RESEARCH AS AN INSTRUMENT OF INVESTIGATION OF PUBLIC OPINION ON COURT'S WORK EFFICIENCY	309
<i>Sergey N. Smolyaninov</i>	
POSSIBILITIES OF SOCIOLOGICAL METHODOLOGY IN DESIGNING A MODEL OF EFFECTIVE INTERACTION OF FAMILY AND SCHOOL	314
 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES.....	 319

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 11-20
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):11-20

Проблемы управления

Научная статья

УДК 321.022

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-11-20

ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНКУРСОВ: РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ

Юлия Владимировна Гимазова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, gimazova-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

Аннотация. Статья посвящена значимой теме развития методологии и методики оценки социальных проектов, победителей конкурсов социальных грантов. На основе критического анализа существующих методологических подходов представлен комплекс рекомендаций по обоснованию критериев и организации процесса оценки социальных проектов – победителей конкурсов. Используются метод анализа научной литературы, включенное наблюдение. Результаты исследования: сформулированы рекомендации, касающиеся: возможностей учета как позитивного, так и неудачного опыта социального проектирования в процессе масштабирования практик менеджмента социальных проектов; приоритизации критериев оценки социальных проектов в зависимости от их типов; взаимосвязи мониторинга и контроля в процессе оценки социальных проектов; алгоритмизации механизма оценки на различных стадиях жизненного цикла проектов. В результате, предложена архитектура базы данных оценки социальных проектов – победителей тематических конкурсов.

Ключевые слова: социальные проекты, конкурсы социальных грантов, негосударственные некоммерческие организации, мониторинг, жизненный цикл проекта

Для цитирования: Гимазова Ю. В. Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методологии и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 11-20. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-11-20>

Problems of Management

Original article

FINANCING OF SOCIAL PROJECTS FUNDED BY COMPETITION: DEVELOPMENT OF METHODOLOGY AND METHODICS OF EVALUATION

Yulia V. Gimazova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, gimazova-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

Abstract. The article is devoted to a significant topic of development of methodology and methodics of evaluation of social projects, winners of competitions of social grants. The purpose of the article: based on a critical analysis of existing methodological approaches, to submit a set of recommendations on the justification of criteria and the organization of the process of evaluating social projects – winners of competitions. The methods of analysis of scientific literature and included observation are used. The results of the study are: recommendations of taking into account both positive and unsuccessful experience of social design in the process of scaling up social project management practices; prioritizing criteria for the evaluation of social projects according to their types; monitoring and control linkages in social project evaluation; algorithm of evaluation at different stages of the project life cycle. As a result, the architecture of the database of evaluation of social projects - winners of thematic competitions is proposed.

Keywords: social projects, competitions of social grants, non-governmental non-profit organizations, monitoring, project life cycle

For citation: Gimazova Yu. V. Financing of social projects funded by competition: development of methodology and methodics of evaluation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):11-20. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-11-20>.

1. Актуальность, цель и задачи исследования

В контексте стремительного развития в современной России сектора негосударственных некоммерческих организаций (далее: НКО) – поставщиков социальных услуг, актуальность тематики оценки социальных проектов все возрастает по следующим причинам.

Во-первых, несмотря на обилие конференций, научных семинаров, тренингов по проблематике оценки в социальной сфере, самими представителями российского экспертного сообщества отмечается отсутствие «каких-то фундаментальных концептов методологии оценки социальных проектов» [1, с. 25], что не может не отразиться на практике оценивания.

Во-вторых, проблематика важности оценки социальных программ и проектов озвучена сегодня на государственно-политическом уровне в России. Это нашло отражение в федеральных законах, регулирующих вопросы оценочной деятельности в Российской Федерации¹, ведомственной и независимой оценки качества оказания услуг в сферах культуры, социального обслуживания, здравоохранения и образования², а также деятельности оценки организаций – поставщиков социальных услуг³.

В-третьих, реализация проектов, выигравших в различных конкурсах, требует от их авторов (большинство из которых – НКО) соответствующих знаний, навыков, умений в области планирования деятельности, фандрайзинга, управления проектом и мониторинга его исполнения, поиска нематериальных ресурсов, взаимодействия с государственными и муниципальными структурами и т.д. Так, в 2020 году только из Фонда президентских грантов – крупнейшего грантодателя России – впервые получили гранты 10063 НКО⁴. Вот почему для этих и иных некоммерческих организаций эффективное и результативное расходование средств благотворителей является, как правило, малознакомым «искусством возможного». Сотрудники таких НКО нуждаются в информации, наглядно, доступно и объективно освещающей элементы практик реализации грантовых проектов.

В-четвертых, популярный в настоящее время подход к выявлению и анализу исключительно лучших («успешных», «умных») практик реализации социальных проектов [2] представляется недостаточно валидным, поскольку не учитывает неудачного опыта разработки и реализации социальных проектов, следовательно, не предоставляет НКО шансов «учиться на чужих ошибках». С этих позиций, крайне востребован многоаспектный, объективизированный, непредвзятый внешний анализ разнообразных практик процесса и результатов социального проектирования НКО, с выявлением условий, перспектив и рисков реализации проекта, способами минимизации и управления такими рисками.

В-пятых, по мнению экспертов и практиков, возрастает потребность изучения и оценивания не только проектных заявок НКО и результатов их выполнения на основании отчетности исполнителей, но и, в первую очередь, процесса реализации социальных проектов, оценки их итогов, влияния и последствий⁵. Ряд благотворительных фондов рекомендует закладывать в заявке социального проекта расходы на мониторинг в процессе его реализации, в размере приблизительно 5% от планируемых расходов. Однако, данная рекомендация ни в одном правовом акте не закреплена и потому необязательна. В итоге в большинстве случаев сегодня, при недостаточности и фрагментарности соответствующей информации, процесс реализации НКО заявок остается «тайной за семью печатями», как для грантодателя, так и для экспертов.

В-шестых, на современном этапе развития социального проектирования в России трудно говорить о наличии прямой положительной корреляции между качеством заявок НКО, результатами конкурса и качеством реализации этих заявок. Иными словами, объективно высокий уровень заявки подчас не означает высокой вероятности ее поддержки. И встречаются ситуации, когда, казалось бы, отлично написанный проект на проверку оказывается неудачно реализованным –

¹Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N 135-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 N 274-ФЗ).

²Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» от 21.07.2014 N 256-ФЗ.

³Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ (в ред. от 07.03.2018 г.).

⁴ Годовой отчет Фонда президентских грантов за 2020 г. <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/open-data> (дата обращения: 04.03.2022 г.)

⁵ Запись вебинара «Оценивание результатов деятельности в социальной сфере». <http://xn--c1ackabuhcbecyrh.xn--p1ai/conferences/materials/8> (дата обращения: 04.03.2022)

в силу самых различных причин объективного и субъективного свойства. В то же время, некачественно составленная заявка может быть поддержана грантодателем, а затем, как ни странно, получивший финансирование проект может быть успешно, эффективно и результативно выполнен. Тем не менее, развитие культуры социального проектирования предполагает обеспечение понимания всеми субъектами данного процесса важности взаимосвязи между качеством заявки, качеством процесса и устойчивостью результатов реализации проекта. Поэтому крайне востребованы исследования, в которых качество текста заявки соотнесено с качеством выполнения проекта, оценкой устойчивости его результатов, а также постановка задач подготовки соответствующих кадров – на исполнительском, экспертном и методическом уровнях.

В данной статье предпринимается попытка внести вклад в развитие тематики оценки социальных проектов путем обоснования и предложения авторских рекомендаций по развитию методологии оценки проектов НКО – победителей конкурсов грантодателей.

Задачи исследования:

- выявить «узкие места» существующей методологии оценки социальных проектов – победителей социальных конкурсов;
- обосновать авторские рекомендации по развитию методологии и алгоритмизации оценки проектов, выигравших конкурсы социальных грантов, в аспектах выбора критериев и организации процесса оценивания.

В решении этих задач заинтересованы различные участники агенты социального проектирования, такие как:

1. НКО, которые регулярно участвуют в конкурсах государственных и негосударственных фондов – грантодателей и стремятся не просто освоить полученные средства, но и развить свои компетенции эффективного, результативного, креативного, гибкого социального проектирования и управления проектами, а также осуществить самооценку процесса и результатов своей деятельности.

2. Ресурсные центры, функциями которых является консультативная, организационно-правовая, информационно-аналитическая и иная помощь НКО, в т.ч. получивших поддержку грантодателей.

3. Государственные и частные благотворительные фонды, руководство и эксперты которого нуждаются в получении «обратной связи» от НКО – грантополучателей по вопросам успехов, трудностей и барьеров, возникающих в процессе реализации социальных проектов.

4. Независимые эксперты, которые проводят мониторинг и оценку социального проектирования НКО, получивших грант, и нуждаются в методическом обеспечении своей деятельности.

5. Эксперты, аналитики, должностные лица, иные субъекты, участвующие в процессе исследования, формирования и реализации государственной политики в области совершенствования механизма социального проектирования НКО, преодоления барьеров развития «третьего сектора».

2. Методы исследования

В процессе работы над проблематикой исследования, автором использовались научные методы, такие как:

- анализ современной специальной литературы и источников по вопросам социального проектирования;
- использование в рамках изучаемой проблематики концепций жизненного цикла социальных проектов, мониторинга и контроля;
- включенное наблюдение (участие автора в обучающем проекте Национальной ассоциации благотворительных организаций «Укрепление и развитие экспертно-аналитического потенциала социально ориентированных НКО в России», профинансированного Фондом президентских грантов в 2017– 2018 гг.; мониторинг автором процесса и результатов реализации проектов, поддержанных несколькими благотворительными негосударственными фондами в 2019 – 2021 гг.).

3. Методология анализа и оценки социальных проектов НКО – победителей конкурсов грантодателей

Оценка социальных проектов стала объектом научного интереса, начиная с середины XX в., что можно объяснить следующими обстоятельствами.

С одной стороны, именно в это время в США и ряде стран Западной Европы активно развивались негосударственные некоммерческие организации (далее: НКО), оказывающие населению

разнообразные социальные услуги; при этом, данные услуги предоставляются порой более гибко, клиентоориентированно и качественно, чем это делают организации государственного сектора. Сторонниками концепции «New Public Management» современное государство рассматривалось как «гипермаркет», где государственные и негосударственные агенты производят и продвигают различного рода социальные услуги, а потребитель оценивает их качество [3]. Таким образом, оценка социальных услуг стала одним из наиболее перспективных направлений теории социального обслуживания, методологии развития государственного управления и третьего сектора в условиях постиндустриальной экономики.

С другой стороны, начиная с 1960-х гг., бурное развитие получило проектное управление, сначала в частном, затем и в государственном секторе экономики. Проектное управление как комплексная менеджмент-технология выгодно отличается от т.н. процессуального управления маневренностью, гибкостью, улучшенной координацией между исполнителями. Все эти преимущества достигаются за счет внедрения методик оперативного контроля, предполагающего активизацию оценочной деятельности. Соответственно, оценка проектов приобрела архиважное значение для развития теории и технологий менеджмента.

В конце XX – начале XXI вв. активно шло приращение научного знания в области социального проектирования. При этом, расширилась сфера и масштабы оценочной деятельности: из «рабочего» инструмента контроля грантодателя за реализацией проекта оценка стала направлением и формой сотрудничества сообщества индивидов и организаций, желающих максимизировать социальные результаты своей деятельности.

В России с 2000-х гг. стали возникать и развиваться экспертные сообщества оценки социальных проектов и программ. Большинство идей, методик и технологий оценки социальных проектов было перенесено в Россию с Запада, во многом благодаря деятельности зарубежных благотворительных фондов. Неслучайно поэтому, что первые отечественные тематические работы по оцениванию были преимущественно переводными [4]. Вместе с тем, адаптация этих методик и технологий к российской практике способствовала появлению оригинальных отечественных исследований. В 2000-х гг. появляются работы по осмыслению международного опыта оценивания в государственном управлении [5]; критическому анализу теории оценки социальных программ и политик [6]; изучению отечественных практик оценки социальных программ в контексте российской административной реформы [7].

Серьезным стимулом для развития методологии оценки социальных проектов послужил 2015 год, который был объявлен ООН Международным годом оценки.

Начиная с 2015 года, работы отечественных специалистов посвящаются не столько вопросам методологии анализа и оценки программ, сколько изучению прикладных аспектов оценивания, применительно к современному государственному управлению и специфике развития некоммерческого сектора в России. Так, в рамках Ассоциации специалистов по оценке программ и политик, действующей в России с 2015 г., были изданы работы, посвященные проблемам выбора и обоснования критериев и целевых значений [8], анализу кейсов в социальном проектировании [9], мониторингу в системе социального проектирования [10].

Современная методология оценки социальных проектов, объединяя в себе достижения теории социального обслуживания и проектного менеджмента, пытается ответить на три взаимосвязанных вопроса: каково содержание критериев и направлений оценки социальных проектов; кто и как устанавливает и изменяет эти критерии; каким образом организован процесс оценивания.

Эволюция содержательного аспекта оценивания социальных проектов происходила в контексте трансформации концепций государственного управления (рациональное государственное управление В. Вильсона, «new public management», «good governance») и моделей социального государства (скандинавская, советская, либеральная), развития идей о межсекторном социальном партнерстве. Хронологические первые концепции оценивания (1950-е – 1960-е гг.) выдвигают критерии эффективности и результативности в качестве ключевых ориентиров успешного социального проекта или государственной социально ориентированной программы [11]. В более поздних исследованиях (начиная с 1970-х гг.) аргументирована значимость критериев профессионализма субъекта социального проектирования, таких как: гибкость, экономичность, навыки управлять рисками проекта, способность генерировать и выбирать оптимальную альтернативу из числа допустимых [12].

Наконец, в отдельную группу исследований можно включить работы, авторы которых учитывают необходимость оценки влияния проекта на состояние и развитие социальной сферы, целевых групп, стейкхолдеров проекта [13]. Вместе с тем, проблематика критериев оценивания

и их совокупности остается одной из наиболее дискуссионных, в аспектах оценивания качественных, неэкономических параметров. Неслучайно один из основателей концепции оценивания в социальной сфере Д. Форбс заметил, что оценка социальных эффектов представляет собой попытку «измерения неизмеримого», тем самым указав на существенные трудности измерения социальных эффектов, результатов, последствий на обширном эмпирическом опыте деятельности социально ориентированных организаций [14, р. 27]. Принципиально соглашаясь с такой позицией, в качестве возможного выхода из такого «методологического тупика» можно предложить метод приоритизации (ранжирования) критериев оценивания социальных проектов в зависимости от вида проекта (краткосрочный, среднесрочный или долгосрочный; обычный, расширенный или инновационный) и субъекта его разработки / исполнения (государство или частная организация).

Наработанный автором опыт позволяет выявить закономерности приоритизации критериев оценки социальных проектов в зависимости от их типов и разработчиков. Так, краткосрочные проекты (например, организация тематической акции) нецелесообразно оценивать с позиции их влияния. Обычные и расширенные социальные проекты, вне зависимости от субъекта проектирования и исполнителя, должны оцениваться, в первую очередь, с позиций экономической эффективности и социальной результативности. Наконец, качество менеджмента должно быть объектом оценки всех социальных проектов, но, в первую очередь, проектов инновационных; при этом следует учитывать, что органы государственного и муниципального управления, а также бюджетные организации, имеют гораздо меньше возможностей при принятии решений в области «гибкого» управления проектом, нежели чем негосударственные организации.

Все больше публикаций появляется по вопросам институционального дизайна социального проектирования. Развивая положение о том, что социальные проекты должны отвечать стандартам социального обслуживания, дифференцированным по сферам деятельности, исследователи по-разному отвечают на вопрос о том, кто, как и каким путем должен устанавливать эти стандарты. В специальной литературе сложились три модели стандартизации качества, известные в специальной литературе как рыночная, государственная и гибридная. Применительно к институционализации оценки социальных проектов, гибридная модель представляется наиболее перспективной, поскольку предусматривает сочетание государственного регулирования и рыночной конкуренции. В соответствии с данной моделью:

- государство устанавливает стандарты качества социальных услуг по отдельным их видам и контролирует соблюдение этих стандартов;
- НКО соглашаются выполнять эти стандарты;
- действуют механизмы партнерства государства и НКО по вопросам стимулирования развития качества и стандартизации социальных услуг.

По вопросу содержания процесса установления и изменения стандартов социального проектирования консолидированного экспертного мнения не сложилось. В настоящее время преобладает т.н. доказательный подход (*evidence-based programs and practices*), в соответствии с которым удачной (а значит, подлежащей формализации и стандартизации) практикой является та, успешность которой доказана посредством измерения уровня и степени удовлетворенности целевых групп и стейкхолдеров результатами проекта. Такой подход, несомненно, способствует постоянной ревизии методологии, критериев, технологий оценки социальных проектов. Вместе с тем, излишняя увлеченность идеей доказательности может привести к снижению эффективности оценивания, неучету наработанных ранее принципов и методик оценки социальных проектов, а также потере интереса исследователей и экспертов к неудачному опыту социального проектирования. Между тем, анализ неудачных практик социального проектирования представляется не менее важным, чем изучение удачного опыта, поскольку это позволяет выявить возможные «подводные камни» и проблемы на всех этапах жизненного цикла социального проектирования, разработать рекомендации по управлению рисками в данной сфере.

Изложенное дает основание для интенсификации дальнейшего поиска на вопросы методологического обеспечения оценки социальных проектов, в аспекте выбора и ранжирования критериев оценки проектов в зависимости от их типов; обеспечения взаимосвязи мониторинга и контроля в процессе оценки социальных проектов; учету как удачного, так и неудачного опыта социального проектирования в процессе оценивания.

4. Принципы и алгоритм исследования и оценки социальных проектов

Предлагаемая концепция исследования и оценки социальных проектов НКО базируется на принципах, совокупность которых определяет ее вклад в изучение проблемы оценивания деятельности НКО.

К числу этих принципов можно отнести:

1. Дистанцирование от популярного сегодня подхода формализации лучших (успешных, эффективных, удачных) практик. Сегодня сами разработчики и сторонники такого подхода отмечают множество рисков, снижающих его практическую валидность в социально-политической или экономической сфере [10, с. 3552]. Действительно, для успешного внедрения определенной социальной практики требуются воспроизведение т.н. «сходных условий», что возможно только для некоторых химических или физических экспериментов. К тому же, отдельным и весьма дискуссионным вопросом методологии социального проектирования является выбор концепции, критериев оценки социальных проектов, способов мониторинга и контроля [15]. Вот почему, представляется целесообразным анализировать и учитывать весь доступный исследователю (а не только удачный) опыт социального проектирования. Это поможет выявить и охарактеризовать факторы и практики неудач в социальном проектировании, а значит, осуществить некую профилактику рисков, возникающих при формировании, реализации и оценке социальных проектов.

2. Доступность методологии и методики анализа практик социального проектирования для всех, интересующихся проблематикой реализации социальных проектов. Разумеется, развитие методологии оценивания предполагает использование комплексного научного инструментария. Однако, с позиции практики социального проектирования, не следует «перегружать» разработчиков социальных проектов сложными и «избыточными» для восприятия и применения аналитическими инструментами и методами. Наиболее пригодными для развития методик и технологий оценки социального проектирования представляется индуктивный подход, предполагающий изучение и, по возможности, формализацию «полевых», эмпирических находок.

3. Поисковый характер изучения практик НКО в сфере реализации социальных проектов, в соответствии с которым изучению подлежат все практики, попавшие в фокус исследования.

4. Взаимосвязь мониторинга и контроля как комплексных методов оценки социального проекта на этапах разработки, реализации и завершения социального проекта. Мониторинг проекта должен проводиться независимым наблюдателем на этапе реализации проекта (желательно, в середине его реализации), на предмет соответствия целей и задач, закрепленных в проектной заявке, реально достигаемым результатам в процессе исполнения проекта. Это поможет субъекту итогового контроля реализации проекта (обычно в данной роли выступает грантодатель) более объективно подойти к оцениванию, узнать все реальные проблемы исполнителя проекта и, соответственно, принять более взвешенные решения в будущем при определении победителей конкурса.

5. Изучение практик социального проектирования производится на основе совокупности критериев, значимых для основных этапов жизненного цикла социального проекта: «заявка проекта» – «исполнение проекта». Это позволит дать соотносительную оценку «намерений» и «действий» субъекта социального проектирования, исследовать социальный проект с позиции «задачи» – «действия» – «результаты». А следовательно, грантодатель получит объективную оценку относительно эффективности, результативности и полезности вложенных в проект средств.

6. Высокая степень структурированности и многокритериальности информации о практиках социального проектирования, наличие схем и алгоритмов, позволяющих быстро найти релевантную информацию о методах и направлениях оценки социального проекта на этапах его формирования и исполнения.

7. Соблюдение этики при обработке, интерпретации и публикации данных о практиках социального проектирования. Результаты исследования каждой практики (либо ее фрагмента) должны предаваться огласке только после предварительного получения согласия автора практики на идентифицирующую авторство информацию.

«Заземляя» предложенные принципы, предлагается нижеследующий алгоритм анализа практик социального проектирования.

Каждая практика социального проектирования анализируется на следующих этапах жизненного цикла проекта:

1) Текст заявки проекта.

2) Реализация проекта.

Анализ осуществляется исходя из совокупности критериев, значимых для каждого из указанных этапов жизненного цикла проекта.

Цель анализа текстов заявок социальных проектов состоит в том, чтобы выявить и изучить успехи и ошибки НКО, выигравших конкурсы фондов – грантодателей, на стадии составления заявок, а также определить факторы, способствующие или препятствующие победе или поражению хорошо или неудачно составленных заявок.

Метод: анализ и оценка текстов заявок, поддержанных грантодателем, с позиций методологии и логики планирования проекта.

Осмысливая актуальное научно-экспертное знание и собственный опыт по вопросам оценки конкурсных заявок социальных проектов [16], можно предложить следующую совокупность критериев оценки качества текста заявки социального проекта:

- соответствие целей, задач, средств и технологий, указанных в тексте проекта, заявленной тематике;
- логичность структуры проекта;
- ожидаемая удовлетворенность целевых групп результатами проекта, обозначенными в заявке;
- обеспеченность заявленных мероприятий проекта ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.);
- прогностичность заявки (учет рисков проекта и вероятности их наступления);
- привлечение дополнительных ресурсов;
- организация реализации проекта;
- сбалансированность, логичность, обоснованность бюджета заявки.

В процессе анализа заявок могут быть сформулированы дополнительные критерии, значимые в аспекте развития культуры социального проектирования, в зависимости от спектра задач субъекта оценивания.

Ожидаемые результаты анализа текста заявок:

- классификация существующего массива проектных заявок на «хорошо составленные» и «плохо составленные» с позиции методологии и логики социального проектирования, с соответствующими рекомендациями для СО НКО – составителей проектов;
- выявление и классификация факторов, способствующих/препятствующих составлению качественных заявок СО НКО, с возможным определением их влияния на результат – победу в конкурсе. К таковым факторам можно отнести: опыт СО НКО, возраст НКО, состав команды проекта, связи и авторитет НКО; актуальность и востребованность темы проектирования, инновационность подхода НКО к решению проблемы, лояльность НКО и т.д.
- выявление и осмысление «особенных» фрагментов практик составления заявок.

Цель анализа **реализации социального проекта** состоит в том, чтобы выявить и изучить более удачные и менее удачные действия по выполнению проектов СО НКО, победивших в конкурсах грантов, а также определить факторы, влияющие на процесс и результат реализации этих проектов.

Метод: анализ и оценка процесса и результатов реализации СО НКО социальных проектов, поддержанных грантодателем, с позиций методологии и логики реализации социального проекта и оценки его результатов.

Процесс и результаты реализации проекта анализируются на основе следующей совокупности критериев:

- результативность (достижение запланированных результатов);
- чувствительность и гибкость в управлении проектом в условиях неопределенности и различных факторов риска;
- эффективность (способность достигать запланированных результатов с наименьшими затратами ресурсов проекта, а также за счёт привлечения дополнительных внешних и вскрытия и применения внутренних ресурсов);
- синергетичность (способность получать положительные результаты, существенно и качественно изменяющие его результативность);

- инновационность («изобретение» новых социальных технологий или применение известных технологий на новом объекте, в новых условиях);
- вклад в развитие сетевого НКО – сообщества в ходе реализации проекта, создание (возникновение) новых сетевых объединений;
- развитие компетенций социального проектирования у команды проекта, у других заинтересованных лиц, вовлеченных в проект (стейкхолдеров);
- устойчивость результатов проекта (по времени либо по силе, результативности, другим эффектам длящегося действия).

В ходе анализа процесса и результатов реализации проектов могут быть сформулированы дополнительные критерии, значимые в аспекте развития культуры и инновационности социального проектирования.

В результате реализации изложенного алгоритма может сформироваться своего рода база данных анализа и оценки социальных проектов – победителей конкурсов социальных грантов.

Данная база данных ориентирована на реализацию следующих задач:

- классификация существующего массива реализованных проектов на «хорошо реализованные» и «плохо реализованные» с позиции методологии и логики социального проектирования, с соответствующими рекомендациями для НКО-исполнителей;
- выявление и классификация факторов, способствующих / препятствующих успешной реализации проектов СО НКО, с возможным определением их влияния на результат (умение НКО управлять в ситуации неопределенности и риска, умение гибко перестраиваться в процессе исполнения, срабатываемость команды НКО в процессе реализации проекта и т.д.)
- выявление и осмысление нетипичных фрагментов практик реализации социальных проектов;
- прояснение для пользователей терминов «качество заявки», «качество процесса реализации проекта» и «устойчивость результатов социального проекта» на конкретных примерах, аргументация необходимости обеспечения взаимосвязи этих категорий в процессе социального проектирования;
- помощь пользователям при осмыслении на конкретных примерах проблематики «балансирования» НКО между заявленным уровнем социального проекта и фактически достигнутыми результатами его исполнения, выявление возможностей, рисков и противоречий, возникающих у исполнителя гранта (договора гранта) в процессе реализации социального проекта.

Структурно предлагаемая база данных построена таким образом, чтобы позволить пользователю знакомиться с описанием практик социального проектирования СО НКО по четырем блокам социальных проектов:

- 1) «хорошо составленные» – «хорошо реализованные» проекты;
- 2) «хорошо составленные» – «плохо реализованные» проекты;
- 3) «плохо составленные» – «хорошо реализованные» проекты;
- 4) «плохо составленные» – «плохо реализованные» проекты.

По каждому блоку проектов выявлены факторы, которые влияют на качество составления заявки и качество реализации проекта; определены типичные и нетипичные успехи / ошибки НКО – составителей и исполнителей проекта, представлены рекомендации по повышению уровня и качества социального проектирования для НКО, которые стремятся развить свои компетенции в данной сфере.

Предлагаемая база данных вполне универсальна и потому может пополняться новыми практиками в области социального проектирования.

5. Выводы и результаты исследования

Таким образом, в данной статье аргументирована необходимость обязательного независимого мониторинга процесса социального проектирования НКО для получения грантодателями объективной информации о результативности и эффективности расходования средств фонда, развития экспертно-аналитического потенциала НКО.

Обоснован вывод о том, что на современном этапе развития практики социального проектирования в России, необходимо создать условия для обеспечения более тесной и прямой зависимости между объективным качеством заявки, вероятностью ее поддержки грантодателем и успешностью ее реализации. Иными словами, если заявка сформирована методологически и логически качественно (хорошо), она должна иметь больше шансов быть поддержанной

грантодателем и иметь больше шансов быть успешно реализованной. Выявлены и охарактеризованы факторы, способствующие / препятствующие усилению обозначенной зависимости.

Наконец, предложены методология, алгоритм и архитектура базы данных анализа и оценки социальных проектов НКО-победителей конкурсов различных фондов. Среди ожидаемых результатов применения предлагаемого инструментария:

1. Системный и систематизированный взгляд на пространство социального проектирования в стране.

2. Формирование многокритериальной базы знаний – спектра описаний практик по признакам:

- успешности-неуспешности (4 названных в тексте ракурса);
- профильности и многопрофильности проектов;
- территориальной, географической, этнокультурной и др. специфики;
- масштабности (федеральный, региональный, местный);
- источников финансирования (гранты-субсидии, отечественное-зарубежное-иностранное-международное);

- стадий проектного цикла (исследование потребностей, экспертиза текста, мониторинг реализации, оценка результата, измерение влияния и устойчивости).

3. Индуктивное обоснование необходимости развития сферы социального проектирования как одного из приоритетов реализации гражданских инициатив, повышения качества деятельности НКО.

4. «Чувствительное» восприятие деятельности экспертов и экспертного сообщества, определение резервов для повышения качества независимой экспертизы, мониторинга и оценки социальных проектов.

Список источников

1. Гимазова Ю. В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 24-36.
2. Социально ориентированные НКО: лучшие практики / Практическое пособие. – М.: Агентство социальной информации, 2011. 224 с.
3. Игнатова Т. В. Интеграция «нового государственного менеджмента» в концепцию российской административной реформы // Экономический вестник Южного федерального округа. 2006. № 3. С. 94 – 100.
4. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт / А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 54 с.
5. Маршаков В. А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы // Оценивание программ и политик: методология и применение. Сборник материалов. Вып. 1. М., 2006. С. 182-209.
6. Оценка программ: методология и практика / Под ред. А. И. Кузьмина, Р. О' Салливан, Н. А. Кошелевой. М.: Престо-РК, 2009. 396 с.
7. Автономов А.С., Маловичко И.С., Хананашвили Н.Л. Методика и практика обучения мониторингу социальных проектов. Учебно-методическое пособие/ Под общей редакцией А.С. Автономова. М.: Национальная Ассоциация благотворительных организаций (НАБО), 2018. 240 с.
8. Маршаков В. А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы // Оценивание программ и политик: методология и применение. Сборник материалов. Вып. 1. М., 2006. С. 182-209.
9. Балакириев В.П. Оценка влияния корпоративных социальных программ в России: ситуация, постановка задачи. М.: Компания Процесс Консалтинг, 2018. 150 с.
10. Никитин А.С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 22. С. 3539-3554.
11. Alkin M. & Ellett F. Evaluation models and their development. In T. Husén & T. N. Postlethwaite (Eds.), International encyclopedia of education: Research and studies. Oxford, England: Pergamon Press, 1985. 580 p.
12. Alkin M., Christie C. & Stephen N. Choosing an Evaluation Theory: A Supplement to Evaluation Roots (3rd Edition). – Evaluation roots (3rd ed.). Guildford Press. Journal of MultiDisciplinary Evaluation. 2021. Vol. 17, Issue 41. Pp. 51 – 60.

13. Социальный проект: разработка, реализация, оценка, практики: Сборник материалов / Под ред. Т. А. Артеменковой, И. А. Прихожан. Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2018. 228 с.
14. Forbes D. Measuring the Unmeasurable: Empirical Studies of Nonprofit Organization Effectiveness from 1977 to 1997 // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1998. Vol. 27. № 2. Pp. 13 – 27.
15. Мусабаева Д.А. Оценка результативности социальных проектов некоммерческого сектора: методологические и практические проблемы // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 8 (126). С. 26-29.
16. Социальный проект: разработка, реализация, оценка, практики: Сборник материалов / Под ред. Т.А. Артеменковой, И.А. Прихожан. Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2018. 228 с.

References

1. Gimazova Yu.V. Development of the methodology for evaluating projects of socially oriented non-profit organizations *Social'no-politicheskie issledovaniya=Socio-political studies*. 2021; 3 (12): 24–36. (In Russ.)
2. *Socially oriented NGOs: best practices*. Practical guide. Moscow: Agency for Social Information, 2011; 224 p. (In Russ.)
3. Ignatova T. V. Integration of "new state management" into the concept of Russian administrative reform. *E'konomicheskij vestnik Yuzhnogo federal'nogo okruga = Southern Federal District Economic Bulletin*, 2006; (3):94–100. (In Russ.)
4. *Performance Measurement and Evaluation in Public Administration: International Experience*. A. N. Belyaev, E. S. Kuzneczova, M. V. Smirnova, D. B. Cygankov. Moscow Ed. House GU HSE = State University Graduate School of Economics; 2005. 54 p. (In Russ.)
5. Marshakov V. A. *Evaluating policies and measuring performance: world experience and Russian prospects* *Evaluation of programs and policies: methodology and application*. Collection of materials. Moscow, 2006; (1): 182–209. (In Russ.)
6. *Program Evaluation: Methodology and Practice*. Edited by A. I. Kuz'min, R. O' Sallivan, N. A. Kosheleva. Moscow: Presto-RK, 2009. 396 p. (In Russ.)
7. Avtonomov A. S., Malovichko I. S., Xananashvili N. L. *Methodology and practice of training in monitoring social projects. Teaching manual*. Edited by A. S. Avtonomov. Moscow: Nacional'naya Associaciya blagotvoritel'ny'x organizacij (NABO) = National Association of Charities, 2018. 240 p. (In Russ.)
8. Marshakov V. A. *Evaluating policies and measuring performance: world experience and Russian prospects*. *Evaluation of programs and policies: methodology and application*. Collection of materials. Moscow, 2006; (1): 182–209. (In Russ.)
9. Balakiriev V. P. *Assessment of the impact of corporate social programs in Russia: situation, task setting*. Moscow: Kompaniya Process Konsalting = Company Process Consulting, 2018. 150 p. (In Russ.)
10. Nikitin A. S. Scaling of successful practices of regional management teams in Russian municipalities. *Rossijskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*, 2017; (22): 3539-3554. (In Russ.)
11. Alkin M. & Ellett F. Evaluation models and their development. In T. Husén & T. N. Postlethwaite (Eds.), *International encyclopedia of education: Research and studies*. Oxford, England: Pergamon Press, 1985. 580 p.
12. Alkin M., Christie C. & Stephen N. Choosing an Evaluation Theory: A Supplement to Evaluation Roots (3rd Edition). – *Evaluation roots* (3rd ed.). Guildford Press. *Journal of MultiDisciplinary Evaluation*. 2021. Vol. 17, Issue 41. Pp. 51–60.
13. Social project: development, implementation, evaluation, practices: Collection of materials. Edited by T. A. Artemenkova, I. A. Prihozhan. Volgograd: Publishing House of RA Fortress LLC, 2018; 228 p. (In Russ.)
14. Forbes D. Measuring the Unmeasurable: Empirical Studies of Nonprofit Organization Effectiveness from 1977 to 1997. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1998; 27(2):13–27.
15. Musabaeva D.A. Evaluation of the effectiveness of social projects of the non-profit sector: methodological and practical problems. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya=Theory and practice of social development*. 2018; 8 (126):26-29. (In Russ.)
16. *Social project: development, implementation, evaluation, practices*: Collection of materials. Edited by T.A. Artemenkova, I.A. Prihozhan. Volgograd: Publishing House of RA Fortress LLC, 2018. 228 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. В. Гимазова – канд. полит. наук, доц., начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры РАНХиГС.

Information about the author

Yu. V. Gimazova – Candidate of Politic Science, Docent, Head of the Department for the Organization of Dissertation Defense of the Department of Postgraduate and Doctoral Studies of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 16.04.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 16.04.2022.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРИРОДОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ «SMART TRANSPORT» В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕГАПОЛИСОМ

Елена Иосифовна Лазарева¹, Арам Араевич Геворгян²

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²gevorgianaram@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9367-3738>

Аннотация. Актуальность исследования определяется возрастающей значимостью в условиях глобального ухудшения экологической ситуации энергоэффективности управленческих решений субъектов современной экономики мегаполиса, приоритеты которой все в большей мере смещаются в направлении человека и обеспечения природосберегающих условий его жизнедеятельности. Решение данной проблемы в значительной степени зависит от интенсивности внедрения в систему устойчивого управления городскими системами инновационных природосберегающих технологий «smart transport», в том числе, от политики поддержки индустрии электромобилей. Цель исследования – обоснование на основе зарубежного опыта актуальности и ряда стратегических мер, способствующих повышению темпов электромобилизации транспортных систем российских мегаполисов путем создания экономических условий для преодоления выявленных проблем. В статье детально обоснованы рекомендации по формированию стратегии развития процесса электромобилизации в российских городах. Продемонстрировано, что интенсификация процессов электромобилизации, внедрение в практику городского менеджмента способствующих этому инструментов приведут к повышению уровня эколого-экономической эффективности транспортной системы, и, как следствие, к повышению качества жизни в российских мегаполисах.

Ключевые слова: инновационные природосберегающие технологии «smart transport», smart city, природный капитал, экологически устойчивое управление мегаполисом, электромобилизация

Для цитирования: Лазарева И. И., Геворгян А. А. Инновационные природосберегающие технологии «smart transport» в системе устойчивого управления мегаполисом // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-21-28>

Problems of Management

Original article

INNOVATIVE ECO-SAVING TECHNOLOGIES "SMART TRANSPORT" IN THE SYSTEM OF MEGAPOLIS SUSTAINABLE MANAGEMENT

Elena I. Lazareva¹, Aram A. Gevorgyan²

^{1, 2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²gevorgianaram@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9367-3738>

Abstract. The actuality of the research is defined by the growing significance of energy efficiency of managerial decisions of the subjects of contemporary metropolitan economy in conditions of global environmental degradation, the priorities of which are increasingly shifting towards the man and the nature-saving conditions of his life. The decision to this problem depends to a large extent on the intensity of the integration of innovative nature-saving technologies "smart transport", including policies to support the electric vehicle industry, into the system of sustainable urban management. The research goal is to substantiate, on the basis of foreign experience, the relevance and a number of strategic measures to increase the rate of electric mobility of Russian megacities' transport systems by creating economic conditions to overcome the identified problems. The article substantiates in detail the recommendations for the formation of a strategy for the development of the electromobility process in Russian cities. It demonstrates that the intensification of electromobility

processes and the introduction of tools contributing to this in the practice of urban management will lead to an increase in the environmental and economic efficiency of the transport system, and, consequently, to an improvement in the quality of life in Russian megacities.

Keywords: innovative eco-saving technologies "smart transport", smart city, natural capital, environmentally sustainable management of the megalopolis, electromobilization

For citation: Lazareva E. I., Gevorgyan A. A. Innovative eco-saving technologies "smart transport" in the system of megapolis sustainable management. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):21-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-21-28>.

Устойчивое управление мегаполисом и технологии «smart transport»

Многогранный вектор циклического развития современного мегаполиса в условиях тесно коррелированных процессов ESG-трансформации и цифровизации устойчиво детерминировано состоянием статико-динамических параметров социоэкономической, транспортной, энергетической, экологической и ряда других сфер, обеспечивающих достойное существование как минимум нескольким поколениям горожан.

Доминирующий угол зрения на проблему устойчивого управления мегаполисом заключается в динамическом преобразовании системы городского менеджмента через внедрение инновационно-цифровых технологий «Smart city» [1-3].

На уровне муниципального управления актуальна характерная для мегаполисов проблема так называемого «транспортного коллапса», ярко демонстрирующая тупиковость сложившихся тенденций пространственного развития города, а также служащая одним из ключевых причинных оснований разработки и внедрения в систему городского менеджмента технологий «Smart transport» – новейших digital решений для транспортной отрасли [4].

Анализ литературных источников показывает, что устойчивое управление транспортными системами исследуется как на макроуровне, так и на мезо- и микроуровне пространственного развития. Так, в [5], [6] и [7] электромобилизация представлена как ключевое стратегическое направление менеджмента устойчивого развития транспортной системы России и Австралии в контексте нового энергетического перехода; в [8] и [9] она занимает значимое место в формировании принципов устойчивости транспортной стратегии Гаваны (Куба) и Бухареста (Румыния). Авторы [10] на примере Новосибирска выявили особенности процедуры экспертного оценивания направлений развития системы «Умный транспорт», учитывающие взаимодействия ее структурных элементов. В работах [11] и [12] сделана попытка разработать многоэтапную модель стратегического управления транспортом с использованием многокритериальных методов принятия решений, а также сотовой связи. При этом отмечаются значительные трудности при планировании на стратегическом уровне из-за быстро меняющихся внешних и внутренних факторов городской среды [13].

Недостаточная концептуальная разработанность проблемы внедрения «умных» транспортных систем, в том числе электромобильных как направления повышения экологической устойчивости урбанизированной территории, в сочетании с ее актуальностью в РФ, обусловили выбор цели исследования – проанализировать опыт зарубежных стран в сфере внедрения в систему управления мегаполисом технологий «smart transport», в том числе электромобильных транспортных технологий как направления повышения экологической устойчивости урбанизированной территории, и разработать на этой основе рекомендации по формированию стратегии развития процесса электромобилизации в российских городах.

Методология системной оценки направлений развития инновационных природосберегающих технологий «smart transport»

Методологической основой авторского подхода послужила системная инновационно-циклическая парадигма устойчивого управления мегаполисом, в соответствии с которой достижение конкретного уровня благосостояния современным и будущими поколениями стабильно дефинируется качеством накопленной ресурсной базой, структурно формируемой путем сбережения наряду с производственным (искусственно созданным) потенциалом анропосоциального и экологического капитала [14, 15].

В рамках данной методологии модель комплексной оценки направлений внедрения инновационно-цифровых технологий «smart transport» должна базироваться на системном анализе опыта зарубежных стран и обосновании факторов, формирующих стратегию развития

процесса электромобилизации. Критериями оценки и обоснованного выбора направлений оптимизации структуры развития системы «smart transport» служат показатели социальной, экологической и экономической эффективности (табл. 1).

Таблица 1 – Критерии оценки направлений развития инновационных природосберегающих технологий «smart transport»¹

Table 1 – Criteria for evaluating areas of development of innovative environmental technologies “smart transport”

Критерий	Интерпретация
<i>Экономические критерии</i>	
Благосостояние	Капитализированный доход
Экономическая эффективность (эффективность использования местных ресурсов (сырья, материалов и технологий))	Доля материалов, технологий местного производства, используемых в проекте. Поступления в бюджет, полученные от использования местных ресурсов
Инновационная активность	Совокупность всех процессов, приводящих к увеличению экономических результатов без использования дополнительных ресурсов
Экономическая безопасность	Степень приближения к пороговым значениям функционирования экономической системы
Сохранение человеческого и природного капитала	Ущерб, наносимый качеству накопленной ресурсной базы. Индекс человеческого развития
<i>Социальные критерии</i>	
Качество жизни	Социальная эффективность проекта. Индекс человеческого развития
Занятость	Увеличение числа занятых. Стоимость созданных рабочих мест. Изменение условий труда работников
Социальная безопасность	Степень сегментации социального капитала
Доступность социальной инфраструктуры	Степень приближения к нормативам обеспечения социальной инфраструктурой. Указание конкретных стандартов по видам инфраструктуры, степени их внедрения на данный момент, изменений в результате реализации проекта
<i>Экологические критерии</i>	
Экологическая безопасность	Степень соответствия действующим нормативам предельно допустимых концентраций, предельно допустимых выбросов и сбросов, оценки воздействия на окружающую среду и др.
Экологическая справедливость	Справедливое участие в распределении экологических благ и ресурсов и равный доступ к ним
Сохранение биоразнообразия	Доля сохранившихся видов и ландшафтов, которые важны как на местном уровне, так и с точки зрения страны и всего человечества
Здоровье населения	Средняя продолжительность жизни при рождении. Доступ к первичной медицинской помощи.
Качество воды	Обеспечение населения безопасным водоснабжением
Минимизация уровня загрязнения природных сред	Снижение степени загрязнения воздуха, воды, почвы и др.

Результаты и предложения

В рамках проведенного исследования была продемонстрирована перспективность использования системной методологии устойчивого управления мегаполисом. Анализ опыта зарубежных стран позволил авторам выделить ключевые факторы, формирующие стратегию развития процесса электромобилизации как доминантного направления внедрения инновационно-цифровых технологий «smart transport» в систему городского менеджмента.

¹ Разработана авторами.

Развитие «умных» транспортных систем, значимое место в структуре которых занимают современные электромобили, является одним из актуальных направлений внедрения технологий «smart city». Умный транспорт – это типы транспортных средств, которые используют новейшие технологии связи между автомобилями, определения местоположения, систем датчиков, минимизации выброса вредных веществ, автоматические или полуавтоматические системы автопилота, работающие во взаимодействии с системами «умный город» [12, 16].

Актуальность внедрения электромобилей на рынок городского автотранспорта определяется значением процесса электрификации для достижения цели повышения экологической устойчивости развития современного мегаполиса [3]. Процесс электрификации стремительно развивается в мегаполисах стран мира и служит мотивацией для использования альтернативной энергетики. НТП является движущей силой по части модернизации возможностей современных автомобилей, в том числе увеличивается энергоемкость аккумуляторов одновременно со значительным уменьшением их веса и обеспечивается повышенная безопасность эксплуатации при низких температурах.

Для того чтобы понять, как организовать процесс электрификации, следует обратиться к опыту Норвегии, которая восемь лет является лидером ранжированного перечня наиболее благополучных стран мира по ИЧР. Важным фактором, благодаря которому Норвегия достигла такого положения, является чистота окружающей природной среды, поддерживаемая, в том числе, путем развития «зеленого» автотранспорта. Страна занимает первое место в мире по доле электромобилей на внутреннем рынке, равной 90 % (рис. 1). Интенсивные темпы электрификации инициируют процессы быстрого сокращения количества АЗС и объемов продажи топлива.

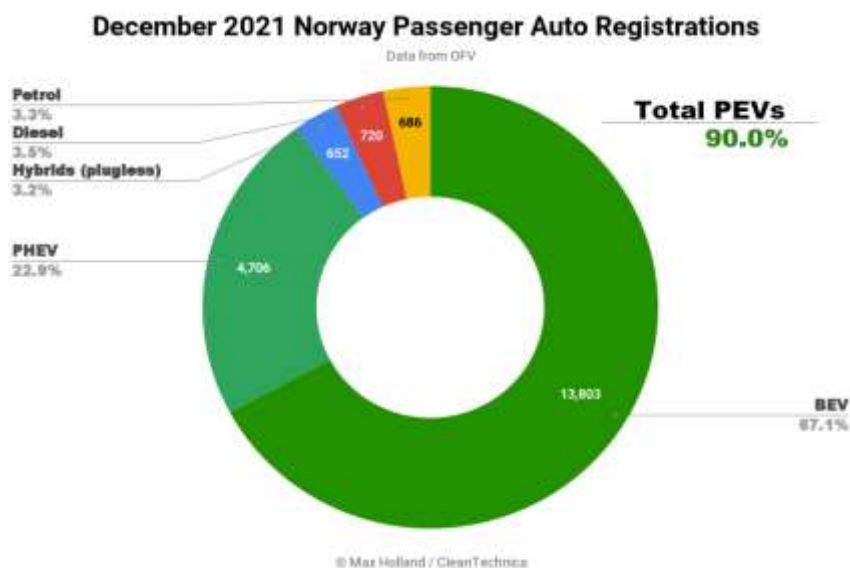

Рис. 1. Зарегистрированные в Норвегии легковые автомобили, декабрь 2021¹
 Fig. 1. December 2021 Norway Passenger Auto Registrations

Норвегия добилась столь впечатляющих результатов благодаря реализации трех основных направлений стимулирования развития процесса электрификации: материальное и нематериальное стимулирование, развитие инфраструктуры. Популяризации «зеленого» автотранспорта в Норвегии способствуют многие инициативы государства: отмена налогов на покупку и пошлин на ввоз электромобилей, взносов за проезд по платным автодорогам, снижение ежегодных дорожных налогов, бесплатная парковка, бесплатная электрозарядка, отсутствие налога при лизинге авто, бесплатный проезд на пароме [1].

При адаптации опыта Норвегии к развитию процесса электрификации в российских мегаполисах следует учитывать разницу в сложившейся технологической-экономической ситуации на авторынках двух стран.

¹ <https://pikabu.ru>

Аналитическое исследование российского парка легковых автомобилей, проведенное агентством «АВТОСТАТ», показало, что по состоянию на 1 полугодие 2022 года в нашей стране насчитывается 12,5 тыс. электромобилей (в Норвегии, по состоянию на сентябрь 2021 – порядка 253,5 тыс. электромобилей). Причинами низких темпов внедрения электрокаров на российский рынок являются отсутствие необходимой инфраструктуры (прежде всего, нехватка зарядных станций); преобладание в структуре российской экономики первичного сектора, ее нефтегазовая зависимость, служащая причиной невыгодности перехода на альтернативные источники энергии; неопределенность динамики валютного курса; высокие ввозные пошлины; специфические климатические условия; психология потребителей.

Совмещение опыта Норвегии и результатов анализа ситуации на российском рынке легковых автомобилей приводит к следующим выводам.

Планомерный переход к электромобилизации поможет решить ряд проблем, такие как:

– чрезвычайно низкий уровень качества экологической среды (эмиссии углекислого газа, шум, разливы топлива, продукты износа). Массовая замена автомобилей с ДВС на электромобили снизит уровень загрязнения окружающей среды и станет источником улучшения здоровья населения;

– отсутствие отечественного производства автомобилей на ДВС, а также технического и инженерного задела. Фокусирование на инвестировании в развитие отечественных электромобилей, создании новых заводов по производству аккумуляторов и всех сопутствующих комплектующих деталей позволит сэкономить на разработке, закупке и внедрении устаревающих технологий ДВС и создаст конкурентоспособное автопроизводство;

– растущий уровень безработицы, нехватка рабочих мест. Безусловно, смена технологического курса приведет к отмиранию устаревших моделей и технологий, а, следовательно, к сокращению рабочих мест. Однако новая отрасль промышленности по производству электромобилей и смежные с ней отрасли не только компенсируют их, но и создадут дополнительные рабочие места.

Необходимо разработать стратегию продвижения процесса электромобилизации на российский рынок и разделить ее на три этапа:

Первый этап. Постановка цели стратегии. Главной целью является успешное внедрение электромобилей на российский рынок с перспективой полной ликвидации автомобилей на ДВС.

Второй этап. Маркетинговый анализ рынка легковых автомобилей.

Маркетинговый анализ показал, что 84 % опрошенных считают, что массовая электромобилизация может улучшить экологическую ситуацию в стране и в мире. Но при этом, 61,5% не готовы к высоким издержкам от покупки и эксплуатации электромобиля. Основной причиной отказа от покупки автомобиля на электродвигателе участники опроса назвали – отсутствие соответствующей инфраструктуры. Однако, в случае отмены ввозных пошлин, транспортного налога на электромобили, а также введения приоритета движения по полосам общественного транспорта и бесплатную парковку с сопутствующим строительством зарядных станций в крупных городах и на магистралях – 84,6 % опрошенных хотели бы купить транспортное средство на электрической тяге.

Третий этап. Согласно опыту Норвегии, в процессе разработки мер по активному внедрению электрокаров на российский рынок необходимо уделить внимание материальному и нематериальному стимулированию, а также развитию инфраструктуры. Необходимо начать с создания условий для эксплуатации транспортных средств на электрической тяге – создания сети зарядных станций, станций технического обслуживания (специальных центров по ремонту и заказу универсальных деталей для электромобилей).

Предлагаемые авторами меры по стимулированию приобретения электромобилей с учетом особенностей и предпочтений российского населения включают следующее:

- отмена транспортного налога на все модели электромобилей. Это вполне логично совмещается с концепцией изначального ввода транспортного налога. Технология, приводящая к движению авто на электрической тяге, не разрушает дорожное покрытие и не выбрасывает выхлопные газы в атмосферу;

- отмена ввозных пошлин на электромобили. Во-первых, это будет стимулировать россиян к покупкам с точки зрения ассортимента выбора, а, во-вторых, на рынке появятся новые технологии, и, соответственно, новые услуги;

- нулевой НДС. Скидка в 18 % также подстегнет потребительский спрос;
- введение специальных государственных номеров. Это будет отличительной особенностью электромобиля, а для владельца статусом внимательности к экологии;
- бесплатный проезд по полосам движения общественного транспорта и по платным магистральям станет особенно актуальным для жителей крупных городов;
- бесплатная парковка. На самом деле в России уже принят закон о бесплатной парковке для электрокаров. Однако, согласно изданию «Авторевью», не раз были зафиксированы случаи, когда владельцам Tesla приходил штраф за неоплаченную парковку;
- бесплатное пользование парками;
- программа утилизации машин старше 1995 г. с возможностью доплаты для покупки электромобиля.
- государственная субсидия на покупку электромобиля.

Для продвижения идеи транспорта на электрической тяге в массы, также должна быть разработана маркетинговая кампания, направленная на информирование населения о принятых законах (меры по стимулированию спроса), о построенных зарядных станциях, о количестве зарегистрированных электромобилей и об объеме продаж электрокаров в процентах от общего объема продаж по кварталам. Каналами распределения информации могут выступать: телевидение (популярные реалити-шоу, новостное окно), интернет (реклама перед просмотром фильмов, на сайтах объявлений купли/продажи машин), радио, газеты и билборды.

Важно отметить, что меры по развитию инфраструктуры и по стимулированию спроса должны приниматься одновременно друг с другом, при мониторинге тенденции смещения предпочтений по мегаполисам и регионам.

Подводя итоги, для того, чтобы процесс электромобилизации получил широкое распространение, должны быть произведены следующие изменения:

- 1) Развитие инфраструктуры (создание зарядных станций в густонаселенных районах и на АЗС, расположенных на автомагистралях, развитие альтернативной энергетики).
- 2) Улучшенная программа субсидирования (сейчас в России ежегодно выделяется 900 млн руб., в Норвегии – 5 млрд. долл.).
- 3) Материальное и нематериальное стимулирование (отмена ввозных пошлин, специальные номера и т.д.).
- 4) Создание и производство отечественных аккумуляторов и оборудования по эксплуатации, преимущественно, путем развития института государственно-частного партнерства.

Для того, чтобы оценить эффект от внедрения стратегии развития процесса электромобилизации следует рассчитать объем будущих продаж электромобилей и определить его долю в общем числе продаж автомобилей в стране.

Отметим, что согласно оптимистическим прогнозам экспертов, к 2025 году доля электромобилей в объеме продаж может составить 1-1,5% (15 000-25 000 машин), а к 2030 году – 4-5% (85 000-100 000).

Так как, стратегия развития процесса электромобилизации в России разрабатывалась на основе опыта Норвегии, будем использовать средний темп ежегодного роста продаж электромобилей с момента введения мер по стимулированию и развитию инфраструктуры (табл. 2).

Таблица 2 – Объем продаж электромобилей в Норвегии с момента введения мер по стимулированию и развитию инфраструктуры¹

Table 2 – Electric car sales in Norway since the introduction of incentives and infrastructure measures

Год	Объем продаж	Изменение в %
2014	733	-
2015	2243	306,00
2016	4700	209,54
2017	10769	229,13
2018	23408	217,36
2019	39632	169,31
2020	50875	128,37
Средний темп роста продаж %		179,96

¹ Составлена авторами

Средний темп роста продаж равен 179 %. С учетом времени на принятие соответствующих нормативных актов и активную установку зарядных станций, можно спрогнозировать рост продаж к 2025 году в 28 тысяч электромобилей в год (табл. 3).

Таблица 3 – Прогноз продаж электромобилей в России к 2025 году при внедрении предлагаемой стратегии¹

Table 3 – Forecast for electric vehicle sales in Russia by 2025 if the proposed strategy is implemented

Год	Прогнозируемый объем продаж электромобилей в год
2020	1563
2021	2797
2022	5008
2023	8964
2024	16046
2025	28722

Следует отметить, что в случае, если государство активно поддержит инициативы по развитию процесса электромобилизации в России, появится реальный шанс в течение десяти лет реализовать технологический потенциал страны и составить конкуренцию ведущим европейским, азиатским и американским автоконцернам.

Список источников

1. Axsen, J., Goldberg, S., Bailey, J. How might potential future plug-in electric vehicle buyers differ from current «Pioneer» owners? *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2016; 47: 357-370.
2. Ratti C., Claudel M. *The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life*. 2016; New Haven and London: Yale University Press.
3. Lazareva, E., Dong Y. Measuring the Value of Urban Green Space Using Hedonic Pricing Method. *EpSBS*. 2021; 116: 737-747.
4. Lazareva, E.I., Karaycheva, O.V., Karaychev, G.V., Frolova, I.V. The Innovative Blockchain Technology Introduction into the Sharing Economy Subjects' Decision-making. *Impact of Disruptive Technologies on the Sharing Economy*. 2021; IGI Global.
5. Гришаева Ю.М., Матанцева О.Ю., Спиринов И.В. и др. Устойчивое развитие транспорта в городах России: опыт и актуальные задачи // *Юг России: экология, развитие*. 2018. №13 (4). С. 24-46.
6. Пахомова Н.В., Новоселов Е.П. Устойчивое развитие автотранспортного комплекса в контексте нового энергетического перехода // *Технологические тренды и наукоемкая экономика: бизнес, отрасли, регионы*. 2021. Центр научно-информационных технологий «Астерион». С. 440-454.
7. Maniatopoulos, P.; Andrews, J.; Shabani, B. Towards a sustainable strategy for road transportation in Australia: The potential contribution of hydrogen. *Renewable & Sustainable Energy Reviews*. 2015; 52: 24-34.
8. Warren, J.; Morris, E.; Enoch, M. et. al. Developing an equitable and sustainable mobility strategy for Havana. *Cities*. 2015; 45: 133-141.
9. Bugheanu, A. SWOT analysis of public transport system in Bucharest. *Management Research and Practice*. 2015. 7: 14-31.
10. Черный Ю.С., Евтушенко А.Ю. Разработка концепции экспертной системы для оптимизации направления «Умный транспорт» на примере Новосибирска // *Творчество и современность*. 2018. № 1.
11. Dimic, S., Pamuc, D., Ljubojevic, S., and Dorovic, B. Strategic Transport Management Models – The Case Study of an Oil Industry. *Sustainability*. 2016; 8: 954.
12. Селиверстов Я.А., Гергель Г.Ю., Селиверстов С.А., Никитин К.В. Развитие интеллектуальных транспортных систем на основе мобильных технологий и процедур анализа социальной активности городского населения // *Информатика. Телекоммуникации. Управление*. 2018. № 11 (1). С. 47-64.
13. Yazdani, M.; Lorijani, A.L.; Zarimohaleh, S.T.; Monavarian, A. Developing optimized strategy by comprehensive framework of strategy: Case study in a construction inspection company. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2012; 58: 73-83.

¹ Составлена авторами.

14. Lazareva, E., Anopchenko, T., Lozovitskaya D. Identification of the City Welfare Economics Strategic Management Innovative Model in the Global Challenges Conditions. *SGEM 2016 Proceedings*. 2016; 5: 3-10.
15. Лазарева Е.И. Качество жизни как социальный ресурс инновационного мезоэкономического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 13. 71-75.
16. Кашкаров А.П. Современные электромобили. Устройство, отличия, выбор для российских дорог. 2018. ДМК Пресс.

References

1. Aksen, J., Goldberg, S., Bailey, J. How might potential future plug-in electric vehicle buyers differ from current "Pioneer" owners? *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. 2016; 47: 357-370.
2. Ratti, C., Claudel, M. The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life. 2016; New Haven and London: Yale University Press.
3. Lazareva, E., Dong Y. Measuring the Value of Urban Green Space Using Hedonic Pricing Method. *EpSBS*. 2021; (116): 737-747.
4. Lazareva, E.I., Karaycheva, O.V., Karaychev, G.V., Frolova, I.V. The Innovative Blockchain Technology Introduction into the Sharing Economy Subjects' Decision-making. *Impact of Disruptive Technologies on the Sharing Economy*. 2021; IGI Global.
5. Grishaeva, Y.M., Matantseva, O.Yu., Spirin, I.V. et al. Sustainable transport development in Russian cities: experience and current challenges. *South of Russia: Ecology, Development*. 2018. 13 (4): 24-46. (In Russ.)
6. Pakhomova N.V., Novoselov E.P. Sustainable development of motor transport complex in the context of the new energy transition. *Technological trends and knowledge-intensive economy: business, industries, regions*. 2021. Center for Scientific and Information Technologies "Asterion": 440-454. (In Russ.)
7. Maniatopoulos, P.; Andrews, J.; Shabani, B. Towards a sustainable strategy for road transportation in Australia: The potential contribution of hydrogen. *Renewable & Sustainable Energy Reviews*. 2015; (52): 24-34.
8. Warren, J.; Morris, E.; Enoch, M. et al. Developing an equitable and sustainable mobility strategy for Havana. *Cities*. 2015; (45): 133-141.
9. Bugheanu, A. SWOT analysis of public transport system in Bucharest. *Management Research and Practice*. 2015; (7): 14-31.
10. Chernyi, Y.S., Evtushenko, A.Y. Development of the concept of expert system to optimize the direction of "Smart Transport" on the example of Novosibirsk. *Creativity and Modernity*. 2018; 1. (In Russ.)
11. Dimic, S., Pamuc, D., Ljubojevic, S., and Đorovic, B. Strategic Transport Management Models – The Case Study of an Oil Industry. *Sustainability*. 2016; (8): 954.
12. Seliverstov Y.A., Gergel G.Y., Seliverstov S.A., Nikitin K.V. Development of intelligent transport systems based on mobile technologies and procedures for analyzing social activity of urban population. *Informatics. Telecommunications. Management*. 2018. 11 (1): 47-64. (In Russ.)
13. Yazdani, M.; Lorijani, A.L.; Zarimohaleh, S.T.; Monavarian, A. Developing optimized strategy by comprehensive framework of strategy: Case study in a construction inspection company. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2012; (58): 73-83.
14. Lazareva, E., Anopchenko, T., Lozovitskaya D. Identification of the City Welfare Economics Strategic Management Innovative Model in the Global Challenges Conditions. *SGEM 2016 Proceedings*. 2016; (5): 3-10.
15. Lazareva E.I. Quality of life as a social resource of innovation meso-economic development. *Regional Economy: Theory and Practice*. 2008;(13): 71-75. (In Russ.)
16. Kashkarov A.P. Modern electric cars. The device, differences, the choice for Russian roads. 2018. ДМК Пресс. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. И. Лазарева – докт. экон. наук, проф., зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

А. А. Геворгян – магистрант факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

E. I. Lazareva – Doctor of Economics, Professor, Head of Department " Innovative and International Management " of the Faculty of Management of Southern Federal University.

A. A. Gevorgyan – Master's Student, Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication 28.04.2022.

КОМПЕТЕНЦИИ КОМАНДЫ НА ЭТАПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ

Юрий Николаевич Лапыгин¹, Михаил Алексеевич Розенков²

^{1,2}Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия

¹Lapygin.Y@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

²mehel33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6234-0014>

Аннотация. Рассматривая стратегию, как долгосрочный проект развития организации на базе использования уникальных возможностей, предоставляемых внешней средой в опоре на потенциал организации, следует учитывать, что проекты в рамках инновационной политики организации должны быть согласованы по целям с корпоративной стратегией, причем цели должны отражать не только прорывные инновационные изменения самой организации, но и изменения ментальных моделей работников организации и в первую очередь ценностных ориентаций членов проектных команд. В работе установлено, что для эффективного функционирования проектных команд необходимы компетенции членов команды, соответствующие процедурам по всему циклу реализации инновационных проектов. Показано, что компетенции, заложенные в Федеральном образовательном стандарте по подготовке специалистов высшего образования направления менеджмент, позволяют реализовать все процедуры управления, разнесенные по стадиям реализации проектов. Сформулированы предложения по повышению эффективности проектной деятельности за счет системного развития проектных команд и, в первую очередь, за счет преодоления ценностно-когнитивных ограничений в сознании персонала.

Ключевые слова: проекты, управленческие команды, стратегия, этапы, модели зрелости, компетенции

Для цитирования: Лапыгин Ю. Н., Розенков М. А. Компетенции команды на этапах реализации проектов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 29–34. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-29-34>

TEAM COMPETENCES AT THE STAGES OF PROJECT IMPLEMENTATION

Yurii N. Lapygin¹, Mikhail A. Rozenkov²

^{1,2}Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹Lapygin.Y@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

²mehel33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6234-0014>

Abstract. Considering the strategy as a long-term project for the development of an organization based on the use of the unique opportunities provided by the external environment in support of the organization's potential, it should be borne in mind that projects within the organization's innovation policy should be coordinated in terms of goals with the corporate strategy, and the goals should reflect not only breakthrough innovative changes in the organization itself, but also changes in the mental models of the organization's employees and, first of all, in the value orientations of the members of project teams. The work found that for the effective functioning of project teams, the competencies of team members are required, corresponding to the procedures throughout the cycle of implementation of innovative projects. It is shown that the competencies laid down in the Federal Educational Standard for the training of specialists in higher education in the direction of management allow to implement all management procedures, separated by stages of project implementation. Proposals have been formulated to improve the efficiency of project activities through the systemic development of project teams and, first of all, by overcoming value-cognitive limitations in the minds of staff.

Key words: projects, management teams, strategy, stages, maturity models, competencies

For citation: Lapygin Yu. N., Rozenkov M. A. Team competences at the stages of project implementation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):29-34. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-29-34>.

В процессе реализации проектов интерес представляет концепция динамических способностей работников организации [1], отражающая механизмы изменений ценностно-когнитивного потенциала и взаимосвязей как внутри деловой среды организации, так и связей с внешней средой. Рассматривая результат взаимодействия работников как сочетание механизмов организационного и индивидуального поведения, исследователи делают вывод о специфической ментальной способности к прорывным инновационным изменениям ценностных ориентаций работников и, на этой базе, способностям к инновационным изменениям самой организации на основе совместной деятельности в режиме диалогов и вовлеченного решения, стоящих перед организацией задач. Однако, как пишут В.В. Бирюкова и В.В. Бирюков, с ростом новизны вырабатываемых новшеств растут издержки и возрастают риски [2] получения ожидаемых результатов, в том числе от реализации проектов.

Эффективность управления проектами с точки зрения Ю.Н. Шедько определяется интеграцией таких моделей как совокупность знаний об управлении проектами и моделей зрелости [4] в сочетании со стадиями проектного управления.

Анализ моделей зрелости, выполненный группой исследователей [3], свидетельствует о том, что у популярных моделей зрелости отсутствует системность и оценка эффективности лучших практик, а большей степени присутствует только концептуальное описание содержания высших уровней зрелости при достаточно подробной проработке моделей зрелости для низших уровней зрелости проектного управления.

Области знаний, перечисленные в указанной выше статье Ю.Н. Шедько, также отражают только отдельные стороны процедур управления проектами, не несут в своем составе системного описания. К тому же, следует заметить, что знания сами по себе еще не позволяют эффективно действовать в направлении достижения цели. Здесь следует речь вести о компетенциях, как способности действовать в реальных условиях выполнения проектных работ. В этом случае наряду со знаниями необходим еще и опыт применения этих знаний.

Сама идея рассмотрения сочетания компетенций по управлению проектами и стадий жизненного цикла проекта нам видится продуктивной, поскольку позволяет получить новые знания о проектном управлении в процессе построения, скажем, морфологической матрицы, отражающей такое сочетание. Так, если в головке матрицы разместим наименование уровней зрелости организации в части управления проектами, а в боковике наименование компетенций, необходимых для реализации этапов проекта, то в местах пересечения строк и столбцов можно получить формулировки компетенций, необходимых на каждом уровне зрелости проектного управления организации.

Но прежде, чем приступить к построению указанной матрицы целесообразно распределить компетенции управления проектами по его этапам, основываясь на модели реализации механизмов управления в организации и федеральном стандарте, определяющим компетенции в направлении «Менеджмент». Построенная, таким образом, таблица 1 дает представление о совокупности компетенций и распределении основных среди них по стадиям реализации проекта, а также в разрезе всех процедур, соответствующих каждой стадии.

Так в процессе инициации проекта компетенции в области современных практик инновационного управления, анализа проблемных ситуаций на основе системного подхода, позволяет выявлять и оценивать новые возможности, необходимые для принятия стратегически значимых решений в процессе формирования задания по проекту и формулирования проектной команды, способной обеспечить достижение целей, формулируемых на этой стадии проекта.

В последующем процессе планирования реализуются не только компетенции в части методического обеспечения наполнения содержанием научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также поиска решения задач в рамках сформулированных целей, но и производится оценка коммуникационных процессов и ожидаемых результатов на всех этапах жизненного цикла проекта на базе применения методов сбора и анализа данных о реализации разработанного плана.

Таблица 1 – Распределение компетенций по стадиям управления проектами

Table 1 – Distribution of competencies by project management stages

Стадии проекта	Наименование процедур	Наименование компетенций, необходимых участникам проектного управления
Инициация	Задание на проектирование	Руководить проектной и процессной деятельностью в организации с использованием современных практик управления, лидерских и коммуникативных навыков (ОПК-4)
	Определение факторов	Решать профессиональные задачи на основе знания инновационных подходов, обобщения и критического анализа практик управления с точки зрения факторов внешней и внутренней среды (ОПК-1)
	Анализ ситуации	Осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий (УК-1). Выявлять и оценивать новые рыночные возможности (ОПК-4)
	Принятие решений по результатам анализа	Самостоятельно принимать обоснованные организационно-управленческие решения, оценивать их операционную и организационную эффективность, социальную значимость (ОПК-3). Разрабатывать стратегии создания и развития инновационных направлений деятельности и соответствующие им бизнес-модели организаций (ОПК-4)
	Цели реализации проекта	Организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели (УК-3)
Планирование	Задачи реализации проекта	Применять современные техники и методики при решении управленческих и исследовательских задач (ОПК-2). Выполнять научно-исследовательские проекты (ОПК-5)
	Критерии оценки	Управлять проектом, оценивать результативность на всех этапах жизненного цикла проекта (УК-2)
	Определение ресурсов	Решать профессиональные задачи на основе знания экономической, организационной и управленческой теории (ОПК-1)
	Мероприятия – методы реализации проекта	Применять современные коммуникативные технологии для взаимодействия при реализации проектов (УК-4)
	Контроль – процедуры контроля	Применять современные техники и методики сбора данных, продвинутые методы их обработки и анализа, в том числе использовать интеллектуальные информационно-аналитические системы (ОПК-2)
Реализация	Реализация мероприятий	Обеспечивать реализацию решений в условиях сложной (в том числе кросс-культурной) и динамичной среды (ОПК-3)
	Оценка результатов	Обобщать и критически оценивать научные исследования в менеджменте и смежных областях (ОПК-5)
Завершение	Принятие решения о завершении проекта	Определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки и рефлексии (УК-6)

Сама стадия реализации проекта сопровождается проявлением компетенций выполнению выработанных решений в условиях динамичных перемен внешней и внутренней среды организации, в умении обобщать и критически оценивать результаты поисковых, проектных и производственных работ по проекту.

На завершающей стадии проекта важны компетенции, позволяющие не только подвести итог проектной деятельности в части достижения поставленных целей, но и в отношении оценки тех ошибок, которые присутствовали в процессе реализации проекта для того, чтобы выработать правила (стандарты деятельности) для реализации последующих проектов.

Описание моделей зрелости управления проектами, выполненное В.С. Николаенко, Е.А. Мирошниченко и Р.Т. Грицаевым в исследовании, указанном выше, позволяет выделить пять основных уровней: общая терминология, общие процессы, единая методология, бенчмаркинг, непрерывные улучшения, что соответствует модели Х. Керзнера [5, с. 94].

Построив морфологическую матрицу, в головке которой размещены уровни зрелости (с первого по пятый), а в боковике – компетенции, необходимые для выполнения процедур реализации проекта (от инициации и обсуждения задания на проектирование до завершения и оценки результата), можно говорить о том, что для перехода с одного уровня зрелости на другой необходимо обеспечить приобретение работниками организации совокупность компетенций, позволяющих осуществить все процедуры проектного управления от формулирования задания на проект до оценки полученного результата и его завершения.

Можно предположить, что синергия компетенций на каждом уровне зрелость управления проектами будет максимальной, когда все процедуры проектного управления будут обеспечены в полной мере соответствующими компетенциями, отраженными в матрице. Отмеченное обстоятельство в свою очередь представляет собой условие по максимизации эффективности управления проектами в организации, с одной стороны, а с другой стороны будет свидетельствовать о том, что организация готова перейти на новый уровень зрелости управления проектами. Отмеченная готовность должна сопровождаться пониманием лиц, принимающих решения, о том, что новый уровень требует приобретения новых компетенций, а стало быть, обучения и аттестации работников организации.

В отношении этапов управления проектами можно обнаружить в публикациях исследователей различные подходы, среди которых выделяются технологический подход, аналитический, параметрический и стратегический подходы. Сочетание подходов к построению этапов управления проектами представлено на рисунке 1, из которого следует, что разночтение обусловлено предметной областью исследований.

Рис. 1. Сочетание подходов к построению этапов управления проектами
 Fig. 1. Combination of approaches to the construction of project management stages

Технологический подход отражает отдельные процедуры организационного и методического плана, аналитический рассматривает этапы выработки решений, параметрический делает упор на соответствие результатов проектного управления заданным параметрам, а стратегический делает попытку ориентировать процесс управления проектами на авангардные ценности в части достижения стратегически значимых целей.

В качестве критического рассмотрения указанных подходов следует выделить отдельные возражения по содержанию этапов. Так, например, в аналитическом подходе выбор лидера команды процедура не корректная, поскольку в истинной команде лидерство «плавающее»: в зависимости от решаемой задачи лидирует тот игрок команды, компетенции которого самые высокие по содержанию задачи.

Кроме того, работа эффективной команды построена на диалогах, а не на жестком администрировании назначенного лидера. Шестой этап параметрического подхода также некорректен, поскольку команда проекта должна быть вовлечена в процесс управления проектом на всех этапах, а не получать цели, задачи и планы только для реализации. Указанное обстоятельство может вызывать сопротивление со стороны членов команды, поскольку их ценностные ориентации и ментальные модели могут входить в противоречие с целями проекта.

Анализ рассмотренных подходов позволяет сделать вывод о том, что процедурам непосредственного управления проектом предшествуют организационная и методическая подготовка (определение методик и построения команд), за которыми следуют этапы разработки на базе результатов анализа и последующей реализации результатов разработки, которая сопровождается и завершается анализом и сопоставлением получаемых параметров с заданными.

Что касается проектных команд, то не вызывает сомнений положение о том, что инновационное развитие любой организации определяет кадровый потенциал, но целиком реализуется такой потенциал. Среди аспектов вовлеченности персонала исследователи предлагают вначале привнести новые знания по проекту, потом заинтересовать работника и детализировать передаваемую информацию, а затем устранить в сознании работника противоречия, связанные с изменениями, обусловленными реализацией проекта.

Однако, на наш взгляд, лучшим вариантом снятия указанных противоречий может быть вовлечение членов проектной команды во все процедуры проектного управления, в процессе которых корректируются ментальные модели членов проектной команды.

Одновременно с отмеченным предлагается развивать такие компетенции, которые позволяют преодолевать «ценностно-когнитивные ограничения» [1, с. 20] в сознании персонала и формировать динамичные способности к инновационной деятельности. Однако следует помнить о том, что рост инновационного потенциала персонала ведет к дополнительным издержкам организации и повышает риски, обусловленные новыми проблемами.

Среди проблем управления инновационными проектами исследователи в первую очередь отмечают сложности поиска и обучения персонала. Вслед за этим идут проблемы реализации системного подхода как в части уровня разработок и внедрения новшеств, так и в отношении организационных и социальных процессов, сопутствующих реализации инновационных проектов. В качестве проблем обозначаются вопросы партнерства в проектном управлении и отдельные сложности в реализации механизмов стратегического управления.

Таким образом, сформулированные в настоящем исследовании компетенции для различных уровней зрелости в разрезе процедур реализации проектов открывают возможности для повышения эффективности проектной деятельности за счет полного обеспечения компетенциями всех стадий проектного управления. Содержание компетенций на каждом уровне зрелости позволяет планировать переход на новый уровень зрелости в части обучения и методического обеспечения членов проектных команд.

Обосновано, что потенциал проектных команд реализуется полностью при условии вовлечения персонала в процедуры проектного управления и согласования целей персонала с целеполаганием работодателей. Отмечено, что необходимо развивать компетенции, позволяющие преодолевать «ценностно-когнитивные ограничения» в сознании персонала и формировать динамичные способности к инновационной деятельности в рамках стратегического управления.

Установлено, что процедурам управления проектом предшествуют организационная и методическая подготовка, за которыми следуют этапы разработки на базе результатов анализа и последующей их реализации, которая завершается оценкой получаемых результатов.

Список источников

1. Бирюкова В.В., Бирюков В.В. Стратегическое управление промышленным предприятием: особенности формирования в условиях инновационной конкуренции // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17. № 1. С. 13–22.
2. Зотов В.Б., Бронников И.А., Блинова Н.В. Управление рисками на основе информационно-коммуникационных технологий // Муниципальная академия. 2016. №1. С. 34–42.
3. Лапыгин Д.Ю., Лапыгин Ю.Н. Логика стратегических матриц // Динамика сложных систем. 2012. № 4. С. 12–25.
4. Николаенко В.С. Модель зрелости проектного управления: управление рисками проекта // Инновации в менеджменте. 2021. № 1 (27). С. 38–47.
5. Николаенко В.С., Мирошниченко Е.А., Грицаев Р.Т. Модели зрелости управления проектами: критический обзор // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 73. Апрель 2019 г. С. 71–111.

References

1. Biryukova V. V., Biryukov V. V. Strategic management of an industrial enterprise: features of formation in conditions of innovative competition. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. 2019;17(1):13–22. (In Russ.)
2. Zotov V. B., Bronnikov I. A., Blinova N. V. Risk management based on information and communication technologies. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*. 2016;(1):34–42. (In Russ.)
3. Lapygin D. Yu., Lapygin Yu. N. The logic of strategic matrices. *Dinamika slozhnykh sistem = The dynamics of complex systems*. 2012;(4):12–25. (In Russ.)
4. Nikolaenko V. S. Project management maturity model: project risk management. *Innovatsii v menedzhmente = Innovations in management*. 2021;1 (27):38–47. (In Russ.)
5. Nikolaenko V. S., Miroshnichenko E. A., Gritsaev R. T. Maturity Models of Project Management: A Critical Review. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. Electronic bulletin*. Issue No. 73. April 2019:71–111. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. Н. Лапыгин – докт. экон. наук, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС;

М. А. Розенков – заместитель начальника опытного производства, аспирант Владимирского филиала РАНХиГС.

Information about the authors

Yu. N. Lapygin – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Management of Vladimir Branch of RANEPA;

M. A. Rozenkov – Deputy Head of Pilot Production, Postgraduate Student of Vladimir Branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 16.04.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 16.04.2022.

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТАХ РФ

Светлана Львовна Нужнова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, nuzhnova-sl@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие сферы управления государственной службой в нашей стране и ее современное состояние. Делается вывод, что на федеральном уровне можно говорить о складывании в настоящее время определенной системы по управлению госслужбой. В регионах наблюдается достаточно неоднородная картина, что связано с тем, что каждый из них выбирает для себя наиболее удобную форму. В статье представлена классификация подходов к организации реализации функций по управлению государственной гражданской службой в субъектах РФ.

Ключевые слова: система управления государственной службой, административная реформа, органы по управлению государственной службой РФ, органы по управлению государственной гражданской службой субъекта РФ.

Для цитирования: Нужнова С. Л. Эволюция системы управления государственной службой в Российской Федерации и субъектах РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 35–42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-35-42>.

Problems of Management

Original article

EVOLUTION OF THE PUBLIC SERVICE MANAGEMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana L. Nuzhnova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, nuzhnova-sl@ranepa.ru

Abstract. The article examines the development of the sphere of public service management in our country and its current state. It is concluded that at the federal level, we can talk about the formation of a certain system for the management of the civil service at the present time. There is a rather heterogeneous picture in the regions, which is due to the fact that each of them chooses the most convenient form for themselves. The article presents a classification of approaches to the organization of the implementation of functions for the management of the state civil service in the subjects of the Russian Federation.

Keywords: public service management system, administrative reform, public service management bodies of the Russian Federation, body

For citation: Nuzhnova S. L. Evolution of the public service management system in the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):35-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-35-42>.

С самого начала реформирования института государственной службы в новейшем историческом периоде предпринималась попытка построения одной из важнейших ее составляющих как организационного института – системы управления государственной службой. Государственная служба представляет собой сложнейший социально-политический и организационно-правовой институт, призванный, согласно п.1 ст. 1 Федерального закона № 58-ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации» 2003 г. обеспечивать исполнение полномочий Российской Федерации и ее составных частей, федеральных и региональных органов власти и иных государственных органов, федеральных территорий, их органов публичной власти, лиц, замещающих государственные должности федеральные, субъектов РФ и федеральных территорий. Чтобы этот институт работал должным образом, реализуя свои функции с максимальным эффектом, необходимо грамотное управленческое воздействие, направленное, прежде всего, на реали-

зацию государственной политики и единообразии правоприменительной практики в сфере государственной службы. Субъектом этого управленческого воздействия является само государство в лице уполномоченного государственного органа или нескольких государственных органов.

Надо отметить, что органы по управлению государственной службой не являются чем-то абсолютно новым для нашей страны, порождением современного периода построения и развития института госслужбы. Такие органы существовали в России еще со времен Петра I и вплоть до 1917 года. В советский период, начиная с 1980-х годов также предпринимались определенные попытки по созданию подобных органов. В качестве одного из них можно назвать Государственное агентство по подготовке кадров государственной службы, назначением которого было готовить кадры для всего Союза. Но учитывая тот факт, что создано оно было в 1991 году, а государство, кадры для которого оно должно было готовить, через два года прекратило свое существование, то агентство фактически и не работало.

В новой России первым органом, которому вменялись в обязанности функции по управлению государственной службой, являлось Главное управление по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве, сначала РСФСР, а потом Российской Федерации – Роскадры. Однако оно тоже не долго функционировало – всего лишь два года с 1992 по 1994.

Следующая попытка создать систему управления государственной службой была предпринята в 1995 г. Положение о таком органе было прямо прописано в федеральном законе. В частности, в статье 26 ФЗ № 119-ФЗ «Об основах государственной службы в РФ» в качестве такого органа назывался Совет по вопросам государственной службы при Президенте РФ. По поводу органа по управлению государственной службой на уровне субъектов РФ никаких особых указаний не было: регионам давалась полная свобода в решении данного вопроса. Что касается порядка организации и функционирования федерального органа по управлению государственной службой, то в декабре того же года был принят Указ Президента о Совете¹. То есть в достаточно короткий период была разработана правовая база и сам орган по управлению госслужбой был создан.

Однако данная попытка оказалась не слишком удачной. Несмотря на то, что формально орган по управлению государственной службой в стране была создан, реально, выше названный Совет оказался не вполне способным реализовывать управленческие функции. Причин тому было несколько, в том числе и непродуманность, как формировать такой орган, что он собой должен представлять, какие функции реализовывать. Формировался данный Совет на основе равного представительства от всех органов государственной власти: шесть человек шло от главы государства, шесть – от Правительства РФ как высшего органа исполнительной власти, шесть – от законодательной ветви власти (каждая из палат Федерального Собрания РФ представляла по три человека) и шесть человек от судебной ветви власти (в тот период у нас в стране было три высших суда – Конституционный, Верховный и Высший Арбитражный – от каждого по два человека). То есть деятельность Совета изначально не планировалась как постоянная.

При этом у Совета не было своего аппарата – органа, который бы обеспечивал организацию его работы, осуществлял документационное, информационное и иное обеспечение. Формально, опять же было определено, что функции аппарата должен выполнять отдел в структуре Управления кадров Администрации Президента РФ. Данный отдел даже был назван, в том числе были внесены изменения в его наименование: он стал не просто отделом по повышению квалификации государственных служащих, но и по обеспечению деятельности Совета по вопросам государственной службы при Президенте РФ. Но на этом все и кончилось. Не было проведено никакой организационной работы, чтобы данный отдел реально смог реализовывать функции аппарата: он не был обеспечен необходимыми кадрами не количественно, ни качественно, не были внесены соответствующие изменения в должностные регламенты, наконец, не было указания приступить к выполнению новых функций. Такое положение вещей видимо было связано с тем, что сам орган, чью работу надо было обеспечивать, был создан только формально, а реально работы от него особо никто не ожидал.

Другая причина неработоспособности Совета связана с закрепленными за ним незначительными функциями – методическими и рекомендательными. И это при том, что статус ему придали высокий – при Президенте РФ.

¹ Указ Президента РФ от 1.12.95 № 1208 (ред. от 6.02.96 № 152) «О Совете по вопросам государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Следующая попытка создать систему управления государственной службой в нашей стране предпринималась уже в рамках реформы государственной службы. В программе реформирования государственной службы на 2003-2005 годы одним из центральных направлений как раз значилось создание системы управления государственной службой¹. Системы в этот период создано не было, но была заложена в общем виде ее правовая и организационная база, являющаяся основой данного вопроса на сегодняшний день. В принятом в этот период ФЗ № 58-ФЗ, глава 3 посвящена именно вопросу системы управления государственной службой. Согласно одному из центральных системообразующих принципов государственной службы – принципу федерализма, в ст. 16 говорится, что система управления государственной службой создается на двух уровнях – федеральном и субъекта РФ.

Также в данной статье сформулированы цели системы управления госслужбой. Их можно разбить на две группы: первая группа – цели, связанные с координацией деятельности государственных органов по вопросам, связанным с поступлением на службу, ее прохождением и прекращением. Причем упор делается на те кадровые технологии, которые в ст. 11 ФЗ № 58-ФЗ обозначены как обеспечивающие формирование кадрового состава государственной службы: кадровый резерв, ротация кадров, подготовка кадров для государственной службы и их профессиональное развитие. Вторая группа целей направлена на осуществление вневедомственного контроля, направленного на соблюдение законодательства о государственной службе федеральными и региональными государственными органами.

Опираясь на положения рассматриваемой статьи, можно сделать вывод, что система управления государственной службой РФ должна включать в себя следующие элементы: федеральный орган по управлению государственной службой, его территориальные органы и органы по управлению государственной гражданской службой субъектов РФ. При этом, в идеале, органы на федеральном и региональном уровнях должны быть созданы на принципе единства правовых и организационных основ.

В разные годы в научной литературе появлялись разные предложения, что собой в организационном плане должно представлять управление государственной службой. Например, еще в 1998 году А.А. Гришковец в своей работе говорил о создании такого органа в виде Федерального агентства, подведомственного непосредственно Президенту страны [1, с. 402].

В.В. Черепанов в 2003 г. писал, что такой орган должен быть сформирован как орган с особым статусом, не относящийся ни к одной из ветвей власти, прежде всего исполнительной, что позволило бы ему в качестве высшего полномочного органа управления, подчиняющегося непосредственно Президенту РФ, управлять государственной службой всех трех ветвей власти [2, с. 48].

Также были предложения о создании такого органа в рамках одной из ветвей власти. А.К. Соловьева в своей статье, вышедшей в 2008 году, предлагала на федеральном уровне создать специализированный орган в структуре исполнительной власти, который в том числе был бы наделен административно-юрисдикционными полномочиями и мог бы рассматривать дела об административных правонарушениях и привлекать к административной ответственности должностных лиц, нарушивших законодательство о государственной службе. Лучшей формой организации такого органа, по ее мнению, мог стать комитет как орган комплексного управления, обладающий межотраслевым характером деятельности. В структуре этого комитета сформировать подразделения по видам государственной службы [3, с. 74].

Так как в рамках реформирования государственной службы в период 2003-2005 гг. (данная программа потом была продлена) задача по формированию системы по управлению госслужбы не была реализована (за исключением создания общей правовой основы в ФЗ № 58-ФЗ), то она логично перешла в программу реформирования государственной службой на 2009-2013 гг. Причем здесь уже конкретно расписали, в какие сроки, что должно быть сделано. Реализовывать ее было намечено в два этапа. На первом этапе 2009–2010 гг. было запланировано создание правовой и организационной основы единой системы управления государственной службой. На завершение формирования данной системы, создания реального государственного органа отводилось целых три года – с 2011 до 2013. Однако задача эта, как таковая, реализована не была, не сделано было ни того, что планировалось на первом этапе, ни на втором. Единой системы управления государственной службой по той модели, которая в самых общих чертах вырисовывалась из положений программы реформирования в нашей стране и положений ФЗ № 58-ФЗ, создано не было.

¹ Указ Президента РФ от 19.11.2002 № 1336 (ред. от 15.11.2004, с изм. от 12.12.2005) «О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 годы)» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако это не значит, что функции по управлению государственной службой не реализовывались. На сегодняшний день в нашей стране сложилась определенная картина, в рамках которой осуществляются функции по управлению данным институтом.

В настоящее время функции по управлению государственной службой прежде всего реализуются Управлением по вопросам государственной службы и кадров Администрации Президента РФ, Министерством труда и социальной защиты РФ, Комиссией по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров при Президенте РФ. Кстати ситуация, когда функции по управлению государственной службой распределены между несколькими органами является достаточно распространенной в мировой практике. Так, например, во Франции вопросами управления государственной службой с одной стороны занимается специальное министерство государственной службы, а с другой стороны – высший совет государственной службы; в ФРГ данные функции разделены между тремя государственными органами: федеральным ведомством гражданской службы, министерством внутренних дел и федеральный комитет по кадрам; в США также три структуры занимаются вопросами управления госслужбой – служба управления персоналом, службы высших руководителей и совет по охране системных заслуг.

Если проанализировать Положение об Управлении в структуре Администрации Президента РФ, то к его задачам, прямо или косвенно касающимся управления государственной службой, относятся:

во-первых, контрольные функции, связанные с отслеживанием исполнения федеральных законов в пределах полномочий главы государства, а также его указов, распоряжений, поручений, касающихся государственной службы;

во-вторых, подготовка предложений Президенту, связанных с вопросами формирования кадровой политики государственной службы, ее реформирования и развития, в том числе путем содействия в определении основных направлений реализации данных вопросов, а также обеспечения эффективной и слаженной работы по их реализации различными государственными органами¹.

При этом Управление реализует функции, связанные с работой по подготовке предложений Президенту, касающихся организации государственной службы, системы управления ею, подготовки кадров, проектов соответствующих федеральных программ. Также Управление выступает в роли координатора последних путем организационного обеспечения структур, занимающихся подготовкой мероприятий по реформированию и развитию государственной службы и оказания методической помощи по планированию работ, оценке качества их реализации, подготовки отчетов по исполнению этих программ.

Еще одна функция Управления связана с проведением анализа практики реализации федеральных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы государственной службой, опыта ее реформирования и развития, его обобщения.

Отдельно Управление проводит мониторинг в органах исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Президент РФ, на предмет реализации в них направлений реформирования и развития государственной службы, имеющей место кадровой ситуации.

Управление занимается созданием и использованием кадрового резерва для замещения должностей государственной службы, как в Администрации Президента РФ, так и в государственных органах, руководство которыми он осуществляет. Например, согласно Указа Президента № 1653 от декабря 2012 г. (действует в редакции 2020 г.) о формировании федеральных кадровых резервов в федеральных госорганах, которыми руководит Глава государства, именно Управление занимается укомплектованием федеральных кадровых резервов федеральных органов, которые формируются для своевременного и качественного замещения высших воинских должностей. Сюда относятся должности высшего начальствующего состава, должности, замещаемые высшими офицерами. На плечах управления лежит весь спектр работ с данными федеральными резервами, как-то работа по проверке кандидатов в резерв, их подготовке, назначению на запланированные должности, исключению из кадрового резерва. То есть через данное направление работы Управление напрямую реализует положение ст. 17 ФЗ № 58-ФЗ, где говорится, что в системе государственной службы имеют место четыре вида кадровых резервов: два вида резервов

¹ Указ Президента РФ от 04.12.2009 № 1382 (ред. от 17.02.2021) «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы и кадров» // СПС «КонсультантПлюс».

привязаны к государственным органам – это резервы в федеральных и региональных государственных органах, а два резерва выходят за рамки отдельных госорганов, что дает последним больше возможностей для замещения вакансий наиболее профессионально подготовленными кадрами. Это федеральный кадровый резерв и кадровый резерв субъекта РФ, посредством которых, согласно ст. 11 того же закона, обеспечивается формирование кадрового состава государственной службой.

Весной 2022 г. Управление определено в качестве координатора государственной информационно-коммуникационной системы «Посейдон», созданной с целью профилактики коррупционных правонарушений¹.

Таким образом, можно видеть, что Управление Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров в области управления государственной службой реализует определенные функции по согласованию действий по реализации программ реформирования и развития госслужбы между различными государственными органами, а также функции методологического, аналитического, контрольного, координационного и отчасти организационного характера.

Министерство труда и социальной защиты прежде всего реализует методическую функцию посредством разработки и принятия методических инструментариев, методических рекомендаций, справочников, в первую очередь, по вопросам реализации кадровых технологий в сфере государственной службы².

Также к полномочиям Минтруда, согласно Положению³, относятся вопросы, связанные с пенсионным обеспечением тех федеральных государственных гражданских служащих, которые замещали должности в ликвидированных или реорганизованных госорганах, чьи функции не были переданы другим госорганам, и были уволены оттуда. В частности, оно определяет, какие периоды включаются в стаж государственной гражданской службы, что крайне важно при реализации прав и социальных государственных гарантий госслужащих, так как от выслуги лет зависит и назначение пенсии за выслугу лет, и установление ежемесячной надбавки в структуре денежного содержания, и продолжительность дополнительного отпуска, и размер поощрения за эффективную служебную деятельность.

Министерство выступает в качестве уполномоченного органа по оказанию методологической и консультационной поддержки в области функционирования и развития Единой информационно-коммуникационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы страны и использования системы «Посейдон».

Также непосредственно к функциям по управлению государственной службой, реализуемых Министерством, относятся:

- ведение базы данных тех федеральных гражданских служащих, которые имеют право и поставлены на учет для получения единовременной субсидии на приобретение жилья, согласно п. 4 ст. 53 ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», и снятых с этого учета;
- формирование государственного заказа на мероприятия по профессиональному развитию федеральных государственных гражданских служащих;
- отбор и приглашение независимых экспертов – специалистов в области государственной службы, кадров, определенных областях и видах деятельности – для включения в состав аттестационных и конкурсных комиссий и ведением их реестра с использованием федеральной государственной информационно-коммуникационной системы в области государственной службы⁴. В настоящее время эта работа ведется Министерством без использования данной системы;

¹ Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационно-коммуникационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

² Методический инструментарий Минтруда России по планированию найма и организации отбора кадров для замещения должностей государственной гражданской службы; Методические рекомендации по организации ротации федеральных государственных гражданских служащих; Методика нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации; Методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего; Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих и др.

³ Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 (ред. от 08.10.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Правительства РФ от 12.03.2021 N 359 (с изм. от 17.07.2021) «Об утверждении Правил приглашения и отбора независимых экспертов, включаемых в составы конкурсных и аттестационных комиссий федеральных государственных органов» // СПС «КонсультантПлюс».

- координация работы по подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении.

Комиссия по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров является еще одним органом, реализующим часть функций по управлению государственной службой. Ее целевое назначение заложено уже в названии: с одной стороны комиссия принимает участие в выработке программы развития государственной службы, с другой – занимается формированием и использованием резерва управленческих кадров, в том числе с позиции повышения эффективности этой работы.

Комиссия является коллегиально-совещательным органом, который, согласно Положению, собирается не реже одного раза в год. Ее членами являются ректоры ведущих вузов страны, лица, замещающие государственные должности и высшие должности государственной службы. Комиссия прежде всего занимается подготовкой предложений Главе государства по вопросам правового и организационного обеспечения государственной службы страны, развития и использования ее кадров, а также вопросы, связанные с формированием, подготовкой и использованием резерва управленческих кадров¹. В частности, Комиссия принимала участие в определении направлений развития государственной гражданской службы, в подведении итогов их реализации в период 2016-2018 гг.; выработке концепции формирования и использования резервов управленческих кадров; содействует проведению конкурса «Лидеры России» и т.д.

Таким образом, можно говорить, что на сегодняшний день на федеральном уровне сложилась определенная система по управлению государственной службой. Каждая из рассмотренных выше структур реализует свое направление, свою часть функций по управлению государственной службой. В целом ими реализуются методические функции, а если быть точнее, то методико-правовые, организационные и в определенной части координационные. Исходя из этого система по управлению государственной службой на федеральном уровне представляет собой совокупность специально уполномоченных государственных и коллегиально-консультативных органов, их структурных подразделений. Их деятельность направлена на обеспечение единообразия, во-первых, правоприменительной практики, во-вторых, ведению государственно-служебной деятельности, в-третьих, кадровой и организационной работы в сфере федеральной государственной службы, ее отдельных видов, на совершенствование и развитие данного института в целом.

Что касается управления государственной гражданской службой на уровне субъектов РФ, то здесь на сегодняшний день можно наблюдать довольно пеструю картину, что связано с тем, что федеральное законодательство не устанавливает каких-либо конкретных требований к формам организации данной системы. Согласно ранее сказанному в положениях ФЗ № 58-ФЗ лишь указывается, что исходя из принципа федерализма система по управлению госслужбой создается на федеральном и региональном уровнях и определяются в общем виде направления ее деятельности. Поэтому каждый субъект РФ в решении данного вопроса пошел своим путем, исходя из собственных представлений, как данное направление должно организовываться и работать в реалиях конкретного региона.

Вопросами управления государственной службой на уровне субъектов РФ на протяжении ряда лет достаточно подробно занимается Г.А. Борщевский [4]. В частности, им был проведен анализ имеющихся место подходов к организации управления региональной государственной гражданской службой и выделено несколько моделей [5, 6].

Чаще всего можно наблюдать создание органа по управлению государственной гражданской службой субъекта РФ как одного из органов исполнительной власти. Данный орган может создаваться просто как один из органов исполнительной власти, а может иметь более высокий статус – при главе исполнительной власти субъекта РФ или быть подразделением в структуре высшего должностного лица региона. Например, в Республике Крым орган по управлению госслужбой создан именно по последнему образцу: Главное управление по выполнению задач и функций органа по управлению государственной гражданской службой Республики Крым является структурным подразделением Аппарата Совета министров РК; Управление государственной и муниципальной службы Московской области является самостоятельным подразделением Администрации Губернатора.

¹ Указ Президента РФ от 09.02.2013 № 126 (ред. от 25.10.2021) «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров» // СПС «КонсультантПлюс».

Нередко встречается подход, когда специального органа по управлению гражданской службой в регионе не создается (или он еще не создан), а его функции вменяются в обязанности уже существующим органам: например, региональному министерству труда или министерству финансов, или управлению государственной службы и кадров (например, в Ленинградской области) и т.п.

Другая модель, когда органы по управлению создаются как совещательно-консультативные в виде комиссий (например, комиссии по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров при главах субъектов РФ существуют в республиках Тыва, Ингушетия, ряде др., в Калмыкии – комиссия по формированию резерва управленческих кадров) и советов, занимающихся вопросами кадровой политики (например, в Татарстане, Белгородской области)

Еще одна модель, когда орган по управлению государственной гражданской службой региона создается как государственный орган субъекта РФ, не входящий ни в одну ветвь власти. Такая организационная форма позволяет осуществлять управленческое воздействие и вневедомственный контроль в отношении государственной гражданской службы субъекта РФ всех ветвей власти, а не только исполнительной, что позволяет более полно реализовывать на уровне региона принцип единства правовых и организационных основ. Именно так, согласно данной модели, организовано управление государственной службой в Ростовской области. Ведомство по управлению государственной гражданской службой Ростовской области является областным государственным органом, действующим на постоянной основе. Возглавляет Ведомство руководитель, которого назначает на должность Законодательное Собрание области по представлению главы региона. В областном законе о Ведомстве прописано, что государственные органы Ростовской области и их должностные лица обязаны предоставлять по требованию органа по управлению гражданской службой все запрашиваемые документы, материалы и информацию, что, безусловно, позволяет не только оказывать методическое и консультационное воздействие на гражданскую службу субъекта РФ, но и реально влиять на ее организацию и функционирование, а также осуществлять вневедомственный контроль¹.

Первоначально как самостоятельный государственный орган был организован орган по управлению государственной службой Московской области, однако затем был реорганизован в подразделение Администрации Губернатора Московской области. В областном законе о гражданской службе особо подчеркивается, что Московская областная Дума самостоятельно решает все вопросы, связанные гражданской службой в ее аппарате², что, безусловно, определенным образом разрушает единую систему управления гражданской службой на уровне конкретного региона.

Подводя итог можно отметить, что, пройдя определенный путь развития, на сегодняшний день на федеральном уровне сложилась некоторая картина управления государственной службой, которую можно назвать системой. И хотя она отличается от той модели, которая планировалась изначально (насколько об этом можно судить исходя из общих положений), однако она неплохо функционирует и продолжает развиваться. На уровне субъектов РФ картина не столь стройная, что связано с тем, что федеральное законодательство дает только самые общие установки в области организации и функционирования данного института. У регионов фактически полная свобода действия, с чем и связано многообразие подходов к выбору модели организации данной работы.

На наш взгляд, с организационной точки зрения, наиболее удачной формой выстраивания работы по управлению гражданской службой в регионе является модель, реализуемая в Ростовской области. Такой подход позволяет осуществлять управленческое воздействие и контрольные мероприятия в отношении всей гражданской службы субъекта РФ, а не только одной из ветвей власти, что, безусловно, способствует единству подходов и к организации и функционированию гражданской службы, и правоприменительной практики.

¹ Закон Ростовской области от 21 декабря 2005 года N 419-ЗС (в ред. 01.03.2021 N 441-ЗС) «О Ведомстве по управлению государственной гражданской службой Ростовской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/802045833>

² Закон Московской области от 11 февраля 2005 года N 39/2005-03 (в ред. 29.12.2021) «О государственной гражданской службе Московской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/5810497>

Список источников

1. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Бачило И. Л., Гришковец А. А., Мелюхин И. С., Салищева Н. Г., и др.; Отв. ред. И. Л. Бачило. М.: Юрист, 1998.
2. Черепанов В. В. Управление государственной службой: состояние, проблемы и пути реформирования / Сборник статей. РАГС при Президенте РФ; Отв. ред. – Е.В. Алферова, В.В. Черепанов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. С. 37–50.
3. Соловьева А. К. Проблемы становления системы управления государственной службой в современных условиях // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при Полномочном представителе Президента РФ в СЗФО. 2008. № 1. С. 64–75.
4. Борщевский Г. А. Реформирование государственной службы в России: промежуточные итоги и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 65–88.
5. Борщевский Г. А. Модели управления бюрократией с учетом экономического развития регионов. // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 79–95.
6. Борщевский Г.А. В поисках оптимальной модели управления государственной службой (опыт российских регионов) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 63. Август 2017.

References

1. Bachilo I.L., Grishkovets A.A., Melyukhin I.S., Salishcheva N.G., et al.; Ed. by I.L.Bachilo. *Executive power in the Russian Federation. Problems of development*. Moscow: Lawyer; 1998. (In Russ.)
2. Cherepanov V. V. *Public service management: state, problems and ways of reforming*. In: Collection of articles. RAGS under the President of the Russian Federation; Ed. – E.V.Alferova, V.V. Cherepanov. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2003:37–50. (In Russ.)
3. Solovyova A.K. Problems of formation of the public service management system in modern conditions. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service. Bulletin of the Coordinating Council on Personnel Issues, State Awards and Public Service under the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Northwestern Federal District*. 2008;(1):64–75. (In Russ.)
4. Borshchevsky G. A. Reforming the civil service in Russia: interim results and prospects. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Issues of state and municipal administration*. 2014;(2): 65–88. (In Russ.)
5. Borshchevsky G. A. Models of bureaucracy management taking into account the economic development of regions. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2017;(5):79–95. (In Russ.)
6. Borshchevsky G.A. In search of an optimal model of public service management (experience of Russian regions). *Gosudarstvennoe upravlenie = Public administration. Electronic bulletin*. Issue No. 63. August 2017. (In Russ.)

Информация об авторе

С. Л. Нужнова – канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

S. L. Nuzhnova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of URIU RANEP.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

SOCIOCULTURAL BACKGROUND OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

Andrey V. Rachipa¹, Kamilla G. Abazieva², Sergey I. Samygin³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rachipa@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

¹Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

^{2,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²abazieva_kamilla@mail.ru

³samygin78_@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the sociocultural background of human resource management in modern Russian society. Research methodology is based on a culturological approach to the analysis of management, as well as the concept of organizational culture. The authors show that the process of human resource management has a sociocultural specificity, which must be taken into account in the implementation of management activities. The specificity of human resource management in modern Russian society is caused by several factors: the need to increase the efficiency of organizations, the peculiarities of the political situation the Russian economy is developed in, as well as sociocultural management features preserved from the Soviet model of governance.

Keywords: human resource management, organizational culture, modernization, personnel management, efficiency, motivation

For citation: Rachipa A. V., Abazieva K. G., Samygin S. I. Sociocultural background of human resource management in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):43–49.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-43-49>.

Проблемы управления

Научная статья

УДК 316.728

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-43-49

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андрей Валерьевич Рачипа¹, Камилла Григорьевна Абазиева²,
Сергей Иванович Самыгин³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rachipa@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

^{2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

²abazieva_kamilla@mail.ru

³samygin78_@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ социокультурных оснований управления человеческими ресурсами в современном российском обществе. В качестве методологии исследования используется культурологический подход к анализу управления, а также концепции организационной культуры. Авторы показывают, что процесс управления человеческими ресурсами обладает социокультурной спецификой, которую необходимо учитывать при осуществлении управленческой деятельности. Специфика управления человеческими ресурсами в современном российском обществе обусловлена несколькими факторами: необходимостью повышения эффективности деятельности организаций, особенностями политической ситуации, в которой осуществляется развитие российской экономики, а также сохраняющимися социокультурными особенностями управления, обусловленными советской моделью управления.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, организационная культура, модернизация, управление персоналом, эффективность, мотивация

Для цитирования: Рачипа А. В., Абазиева К. Г., Самыгин С. И. Социокультурные основания управления человеческими ресурсами в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 43–49. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-43-49>

Introduction. Human resource management is the most important aspect of management activity, the quality of which directly affects the productivity and efficiency of the organization.

The main components of human resource management of an organization are: hiring employees, their selection and recruitment; adaptation of a new employee to the established norms, rules and requirements in the organization, familiarizing him with professional duties; employee performance assessment; organization of personnel training, contributing to their professional growth; strategic and career planning; incentives for employees; ensuring safety and social guarantees; coordination of labor relations; work planning; control of labor activity, motivation of employees, etc. [1; 2].

Thus, the range of tasks carried out in the framework of human resource management of an enterprise is quite extensive. It covers almost the entire sphere of interpersonal interactions within the organization. Human resources are the employees of the organization, its human capital, which is able to bring profit to the enterprise and to the employees themselves, with effectively established management that combines the interests of the organization and the employees themselves.

There are many theoretical approaches in management based on the recognition of the importance of the human factor. Starting with the theory of human relations proposed by E. Mayo, according to which the efficiency of workers depends on the attitude of the leadership towards them, theoretical management has been improving management practices. This has been facilitated by various theories of motivation (A. Maslow, F. Herzberg, D. McGregor, etc.).

Materials and methods. Within the framework of the proposed topic, it is important to emphasize the methodological significance of the culturological approach to management, which has become the basis of the theories of organizational culture.

There are many definitions of organizational (or corporate) culture, just as there are many definitions of culture in general. Organizational culture is a part of the culture of the society in which it exists; therefore, we can say that it is not a completely autonomous from the external environment system. Organizational culture includes values, ideas and perceptions, as well as the rules of conduct the organization operates on [3]. Organizational culture is largely determined by the specific activities of the organization, its goals and functions. In addition, organizational culture directly depends on the culture of the society where the organization operates. Human resources of the organization are themselves representatives of a certain culture, and the effective work of the organization's personnel largely depends on how the culture of the employees corresponds to the cultural standards accepted in the organization. This problem becomes especially noticeable in the case when management staff and other employees belong to different cultural traditions – such a situation occurs in many large organizations of the modern global world. The globalization of the modern world is, first of all, the globalization of the economy, which means the global spread of market mechanisms and standards on a global scale. These mechanisms, Western in origin, have long been universal, but this does not mean their complete uniformity. The universal elements of the market organizational culture function in different cultural contexts [4], which have an opposite effect on them. Therefore, it makes sense to talk both about the sociocultural grounds of economic activity in general, and about the features of managerial activity due to the sociocultural heritage of a particular society.

For several decades, modern Russian society has been in the process of market transition – the formation of a market economy after the destruction of the socialist model of the economy. The modern Russian management culture has a synthetic character, combining the universal requirements of market efficiency with its own cultural heritage, which also determines real management practices. Therefore, the task of studying the sociocultural grounds of human resource management in modern Russian society seems to be urgent.

Numerous studies show that organizational performance is directly or indirectly related to organizational culture. A healthy and stable organizational culture gives the company numerous advantages: a competitive advantage through innovation and improved customer service; stable and efficient work

of employees; team cohesion and high morale; strong focus of the company on achieving the goal [5]. Organizational culture can be a factor in the survival or ineffectiveness of an organization, although this is difficult to prove empirically given that the required longitudinal analysis is unlikely to be feasible. However, the sustainable competitive advantage of firms such as IBM, Procter & Gamble and McDonald's, may be at least in part, a reflection of their organizational culture.

A study conducted by the Harvard School of Business in 2003 [6] showed that culture has a significant impact on long-term economic performance of an organization. The study looked at management practices in 160 organizations over ten years and found that culture can either increase productivity or be harmful to it. Organizations with a strong performance culture showed better financial growth. In addition, research showed that cultural characteristics such as risk taking, effective internal communication and flexibility are important factors influencing the individual performance of employees. Moreover, innovation, productivity and the ability to cooperate, like other cultural factors, also have positive economic implications.

Denison, Haaland and Geltzer [6] found that culture contributes to the success of an organization, but not all aspects of organizational culture contribute to this success in the same way [7]. It was found that the influence of different parameters is not the same in different regions of the world, which suggests that organizational culture is influenced by national culture.

Organizational culture determines how people perform tasks, set goals, and manage the necessary resources to achieve goals. Culture influences ways of making decisions, reacting to opportunities and threats emanating from the external environment of the organization.

Job satisfaction is positively related to the degree of consistency between the general culture of personnel and the culture of the organization they work in [1; 3]. The mismatch between learned norms of general culture and norms of organizational culture generated a number of negative consequences, including lower job satisfaction, higher workload, general stress and staff turnover. It is suggested that organizational culture could influence the creativity of employees, their motivation, the tendency of employees to report unethical conduct. However, more research is needed to confirm these findings.

Organizational culture also influences staff recruitment and stability. People tend to be attracted to organizations that they believe meet certain cultural standards and expectations, people tend to work in such organizations, and high turnover can be related to the interaction of culture and the effectiveness of the organization. The culture of the organization does not always respond to new challenges on time, which results in a deterioration in performance and the desire of employees to change jobs.

An overly rigid organizational culture can hinder innovative activity, especially when employees get used to the existing system, they are well aware of the requirements of their roles that they must fulfill in the organization, they are focused primarily on stability and are not ready for change. Thus, the existing culture of employees can become a brake on the development of the organization. According to Mar [8], 70% of all efforts to change the situation fail because of the culture of the organization staff. One of the main reasons why these difficulties arise is that organizational cultures and the organizational structures they are embedded in often bear the "imprint" of earlier periods in the development of the organization and society as a whole. This demonstrates the ability of culture to inertia.

A change in organizational culture may be necessary to reduce employee turnover, influence employee behavior, improve the company, reorient company goals, organizational scale and structure, improve customer service, achieve specific goals, and increase company performance. Culture change is influenced by a number of elements, including the external environment and industry competitors, changing industry standards, changes in technology, the number and quality of staff, and the history and management of the organization.

The most important aspect of organizational culture that affects the performance of personnel is the aspect of understanding what people are working for. The study of organizational culture was significantly influenced by the analysis of the experience of Japanese corporations, which reached an unexpected peak of growth in the 80s of the 20th century. It turned out that the values underlying their activities were significantly different from the values underlying the activities of Western companies at that time. It was important for Japanese workers to belong to the corporation like a large family, and they linked personal success to the success of the company much more than Western workers. At the same time, the approval of others and mutual responsibility were very important for Japanese workers, which made them very disciplined. They preferred stability to rapid career growth, guaran-

ted by hard work and exceeding normal labor standards. Japanese workers were much more relaxed about the hierarchy, following its principles; they did not seek to emphasize inequality, but, on the contrary, outwardly demonstrated the closeness of top management and ordinary workers thanks to the system of rituals. Western workers focused primarily on personal success and a personal career, achieving a high level of well-being, did not seek to identify their interests with the interests of the company as a whole, they were guided by the spirit of individual rivalry and competition. Actually, in many respects, it was from the study of the specifics of Japanese management (which over time lost its aura of superiority) that the analysis of the importance of culture for achieving corporate success and human resource management began. At the same time, the importance of historical traditions for the development of models of effective management was realized. Many typologies of organizational culture were developed and proposed, negative and positive aspects of different models were highlighted; all this experience one way or another found its expression in the management practice of different countries. In this regard, the question of the sociocultural foundations of human resource management in Russian society seems to be relevant. As well as the influence of specific Russian experience on the universal management models developed over the years by analyzing the influence of cultural factors on human resource management.

Research results and their discussion. Specifics of management culture and human resource management in Russian society.

Russian management models, in many respects, inherit the Soviet experience of management, very specific, due to those tasks of the development of society determined by ideological tasks. The paradox of the Soviet experience of management was that the main goals of management were a synthesis of the real needs of economic development and ideological principles, which, in many respects, hindered the effective solution of economic problems and created large-scale costs, and these costs concerned human resources. The term "human resources" was used in Soviet official discourse along with the term "cadres" (personnel). The importance of "cadres" and personnel policy was embodied in the well-known statement of I. Stalin "Cadres decide everything," but the attitude towards cadres in Soviet society was utilitarian. What were the specific features of the Soviet management model in relation to human resources?

The new Soviet state emerged as a result of the revolution was based on an ideology, the declared goal of which was the emancipation of labor and people of labor, both the working class and the peasantry. In practice, from the first years of Soviet power, real workers and peasants, as well as representatives of other social strata, became a "resource" for building a fundamentally new and never-before-existing socialist economy, which was supposed to surpass the capitalist one. In reality, the country faced a difficult and catastrophic path of mobilization development in order to catch up with the most developed industrial countries, while many of the economic achievements of pre-revolutionary Russia were practically lost during the years of the civil war.

The mobilization type of development, which the Soviet state embarked on, presupposed strict centralized state management of the economy – from setting goals to attracting and distributing resources. The state set advanced goals: it needed the development of industrial production, the Russian countryside became a resource for the development of Soviet industry, from which both material and human resources were withdrawn. In the 1920s and 1930s, even in developed capitalist societies, the exploitation of hired workers and their weak security was a normal state of affairs, but in the Soviet state this exploitation took on a state and repressive character, its methods were not only economic, but also political. The results of the industrialization and collectivization of Soviet society in the pre-war period are well known, and it is important for us to note here that at this time a specific model of human resource management was laid, which practically excluded the personal initiative of the employee, free mobility of labor resources, the interest of workers in the growth of material well-being, centralization and total bureaucratization of management and the constant use of the threat of reprisals as a mechanism for maintaining labor discipline and meeting productivity standards descended from above.

If repression was a negative mechanism for managing human resources, then ideological education should have become a positive mechanism forming labor motivation. Ideology was the main factor giving rise to various labor initiatives and supposedly spontaneous initiatives of workers to increase labor productivity, as well as inspiring workers in socialist production to work not so much for their own good as for the great goal of building a communist society. However, the communist society as an ideal, and indeed the dominant ideology itself, meant improving people's lives. The weakening of the repressive nature of the regime after the death of Stalin and the debunking of the personality cult, a change in the social structure of Soviet society, scientific and technological development, and an in-

crease in education led to the fact that management methods were gradually changing. In the last decades of the existence of Soviet society, a relatively high standard of living and social security was achieved. However, the most basic features of the socialist management model remained: centralization, bureaucratization, planning, lack of effective methods of stimulating labor productivity, lack of space for initiative and innovation, to which were added low labor discipline, low labor motivation, flourishing of informal relations and the informal economy, distortion of real information on the results of the activities of enterprises, etc. All these factors, along with many others, contributed to the slowdown in economic growth and, as we know, led, ultimately, to the collapse of the socialist economy and the Soviet state.

In the 90s, Russian society went through a period of a sharp economic recession and feverish economic reforms, accompanied by the reset of almost all social obligations by the state and the privatization of state property. In the conditions of a normative, legal and ideological crisis, a post-Soviet market society was formed, becoming a part of the global capitalist economy. In this situation, new forms of organization management gradually began to develop, and taking care of qualified human resource management was not their primary task. The remaining sizable sector of state organizations, in many respects, was governed by practically old methods. We can say that the post-Soviet society has still been combining different management models, including human resource management. The most advanced enterprises are guided by new management theories, which is facilitated by the formation of a fairly large layer of professional managers striving to master and apply Western models, including those focused on effective human resource management. At the same time, in recent decades, with the strengthening of the state in the economy, the old management problems associated with the use of the "administrative resource", the fusion of power and property, bureaucratization, and the restriction of private initiative are again becoming relevant. The most influential and large players on the Russian market are large companies associated with the explicit or implicit presence of the state.

Russian enterprises are characterized by peculiarities of human resource management, the roots of which are in many ways connected with the Soviet past.

First of all, the directive and authoritarian style of personnel management should be noted [9]. It is expressed in the adoption of individual management decisions – without any agreements or discussions; a career growth within the organization is not so much based on professional qualities, but depending on the relationship with the manager. Violations of labor legislation, taking advantage of the fact that the majority of Russian workers do not know how or do not want (due to moral and material costs) to defend their interests in the courts, and often do not even know that some norms regarding them have been violated, and statutory obligations are not being met.

The directive management style is characterized by a rather primitive method of working with human resources. It comes down to hiring (or firing) and maintaining the necessary documentation. Adaptation of a new employee, his prospects, problems of professional development, employee motivation – all these are not solvable or even set tasks. Naturally, in such conditions, the task of forming an effective corporate culture is not even posed. This situation is due to the fact that hired workers are seen as relatively easy to replace and more interested in maintaining their jobs than the employer. A similar situation takes place even in Russian universities, the resources of which, it would seem, should have the necessary competence both to defend their rights and to participate in decision-making. Nevertheless, university workers, constantly showing dissatisfaction with the level of wages and workload, as a rule, do not quit, but continue to fulfill their duties, resorting only to informal resistance in the form of failure to comply with certain instructions and requirements. This is the situation in state universities, but at the same time in commercial universities, of which there are very few left in Russia, employees have even fewer rights and opportunities than in state ones.

More flexible and diverse models of human resource management can be observed in foreign companies operating in Russia, but not in all, adaptation to the peculiarities of the Russian market, power and culture may be accompanied by the assimilation of accepted local rules. Moreover, there are not so many foreign companies with foreign management in Russia. Although some Russian companies are striving to introduce Western management practices.

Human resource management, like other elements of economic and entrepreneurial activity in Russian society, is ultimately associated with cultural stereotypes assimilated by Russians in the course of their

socialization and perception of the cultural experience of previous generations, formed in certain historical conditions. The study of the cultural characteristics of Russian entrepreneurs of different levels made it possible to identify the following set of qualities that affect their professional activities.

The high value of personal rather than professional qualities, the desire to build business relationships based on personal characteristics, the desire for trusting relationships – and at the same time, a low level of trust.

Conformity, dependence on the opinion of the group, and at the same time unreliability, lack of responsibility and professional integrity.

The tendency to bribe officials, evade taxes and hide income, which can partly be explained by the traditional distrust and dependence on the authorities. Thus, the need to bribe officials arises in connection with formalized and cumbersome regulatory mechanisms that control entrepreneurial activity.

Western researchers [10] distinguish among Russian entrepreneurs such properties as a deep gap between managers and subordinates (this also affects human resource management), anxiety, individualism, and a desire to avoid uncertainty. The latter features are also understandable, given the specifics of the development of the market economy in post-Soviet Russia.

According to researchers, the style of Russian managers is characterized by authoritarianism and, at the same time, a desire to avoid responsibility for decision-making. The organizational culture of most Russian enterprises does not provide for the participatory approach that underlies modern theories of personnel management. This approach involves the perception of each employee as a conscious and responsible individual, considering him as a partner who can potentially have valuable ideas that are useful for improving the efficiency of the organization.

Interesting data are demonstrated by the results of a survey of Russian directors of enterprises [8]. From the point of view of the respondents:

- Western management models work only in a stable society – 58%;
- Western models can work at a different salary level – 54%;
- Western models do not correspond to Russian culture – 44%;
- Our staff is not qualified enough to implement Western models – 19%;
- Western models work with other buyers – 12%.

The survey results demonstrate not only a specific view of human resources, but also a negative attitude towards developed and effective management techniques.

Conclusion. During the post-Soviet period, Russian society has gone through a rather difficult path of reforms, as a result of which a Russian model of a market economy has developed, combining the universal features of a market economy with certain specific features due to the influence of the Soviet management model. With regard to human resource management, the sociocultural foundations laid down by the Soviet experience imply the predominance of authoritarian directive management and an attitude towards the human resources of enterprises as a material resource rather than a creative potential responsible for the effective development of a company. However, Russian society is not a static system, it is developing, and even highlighting some negative tendencies, it is necessary to remember that this is only a part of reality, and along with rather rigid management models, there are others, and there is recognition of the fact that, for effective development it is necessary to improve management practices.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов М.Т., Васьков М.А. и др. Специфика управленческих компетенций в контексте управления персоналом образовательной организации. В кн.: Государственное управление и региональное управление в России. Проблемы и перспективы в мультикультурном регионе. сер. «Вклад в экономику». Швейцария, 2020. С. 291-298.
2. Попова А.В. Социально-философский аспект проблемы индивидуальной автономии // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12 (80). С. 41-46.
3. Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., Shvets L.G., Kobysheva L.I., Goncharova S.N., Samygin S.I. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development. Revista Inclusiones. 2019. Том. 6. № 2. С. 215-224.
4. Артамонова Я.В., Гафиатулина Н.Х. Жизненный мир молодой семьи в пространстве поликультурного региона: устойчивость и риски распада // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 233-236.

5. Belikova N.Yu., Rachipa A.V., et al. Spiritual and moral values as the sense basis and the factor of improving the quality of management of the education system. *Revista Turismo Estudos & Práticas*. 2020. No S4, p. 16.

6. Организационная культура: учебник и практикум для академического бакалавриата. В.Г. Смирнова [и др.] под редакцией В.Г. Смирновой. М., 2019. 306 с.

7. Абазиева К.Г., Гончарова С.Н., Масленникова Л.П., Стратан Д.И. Методы управления государственными финансовыми ресурсами // *Средиземноморский журнал социальных наук*. 2015. Том. 6. № 3. С. 60-70.

8. Кулапов М.Н., Лабаджян М.Г. Особенности использования стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами в России // *Известия УрГЭУ*. 2010. № 5 (31).

9. Фернем А. Рейтинг начальника, коллеги и подчиненного // *Журнал управленческой психологии*. 2002. Том. 17. №8.

10. Ardichvili A., Kuchinke P. Leaders hip Styles and Cultural Values among Managers and Subordinates: Comparative Study of Four Countries of the Former Soviet Union, Germany, and the USA, Human Resource Development International. 2002. No 5(1).

References

1. Belov M.T., Vaskov M.A., et al. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization. In the book: *Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region*. Ser. "Contributions to Economics". Switzerland, 2020: 291-298 (In Russ.)

2. Popova A.V. Socio-philosophical aspect of the problem of individual autonomy. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*. 2020; 12 (80): 41-46 (In Russ.)

3. Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., Shvets L.G., Kobysheva L.I., Goncharova S.N., Samygin S.I. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development. *Revista Inclusiones*. 2019; 6 (2): 215-224.

4. Artamonova Ya.V., Gafiatulina N.Kh. Life world of young family in space of multicultural region: sustainability and risks of disintegration. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021; 1: 233-236 (In Russ).

5. Belikova N.Yu., Rachipa A.V., et al. Spiritual and moral values as the sense basis and the factor of improving the quality of management of the education system. *Revista Turismo Estudos & Práticas*. 2020; S4: 16.

6. Organizational culture: textbook and workshop for academic bachelor's degree. VG Smirnova [and others] edited by V.G. Smirnova. M., 2019: 306 (In Russ).

7. Abazieva K.G., Goncharova S.N., Maslennikova L.P., Stratan D.I. Methods of management of public financial resources. *Sredizemnomorskij zhurnal social'nyh nauk = Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6 (3): 60-70 (In Russ).

8. Kulapov M.N., Labadzhyan M.G. Features of the use of a strategic approach to human resource management in Russia. *Izvestiya UrGEU = Izvestiya USUE*. 2010; 5 (31) (In Russ).

9. Furnham A. Rating a Boss, a Colleague and a Subordinate. *ZHurnal upravlencheskoj psihologii = Journal of Managerial Psychology*. 2002; 17(8) (In Russ.).

10. Ardichvili A., Kuchinke P. Leaders hip Styles and Cultural Values among Managers and Subordinates: Comparative Study of Four Countries of the Former Soviet Union, Germany, and the USA, Human Resource Development International. 2002. No 5(1).

Информация об авторах

А. В. Рачипа – докт. социол. наук, проф.;

К. Г. Абазиева – докт. экон. наук, доц.;

С. И. Самыгин – докт. социол. наук, проф.

Information about the authors

A. V. Rachipa – Doctor of Sociological Sciences, Professor;

K. G. Abazieva – Doctor of Economics, Associate Professor;

S. I. Samygin – Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 23.05.2022.

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ «УМНОГО» РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рустам Валентинович Шхагошев¹, Астемир Арсенович Бахунов²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shhagoshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4971-017X>

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, abakhunov@mail.ru

Аннотация. Широко известная и активно внедряемая в мире и Российской Федерации функциональная концепция «умного» развития территорий в настоящее время характеризуется декларацией принципов антропоцентризма, качественного роста технологичности инфраструктурных систем и процессов, «цифровой революции» в управлении территориальными ресурсами всех видов, прогресса в организации безопасной и комфортной среды проживания. Новизна постановки проблем развития «умных» территорий в целом и «умных городов», в частности, и их вклада в позитивные пространственно-экономические трансформации регионального и национального масштабов обусловили необходимость широкого научного поиска в части методов и методик оценки направленности, масштабов и эффективности (в первую очередь – социально-экономической) процессов «умной» урбанизации, роста муниципальной «цифровой зрелости» и ее позитивного восприятия участниками муниципальных и региональных социально-экономических систем.

Ключевые слова: «умный город», концепция «умного» развития территорий, технологичности инфраструктурных систем и процессов, «цифровая революция», безопасная и комфортная среды проживания, эффективность процессов «умной» урбанизации, экономические трансформации, управление территориальными ресурсами, «цифровая зрелость», муниципальные и региональные социально-экономические системы

Для цитирования: Шхагошев Р. В., Бахунов А. А. Индикаторы оценки «умного» развития территории // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 50–61. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-50-61>

Problems of Management

Original article

INDICATORS FOR THE ASSESSMENT OF "SMART" DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Rustam V. Shkhagoshev¹, Astemir A. Bakhunov²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shhagoshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4971-017X>

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, abakhunov@mail.ru

Abstract. The functional concept of "smart" development of territories, widely known and actively implemented in the world and the Russian Federation, is currently characterized by a declaration of the principles of anthropocentrism, a qualitative increase in the manufacturability of infrastructure systems and processes, a "digital revolution" in the management of territorial resources of all types, progress in organizing a safe and comfortable living environment. The novelty of posing the problems of developing "smart" territories in general and "smart cities" in particular and their contribution to positive spatial and economic transformations of the regional and national scales necessitated a broad scientific search in terms of methods and techniques for assessing the direction, scale and effectiveness (primarily – socio-economic) processes of "smart" urbanization, the growth of municipal "digital maturity" and its positive perception by participants in municipal and regional socio-economic systems.

Keywords: "smart city", the concept of "smart" development of territories, manufacturability of infrastructure systems and processes, "digital revolution", safe and comfortable living environment, efficiency of processes of "smart" urbanization, economic transformations, management of territorial resources, "digital maturity", municipal and regional socio-economic systems

For citation: Shkhagoshev R. V., Bakhunov A. A. Indicators for assessing the "smart" development of the territory. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):50-61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-50-61>.

Под влиянием глобальной синхронизации и конвергенции различных областей науки и технологий, перехода от индивидуального к сетевому и кластерному типам пространственного развития, повсеместного внедрения «умных решений» в мире сейчас происходит трансформация сложившейся ранее парадигмы территориального развития в «умное развитие», основанное на сквозных цифровых технологиях, инновациях и человеческом капитале. Цифровая трансформация предоставляет возможности инклюзивного экономического роста для отраслей, территорий и государств, одновременно порождая многочисленные вызовы, связанные с новыми формами взаимодействия экономики, общества и технологий.

В данном отношении концепция «умного» развития территории отражает необходимость функционирования различных территориальных образований в соответствии с принципами «умной специализации» и внедрением на всех уровнях экономики и управления сквозных цифровых технологий, преобразуя эти территории в «умный регион», «умный город» [1] и т.д.

Для терминологического описания цифровой трансформации пространственного развития и механизмов управления исследователь Сутриади Р. [2] определяет «умный регион» как новаторский подход к устойчивому планированию на региональном уровне, который способствует устойчивому развитию, основанному на знаниях, достигаемых посредством непрерывного обучения. Автором «умные территории» представлены в качестве иерархической технологической и инновационной концепции «умная деревня» – «умный город» – «умный регион» для достижения целей устойчивого развития.

Российская научная академическая мысль и региональные управленческие практики развиваются в аналогичном ключе, формулируя основные положения и принципы формирования «умных регионов» как продолжение стратегий «умных городов».

В частности, в работе Кубрак И. А. на основе систематизации результатов внедрения концепции «умный город» и лучших практик управления городской средой и пригородными территориями в рамках реализации национальных проектов «Жилье и комфортная городская среда», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Экология» предлагается расширить концепцию «умный город» до концепции «умный регион» [3]. В исследовании Тебекина А. В., Егоровой А. А. на основе анализа динамики российских процессов урбанизации установлено, что значительная часть социально-экономических проблем развития территорий не может быть в полном объеме решена в рамках системы концепций «умный город» и должна решаться на других иерархических уровнях управления в рамках концепций «умный регион» и «умная страна» [4].

Одним из приоритетных национальных проектов, реализуемых в настоящее время в нашей стране и сочетающих в себе решение целого комплекса задач «умного» развития территории, является проект цифровизации городского хозяйства «Умный город»¹, реализуемый Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. По мысли разработчиков, данная проектная инициатива обладает, как минимум, тремя ключевыми направлениями получения социально-экономических эффектов:

- экономия всех видов ресурсов и рост рациональности природопользования, ориентированный на снижение антропогенной нагрузки на территорию муниципалитетов;
- рост эффективности муниципального управления;
- повышение конкурентоспособности городов как субъектов процессов межрегиональной и международной конкуренции за человеческий и креативный капитал.

¹ Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства "Умный город"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373509/ (дата обращения: 15.01.2022).

При этом реальное социально-экономическое значение «умных городов» как прогрессивных форм пространственно-экономической трансформации и перспективных точек регионального социально-экономического развития в настоящее время находится в стадии научного поиска, гораздо более широкого, нежели отдельные цифровые инфраструктурные решения. В этой связи в рамках нашего исследования в приоритетном порядке будем рассматривать особенности именно «умных городов».

В связи с этим рассмотрим подходы различных авторов к толкованию концепта «умного» города (табл. 1).

Таблица 1 – Подходы к трактованию концепции «умный город»

Table 1 - Approaches to the interpretation of the concept of "smart city"

№ п/п	Автор	Содержание исследовательского подхода с позиции ключевых аспектов
1.	Асатрян А. Г. [5, с. 12]	Муниципальная инфраструктура для ведения инновационной деятельности. Модель муниципального управления. Элементы цифровой реструктуризации (трансформации) на муниципальном уровне управления
2.	Журавлев Д. М. [6, с. 15]	Цифровая модель муниципального «электронного правительства». Рост занятости и производительности труда как основные эффекты цифровизации муниципального уровня управления
3.	Ибрагимова З. Ф. [7, с. 9]	Определение процесса «территориально-структурная трансформация городской структуры». Рост качества жизни и устойчивость муниципального развития в экологическом, социальном и экономическом аспектах как ключевые цели «умной трансформации» муниципалитета. Активизация и вовлечение населения муниципалитета как ключевого цифрового субъекта
4.	Камолов С. Г. [8, с. 63]	«Высокотехнологичная парадигма регионального управления». Ретроспектива теорий муниципального (городского) развития. «Козэволюция систем государственного регионального и муниципального управления и ИКТ». Разрывы между национальной и региональной тенденциями цифровизации управленческой функции. Стратегические направления и особенности цифровизации регионального и муниципального управления
5.	Кутовой С. И. [9, с. 7]	«Региональная контактно-гравитационная среда». Особенности взаимодействия городов в составе регионального урбанистического каркаса
6.	Медведев В. М. [10, с. 47]	Система методов научного исследования городской среды. Характеристика масштабов проектных инициатив направленности «Умный город» в Российской Федерации. Критерии функциональной и социально-экономической эффективности цифровой трансформации «умных городов»

Асатрян А.Г. рассматривает «умный город» как перспективную локацию, способную к эффективной инфраструктурной поддержке инновационной деятельности на основе системного подхода к организации управления муниципальным инновационным процессом. Результатом организации подобного управления должна была стать устойчивая территориальная траектория социально-экономического развития, обоснованная ростом маржинальности пространственной экономической системы.

Согласимся с Камоловым С. Г. в подчеркивании факта междисциплинарного научного подхода к исследованию феномена и перспектив «умных городов», связанных с особенностями технологического, социально-экономического, программно-целевого и управленческого подходов.

Отметим также, что базовой функций «умных городов» автор считает устойчивое муниципальное развитие и формирование фундамента экономического роста (не обосновывая при этом наличие реальной конкурентоспособности «умных» муниципальных образований в процессах

региональной и межрегиональной конкуренции). Автором также выделены и подробно описаны социально-ориентированный, стимулирующий и инклюзивный типы муниципальной политики, поддержанные цифровыми технологиями «умного города» и призванные обеспечить рост конкурентоспособности города как локальной точки экономического развития.

Кроме того, конкретные цифровые системы муниципального управления, актуальные для современных «умных городов», представлены Камоловым С. Г. в классификации «умного» технологического базиса (табл. 2).

Таблица 2 – Технологический базис функционирования «умного города»¹

Table 2 – Technological basis of functioning of "smart city"

Сфера применения	Пример технологии
Управление	Системы электронного правительства; городские операционные системы; системы управления эффективностью; городские коммуникации с жителями (urban dashboards)
Службы безопасности и спасения	Централизованные диспетчерские; цифровое наблюдение CCTV; предиктивные модели обеспечения общественной безопасности; реагирование на чрезвычайные ситуации
Транспорт	Интеллектуальные транспортные системы; единый билет; умные туристические карты; "делимобиль/деливелосипед"; online информация о пассажирах; умная парковка; транспортные приложения
Энергетика	Умные сети, освещение, счетчики; приложения энергопотребления
Отходы	Раздельный сбор и динамическая маршрутизация
Экология	Сети датчиков окружающей среды (загрязнение, шум, погода, движение земли, наводнения)
Здания и сооружения	Системы управления зданием; сенсорные сети
Жилые дома	ВІМ технологии, управляемые приложениями системы
Общественные зоны	Открытые добровольные данные

Таким образом, можно сделать вывод, что «умный город» с позиций социально-экономического подхода к управлению экономикой муниципалитетов представляет собой особый тип пространственно локализованных социально-экономических систем, позволяющий реализовать систему локальных конкурентных преимуществ интеллектуального типа на основе массированного внедрения инфраструктурных и управленческих технологий, методов и инструментов.

Специфику «умного города» как самостоятельного типа пространственных точек роста и источника позитивных пространственно-экономических трансформаций представим в виде ряда следующих его характеристик:

1. Системный социально-экономический эффект:

- связан с реализацией муниципального консенсуса и принципов оптимизации муниципальных управленческих решений по критериям недопущения ухудшения позиций стейкхолдеров муниципалитета (населения, мигрантов, структур корпоративного и муниципального сектора);
- экономия всех видов ресурсов, рост рациональности природопользования и снижение антропогенной нагрузки на территорию и природную среду (пространство) муниципалитета;
- развитие интеллектуальных и креативных видов экономической деятельности, конкурентоспособных в национальном и международном масштабе, и обеспечивающих качественный рост доходов стейкхолдеров муниципалитета (по сравнению с субъектами аналогичных и примыкающих территорий).

2. Инвестиционная привлекательность:

- простота, прозрачность и скорость (разумные сроки) процедур инициации экономической деятельности (открытия бизнеса);

¹ Составлено авторами по: [8].

- автоматизация и снижение ресурсоемкости процессов взаимодействия стейкхолдеров муниципалитета в ходе осуществления локальной экономической деятельности;
- неизменность условий ведения экономической деятельности и интегрирующий подход к реализации социально-значимых муниципальных инвестиционных инициатив.

3. Устойчивый автономный спрос на продукцию базового производства (специализации):

- поддержка видов экономической деятельности и субъектов, ориентированных на удовлетворение инорегионального, национального, международного спроса;
- создание конкурентных преимуществ муниципальных стейкхолдеров абсолютного и относительного характера;
- целевые инициативы привлечения в экономическую среду муниципалитета человеческого и креативного капитала.

4. Приоритет и стимулирование кластерной формы организации экономической деятельности:

- цифровая инфраструктура, обеспечивающая возможность идентификации наличия и масштабов деятельности (в том числе внутри кластера и за его пределами) субъектов – участников кластерных образований;
- поддержка центров инновационных кластеров – вузов, субъектов научной и интеллектуальной деятельности;
- целевое привлечение стейкхолдеров с потенциалом кластеризации муниципального экономического пространства;

5. Кооперация и инновационные формы экономического взаимодействия крупного, среднего и малого бизнеса

- поддержка мезоуровневых экономических структур, обладающих потенциалом муниципальной локализации (индустриальных парков);
- поддержка внутрисистемного спроса муниципального масштаба;
- прямая поддержка инициатив по импорту «умных» факторов муниципального развития.

6. Высокий уровень инфраструктурной обеспеченности всех видов

- реализация мультимодальных интеллектуальных транспортных систем с потенциалом локального, муниципального и агломерационного развития;
- стимулирование развития всего комплекса муниципальной инновационной инфраструктуры, ориентированной на воспроизводство муниципального и регионального человеческого и креативного капитала;
- массированное внедрение цифровых инфраструктурных подходов, инструментов и технологий.

7. Включение в систему межотраслевых и межрегиональных экономических и социальных связей:

- реализация роли «полюса роста» в перспективных и набирающих зрелость агломерациях;
- прямая системная поддержка инициатив по увеличению цепочек создания ценности субъектов – стейкхолдеров муниципалитета;
- инициация, прямая и косвенная поддержка импортозамещающих экономических инициатив регионального и национального масштаба.

8. Абсолютные конкурентные преимущества:

- доступность, стоимость экономия и вторичное использование базовых ресурсов основных видов экономической деятельности;
- цифровые технологии контроля процессов сбора, сортировки, переработки, вторичного использования и утилизации всех видов мусора и отходов;
- целевые инициативы привлечения и поддержки имеющегося и перспективного (инорегионального) человеческого и креативного класса с целью привлечения, укоренения и интеграции в экономические и социальные процессы муниципалитета.

9. Особый режим хозяйственной (экономической) деятельности:

- цифровые технологии и инструменты регистрации и управления деятельностью экономических субъектов, обеспечивающие экономию финансово-инвестиционных и временных ресурсов (системы облачной регистрации, учета и отчетности на серверах банков финансовой систем муниципалитета);
- программы «Цифровой потребитель» и «Цифровое предприятие»;
- единый муниципальный налог на результаты экономической деятельности стейкхолдеров муниципалитета с возможностью стимулирования целевых социально-экономических инициатив и участия стейкхолдеров в процессах муниципального стратегического и бюджетного планирования.

10. Особый режим регулирования (управления):

- автономная цифровая бизнес-среда;
- интеллектуальный центр муниципального управления с высокой цифровой зрелостью основных процессов и процедур;
- массированное «цифровое» вовлечение жителей в муниципальные процессы управления и развития.

Указанные характеристики «умного города» обуславливают необходимость рассмотрения индикаторов оценки «умного» развития любой территории. В связи с этим охарактеризуем следующие методики:

1) «Методика оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов)»¹ – индекс цифровизации «IQ городов» рассчитывается для 203 городов, которые участвуют в ведомственном проекте Минстроя России «Умный город». Каждый из них оценивается по 47 показателям, которые разделены на 10 направлений, субиндексов – это городское управление; умное ЖКХ; инновации для городской среды; умный городской транспорт; интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности; туризм и сервис; интеллектуальные системы социальных услуг; экономическое состояние и инвестиционный климат; инфраструктура сетей связи.

Рассматриваемый индекс относится к числу «технологических индексов», отражающих увеличение уровня цифровизации деятельности муниципалитетов с использованием базовых оценок, субиндексов и интегрированного индекса, ранжированного по фактору численности населения рассматриваемых городов. «Среднее значение Индекса за 2020 год достигло 44,17 баллов из 120 возможных, что на 8,44% выше чем в 2019 году и на 33,35% выше чем в 2018 г. Наиболее эффективные мероприятия по внедрению технологий умного города были зафиксированы в крупнейших городах с населением от 1 млн человек и в малых городах с населением до 100 тыс. человек»².

Визуализация рейтинга цифровой зрелости городов РФ с численностью населения более 1 млн. чел. представлена на рис. 1.

2) модель оценки развития «умных городов» IESE – представляет собой алгоритмизированную модель диагностики территориального развития на основе ключевых параметров по четырем направлениям, представленным на рис. 2.

Системный подход к оценке состояния подсистем условий городского развития «умного» характера создает предпосылки для осуществления рейтингования таких муниципалитетов.

¹ Приказ Минстроя России от 31.12.2019 № 924/пр «Об утверждении методики оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/120502/> (дата обращения: 15.01.2022).

² Минстрой России представил результаты третьего Индекса «IQ городов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-rezultaty-tretego-indeksa-iq-gorodov/> (дата обращения: 15.01.2022).

Рис. 1. Уровень цифровизации в деятельности крупнейших (более 1 млн. чел. постоянного населения) муниципалитетов Российской Федерации в 2018-2019 гг. («IQ городов» Минстроя РФ)¹

Fig. 1. The level of digitalization in the activities of the largest (more than 1 million people of permanent population) municipalities of the Russian Federation in 2018-2019. ("IQ cities" of the Ministry of Construction of the Russian Federation)

Рис. 2. Модель оценки развития «умных городов» IESE [11, с. 21]

Fig. 2. Smart Cities Assessment Model IESE

3) Индекс оценки «умных городов» Научно-исследовательского института технологий и связи (далее – НИИТС) – является научной разработкой НИИТС и представляет собой методологическую оценку 26 характеристик развития «умного города» по семи ключевым блокам: умная экономика, умное управление, умные жители, умные технологии, умная среда, умная инфраструктура и умные финансы (рис. 3).

¹ Минстрой России представил результаты третьего Индекса «IQ городов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-predstavil-rezultaty-tretego-indeksa-iq-gorodov/> (дата обращения: 15.01.2022).

Направление «умного города»	Показатель
Умная экономика	Уровень развития городской инфраструктуры для научной и инновационной деятельности
	Уровень развития деятельности в области информационно-коммуникационных технологий
	Уровень развития системы интернет-бронирования мест проживания
Умное управление	Уровень развития инфокоммуникационных систем администрации города
	Уровень информационной открытости городской власти
	Уровень вовлеченности граждан в управление городом
	Уровень посещаемости официальных веб-порталов администрации города
	Уровень развития документов стратегического планирования
Умные жители	Уровень доступности информации о рынке труда в городе
	Уровень активности интернет пользователей
	Уровень развития электронных карт учащихся
Умные технологии	Уровень развития сетей бесплатного беспроводного доступа
	Уровень развития сетей мобильного широкополосного доступа
	Уровень развития сетей связи для услуг телеметрии
	Уровень развития услуг бесплатного беспроводного доступа в общественном транспорте
Умная среда	Уровень активности жителей и администрации города в ликвидации незаконных свалок
	Уровень развития систем мониторинга и предупреждения угроз экологической безопасности
Умная инфраструктура	Уровень развития системы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения
	Уровень развития услуг каршеринга в городе
	Уровень развития услуг онлайн мониторинга общественного транспорта
	Уровень развития сервисов онлайн поиска, вызова и оплаты такси
	Уровень развития сети заправочных станций для электромобилей
Умные финансы	Уровень развития информационных систем управления градостроительства
	Уровень развития систем банковского самообслуживания
	Уровень прозрачности государственных закупок
	Уровень развития системы безналичной оплаты проезда

Рис. 3. Индикаторы «умного города» по НИИТС¹

Fig. 3. Indicators of the "smart city" according to NIITS

На основе полученных данных специалисты НИИТС выстраивают рейтинги 15-ти крупнейших российских городов по каждому из указанных направлений «умного» развития города. Агрегированный рейтинг представлен на рис. 4.

Авторы исследования подчеркивают, что при расчете итогового значения индекса также учитывали различия в численности населения городов, их площади и протяженности автомобильных дорог. При этом в открытых источниках информация о конкретных показателях, которые использовались для оценки тех или иных направлений, не приводится.

¹ Индикаторы «умных» городов НИИТС, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niits.ru/projects/indikatory-umnykh-gorodov-niits-2017> (дата обращения: 15.01.2022).

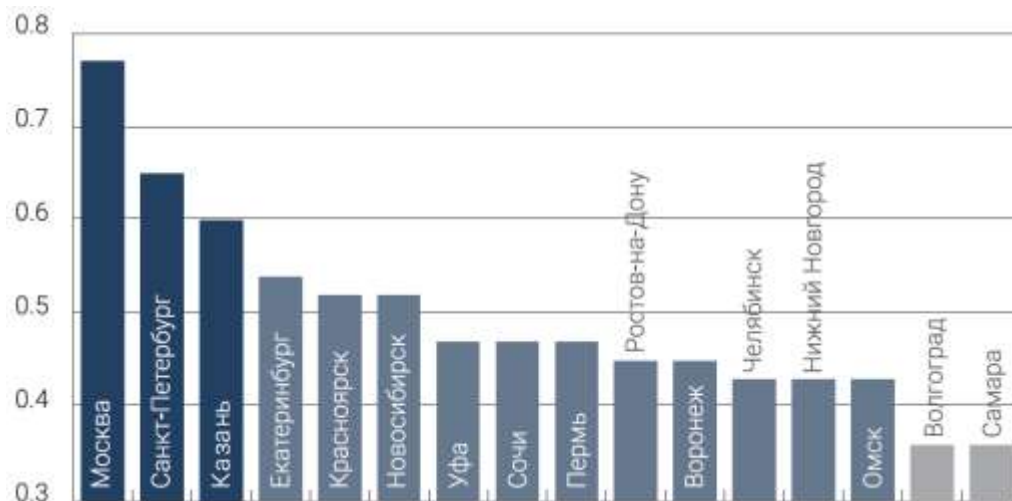

Рис. 4. Рейтинг «умных городов» России по НИИТС¹

Fig. 4. Rating of "smart cities" of Russia according to NIITS

4) Индекс CIMI (Cities in Motion Index)² – реализуемая с 2014 года система индикаторов, целевая ориентация которых направлена на развитии модели «Городов в движении» как концепта инновационного функционирования современных городов на основе следующей группы факторов: устойчивая экосистема, инновационная деятельность, равные возможности горожан и отсутствие логистических проблем.

Цель CIMI – поддержка внедрения ценных идей и инновационных инструментов, которые помогают сделать города более устойчивыми и «умными», и поддержка развития на местном уровне.

Индекс CIMI по своей природе является синтетическим показателем, поскольку консолидирует в себе ряда конкретных оцениваемых индикаторов развития различных городских секторов, среди которых:

- городская власть и участие жителей в общественной жизни локального сообщества;
- международная известность;
- городское планирование;
- социальная справедливость;
- местное самоуправление;
- мобильность и транспорт;
- технологии;
- человеческий капитал;
- окружающая среда;
- экономика.

5) методология Европейской экономической комиссии ООН – разработана в 2015 году совместно с Международным союзом электросвязи, Агентством по окружающей среде Австрии и др. Концепция включает в себя 72 показателя, сгруппированных по следующим «темам»:

1. экономика: инфраструктура информационно-телекоммуникационных технологий; инновации; занятость; торговля (электронная торговля и экспорт/импорт); производительность; физическая инфраструктура (центральное водоснабжение, здравоохранение, электро-снабжение, транспорт и здания);

2. окружающая среда: качество воздуха; водоснабжение; шум; качество окружающей среды; биоразнообразие; энергетика;

3. общество: образование; здравоохранение; безопасность (ликвидация последствий бедствий, чрезвычайные ситуации); жилье; культура; социальная вовлеченность.

¹ Индикаторы «умных» городов НИИТС, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://niits.ru/projects/indikatory-umnykh-gorodov-niits-2017> (дата обращения: 15.01.2022).

² Cities in Motion Index 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/en/research/cities-in-motion-index/> (дата обращения: 15.01.2022).

Показатели разделены на основные и дополнительные. Основные могут использоваться всеми городами в глобальном масштабе, тогда как дополнительные – некоторыми городами в зависимости от их экономического потенциала, роста численности населения, географического положения и т.д. Кроме того, некоторые дополнительные показатели очень «умны», и к ним могут обращаться «более умные» города.

Признавая потенциальную роль информационно-телекоммуникационных технологий в решении проблем городов и обеспечении более высокого качества жизни их обитателям, Оперативная группа по «умным» устойчивым городам Европейской экономической комиссии ООН, тем не менее, считает, что не каждый город будет иметь требуемый уровень знаний или определённый набор руководящих указаний для перехода к «умному городу», поэтому показатели «умных» устойчивых городов призваны обеспечить систему оценки, которая помогает при мониторинге достигнутого прогресса.

6) IMD Smart Cities Index – продукт шведской технологической компании Easypark, которая на основе 19 индикаторов проводит оценку различных городов мира. Отличительной чертой данного индекса является его достаточная сбалансированность, поскольку оценивается городское развитие начиная от оценки качества интернет-соединения, уровня развития каршеринг-сервисов и удовлетворенности населения транспортной системой и заканчивая степенью экологичности энергетики, уровнем политической активности граждан и оценкой уровня жизни в городе в целом. Кроме того, учитывалась экспертная оценка того, как развивается смарт-повестка в отдельных городах. Вместе с тем, рассматриваемый подход не учитывает ряд важных компонентов городского развития (например, сектор умного здравоохранения).

По итогам 2020 года топ-3 рейтинга Smart Cities Index – 2020 составляют Сингапур, Хельсинки и Цюрих. Нью-Йорк на 10 месте, Лондон – на 15. За год Москва поднялась в рейтинге на 16 позиций и заняла 56-ю строку, обогнав такие города как Брюссель, Париж и Токио¹.

7) Консалтинговая компания PwC² при составлении собственного рейтинга городов, управляемых данными, основывалась на семантическом и синтаксическом исследовании открытых источников, комплексной оценке готовности городской системы, а также оценке степени внедрения прикладных информационных технологий. Рейтинг PwC, таким образом, преимущественно учитывает технологические аспекты развития «умного города», в то время как социально-экономические параметры в нем практически не фигурируют.

8) Индекс цифровой жизни (МШУ «Сколково») рассчитывается для 15 крупнейших российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Волгоград, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Челябинск, Омск, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж) и учитывает семь сфер применения цифровых технологий: транспорт, финансы, торговля, здравоохранение, образование, медиа, государственное управление³.

Отличительная черта подхода МШУ «Сколково» – то, что в индексе одновременно учитываются как параметры предложения, так и параметры спроса, которые обычно «выпадают» при формировании подобных комплексных показателей. Это объясняется тем, что зачастую спрос, который следует понимать как желание и возможность (например, финансовую) приобрести тот или иной товар или услугу в конкретный момент времени, довольно сложно оценить адекватно. Так, в рейтинге в качестве индикатора используется количество поисковых запросов по соответствующей теме. Такой показатель отражает намерение, но не всегда подразумевает, что у пользователя есть возможность приобрести данные товары и услуги. Кроме того, индекс отражает исключительно уровень цифровизации общественных сервисов и услуг, в то время как реальный сектор и городская инфраструктура остаются без внимания.

Таким образом, рассмотренные методики отражают качественно разные подходы к исследованию феномена «умных» городов в региональном экономическом пространстве: так, од-

¹ Smart City Index 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/research/smart-city-index-2020/> (дата обращения: 15.01.2022).

² Города, управляемые данными: от концепции до прикладных решений // PwC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pwc.ru/government-and-public-sector/assets/ddc_rus.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

³ Цифровая жизнь российских мегаполисов. Модель. Динамика. Примеры // Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

ни ориентированы на технологический и частично управленческий подход, оперируют индексными оценками технических параметров и в целом отражают скорее технологический прогресс и динамику цифровой зрелости муниципалитета, в то время как другие направлены на оценку социальной эффективности, выраженной в динамике отношения и установок населения муниципалитетов к реализуемым цифровым трансформациям.

Идентификация, классификация и оценка реального значения «умных» пространственно-экономических трансформаций продолжает оставаться достаточно мало исследованной научной проблемой, имеющей существенное значение для определения и удержания управляемого вектора пространственного развития, актуального для всех, без исключения, локаций, территорий и пространств Российской Федерации, ее макрорегионов, федеральных округов и субъектов федерации, а также муниципальных образований.

Накоплен и наблюдается существенный перекося существующих научно-исследовательских подходов к исследованию «умных» территорий в целом и «умных городов» в частности как прогрессивных форм пространственно-экономической трансформации и перспективных точек регионального социально-экономического развития в сторону технологического базиса, который связан, на наш взгляд, с осознанием и коммерциализацией возможностей «пятой информационной революции» в виде трансграничных цифровых телекоммуникационных возможностей, подходов, инструментов и технологий.

Социально-экономические последствия цифровизации деятельности муниципальных образований и феномена «умных городов» находятся на начальном уровне, хотя существует масштабный запрос и необходимость выявления и формализации связей между уровнем цифровой зрелости современных российских городов и их конкурентоспособностью, эффективностью деятельности муниципальных экономических систем, социальной эффективностью в оценке укорененного населения и всех категорий мигрантов.

Выявленный недостаточный уровень проработанности вопросов социально-экономической значимости «умных городов» как источников позитивных пространственно-экономических деформаций и полюсов развития перспективных агломерационных образований стал основой для проведения теоретического анализа существующих подходов к разработке индикаторов оценки «умного» развития территории.

Рассмотренные методики отражают качественно разные подходы к исследованию феномена «умных» городов в региональном экономическом пространстве: так, одни ориентированы на технологический и частично управленческий подход, оперируют индексными оценками технических параметров и в целом отражают скорее технологический прогресс и динамику цифровой зрелости муниципалитета, в то время как другие направлены на оценку социальной эффективности, выраженной в динамике отношения и установок населения муниципалитетов к реализуемым цифровым трансформациям.

Таким образом, проведенное исследование наглядно демонстрирует необходимость комплексного внедрения подхода «умный город», позволяющего добиться еще более масштабных экономических, социальных и экологических результатов за счет экономии всех видов коммунальных ресурсов, снижения расходов домохозяйств на их оплату, сокращения антропогенной нагрузки на природную среду. Не вызывает сомнений перспективность реализации концепции «умных» городов в долгосрочной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на основе эффективной адаптации передовых международных подходов и разработок к комплексному устойчивому развитию муниципалитетов на основе системной цифровой трансформации процессов их функционирования, развития и управления с учетом наработанного опыта по использованию индикаторов оценки «умного» развития территории.

Список источников

1. Лыщикова Ю.В. Механизмы институционализации и имплементации концепции «умный регион» в управлении устойчивым пространственным развитием территорий // Экономика. Информатика. 2021. Т. 48. № 2. С. 229–243.
2. Sutriadi R. Defining smart city, smart region, smart village, and technopolis as an innovative concept in Indonesia's urban and regional development themes to reach sustainability. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2018. PP. 105-115.
3. Кубрак И. А. От реализации концепции «умный город» к внедрению концепции «умный регион» как одному из направлений совершенствования регионального управления // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 3. С. 57–64.

4. Тебекин А. В., Егорова А. А. Решение социальных проблем городов с помощью технологий «умный город»: проблемы и перспективы // Журнал социологических исследований. 2019. № 4(4). С. 32–46.
5. Асатрян А. Г. Формирование, развитие и управление инновационной инфраструктурой города: автореферат дис. ... к.э.н. М., 2010.
6. Журавлев Д. М. Эффективное электронное правительство в системе управления нового города: автореферат дис. ... к.э.н. М., 2010.
7. Ибрагимова З. Ф. Территориально-структурная трансформация г. Уфы: автореферат дис. ...к.геогр.н. Пермь, 2017.
8. Камолов С. Г. Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне: диссертация ... д.э.н. М., 2020.
9. Кутовой С. И. Взаимодействие городов как фактор развития регионального экономического пространства: автореферат дис. ... к.э.н. Майкоп, 2014.
10. Медведев В. М. Управление городской средой в условиях инновационного развития. СПб., 2020.
11. Попов Е. В., Семячков К. А. Систематизация подходов к оценке развития умных городов // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1.

References

1. Lyushchikova Yu. V. Mechanisms of institutionalization and implementation of the concept of "smart region" in the management of sustainable spatial development of territories. *Ekonomika. Informatika = Economy. Informatics*. 2021;48(2):229–243. (In Russ.)
2. Sutriadi R. Defining smart city, smart region, smart village, and technopolis as an innovative concept in Indonesia's urban and regional development themes to reach sustainability. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*; 2018:105-115.
3. Kubrak I. A. From the implementation of the concept of "smart city" to the introduction of the concept of "smart region" as one of the directions for improving regional management. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2020;(3):57-64. (In Russ.)
4. Tebekin A. V., Egorova A. A. Solving the social problems of cities using "smart city" technologies: problems and prospects. *Zhurnal sotsiologicheskikh issledovanii = Journal of Sociological Research*. 2019;4(4):32–46. (In Russ.)
5. Asatryan A. G. Formation, development and management of innovation infrastructure of the city: autoreferat dis.... Ph.D. Moscow; 2010. (In Russ.)
6. Zhuravlev D. M. *Effective electronic government in the management system of a new city*: abstract dis.... Ph.D. Moscow; 2010. (In Russ.)
7. Ibragimova Z. F. *Territorial and structural transformation of Ufa*: abstract dis.... Ph.D. Perm, 2017. (In Russ.)
8. Kamolov S. G. *High-tech paradigm of public administration at the regional level*: dissertation... D.E.N. M., 2020. (In Russ.)
9. Kutovoy S. I. *Interaction of cities as a factor in the development of the regional economic space*: abstract dis.... Ph.D. Maykop, 2014. (In Russ.)
10. Medvedev V. M. *Management of the urban environment in the context of innovative development*. St. Petersburg, 2020. (In Russ.)
11. Popov E.V., Semyachkov K.A. Systematization of approaches to assessing the development of smart cities. *Ekonomika regiona = Regional economy*. 2020;16 (1). (In Russ.)

Информация об авторах

Р. В. Шхагошев – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС;

А. А. Бахунов – магистрант, экономический факультет, ЮФУ.

Information about the authors

R. V. Shkhagoshev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship;

A. A. Bakhunov – undergraduate, Faculty of Economics, SFedU.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 17.04.2022.

The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 16.04.2022; accepted for publication 17.04.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 62–66
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):62–66

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 336.22

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-62-66

**РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ СОСТАВЛЕНИЯ РЕЦЕНЗИИ
НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАЛОГОВОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

**Юрий Викторович Демидченко¹, Татьяна Геннадьевна Погорелова²,
Наталья Юрьевна Лебедева³**

¹Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, sfu_ugolovnyprocess@mail.ru

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Донской казачий государственный институт пищевых технологий и экономики (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского, Ростов-на-Дону, Россия, tgpororelova@sfedu.ru

³nlebedeva@sfedu.ru

Аннотация. В настоящее время все чаще используется инструмент рецензирования заключения налоговой судебной экспертизы, являющимся представленным в письменном виде суждением специалистов, обладающих специальными знаниями по поставленным перед ними вопросам, и подлежащее обязательному исследованию по общим правилам оценки доказательств. Однако специализированная методика для проведения рецензирования не разработана. В данной статье приводятся направления развития методики для составления рецензии на заключение судебной налоговой экспертизы.

Ключевые слова: оценка заключения эксперта, экспертная методика, заключение эксперта, судебная налоговая экспертиза, компетенция эксперта, налогообложение, налоговый учет

Финансирование: статья опубликована как результат научно-исследовательской работы в рамках договора № б/н по теме: «Исследование нормативно-правового регулирования деятельности налоговых органов и особенностей формирования заключений по налоговым судебным экспертизам» от 12.01.2022 г.

Для цитирования: Демидченко Ю. В., Погорелова Т. Г., Лебедева Н. Ю. Разработка методики составления рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 62–66. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-62-66>.

Problems of Economics

Original article

**DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR REVIEWING THE CONCLUSION
OF A TAX FORENSIC EXAMINATION**

Yurii V. Demidchenko¹, Tatiana G. Pogorelova², Natalia Yu. Lebedeva³

¹Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, sfu_ugolovnyprocess@mail.ru

^{1, 2, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

²Don Cossack State Institute of Food Technologies and Economics (branch) of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management, Rostov-on-Don, Russia, tgpororelova@sfedu.ru

³nlebedeva@sfedu.ru

Abstract. Currently, the tool of reviewing the conclusion of the tax forensic examination is increasingly being used, which is a written judgment of specialists with special knowledge on the issues put to them, and subject to mandatory research according to the general rules for evaluating evidence. However, a specialized methodology for reviewing has not been developed. This article presents the directions of development of the methodology for compiling a review of the conclusion of the judicial tax examination

Keywords: evaluation of expert opinion, expert methodology, expert opinion, judicial tax expertise, expert competence, taxation, tax accounting

Financial Support: the article was published as a result of research work under the contract on the topic: "Research on the regulatory and legal regulation of the activities of tax authorities and the specifics of the formation of conclusions on tax forensic examinations" of 12.01.2022.

For citation: Demidchenko Yu. V., Pogorelova T. G., Lebedeva N. Yu. Development of a methodology for reviewing the conclusion of a tax forensic examination. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):62–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-62-66>.

Заключение эксперта является одним из основных доказательств, когда речь идет о судопроизводстве в Российской Федерации, поэтому его значение переоценить весьма затруднительно. С его помощью можно выявить нарушения требований налогового законодательства, допускаемые налогоплательщиками при определении элементов налогообложения и наоборот раскрыть необоснованные требования федеральной налоговой службы (ФНС) РФ к налогоплательщику. Таким образом, производство судебной налоговой экспертизы направлено на обеспечение объективного и всестороннего расследования преступлений в уголовном судопроизводстве. Экспертная практика показывает, что еще несколько лет назад выводы эксперта не ставились под сомнение участниками судопроизводства, воспринимались как истина.

Заключение эксперта перед исследованием в суде проходит множество стадий оценки: самим экспертом данного им заключения; руководителем экспертного подразделения; следователем (дознавателем); противоположной стороной (защиты или обвинения, истцом или ответчиком и др.); допрос эксперта и т.д. Однако, современные тенденции реализации права состязательности (равенства) способствовали развитию факультативной стадии, которая осуществляется посредством привлечения специалистов соответствующей экспертной специальности с целью дачи ими заключения специалиста на заключение эксперта, в результате чего может происходить исключение экспертизы из доказательственной базы или назначение повторной экспертизы.

Для того чтобы суд (судья) назначил повторную экспертизу необходимо наличие одно из следующих условий:

- недостаточная ясность или полнота заключения эксперта;
- возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств;
- возникновение сомнений в обоснованности заключения эксперта;
- наличие противоречий в выводах эксперта (экспертов).

Основными формами выражения мнения специалиста в отношении заключения эксперта является рецензия (заключение специалиста). При этом рецензент в письменной форме должен быть предупрежден (осведомлен) об административной и уголовной ответственности в соответствии со ст.ст. 25.9 КоАП РФ, 307 УК РФ при составлении заключения специалиста по проведенной судебной налоговой экспертизе.

Рецензия (от лат. *recensio* – рассмотрение, разбор; критическая оценка) представляет собой мысленное воспроизведение исследуемого события, а в некоторых случаях, проведение эксперимента, в ходе которого устанавливаются положительные и отрицательные стороны, сравниваются использованные методики (методические рекомендации, ГОСТы и т.д.), приведенные в заключении эксперта с первоисточником, устанавливается вероятность совершения экспертных ошибок, обоснованность и верность полученных экспертом выводов [1].

Рецензия признана допустимым доказательством, а затраты на ее проведение – судебными издержками. Как правило, суд устанавливает, что несение расходов на подготовку рецензии вызвано необходимостью защиты прав и предоставления доказательств, имеющих значение для правильного рассмотрения спора. В связи, с чем находит требование о взыскании расходов за составление рецензии подлежащим удовлетворению.

Получение необъективной судебной экспертизой возможно в следующих случаях:

- эксперт – дилетант;
- факт подкупа и коррупции.

Из-за необъективной судебной экспертизы можно проиграть судебное дело. При этом судья не будет слушать доводы не эксперта.

В данной ситуации необходимо:

- подготовить рецензию на заключение эксперта;
- правильно подать ходатайство о приобщении;
- приобщить рецензию к материалам дела.

Судья не сможет дать мотивированный отказ в удовлетворении ходатайства:

- о назначении повторной экспертизы;
- об исключении из материалов дела заключения эксперта как ненадлежащего доказательства;
- о приобщении рецензии к материалам дела.

Убедить суд назначить повторную экспертизу и поручить ее проведение выбранному вами экспертному учреждению. Рецензия (заключение специалиста) может стать единственным шансом изменить ход процесса.

Рецензирование заключения налоговой судебной экспертизы проводится в процессе исследования заключения на соответствие:

- актуальному законодательству и материалам дела;
- компетенции эксперта в области опыта и знаний налогообложения в Российской Федерации;
- процессуальному порядку проведения экспертизы с правильным изложением материалов и выводов.

Кроме того специалистом проводится анализ заключения эксперта на:

- верное избрание методик исследования, идентификационных признаков всех материалов;
- наличие необходимых для исследования материалов в полном объеме;
- наличие ходатайств на запрос дополнительных материалов при их очевидной недостаточности и др.

Важно, что все выявленные в рецензии несоответствия станут основанием для назначения повторной экспертизы.

Для процесса производства рецензии характерно наличие как признаков проверки (активные действия, например, проведение опыта), так и оценки (например, соответствие проведенных действий эксперта методике исследования), что делает процесс достаточно сложным и трудоемким, в общем понимании, уникальным. Природа рецензии аналогична с заключением эксперта двойственна состоит из юридической и специальной частей. При этом необходимо отметить, что нормативно-правовые акты РФ не содержат описание процесса выполнения рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы. В связи с этим данный вопрос разрабатывается специалистом-рецензентом самостоятельно. В данной статье предлагается следующий алгоритм.

Методика основана на следующих направлениях: разработка рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы делится на три значимых этапа, каждый из которых требует определенных решений и баланса между открытостью и конфиденциальностью информации. Состав и количество участников, а также количество и типы необходимых данных зависят от того, на каком из этапов находится работа: этапе генерации доводов (определении общего направления рецензии), этапе формулирования (работы над подробностями рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы) или этапе исполнения (при необходимости вовлечения сотрудников для составления рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы).

На предварительной стадии осуществляется получение заявки в электронном или письменном виде на проведение предварительного анализа заключения эксперта. Заявка подается с целью определения целесообразности и необходимости дальнейшего исследования на основании предварительных выводов.

Как правило, максимальную выгоду можно извлечь из привлечения большого числа специалистов соответствующей компетенции на первой стадии разработки рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы – не только потому, что в этом процессе рождаются новые

аргументы, но и потому, что он генерирует основные и дополнительные доводы, и это помогает специалистам объединиться в работе над конкретным направлением. Компетенция эксперта подтверждается в частности периодическим пересмотром уровня профессиональной подготовки негосударственных судебных экспертов при добровольной сертификации, происходит каждые 3 года (то есть сертификат подтверждающий право производства экспертиз действует 3 года с момента получения) [2].

Что особенно значимо для специалистов в области финансов и налогообложения. Так как за последние пять лет проведены значительные изменения в финансово-бухгалтерском законодательстве, в том числе связанные со сближением национальных правил бухгалтерского учета с международными стандартами финансовой отчетности. Федеральный закон №402-ФЗ «О бухгалтерском учете» с 2016г. был изменен 9-ю редакциями¹; в основные документы, регулирующие бухгалтерский учет в РФ – Положения по бухгалтерскому учету, действующие до принятия федеральных стандартов. Существенные изменения были внесены также в налоговое законодательство, как известно, в Налоговый Кодекс РФ ежегодно вносится порядка 50 изменений. Таким образом, в виду отсутствия регулярного актуального повышения квалификации и/или практической деятельности в области экономики и налогообложения эксперт не имеет возможности провести достоверное исследование.

На данном этапе проводится унифицирование, структурирование и регулирование механизма взаимодействия субъектов рецензирования.

На втором этапе проводится анализ подготовительной, аналитической стадии обобщения, оценки результатов исследования и формулирование тезисов и выводов рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы, для получения полезных и осмысленных результатов нужно раскрыть достаточно объемный комплект информации.

Так, например, согласно гл.21 НК РФ для исчисления НДС к уплате необходимы первичные учетные документы, подтверждающие достоверность и экономическую обоснованность проведенной хозяйственной операции. К таким документам относятся товарные накладные, подтверждающие фактическое получение налогоплательщиком материальных ценностей, акты выполненных работ или оказанных услуг, платежные документы, счета-фактуры к ним, а также договора и другие документы, на основании которых проводится расчет НДС к уплате или уменьшению из бюджета. В случае возникновения сомнений в фактическом получении материально-производственных запасов (фиктивности сделки) требуются документы, подтверждающие либо их экономически обоснованный расход (отчет производства, нормы расхода материалов на изделие, товарные накладные на реализацию и другие), либо подтверждающих их наличие на складах (инвентаризационные описи, документы складского учета, документы, подтверждающие наличие помещений для хранения и др.).

Однако следует отметить, что согласно методологии налогового анализа начинать процедуру требуется с экспертизы первичных учетных документов (товарные накладные, акты выполненных работ или оказанных услуг, платежные документы, счета-фактуры и другие), подтверждающих реальность и экономическую обоснованность сделок, как покупок, так и продаж и используемых при определении элементов налогообложения. И только после досконального документального анализа переходить к сверке первичных данных с данными книги покупок и книги продаж, которые в свою очередь сверяют с данными, отраженными в налоговой декларации по НДС за соответствующий период. Недопустимо когда при составлении рецензии эксперт, пренебрегает принципами объективности и независимости, не проводит критического анализа полученных данных или выводы эксперта полностью основываются на материалах налоговой проверки и отражают квалификацию исследуемых событий следователем.

В случае недостаточности объектов экспертизы, использованных при составлении Заключения эксперта, подтверждается отсутствие полноты и целостности проведенного исследования, что приводит к необоснованным и недостоверным выводам.[3]

На третьем этапе разработки рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы специалисту необходимо раскрывать конкретную информацию о себе, чтобы подтвердить свою компетенцию, в том числе о том, что разработчик понимает стратегию налоговых расчетов

¹ Федеральный закон "О бухгалтерском учете" от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 30.12.2021)

и обеспечивает максимальную точность обеспечения подготовки информации в соответствии с актуальными нормативными и правовыми актами.

Составление рецензии на заключение налоговой судебной экспертизы основано не в нескольких доводах, которые приходится тщательно верифицировать, а в постоянном уточнении объектов налоговой судебной экспертизы. Нарушение методики исследования, пропуск ряда этапов или подэтапов, приводят к не соответствию формальной логики методологического исследования и, как следствие, к неверному выводу.

Список источников

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография" (4-е издание, переработанное и дополненное). М.: "Норма", "ИНФРА-М", 2018. 371 с.
2. Кудрявцева А. В., Семенцов В. А. Судебная экспертиза в отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Издательство "Юрлитинформ", 2021. Сер. Уголовный процесс. 304 с.
3. Челак С. В. Судебная финансовая экспертиза : учебное пособие. Часть 2. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – 116 с.

References

1. Rossinskaya E. R. *Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph*. 4th edition, revised and supplemented. Moscow: "Norm", "INFRA-M"; 2018. 371 p. (In Russ.)
2. Kudryavtseva A. V., Sementsov V. A. *Forensic examination in domestic criminal law proceedings*. Moscow: Publishing house "Yurlitinform"; 2021. Ser. Criminal process. 304 p. (In Russ.)
3. Chelak S. V. *Judicial financial expertise : textbook*. Part 2. St. Petersburg: Publishing House of SPbGEU, 2020. 116 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. В. Демидченко – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия; доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФУ;
Т. Г. Погорелова – канд. экон. наук, доц. кафедры бухгалтерского учета и аудита ЮФУ; научный сотрудник ДКГИПТиБ (ф-ла) МГУТУ им. К.Г. Разумовского);
Н. Ю. Лебедева – канд. экон. наук, ст. преп. кафедры бухгалтерского учета и аудита ЮФУ.

Information about the authors

Yu. V. Demidchenko – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law; Associate Professor of the Department of of Criminal Procedure and Forensics;
T. G. Pogorelova – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Accounting and Audit; Researcher;
N. Yu. Lebedeva – Candidate of Economics, Senior lecturer of the Department of Accounting and Auditing.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 14.05.2022; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 14.05.2022; accepted for publication 15.05.2022.

Научная статья

УДК 338.48

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-67-75

АНАЛИЗ СТОИМОСТИ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ксения Вячеславовна Завацкая

Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия, ka0934878@gmail.com

Аннотация. Пандемия внесла существенные изменения в функционирование предприятий туристской индустрии. Правительство Российской Федерации причислила отрасль как наиболее пострадавшей. Конечно, усилия государства смягчить негативное влияние, принесли некоторые положительные моменты. Многие туристские предприятия ликвидированы, часть трансформировались в цифровое пространство и переориентировались на развитие внутреннего туризма. Все эти моменты оказали сильное влияние на определение стоимости бизнеса. Инвестору, покупателю сложнее стало определить реальную объективную экономически обоснованную стоимость бизнеса. Собственнику (продавцу) для повышения стоимости необходимо провести ряд мероприятий для получения максимального дохода. В статье представлены практические рекомендации по повышению стоимости бизнеса на примере туристского предприятия, которое функционирует на территории Ростовской области. Дана оценка перехода предприятия в цифровое пространство и какой эффект получает собственник бизнеса. С помощью программного продукта ПКМ построена когнитивная модель оценки стоимости бизнеса. С помощью когнитивной карты и искусственного интеллекта инвестор, собственник получает практический инструментарий по прогнозированию и изменению системы. На основе полученных результатов можно принимать верное управленческое решение.

Ключевые слова: оценка бизнеса, стоимость, туризм, цифровая экономика, капитал, финансы, ресурсы, менеджмент, инвестиции, нечеткая логика, прогнозирование, когнитивная модель

Для цитирования: Завацкая К. В. Анализ стоимости туристского предприятия в условиях нестабильной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 67–75. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-67-75>

Problems of Economics

Original article

ANALYSIS OF THE VALUE OF THE TOURIST ENTERPRISE IN THE CONDITIONS OF AN UNSTABLE ECONOMY

Kseniya V. Zavackaya

Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia, ka0934878@gmail.com

Abstract. Pandemic made significant changes to the functioning of enterprises of the tourism industry. The Government of the Russian Federation counted the industry as the most affected. Of course, the efforts of the state to soften the negative impact, they brought positive moments. Many tourist enterprises are liquidated, the part was transformed into digital space and reoriented to the development of domestic tourism. All these moments had a strong impact on determining the cost of business. Investor, the buyer is more difficult to determine the real objective economically reasonable value of the business. Owner (seller) To increase the cost, it is necessary to conduct a number of activities to obtain maximum income. The article presents practical recommendations for increasing the value of the business on the example of the tourist enterprise, which operates in the territory of the Rostov region. An assessment of the transition of the enterprise into digital space is given and

what effect the owner of the business receives. With the help of the PCM software product, a cognitive model for estimating the cost of business is built. With the help of a cognitive card and artificial intelligence, an investor, the owner receives a practical toolkit for predicting and changing the system. Based on the results obtained, you can receive a correct managerial solution.

Keywords: evaluation of business, cost, tourism, digital economy, capital, finance, resources, management, investment, fuzzy logic, forecasting, cognitive model

For citation: Zavackaya K. V. Analysis of the value of the tourist enterprise in the conditions of an unstable economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):67–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-67-75>.

С 2020 года предприятия туристкой индустрии переживают сложные времена, связанные с распространением новой коронавирусной инфекцией. В условиях пандемии, нестабильности экономической, политической, валютной обстановки основным показателем оценки бизнеса является показатель стоимости. Оценка бизнеса включает все не только финансовые, экономические показатели, но и качественные, например, репутация компании на рынке. В данной совокупности индикаторов оценки стоимости бизнеса, потенциальный инвестор или покупатель бизнеса, получает объективную оценку предприятия. И уже на основании полученных данных, можно принимать решение о покупке или продаже бизнеса. Поэтому, тема в настоящее время актуальна и требует дальнейшего изучения для выработки практических рекомендаций по повышению стоимости бизнеса предприятий туристкой индустрии в условиях пандемии и цифровой трансформации в экономике.

Основные подходы и методы оценки стоимости бизнеса представлены на рис. 1 [1].

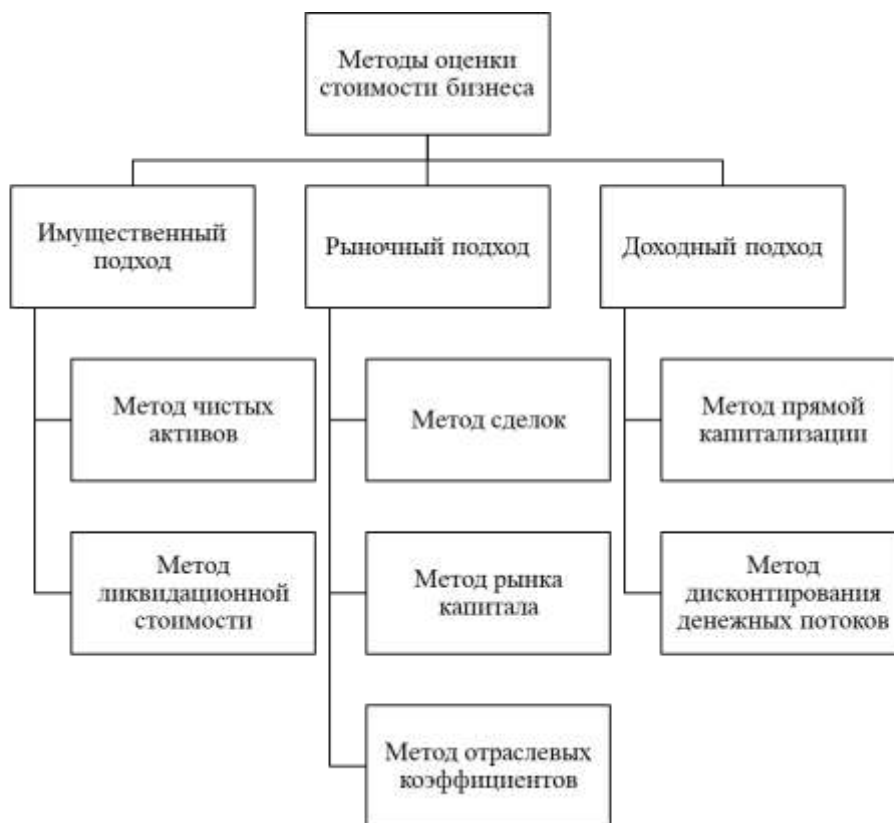

Рис. 1. Методы оценки стоимости бизнеса [1]

Fig. 1. Methods of valuation of business [1]

Все выше перечисленные методы оценки стоимости бизнеса не являются обособленными и самостоятельными. Эксперты в своей профессиональной деятельности прибегают к комбинированию методов исходя из целей и задач оценки [2].

Далее представлены результаты исследования туристского предприятия, которое зарегистрировано и действует в Ростовской области и выбрано нами как модельное. В силу необходимости сохранения коммерческой тайны предприятия, в статье оно будет рассмотрено как обезличенное «туристское предприятие».

Представленный анализ выполнен на основе данных бухгалтерской отчетности предприятия.

Соотношение основных качественных групп активов туристской организации на последний день анализируемого периода характеризуется отсутствием внеоборотных средств при 100% текущих активов. Активы организации за два года уменьшились на 814 тыс. руб. (или на 63,3%). При этом собственный капитал организации изменился пропорционально активам организации (табл. 1).

Таблица 1 – Структура имущества и источники его формирования

Table 1 – Structure of property and sources of its formation

Показатель	2019	2020	2021	Изменение за анализируемый период	
				В тыс. рублей (2021-2019)	Темп роста, в процентах 2021-2019)
АКТИВ					
Оборотные активы,	1 285	1 568	471	-814	-63,3
В т.ч. денежные средства и их эквиваленты	688	876	285	-403	-58,6
ПАССИВ					
Капиталы и резервы	1 285	1 568	471	-814	-63,3
Баланса	1 285	1 568	471	-814	-63,3

Величина чистых активов положительно характеризует финансовое положение, полностью удовлетворяя требованиям нормативных актов к величине чистых активов организации. Определив текущее состояние показателя, необходимо отметить снижение чистых активов на 63,3% за исследуемый период. Положительная величина активов говорит об удовлетворительном состоянии предприятия, снижение может привести к ухудшению финансового состояния. Несмотря на нормальную относительно уставного капитала величину чистых активов, их дальнейшее снижение может привести к ухудшению данного соотношения (рис. 2).

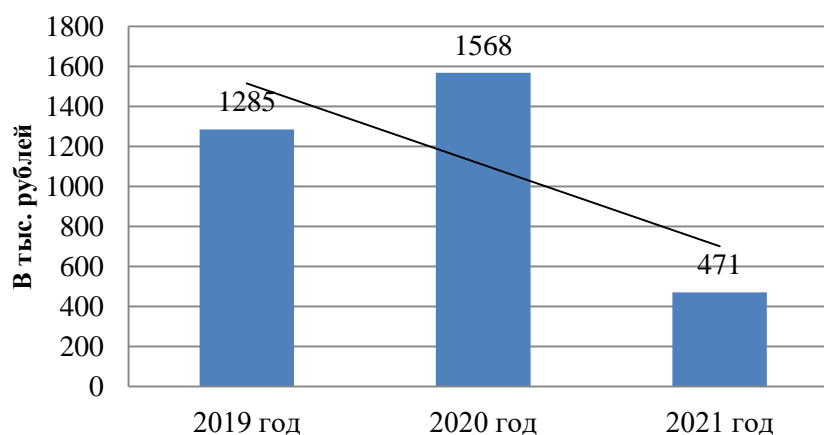

Рис. 2. Величина чистых активов туристского предприятия

Fig. 2. Assessment of net assets of the tourist enterprise

Для оценки стоимости бизнеса особый интерес представляет отчет о финансовых результатах деятельности туристского предприятия. Ниже в табл. 2 приведены основные финансовые результаты деятельности предприятия за 2020-2021 гг.

Таблица 2 – Финансовые результаты деятельности туристского предприятия

Table 2 – Financial results of the activities of the tourist enterprise

Показатель	Значение показателя, в тыс. руб.		Изменение показателя		Средне-годовая величина, в тыс. руб.
	2020 г.	2021 г.	В тыс. руб.	Темп роста, %	
Выручка	16 305	4 804	-11 501	-70,5	10 555
Себестоимость	14 934	4 641	-10 293	-68,9	9 788
Прибыль от продаж	1 371	163	-1 208	-88,1	767
Прочие доходы и расходы, кроме процентов к уплате	360	360	-	-	360
Прибыль до уплаты процентов и налогов	1 731	523	-1 208	-69,8	1 127
УСН (доходы)	173	52	-121	-69,9	113
Чистая прибыль	1 558	471	-1 087	-69,8	1 015

За рассматриваемый период в 2021 году выручка составила 4 804 тыс. руб., однако за 2020 год годовая выручка была намного выше – 16 305 тыс. рублей. В конце отчетного периода значение прибыли от продаж составило 163 тыс. рублей. Изменение финансового результата от продаж в течение анализируемого периода составило -1 208 тыс. руб. Финансовые результаты туристского предприятия в 2021 г. оказали влияние на показатели рентабельности, которые хотя и имеют положительное значение, уменьшились в сравнении с 2020 г. из-за снижения размера чистой прибыли.

По оценке Министерства экономического развития Российской Федерации бизнес нарастит свои обороты и достигнет значений до посткризиса, то есть значения 2019 года [3]. Так, выручка туристского предприятия в прогнозном периоде может составить 16 млн руб. С ростом объема продаж увеличится размер себестоимости до 5-10 процентов, и на конец прогнозного периода составит около 13 млн. рублей.

В табл. 3 представлен расчет текущей стоимости будущих денежных потоков в течение прогнозного периода.

Таблица 3 – Расчет текущей дисконтированной стоимости денежных потоков

Table 3 – Calculation of the current discounted value of cash flows

Показатель	2022 год	2023 год
Выручка, в тысячах рублей	8000,0	16000,0
Себестоимость, в тысячах рублей	6000,0	13000,0
Прибыль, в тысячах рублей	2000,0	3000,0
Денежный поток		
Прибыль, в тысячах рублей	2000,0	3000,0
Ставка дисконтирования	23	23
Коэффициент дисконтирования	0,81	0,81
Дисконтированный денежный поток, в тысячах рублей (прибыль*коэффициент дисконтирования)	1620,0	2430,0
Суммарный дисконтированный денежный поток, в тысячах рублей	4050,0	
Остаточная стоимость компании, в тысячах рублей	3845,0	
Обоснованная рыночная стоимость собственного капитала, в тысячах рублей	7895,0	

Обоснованная рыночная стоимость туристского предприятия составляет 7895,0 тыс. рублей. Стоимость бизнеса определяется ожидаемыми будущими доходами инвестора или собственника, которые оцениваемое туристское предприятие может принести. Вместе с тем, очевидно, что интересы сторон могут пострадать, если невнимательно отнестись к итоговым поправкам к рассчитанной стоимости. Следует отметить, что окончательная цена сделки купли-продажи бизнеса довольно существенно будет зависеть от переговоров по сделке, и, в связи с этим, может отклоняться от расчетной.

У туристского предприятия имеется проблема с цифровизацией [3]. Цифровая бизнес-модель на предприятии не сформирована. В системе управления компании отсутствуют передовые программные продукты, которые бы повысили бы рентабельность и привлекательность компании. У предприятия низкая наполняемость официального сайта [4]. В период цифровизации компания упускает возможность расширить клиентскую базу через сеть интернет, отдавая это конкурентное преимущество своим конкурентам.

Руководство, задавшееся целью повысить стоимость бизнеса имеет для этого большое количество инструментов – от привлечения в предприятие заемных средств до создания наиболее эффективного управления туристским предприятием [5]. При любом выбранном варианте все производимые операции, в конечном счете, будут повышать стоимость бизнеса. Первым шагом для решения данной задачи необходимо сделать разработку соответствующим образом ориентированной рыночной стратегии (рис. 3).

Рис. 3. Основные направления повышения стоимости бизнеса

Fig. 3. The main directions of increasing business value

После реализации предложенных практических рекомендаций туристское предприятие сможет повысить стоимость бизнеса.

Отдельно хочется отметить, что со стороны Правительства Ростовской области оказывается помощь субъектам туристской индустрии. Так, ежегодно в областной бюджет закладываются средства на государственную поддержку туристскому бизнесу на конкурсной основе в размере 1500,0 тыс. рублей в рамках реализации государственной программы Ростовской области

«Развитие культуры и туризма»¹. Индивидуальные предприниматели и субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющие свою деятельность в сфере туризма и гостеприимства имеют возможность получить субсидию в рамках государственной поддержке субъектам МСП. Перечень субсидий в данной программе широк. Также, в условиях экономической нестабильности и упадка отрасли, государство оказывает точечную поддержку предприятиям туристской индустрии. Федеральное агентство по туризму стимулирует туристский бизнес переориентировать на внутренний рынок и разрабатывать новые региональные туристские продукты [6]. Особый интерес со стороны Правительство Российской Федерации – развитие регионального туризма Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Разработка новых региональных туристских продуктов, участие в конкурсном отборе на получение субсидии позволит туристской компании повысить стоимость бизнеса и интерес со стороны инвестора.

Для проведения все сторонней оценки предложений по повышению стоимости бизнеса был проведен опрос бизнес-сообщества туристского рынка Ростовской области при поддержке кафедры «Экономика и инновационные рыночные исследования» Южного университета (ИУБИП). Результаты опроса были сгруппированы по классам и шкалам. Итоговый результат представлен в табл. 4.

Таблица 4 – Результаты группировки индикаторов и уровня влияния на фактор

Table 4 – Results of grouping indicators and level of influence on the factor

Индикатор	Связь	Индикатор	Связь	Индикатор	Связь	Индикатор	Связь
AD	4	CG	2	BD	2	EF	3
AB	3	DE	1	BC	2	DF	2
AE	5	DG	2	BG	3	CD	4

Для комплексной оценки фактор, оказывающие сильное влияние на стоимость бизнеса построим когнитивную модель с помощью программного продукта «ПКМ». Программа построена на принципах нечеткой логики, которая учитывает не только количественные показатели, но и качественные (оценки экспертов).

Определим факторы, которые относятся к объекту исследования и на которые есть возможность влиять [7]. На основании проведенного анализа финансовой деятельности туристской компании, рассмотрения внутренней и внешней среды были выявлены угрозы и определены показатели, характеризующие влияние на факторы в модели. Целевыми факторами в нашем случае являются:

- спрос на услуги (A);
- кредитные средства (B);
- собственный капитал туристского предприятия (C);
- финансовая поддержка туристской отрасли (D);
- предложение на туристском рынке (E);
- покупательская способность населения в регионе (F);
- инвестиции (G).

На рис. 4 представлена когнитивная модель, построенная на основе программного продукта «ПКМ» [8].

Для принятия данной когнитивной модели для расчетов необходимо произвести анализ структуры и устойчивости ее. Исследование устойчивости когнитивной модели к возмущениям показал ее неустойчивость в этом смысле, поскольку максимальное по модулю число матрицы смежности когнитивной карты $|M| = 1,94 > 1$, то система не устойчива к возмущениям (рис. 5) [8].

После анализа устойчивости системы наступает этап сценарного анализа, проводимый методом импульсного моделирования возможных процессов развития ситуаций при воздействии на систему управляющих или возмущающих сигналов. Эксперт имеет возможность придавать импульс фактору (вершине) или нескольким вершинам одновременно и анализировать состояние результирующего фактора модели. На основании полученных данных, руководство туристского предприятия имеет возможность предвидеть ситуацию, и учитывая нестабильность внешней среды, принять верное управленческое решение. На рис. 6 представлен прогноз изменения исследуемого объекта [4, 8].

¹ Официальный сайт Правительства Ростовской области <https://www.donland.ru/> (Дата обращения 01.04.2022).

Рис. 4. Когнитивная модель «Оценка стоимости туристского предприятия»

Fig.4. Cognitive model «Assessment of the cost of a tourist enterprise»

Анализ структуры и устойчивости

Собственные числа | Циклы | Связность | Пути | Симплексы

Собственные числа: всего 7. Максимальное по модулю : 1.94

N.	Действительная часть	Комплексная часть	Мод...
1	1.43	-0.682	1.58
2	1.43	0.682	1.58
3	-1.94	0.	1.94
4	0.441	0.	0.441
5	0.	0.	0.
6	-0.675	-0.103	0.683
7	-0.675	0.103	0.683

Выход

Анализ структуры и устойчивости

Собственные числа | Циклы | Связность | Пути | Симплексы

Циклы: всего 24. С положительной обратной связью : 11

Цикл	Знак цик...	Показа
A2->A1->A2	+	
A3->A2->A3	+	
A6->A2->A6	+	
A6->A5->A6	+	
A6->A1->A3->A6	-	
A6->A2->A3->A6	-	
A3->A2->A1->A3	+	

Отобразить | Отметить | Выход

Анализ структуры и устойчивости

Собственные числа | Циклы | Связность | Пути | Симплексы

Пути: всего 5. С положительной обратной связью : 2

Путь	Длина п...	Показать
A1->A2	+	
A1-> A7->A2	-	
A1->A3->A2	+	
A1->A3->A6->A2	+	
A1->A3-> A7->A2	-	

Выбрать вершины | Отобразить | Отметить | Выход

Рис. 5. Анализ устойчивости когнитивной модели

Fig. 5. Analysis of the stability of a cognitive model

Рис.6. Прогноз изменения модели (построено с помощью ПКМ)

Fig. 6. Forecast model change (built with PCM)

В завершение отметим, что в настоящее время субъекты туристической индустрии переживают сложные времена. Пандемия, локдаун, санкции и т.д. оказали сильное негативное влияние на туризм, не только внутренний, но и международный. Предприятиям пришлось выживать в сложных экономических условиях. Пандемия придала импульс к скорейшему переходу к цифровому пространству. Большинство организаций перевели свою деятельность в интернет, продвигая свои услуги и совершая финансовые операции удаленно. Кто не успел сориентироваться под новые реалии, покинули туристский рынок. Поэтому в настоящее время для поддержания финансовой стабильности бизнеса необходимо разработать и утвердить цифровую стратегию компании, продвигать услуги через сеть интернет, совершать операции дистанционно. Туристский рынок покинуло много предприятий и ниша стала свободной. Главная цель туристского предприятия не в том, чтобы выжить в жестких условиях, а расширить долю рынка, посредством разработки региональных туристских продуктов. В качестве поддержки проекта можно участвовать в грантах, конкурсном отборе на получение государственной поддержки субъектам туристической индустрии. Для принятия управленческих решений по инвестированию или продаже бизнеса рекомендуется использовать современные инструменты, например, когнитивное моделирование. На базе данного инструментария, можно принять решение с учетом изменения внешней среды системы и повысить стоимость бизнеса.

Список источников

1. Блинкова А.М. Управление развитием предприятия по шкале «стоимость бизнеса – финансовая устойчивость» и прогнозирование результатов предпринимательской деятельности // В сборнике: Научная парадигма – 2020. сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции. 2020. С. 5–9.
2. Baryshnikov N., Samygin D., Keleynikova S. Impact of investment activity of agricultural business on economic value added of capital // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8. № 1. С. 116–120.
3. Григорьева Н. С., Колычева Ж. Я., Дынник Д. И. Цифровая трансформация системы управления туристским комплексом региона // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 1 (128). С. 40–44.
4. Дынник Д. И. Имитационное динамическое моделирование регионального развития // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2017. № 1-1. С. 15–19.

5. Дынник Д. И. Оценка эффективности и мониторинга деятельности региональных органов власти в современных условиях // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2016. № 1. С. 73–76.
6. Ломов Е. Е., Жукова П. А. Стоимость бизнеса как фактор управления компанией (концепция VBM) // Инновационная экономика и общество. 2020. № 4 (30). С. 31–36.
7. Строкова А.В. Влияние цены и структуры капитала на стоимость бизнеса // Экономика. Бизнес. Банки. 2021. № 5 (55). С. 62–70.
8. Горелова Г. В. Когнитивное моделирование сложных систем: состояние и перспективы // В сборнике: Системный анализ в проектировании и управлении. Сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях. Санкт-Петербург. 2021. С. 224–248.

References

1. Blinkova A. M. Managing the development of an enterprise on a scale "Cost of business – financial stability" and forecasting the results of business activities. In: *Scientific paradigm – 2020. Collection of scientific papers based on the IX International Scientific and Practical Conference*. 2020. P. 5-9. (In Russ.)
2. Baryshnikov N., samygin D., keleynikova S. Impact of Investment Activity of Agricultural Business On Economic Value Added Of Capital. *Russian Journal of Management*. 2020;8(1):116–120.
3. Grigorieva N. S., Kolycheva J. Ya., Dynnik D. I. Digital transformation of the control system of the tourist complex of the region. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management*. 2021;1(128):40–44. (In Russ.)
4. Dynnik D. I. Simulation Dynamic Modeling of Regional Development. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu = Intellectual Resources – Regional Development*. 2017;(1-1):15–19. (In Russ.)
5. Dynnik D. I. Evaluation of the effectiveness and monitoring of the activities of regional authorities in modern conditions. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu = Intellectual Resources – Regional Development*. 2016;(1):73–76. (In Russ.)
6. Lomov E. E., Zhukova P. A. Business cost as a company management factor (VBM concept). *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo = Innovative Economics and Society*. 2020;4(30):31–36. (In Russ.)
7. Strokovaya A. V. The influence of the price and structure of capital on the cost of business. *Ekonomika. Biznes. Banki = Economics. Business. Banks*. 2021;5(55):62–70. (In Russ.)
8. Gorelova G. V. Cognitive modeling of complex systems: condition and prospects. In: *System analysis in design and management. Collection of scientific works of the XXV International Scientific and Training and Practical Conference*. In 3 parts. Saint Petersburg; 2021:224–248. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Завацкая – преподаватель кафедры «Экономика и инновационные рыночные исследования», Южный университет (Институт, управления, бизнеса и права), магистрант по направлению подготовки «Экономика».

Information about the author

K. V. Zavatskaya – lecturer of the Department «Economics and Innovative Market Studies» of the South University» (Institute, Management, Business and Rights), undergraduate in the direction of training «Economics».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 16.04.2022.
The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 16.04.2022.

Научная статья
УДК 369+519.86
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-76-82

ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ НА УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Дарья Евгеньевна Иванова¹, Вячеслав Евгеньевич Иванов²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, d.e_ivanova@mail.ru

²Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, IvanovRussia@bk.ru

Аннотация. В связи с укреплением платежной дисциплины Президентом РФ было принято решение о передаче права администрирования страховых взносов от внебюджетных фондов к Федеральной налоговой службе. Данное решение повлекло кардинальные изменения в системе законодательства о страховых взносах. Все эти проблемы существенно актуализировались в свете изменения возраста выхода на пенсию: для мужчин – в 65 лет, для женщин – в 60 лет. Разумеется, при этом предусмотрено большое число льгот и изменений, не касающихся именно повышения, например увеличение пенсионных выплат на 1 тыс. руб. в месяц. Однако больше всего вопросов вызывают проблемы реализации частных интересов, достижения мировых стандартов достойной жизни пенсионеров. В связи с вышеуказанным особо актуальной становится проблема пенсионного реформирования в Российской Федерации. Актуальность исследования влияния повышения пенсионного возраста на уровень бедности заключается в том, что на сегодняшний день не было принято ни одного механизма и единой методики для установления причин роста бедности населения. В статье изложено авторское применение статистических данных, корреляционно-регрессионного анализа для рассмотрения этимологии бедности, сущности пенсионной реформы и оценки воздействия изменения пенсионного возраста на уровень состоятельности населения.

Ключевые слова: регрессионный анализ, пенсионная реформа, бедность, занятость населения, безработица, демографическая политика

Для цитирования: Иванова Д. Е., Иванов В. Е. Оценка воздействия пенсионной реформы на уровень благосостояния населения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 76–82. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-76-82>

Problems of Economics

Original article

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF PENSION REFORM ON THE LEVEL OF WELL-BEING OF THE POPULATION

Daria E. Ivanova¹, Vyacheslav E. Ivanov²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, d.e_ivanova@mail.ru

²Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, IvanovRussia@bk.ru

Abstract. In connection with the strengthening of payment discipline, the President of the Russian Federation decided to transfer the right to administer insurance premiums from extra-budgetary funds to the Federal Tax Service. This decision led to drastic changes in the system of legislation on insurance premiums. All these problems have become significantly relevant in the light of the change in the retirement age: for men – at 65, for women – at 60. Of course, at the same time, a large number of benefits and changes are provided that do not relate specifically to the increase, for example, an increase in pension payments by 1 thousand rubles. per month, However, most of the questions are

caused by the problems of realizing private interests, achieving world standards of a decent life for pensioners. In connection with the above, the problem of pension reform in the Russian Federation becomes particularly relevant. The relevance of the study of the impact of raising the retirement age on the level of poverty lies in the fact that to date no single mechanism and a single methodology has been adopted to determine the causes of the increase in poverty of the population. The article describes the author's application of statistical data, correlation and regression analysis to consider the etymology of poverty, the essence of pension reform and to assess the impact of changes in retirement age on the level of wealth of the population.

Keywords: regression analysis, pension reform, poverty, employment, unemployment, demographic policy

For citation: Ivanova D. E., Ivanov V. E. Assessment of the impact of pension reform on the level of well-being of the population. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):76–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-76-82>.

Проблема бедности является актуальной на современном этапе экономического развития страны. Сущность бедности, по определению, заключается в социальном явлении без определённого статуса, с которым сталкивается как отдельный индивид, так и общество в целом, и заключается данный процесс в общем изменении материальной и духовной культуры. Демография, безработица, занятость, здоровье и социализация населения – всё это напрямую связано с проблемой бедности. Именно поэтому, вопросы, относящиеся к оценке бедности или же к устройству снижения её уровня, находятся в центре внимания государственных органов власти. В связи с этим, в целях удержания минимальной стабильности экономического и социального развития государства необходимо стремиться к уменьшению процента бедности. Среди экономистов, которые внесли весомый вклад в изучение происхождения и развития бедности можно выделить таких авторов, как: Л. И. Абалкин, И. И. Чангли, В. Н. Якимов, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. М. Кейнс, К. Маркс и другие.

Под бедностью следует понимать условия, при которых обнаруживается отклонение от нормы между средним уровнем достигнутых и возможных удовлетворённых потребностей в характерных слоях социума. В России дифференциация доходов и появление бедности априори положили своё начало во времена реформ 90-х годов. В других странах обстановка с данной проблемой накалена с давних времен. Борьба с бедностью ведётся особенно ярко и активно, когда перед политикой или экономикой государства встают кризис, риски. Более детально явление бедности можно рассмотреть в редконаселённой местности, где уровень социально-экономического развития оставляет желать лучшего.

В разных странах мира бедность выглядит по-разному:

1. Лидерами по качеству жизни принято считать такие страны, как Австралия, Швеция, Норвегия. Также Китай входит в число самых развитых стран мира. 23 ноября 2020 года Китай объявил, что он устранил абсолютную бедность по всей стране, подняв доходы своих граждан за пределы установленного уровня бедности

2. В США уровень бедности равен четверти населения от общего числа – 25 %. Оценка 2020 года Бюро переписи населения США показала, что процент американцев, живущих в бедности в 2019 году (до пандемии), упал до одного из самых низких уровней, когда-либо зарегистрированных из-за рекордно длительного периода экономического роста. Однако в период с мая по октябрь 2020 года около восьми миллионов человек оказались в нищете из-за экономических последствий пандемии.

3. Япония – третья в мире страна по диапазону экономической мощи, но при этом с каждым годом уровень нужды в стране растёт. Главная причина – безработица. Каждый шестой японец находится на грани пауперизма.

В большинстве стран к ведущим направлениям уменьшения неравенства между доходами населения и процентом бедности определяют:

- регулирование минимального размера оплаты труда, социальных выплат;
- поддержание и улучшение социально-жилищных условий;
- развитие программ по содействию занятости населения;
- установление прожиточного минимума отдельно для различных категорий общества;
- рост пенсионных выплат до размера прожиточного минимума.

Пенсионная реформа, по определению, является периодом преобразования пенсионной системы Российской Федерации, заключающийся в постепенном увеличении пенсионного возраста как для женщин, так и для мужчин. По последним данным возраст, по достижении которого возможно обратиться за получением пенсии по старости, для женщин составил от 55 до 60 лет, а для мужчин от 60 до 65 лет.

Пенсионная система – комплекс правовых, финансово-экономических и организационных институтов и норм, имеющих своей целью предоставление гражданам материального обеспечения в виде пенсии; либо это мероприятия, которые направлены на компенсацию гражданам заработной платы [1].

В своих описаниях пенсионной системы, ряд экономистов рассматривает ее как механизм для сбора, учета взносов и выплату пенсий получателям денежных средств.

Волошина А.Ю. разработала подробную классификацию видов пенсионных систем.

Рис. 1. Классификация пенсионных систем [2]

Fig. 1. Classification of pension systems

Рассмотрим принципы функционирования пенсионной системы в нашей стране. Принцип солидарности поколений является основой построения Отечественной пенсионной системы. Этот принцип заключается в том, что работающие граждане посредством своих взносов в ПФР формируют пенсию людей, уже вышедших на пенсию. Стоит отметить, что принцип солидарности поколений в современных реалиях показывает свою недостаточную эффективность, особенно в свете ситуации, когда пенсионеров становится ощутимо больше, чем занятых граждан.

Как следствие, бюджет ПФР испытывает трудности, связанные с циклической нехваткой поступлений в доходную часть на фоне более быстрого роста расходной части. С этой проблемой столкнулись различные европейские государства, не стала исключением и Россия.

В странах Европейского Союза данную проблему стали решать за счет новой политики занятости, стимулирования трудоустройства граждан, в том числе представляющих старшую возрастную группу. Действительно, эффективная политика занятости должна учитывать весь спектр демографических изменений, особенно в свете возрастающей средней продолжительности жизни в различных государствах. Так, в Чехии, например, ожидаемая продолжительность жизни в 2015 г. составляла 79 лет, что позволило возраст выхода на пенсию лиц, родившихся после 1977 г., определить на уровне 67 лет.

В этих условиях актуализируется также вопрос о необходимости уточнения системы солидарности поколений критерием индивидуального вклада каждого потенциального пенсионера в свое будущее, укрепления баланса публичного и частного при реализации социальных прав граждан.

Институтами укрепления такого баланса, на наш взгляд, должны стать негосударственные пенсионные фонды. В этой связи следует, на мой взгляд, выстроить систему юридических мероприятий для развития данной системы. Более того, центральному банку РФ следует усилить данное направление работы в контексте лицензионной системы и пруденциального надзора.

Если сформируется жизнеспособный сектор негосударственных пенсионных фондов, появится возможность избавить ПФР от излишней нагрузки, это в свою очередь поможет сократить бюрократический аппарат пенсионного фонда, что высвободит большие денежные средства и позволит направить их на повышение пенсионных выплат¹.

Таким образом, переход к двухсекторной системе пенсионного страхования позволит реализовать в большей мере положения, закрепленные в ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве.

Нынешняя пенсионная система России досталась нам по наследству от СССР. Федеральный закон, принятый 20.11.1990 г. заложил начало новой пенсионной системы, ставшей полностью независимой от общесоюзного бюджета СССР, который уже в 1991 году прекратил свое существование. Новый закон стал довольно радикальным для того общества, находящегося в остром социально-экономическом кризисе. Основная суть закона заключалась в установлении всего двух видов пенсий: социальной и трудовой. При этом право на получение пенсии, на основаниях гражданина России получали иностранные граждане и лица без гражданства, которые длительное время или постоянно проживают на территории России.

22.12.1990 г. впервые в государстве был создан Пенсионный фонд России (ПФР). За 2 года по всей России, во всех её субъектах были созданы филиалы ПФР². Денежные средства ПФР были формально отделены от государственного бюджета, но всё ещё принадлежали ему. В ходе целого ряда реформ и модернизации системы социальной защиты за последние 25 лет функции ПФР значительно расширились³.

Однако реформирование пенсионной системы в Российской Федерации еще не закончено.

На сегодняшний день в нашей стране есть три вида пенсионного обеспечения:

- трудовые (ОПС, объем выплат в 2017г – 6378 млрд руб.) ;
- в системе государственного пенсионного обеспечения (госслужащим, военным, соц выплаты и пр. – 433 млрд руб.);
- частные (негосударственное пенсионное обеспечение – 60 млрд руб.).

Таким образом, существуют различные типы пенсионных систем, которые применяются в международной практике. Для каждого типа важным моментом является соответствие реалиям страны. Причиной неудачных попыток повысить эффективность пенсионной системы в России заключается в затруднении обеспечить достойное пенсионное обеспечение при стагнирующей экономике, неустойчивой финансовой системе, не развитой налоговой дисциплине, низких доходах населения и колоссальным объемом вывода капитала за границу. Но поиски оптимальной пенсионной системы в нашей стране не прекращаются в любом случае.

Существенной причиной повышения пенсионного возраста признают демографический кризис в стране, подразумевающий рост процента пожилых людей. Тенденция демографического кризиса глобальна. Не только Российская Федерация, но и большинство других развитых и развивающихся стран при рассмотрении вопроса о стабильности пенсионного обеспечения оказываются перед выбором: повысить возраст ухода на пенсию или же разрешить приезд мигрантов. Но второй вариант осуществить невозможно, по причине того, что за высокообразованную иностранную рабочую силу страны конкурировать не в состоянии, а массовое привлечение работников низкой квалификации нерационально и бессмысленно.

¹ Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р // Собрание законодательства РФ от 31.12.2012. № 53 (часть II). Ст. 8029.

² О накопительной пенсии: Федеральный закон от 28.12.2013 N 424-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // Российская газета. - № 295, 30.12.2013.

³ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Российская газета. - № 247, 20.12.2001.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе повышения пенсионного возраста возникает проблема, заключающаяся в потере дохода женщинами 55–59 лет и мужчинами 60–64 лет. Данная ситуация, воздействуя на процент обеспеченности населения, повышает риск отсутствия достаточных средств для существования, что может негативно отразиться как на доходе отдельных домохозяйств, так и на экономику страны, в общем и целом.

Для того, чтобы выяснить воздействие повышения пенсионного возраста на изменение уровня бедности, был проведён корреляционно-регрессионный анализ статистических данных, характеризующих социально-экономическое положение РФ.

Уравнения регрессии заключаются в тенденции к возрастанию или убыванию результативного признака одной переменной величины при возрастании или убывании соответствующих других переменных. В качестве зависимой переменной (у) был выбран уровень бедности, устанавливаемый в процентном соотношении. В качестве независимых переменных (х) были определены следующие факторы:

X1 – уровень безработицы, подсчитанный международной организацией труда (в %);

X2 – доля заработной платы в общей структуре доходов (в %);

X3 – отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума (в раз).

Данные были взяты из (Среднестатистические данные по оплате труда в России Росстата) и (Федеральная служба государственной статистики). Они представлены в табл. 1¹.

Таблица 1 – Динамика показателей регрессионного анализа

Table 1 - Dynamics of regression analysis parameters

	X ₁	X ₂	X ₃	У
2018	4,8	55,1	3,278	12,6
2019	4,6	57,4	3,909	12,3
2020	5,8	58	4,236	12,1
2021	5,9	57,1	4,406	13,1

Проведя анализ, получаем следующее уравнение регрессии

$$Y = 0.04014 + 0.2912X_1 + 0.2111X_2 - 0.2696X_3$$

Найдем парные коэффициенты корреляции.

$$r_{xy} = \frac{\bar{x} \cdot \bar{y} - \bar{x} \cdot \bar{y}}{s(x) \cdot s(y)}$$

$$r_{yx_1} = \frac{37.79 - 3.157 \cdot 7.157}{2.504 \cdot 6.205} = 0.978$$

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о весьма сильной линейной связи между x₁ и у.

$$r_{yx_2} = \frac{407.156 - 32.8 \cdot 7.157}{27.847 \cdot 6.205} = 0.998$$

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о весьма сильной линейной связи между x₂ и у.

$$r_{yx_3} = \frac{28.337 - 2.69 \cdot 7.157}{1.762 \cdot 6.205} = 0.831$$

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о сильной линейной связи между x₃ и у.

$$r_{x_1x_2} = \frac{171.973 - 32.8 \cdot 3.157}{27.847 \cdot 2.504} = 0.981$$

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о весьма сильной линейной связи между x₂ и x₁.

$$r_{x_1x_3} = \frac{12.469 - 2.69 \cdot 3.157}{1.762 \cdot 2.504} = 0.901$$

¹ Федеральная служба государственной статистики// [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gks.ru>

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о весьма сильной линейной связи между x_3 и x_1 .

$$r_{x_2x_3} = \frac{129.752 - 2.69 \cdot 32.8}{1.762 \cdot 27.847} = 0.846$$

Значения парного коэффициента корреляции свидетельствует о сильной линейной связи между x_3 и x_2 .

Средняя ошибка аппроксимации

$$A = \frac{\sum |eY|}{n} \cdot 100\% = \frac{0.141}{7} \cdot 100\% = 2.02\%$$

Несмещенная оценка дисперсии равна:

$$s^2 = \frac{1}{n-m-1} \cdot s_e^2 = \frac{1}{7-3-1} \cdot 0.959 = 0.3196$$

Оценка среднеквадратичного отклонения (стандартная ошибка для оценки Y):

$$S = \sqrt{S^2} = \sqrt{0.3196} = 0.565$$

Коэффициент множественной корреляции

$$R = \sqrt{1 - \frac{1.9E-5}{0.00547}} = 0.9982$$

Связь между признаком Y и факторами X_i весьма сильная.

$$R^2 = 0.9982^2 = 0.9964$$

Более объективной оценкой является скорректированный коэффициент детерминации:

$$\bar{R}^2 = 1 - (1 - R^2) \cdot \frac{n-1}{n-m-1}$$

$$\bar{R}^2 = 1 - (1 - 0.9964) \cdot \frac{7-1}{7-3-1} = 0.993$$

Выводы

В результате расчетов было получено уравнение множественной регрессии:

$$Y = 0.04014 + 0.2912X_1 + 0.2111X_2 - 0.2696X_3.$$

Интерпретация коэффициентов регрессии: Константа оценивает агрегированное влияние прочих (кроме учтенных в модели x_i) факторов на результат Y и означает, что уровень бедности при отсутствии x_i (всех анализируемых факторных признаков) составил бы 0.04014. Коэффициент b_1 указывает, что с увеличением уровня безработицы на 1, уровень бедности увеличивается на 0.2912. Коэффициент b_2 указывает, что с увеличением доли заработной платы в общей структуре доходов на 1, уровень бедности увеличивается на 0.2111. Коэффициент b_3 указывает, что с увеличением отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума на 1, уровень бедности снижается на 0.2696. По максимальному коэффициенту $\beta_2=0.947$ делаем вывод, что наибольшее влияние на результат Y оказывает фактор X_2 – доля заработной платы в общей структуре доходов (в %);

Бедность – многосторонняя проблема, характерная для любого развитого государства. Уменьшение её уровня неизбежно для сохранения устойчивого, постоянного социально – экономического положения социума.

Основные показатели, которые прогнозируют оказаться в группе бедных: низкий уровень здоровья, недостаточный уровень профессиональной подготовки, а также конкуренция на рынке труда.

Для того, чтобы ликвидировать бедность, необходимо придерживаться следующих мер:

1. Создание единых стратегий для борьбы с несостоятельностью и всеми её проявлениями.
2. Сохранение и поддержание, а в дальнейшем расширение законодательства, необходимое для укрепления сферы социальной защиты.
3. Удовлетворение основных потребностей всех слоев населения во всех слоях.

Из зарубежного опыта, России для совершенствования и корректировки своей пенсионной системы, можно взять на вооружение некоторые аспекты:

1. Более четко регулировать индексацию пенсий (особенно в период повышения пенсионного возраста).
2. Создать эффективный стимул отложенного выхода на пенсию, с более выгодными условиями.

3. Заняться развитием консультирования граждан по пенсионным вопросам.
 4. Развивать негосударственные пенсионные фонды, которые будут давать сотрудникам широкий выбор накопительных стратегий.
 5. Обеспечить населению выбор между накопительной и распределительной системами [3].
- Пенсионная реформа, на первый взгляд, может выглядеть достаточно успешной, но в ней есть не только положительные стороны, но и недостатки:
- увеличение минимального стажа до 15 лет;
 - накопительная система баллов. Так как она является нововведением, многие граждане не до конца понимают точный механизм работы этой системы. Для того, чтобы понять особенности порядка подсчета и начисления баллов, необходимо быть хорошо проинформированным;
 - разделение пенсии на два типа.
- Для того, чтобы население и компании имели возможность делать большие отчисления в пенсионные фонды нужно стимулировать экономическое развитие, создавать рабочие места, обеспечивать население работой и источниками доходов.

Список источников

1. Игнатова Т. В., Полянин А. В. Управление факторами «Труд» и «Предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017.№ 9 (88). С. 24–27.
2. Волошина А. Ю. Мировой опыт развития пенсионных систем (общемировые тенденции и межстрановые различия) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. – М., 2013.
3. Долотов В. А. О признаках финансовой устойчивости пенсионной системы // Финансы. 2009. № 5. С. 64–66.

References

1. Ignatova T. V., Polyinin A. V. Management of factors "Labor" and "Entrepreneurship" in order to increase the competitiveness of municipalities. *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and governance*. 2017;9(88). С. 24–27. (In Russ.)
2. Voloshina A. Yu. World experience in the development of pension systems (global trends and inter-country differences): dis.... cand. econ. sciences: 08.00.14. Moscow, 2013. (In Russ.)
3. Dolotov V. A. On signs of financial stability of the pension system. *Finansy = Finance*. 2009;(5):64–66. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Е. Иванова – ст. преп. кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС;
В. Е. Иванов – преп. кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала РЮИ МВД России, майор полиции.

Information about the authors

D. E. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of URIU RANEPА;
V. E. Ivanov – Teacher of the Department of Fire and Physical Training of Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication 28.04.2022.

Научная статья

УДК 338.43

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-83-90

**РАЗВИТИЕ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В РОССИЙСКОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ:
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Татьяна Владимировна Игнатова¹, Глеб Витальевич Трофимов²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Глеб Витальевич Трофимов, trofimov.globallox@yandex.ru

Аннотация. В любом государстве сельскохозяйственный комплекс выступает одной из ключевых отраслей развития экономической системы. Этот механизм существенным образом может воздействовать на благосостояние граждан, так как продукция аграриев сегодня будет составлять более чем 70 % от всего количества торговых наименований на рынке. В результате введения со стороны Европейского союза и Соединенных Штатов Америки секторальных санкций против Российской Федерации была создана угроза продовольственной безопасности, и все это стало основой для использования ответных санкций со стороны Российской Федерации для обеспечения качественной безопасности и защиты организационных основ ведения предпринимательской деятельности. Поэтому актуальным инструментом поддержки отечественных сельскохозяйственных производителей считается использование механизма государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: ответственность, бизнес, финансовое обеспечение, организация, сельское хозяйство

Для цитирования: Игнатова Т. В., Трофимов Г. В. Развитие проектов государственно-частного партнерства в российском агропромышленном комплексе: проблемы организационного и финансового обеспечения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 83–90. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-83-90>.

Problems of Economics

Original article

**PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS DEVELOPMENT
IN RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX:
PROBLEMS OF ORGANIZATIONAL AND FINANCIAL SUPPORT**

Tatiana V. Ignatova¹, Gleb V. Trofimov²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Gleb V. Trofimov, trofimov.globallox@yandex.ru

Abstract. In any state, the agricultural complex is one of the key sectors of the development of the economic system. This mechanism can significantly affect the welfare of citizens, since the products of farmers today will account for more than 70% of the total number of trade names on the market. In view of the introduction of sectoral sanctions against the Russian Federation by the European Union and the United States of America, a threat to food security was created, and all this became the basis for the use of retaliatory sanctions by the Russian Federation to ensure quality security and protect the organizational foundations of doing business. In this case, the use of a public-private partnership mechanism is considered to be an urgent tool for supporting domestic agricultural producers.

Keywords: responsibility, business, financial support, organization, agriculture

For citation: Ignatova T. V., Trofimov G. V. Public-private partnership projects development in Russian agro-industrial complex: problems of organizational and financial support. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):83–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-83-90>

В рамках данной работы необходимо проанализировать организационные основы, а также финансовые проблемы, встающие перед предприятиями агропромышленного комплекса, которые заключают партнёрские соглашения в системе государственно-частного партнерства. Все эти проблемы можно ликвидировать и модернизировать экономическую сферу в рамках деятельности агропромышленных предприятий. Считаем, что эта задача должна быть решена, поскольку является актуальной на современном этапе, что повысит продовольственную безопасность государства при учете влияния негативных санкций против Российской Федерации. Необходимо проанализировать все основные проблемы в сфере организации партнерских отношений в рамках построения агропромышленной политики и отразить на основании сопоставления с международными примерами ключевые сложности, создающие угрозы для деятельности государственно-частного партнёрства в сельском хозяйстве.

В Российской Федерации самым простым и распространённым способом организации партнерских отношений выступает кооперация крестьянских хозяйств с производством в сельском хозяйстве, что в итоге позволяет внедрять объединения производителей сельскохозяйственной продукции. На современном этапе развития данная форма государственно-частного партнерства реализована с помощью кооперации крестьянских хозяйств и производителей, имеющих в составе своего уставного капитала долю государственного участия. В развитых странах этот механизм является важнейшей чертой современного агропромышленного комплекса.

Такая форма деятельности уже более 150 лет существует во многих развитых странах мира. В соответствии с официальной статистикой по состоянию на 2020 год по всему миру функционирует более 1 млн кооперативных учреждений, которые занимаются 130 видами и формами сельскохозяйственной деятельности, тем самым реализуя государственно-частное партнёрство. Общее количество занятых составляет порядка 700 млн чел. [1, с. 98].

Прежде чем установить ключевые организационные проблемы в сфере развития государственно-частного партнёрства при его использовании на базе сельскохозяйственной отрасли необходимо обратиться к международному опыту, который используют сельскохозяйственные кооперативы. Во многих развитых странах этот кооперативный сектор может обеспечивать до половины созданного объёма продукции в сфере пищевой промышленности. Также в некоторых государствах кооперативы будут занимать существенный удельный вес в процессе переработки мясных товаров, зерновых, фруктов и овощей.

Сельскохозяйственная кооперация на территории Российской Федерации представлена в 2 основных формах: производственная система и потребительская система. Кооперативы потребительского типа могут быть разделены на основании собственной специализации. Сегодня на территории сельской местности развиваются и существует практически все формы и виды сельскохозяйственных, а также потребительских кооперативов, которые установлены в составе гражданского законодательства.

Однако, важно отметить, что около 57 % сельскохозяйственных потребительских кооперативов не работает по состоянию на 1 января 2021 г. Эта проблема на наш взгляд связана с тем, что такие потребительские кооперативы не всегда соответствуют потребностям и желаниям граждан, которые хотят взаимодействовать с организаторами этих структур. В связи с чем, очень сложно на практике обеспечивать деятельность сельскохозяйственных потребительских кооперативов. На представленной ниже диаграмме отражена структура различных видов кооперативных объединений в сфере государственно-частного партнёрства для совершенствования сельскохозяйственной отрасли (см. рис. 1).

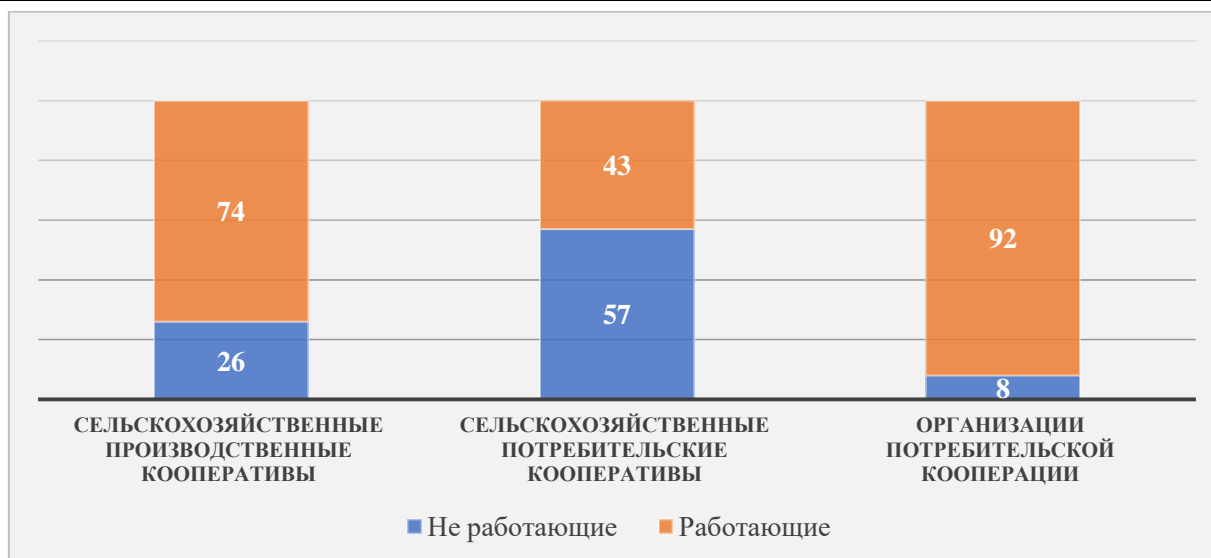

Рис. 1. Состав потребительских кооперативов в сельском хозяйстве в РФ по состоянию на 1 января 2021 года

Fig. 1. The composition of consumer cooperatives in agriculture in the Russian Federation as of January 1, 2021

Основываясь на статистических данных Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, из всего количества зарегистрированных производственных кооперативов свою деятельность осуществляют только 74 %, а остальные только на формальном уровне занимаются этой деятельностью, однако фактически не производят продукта и у них нет возможности обеспечивать взаимодействие с государством. Причиной формирования данной проблемы является недостаточный объем финансирования производственных кооперативов, а также воздействие со стороны крупнейших монопольных структур в рамках сельского хозяйства на незначительные производственные кооперативы. Стоит добавить, что только 43 % потребительских кооперативов функционируют на территории Российской Федерации. Эти организационные объединения в условиях Российской Федерации показывают себя с лучшей стороны, так как не дают возможность обеспечивать высокий уровень эффективности на практике. Тем самым не имеется возможности организовать достойное и качественное партнерство с государственными органами власти или сторонними частными инвесторами с целью совершенствования рынка и возможности создания конкурентных преимуществ на его территории [2, с. 268].

Далее важно заметить, что большинство производственных и потребительских кооперативов как форма организации сельскохозяйственной деятельности с целью построения партнерства имеют кроме функциональных проблем ещё и территориальные. Суть заключается в том, что многие производственные кооперативы образованы именно в сельской местности для создания производственных процессов, а также сбыта и переработки готовых продуктов. Но, сами ресурсы могут располагаться в городской местности, что относится к потребительским кооперативам, а ресурсы производственных кооперативов располагаются в сельской местности. Все сельские ресурсы в этом случае будут наиболее значимыми для населения города, а городские для жителей села. Считаем, что механизм по раздельному управлению данными ресурсами является неэффективным, так как во многих развитых государствах, в числе которых можно выделить: Соединенные Штаты Америки, Австралию и Голландию, взаимодействие между аналогичными формами производственных и потребительских кооперативов с целью заключения государственных контрактов и проектных соглашений, осуществляется на совместном уровне путем регламентирования этой деятельности в законодательстве.

Опираясь на статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, нужно отметить, что самое большое количество сельскохозяйственных потребительских кооперативов имеется на территории Пензенской области в количестве 761 единиц и, а также в Республике Якутия, где присутствует 564 таких потребительских кооперативов. Тем самым данные потребительские кооперативы активно участвуют в организации и заключении государственных контрактов и партнёрских соглашений с целью получения

необходимых ресурсов для развития городской территории и возможности удовлетворить потребности граждан. В Тюменской, Астраханской, Кемеровской, Саратовской областях и в Краснодарском крае имеется специализация, связанная с выдачей большого количества кредитов кооперативам и малым формам ведения хозяйственной деятельности. Тем самым можно обеспечивать партнёрство и взаимодействие с региональными органами власти, что даёт основу для совершенствования государственно-частного партнёрства [3, с. 175].

Рассмотрев данную организационную форму ведения партнёрства на территории Российской Федерации с учётом использования ее при построении государственно-частного партнёрства можно сделать вывод о том, что в западных странах сельскохозяйственные кооперативы являются наиболее распространёнными, и позволяют получить большую эффективность от сотрудничества органов власти и бизнеса. В свою очередь в Российской Федерации данные объединения не являются эффективными, и у них есть сложности при обеспечении партнёрских соглашений, так как они находятся в разрозненном состоянии.

В агропромышленном комплексе крупнейших и высокоразвитых государств огромную роль играют общественные ассоциации или союзы производителей сельскохозяйственных товаров. Такие ассоциации дают возможность осуществить объединение крупных производителей с использованием хозяйственного расчета и на базе демократической основы. Действуют такие объединения только как самостоятельные юридические лица, имеющие все права владения имуществом, возможность вести свои счета и получать кредиты, а также взаимодействуют с государством путем заключения соответствующих контрактов и партнерских соглашений. Все фонды такой ассоциации могут быть созданы благодаря использованию членских взносов страны-производителя, а также исходя из оплаты денежных средств за лицензионные соглашения и квоты, выделенные как со стороны государства, так и от инвесторов. Тем самым, путем взаимодействия государства и подобных ассоциаций происходит поддержка сельского хозяйства во многих зарубежных странах. Производить подобное сравнение необходимо, поскольку в этом случае можно понять, какие проблемы присутствуют в агропромышленном комплексе Российской Федерации с учетом организации данных ассоциаций в стране [4, с. 3].

На территории Канады развиваются две формы данных ассоциаций, исходя из уровня управления. Так, на федеральном уровне функционируют канадское пшеничное управление, канадская молочная комиссия и 4 специализированных агентства по торговле различными сельскохозяйственными товарами. На уровне провинций развиваются торговые ассоциации в виде управления, агентств и комиссий. Поскольку субъекты агропромышленного комплекса непосредственным образом принимают участие в работе данных предприятий, то они обладают огромным количеством разнообразных преимуществ, взаимодействуя с органами государственной власти посредством заключения контрактов в системе государственно-частного партнёрства.

Для того, чтобы защищать собственные интересы и с целью увеличения эффективности работы при организации государственно-частного партнёрства, на территории Франции фермерские кооперативы осуществляют объединение в специальные союзы, учитывая отраслевые, территориальные и территориальные отраслевые принципы деятельности. Такие организации занимаются созданием молочной продукции, мясной продукции, мягких сыров и мороженого.

Проанализировав зарубежную практику использования данных ассоциаций и общественных союзов производителей, можно сделать вывод о том, что они достаточно успешно развиваются в большинстве стран Европейского союза и на территории Северной Америки. Эти организации могут сформировать собственные прецеденты, связанные с интеграцией усилий для защиты личных интересов и возможности обеспечивать совместное сотрудничество с органами государственной власти [5, с. 211].

Далее стоит изучить систему функционирования схожих союзов производителей сельскохозяйственной продукции на территории Российской Федерации. Благодаря существующим аграрным реформам после распада Советского союза, в России была создана сельскохозяйственная экономика многоукладного типа. Производители такой продукции теперь могут самостоятельно заниматься созданием своей структуры и объемов производства, имеют возможность выбирать необходимую специализацию, и каналы распределения произведённых товаров.

Принимая во внимание все преимущественные особенности агропромышленного объединения и кооперации в Российской Федерации, многие предприятия создают отраслевые союзы.

Производители стараются активно участвовать в этой форме объединения, поскольку они смогут выстроить как внутренние партнёрские отношения, так и обеспечивать взаимодействие с органами государственной власти и сторонними инвесторами. Это повышает эффективность деятельности союзов и обеспечивает продовольственную безопасность всего государства.

Статистика показывает, что в сфере виноградно-пчеловодства и оленеводства имеются самые консолидированные представители аграрного бизнеса. Но, в сегменте сбора урожая в виде зерна и других круп функционирует 8 крупнейших ассоциаций и союзов. При этом отечественной зерновой союз осуществляет контроль более 74 % товарного зерна, и 87 % экспортных операций.

Существенное количество отечественного рынка будет находиться под контролем производителей и переработчиков, которые осуществили объединение в специализированную ассоциацию отечественных производителей крахмальной продукции, где занято более 95 % ее участников; 92 % производителей объединены в Российский союз производителей фруктовых соков; 90 % производителей объединены в союз производителей пищевых ингредиентов. По информационным данным, представленным от Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, на сегодня на территории страны работает 95 крупнейших отраслевых союзов и специализированных ассоциаций в агропромышленном комплексе, которые активно взаимодействуют с органами государственной власти и частными инвесторами [6, с. 15].

Несмотря на тот факт, что в Российской Федерации активно развивается данная форма взаимодействия и сотрудничества предприятий с государством и между собой, ключевые проблемы невозможно решить, поскольку аграрный сектор экономики в Российской Федерации располагается в зоне рискованного земледелия. Тем самым большинство рисков производители сельскохозяйственной продукции будут разделять между собой, и все это приводит к уменьшению небольших производственных кооперативов и потребительских объединений. Именно эта крупнейшая проблема природного и географического характера не даёт возможность обеспечивать качественное партнерство мелких организационных структур рынке сельскохозяйственной промышленности.

В соответствии с данными Росстата численность фермерских хозяйств уменьшилась практически на 25 % за последние десять лет. Все это говорит о том, что если не получать достаточную поддержку от органов государственной власти путем сотрудничества и взаимодействия на базе проектов государственно-частного партнерства, то совершенствовать агропромышленный комплекс будет попросту невозможно.

Проблемы организационного характера в сфере обеспечения государственно-частного партнерства на базе сельскохозяйственного комплекса могут быть созданы на основании функционирования агропромышленных кластеров. Российская Федерация не является первопроходцем в системе внедрения агропромышленных кластеров. В европейских странах и на территории Соединенных Штатов Америки существуют подобные кластеры, которые впоследствии позаимствовала себе Китайская народная республика и Аргентина [7, с. 73].

На территории Европейского Союза создана специализированная кластерная обсерватория, в составе которой развивается 2250 кластеров, 11,7 % из которых функционирует в составе агропромышленного комплекса.

Таким образом нужно отметить, что аграрные кластеры представляют собой неформальные и добровольные процессы по объединению различных усилий производителей сельскохозяйственной продукции конкретного региона для создания, переработки и последующего использования на рынке товаров сельскохозяйственного назначения, с возможностью при внедрении таких производственных процессов защищать окружающую среду. Считаем, что данное определение необходимо внедрить в качестве рекомендации для совершенствования правового обеспечения сельскохозяйственных кластеров в Российской Федерации.

В соответствии с информационными данными, полученными от Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, на территории страны начиная с 2010 г. осуществляется организационная и финансовая поддержка центров кластерного развития. В некоторых регионах Российской Федерации работает уже более 15 агропромышленных кластеров, и они находятся на определённом этапе собственного развития. Эти кластеры каждый год на основании заключения соглашений в сфере государственно-частного партнерства получают необходимые финансовые ресурсы и средства для реализации своей деятельности.

На представленной ниже диаграмме будет отражена структура всех реализуемых кластерных проектов в агропромышленном комплексе с учетом федеральных округов Российской Федерации:

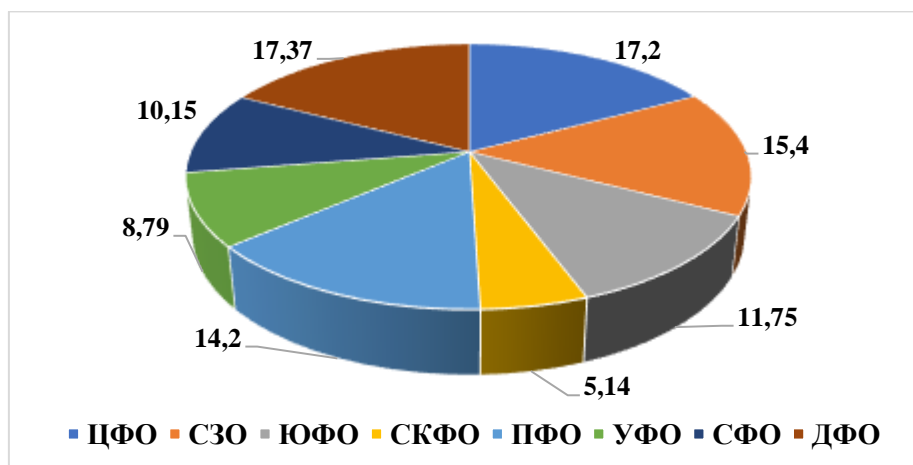

Рис. 2. Структура исполнения кластерных проектов в области сельского хозяйства в соответствии с федеральными округами РФ в %

Fig. 2. Structure of implementation of cluster projects in the field of agriculture in accordance with the federal districts of the Russian Federation in %

Кластерная форма организации сотрудничества смогла получить достаточную поддержку со стороны органов государственной власти, но, к сожалению, должного и четко сформированного законодательного акта в этой отрасли до сих пор не имеется, поскольку аграрии и органы власти стараются заключать концессионные соглашения, а также используют иные формы и методы государственно-частного партнерства. Отсутствие специализированного законодательного акта, позволяющего обеспечивать сотрудничества в области государственно-частного партнерства между подобными кластерами и государственными органами власти, создает серьезную брешь в управлении финансовыми средствами и организационными процессами и не позволяет четко урегулировать данную процедуру [8, с. 64].

Именно в рамках использования кластерного способа организации сельскохозяйственной деятельности с учетом государственно-частного партнерства, были сформированы проекты в области агропромышленного комплекса, которые будут представлены в табл. 1.

Из представленной таблицы можно сделать вывод о том, что за 5 лет было реализовано незначительное количество проектов в сфере агропромышленного комплекса, так как основное количество финансовых ресурсов государство старается выделять на совершенствование партнерства в рамках государственно-частного взаимодействия для обеспечения роста социальной сферы и инфраструктурного комплекса. Подтверждением незначительного количества проектов в сфере государственно-частного партнерства является информация о том, что сельскохозяйственный комплекс как отрасль находится на шестом месте по объему выделенных средств и заинтересованных инвесторов, желающих модернизировать систему сельского хозяйства путем прямого партнерства с государством. На наш взгляд это обусловлено тем, что многие сельскохозяйственные предприятия объединяются в рамках организационно-правовых форм, которые были описаны выше в представленном параграфе. Тем самым можно констатировать, что благодаря вероятному стечению обстоятельств и на основании договоренности между органами власти и предпринимателями в сфере сельского хозяйства, в основном они функционируют на базе собственного финансирования основных проектных процессов. Роль государства в этом случае невелика, и этот факт является ещё одной из проблем организационно-финансового характера функционирования института государственно-частного партнерства в сфере сельского хозяйства. По сути, органы власти мало заинтересованы возможностью развивать сельское хозяйство и взаимодействовать в рамках контрактных соглашений, так как в начале 2000-х годов государственная поддержка этого направления была значительнее, но не принесла видимых результатов [9, с. 27].

Таблица 1 – Самые крупные проекты ГЧП в сфере агропромышленного комплекса в России с 2015 по 2020 годы

Table 1 – The largest PPP projects in the field of agro-industrial complex in Russia from 2015 to 2020

Субъект РФ / Федеральный округ	Проект ГЧП в сфере АПК	Инвестиционные вложения в млн руб.	Соотношение участия в проекте
Мордовия	Создание комбикормового завода	584,5	10% – государственные органы власти, 90% – предприниматели
Тамбовская область	Первый этап развития агропромышленного комплекса региона	13555,4	8% – органы власти (государство), 92% – предприниматели
	Второй этап развития агропромышленного комплекса региона	5911,8	14% – государство, а 86% – бизнес-структуры
	Создание нового комплекса по производству 30 тыс. тонн свинины в год вместе с созданием комбикорма, мощностью 130 тыс. тонн в год	3983,4	27% – государство, 73% – предприниматели
Владимирская область	Формирование агропромышленного парка «Ставровский»	2202,8	По долям не имеется деления
Омская область	Единая программа развития агропромышленного комплекса региона	76469,4	15% – органы власти, и 85% предприниматели
Алтайский край	Создание свиноплеменного комплекса по производству 33 тыс. тонн мяса	4712,2	Не разделены доли
	Строительство вертикального и интегрированного птицеводческого комплекса с отсутствием незамкнутого цикла по созданию мяса бройлеров в объеме 63 тыс. тонн	6905,2	Не разделены доли
	Создание животноводческого комплекса по производству молочных и мясных продуктов	5419,2	Не разделены доли
	Свиноводческий комплекс – 1 этап производства	2509,7	24% – органы власти и 76% – предприниматели
Брянская область	Создание завода по производству замороженного картофеля	4856,7	5% – органы власти и 95% – предприниматели

Обобщая представленные проблемы в сфере государственно-частного партнерства на уровне развития сельскохозяйственной отрасли, необходимо отметить, что в основном организационные и финансовые сложности возникают в связи с недостатком компетентных специалистов в области развития сельского хозяйства и управленческой деятельности по этому направлению, а также ввиду слабой заинтересованности органов власти поддерживать сельскохозяйственную отрасль крупными финансовыми вложениями и организационно производственными проектами. На наш взгляд, это обусловлено тем, что многие крупные сельскохозяйственные товаропроизводители объединены в крупные концерны и другие производственные кооперативы, и находятся в большей степени на самообеспечении, в рамках укрупнения масштабов предпринимательской деятельности. Слабость законодательного регулирования в этом вопросе по сравнению с зарубежной системой является очевидной, поскольку в представленной статье на реальных примерах отмечены преимущества иностранного законодательства в сфере организационного регулирования форм ведения предпринимательской деятельности в форме государственно-частного партнерства, а также выявлены причины, почему в Российской Федерации подобные модели практически не используются.

Список литературы

1. Солтангазинов А. Р., Исенова Г. К., Кайдарова Л. К. Модели и формы государственно-частного партнерства // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 5 (78). С. 95–104.
2. Сюаева А. Е. Государственно-частное партнерство как инструмент повышения устойчивости АПК // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России. 2019. С. 267–269.

3. Тесля П. Н. Государственно-частное партнерство в свете исторической ретроспективы // ЭКО. 2019. № 2. С. 174–191.
4. Тонян М. Н., Климовских Н. В. Формы реализации государственно-частного партнерства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-3. С. 1–4.
5. Троценко О. С. Модели государственно-частного партнерства: зарубежный опыт и российская практика / УРАЛ - XXI ВЕК: МАКРОРЕГИОН НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х т. Екатеринбург, 2018.
6. Уколова Н. В., Монахов С. В., Шиханова Ю. А. Государственно-частное партнерство в современном сельском хозяйстве России: экономические аспекты развития // АПК: Экономика, управление. 2019. № 4. С. 14–19.
7. Филин Д. М. Взаимодействие между бизнесом и властью в государственно-частном партнерстве // Научный поиск. 2019. № 1. С. 73–75.
8. Хаирбеков А. У. Государственно-частное партнерство как инструмент стимулирования инновационного развития экономики АПК // Прикладные экономические исследования. 2017. Т. 1. С. 62–65.
9. Ханнанова Т. Р., Гарифуллина А. Ф. Проблемы оценки эффективности применения механизмов государственно-частного партнерства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. №. 1. С. 26–30.

References

1. Soltangazinov A. R., Isenova G. K., Kaidarova L. K. Models and forms of public-private partnership. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2019;5(78):95–104. (In Russ.)
2. Syuvaeva A. E. Public-private partnership as a tool to increase the sustainability of the agro-industrial complex. *Osnovnye tendencii razvitija jekonomiki i upravlenija v sovremennoj Rossii = The main trends in the development of economics and management in modern Russia*. 2019:267–269. (In Russ.)
3. Teslya P. N. Public-private partnership in the light of historical retrospect. *ECO*. 2019;(2):174–191. (In Russ.)
4. Tonyan M. N., Klimovskikh N. V. Forms of implementation of public-private partnership. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2019;(4-3):1–4. (In Russ.)
5. Trotsenko O. S. Models of public-private partnership: foreign experience and Russian practice. In: *URAL - XXI CENTURY: MACRO-REGION OF NEO-INDUSTRIAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Yekaterinburg, 2018. (In Russ.)
6. Ukolova N. V., Monakhov S. V., Shikhanova Yu. A. Public-private partnership in modern agriculture of Russia: economic aspects of development. *APK: Jekonomika, upravlenie = Agro-industrial complex: Economics, Management*. 2019;(4):14–19. (In Russ.)
7. Filin D. M. Interaction between business and government in public-private partnership. *Nauchnyj poisk = Scientific search*. 2019;(1). (In Russ.)
8. Khairbekov A. U. Public-private partnership as a tool to stimulate innovative development of the agro-industrial complex economy. *Prikladnye jekonomicheskie issledovaniya = Applied economic research*. 2017;(1):62–65. (In Russ.)
9. Khannanova T. R., Garifullina A. F. Problems of evaluating the effectiveness of the use of public-private partnership mechanisms. *Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal = Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2019;(1):26–30. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Игнатова – докт. экон. наук, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Г.В. Трофимов – асп. кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Ignatova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of of Economic Theory and Entrepreneurship of URIU RANEPА;

G. V. Trofimov – Graduate Student of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of URIU RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication 27.05.2022.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-91-97

ЭВОЛЮЦИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Андрей Николаевич Козлов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ko-an-14@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность хозяйствующих структур в период современного применения социально-экономического влияния на устойчивость экономического развития. Формирование стратегического направления компании в сторону нового социально-экономического положения, предопределяет обусловленность взаимоотношений социально-рыночного восприятия современной экономической действительности. В условиях нового социального развития рассмотрена сущность субъекта хозяйственной деятельности в приоритетном направлении функционального использования ресурсов производства социального характера. Показано воздействие нового социального развития компаний, в контексте определенного производственного, организационного, правового положения, при котором раскрываются перспективные проекты для их деятельности в рамках социально-рыночного подхода.

Ключевые слова: субъект хозяйственной деятельности, социально-экономическая политика, интенсификация, социальная рыночная экономика, социальное предпринимательство, государственно-социальные приоритеты, хозяйствующие структуры, предпринимательский потенциал

Для цитирования: Козлов А. Н. Эволюция хозяйствующих структур в условиях нового социального развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 91–97. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-91-97>

Problems of Economics

Original article

EVOLUTION OF ECONOMIC STRUCTURES IN THE CONTEXT OF NEW SOCIAL DEVELOPMENT

Andrey N. Kozlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ko-an-14@mail.ru

Abstract. The article examines the essence of economic structures in the period of modern application of socio-economic influence on the sustainability of economic development. The formation of the company's strategic direction towards a new socio-economic situation determines the conditionality of the relationship between the socio-market perceptions of modern economic reality. In the conditions of new social development, the essence of the subject of economic activity is considered in the priority direction of the functional use of social production resources. The impact of the new social development of companies is shown, in the context of a certain industrial, organizational, legal situation, in which promising projects for their activities are revealed within the framework of a socio-market approach.

Keywords: subject of economic activity, socio-economic policy, intensification, social market economy, social entrepreneurship, state and social priorities, economic structures, entrepreneurial potential

For citation: Kozlov A. N. Evolution of economic structures in the context of new social development. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):91–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-91-97>

Влияние современного рыночного общества на потенциал хозяйствующих структур, определяется в новых приоритетных направлениях развития экономического, социального, правового, политического изменения, что приводит к институциональным преобразованиям всей системы социально-экономического перераспределения результатов общественного производства.

Тенденции современного социального развития образуют хозяйственные и административные инструменты функционирования экономических отношений при оптимальных пропорциях информационного, промышленного, технологического использования некоторых видов ресурсов, для обеспечения продолжительности производственного процесса в рамках социально-экономического преобладания хозяйственной системы. Условия при формировании новой социальной устойчивости среди всех экономических субъектов определяет вектор социального проникновения новой экономической политики, и показывает, что в области хозяйственных взаимоотношений, они ориентируются на равномерное перераспределение доходности по всем использованным ресурсам, и тем самым показывается сложность эволюционного развития в деятельности хозяйствующих структур.

Совокупность инструментов при реализации нового социально-экономического развития предопределяет для хозяйствующих структур стратегическую эффективность организационного, технологического, инновационного, информационного, производственного применения, что в условиях современного социального преобразования показывает необходимость использования хозяйствующим субъектом, а это – предприятия, фирмы, компании, организации, учреждения, корпорации, взаимосвязь между всеми подразделениями управления внутри самого субъекта. Приоритетные возможности такого управления реализуют для хозяйствующих структур движение экономического потенциала в рамках программ социального направления, а это: 1) социально-экономическое преобразование субъекта хозяйственной деятельности; 2) приоритетные пути развития экономического и политического формата; 3) степень интенсификации производственных мощностей социального назначения [1, с. 214]. Ответственность хозяйствующего субъекта перед социальным устройством общества, предопределяет саму возможность использования механизмов экономического и организационно-социального формирования производственной структуры, как необходимость социально-регулирующего потенциала экономической системы нового времени.

Эволюционное движение хозяйствующих структур в период изменения современной социально-экономической политики, приносит в общество рыночного взаимодействия усовершенствование механизмов производственного, технологического, организационного и правового применения, и тем самым показывает какова степень важности социально-экономического влияния на конфигурацию уровня идеологической составляющей хозяйственного приоритета компании [2, с. 57]. Динамика такого устойчивого развития социально-экономического проникновения, характеризует возможности субъекта хозяйственной деятельности, как перспективное действие экономического регулирования в условиях транзитивной системы координированного, в развитых административных структурах, управления предприятием, фирмой, компанией.

Особенность социально-экономической политики на современном этапе предполагает способность оперативно реагировать субъекту хозяйственной деятельности, на изменения экономической конъюнктуры, а именно: 1) принимать решения в области социально-производственного назначения; 2) нести социальную ответственность за использование собственного экономического потенциала; 3) усиливать значение производственного характера в рамках социального проекта; 4) формировать структуру социально-правового направления.

Параметры новой социально-экономической политики определяются трансформационным вектором институционального изменения, при котором динамичное выявление административных факторов регулирования самой социально-экономической политики, воздействует на ценообразование социального направления, структуру социального производства, распределение прибыли в рамках интересов социального объекта, а также ведение комплекса маркетинга в условиях социальной рыночной экономики. В таких условиях компании позволяют себе определенную свободу в рамках хозяйственной деятельности, которую они осуществляют, и тем самым приносят в общественные отношения новый вектор развития самого общества [3, с. 128].

Эти возможности показывают для предприятия, компании, как и когда необходимо реализовать методы организационного, административного, правового, экономического, социального регулирования в проекте заданий общественно-политического и общественно-стратегического положения, где определяется: 1) устойчивость социально-экономического развития в регионе страны; 2) специфика производственно-инновационного и производственно-технологического уровня самой фирмы; 3) инфраструктурные проекты нового социального назначения.

Специфика новой социально-ориентированной рыночной экономики исходит из возможностей субъектов хозяйственной деятельности в контексте организационного, инвестиционного, производственного, промышленного сотрудничества с государственными структурами управления. Такая специфика ориентируется на долгосрочное прогнозирование новой социально-экономической программы страны, что приводит к реализации краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных государственных проектов социального характера [4, с. 79].

Степень активности современной социально-ориентированной рыночной экономики отражается в целевом курсе экономического развития страны в обозначенной стратегической перспективе социального равенства, а это: 1) снижение уровня безработицы; 2) формирование социальной справедливости; 3) устойчивое восприятие частной собственности на средства производства; 4) осуществление современной социальной безопасности; 5) проектирование новых социальных программ. Создание государственными структурами управления нового социально-экономического направления развития для субъекта хозяйственной деятельности, предопределяет его поведение в контексте промышленно-инвестиционного, производственно-организационного, структурно-технологического приоритета [5, с. 508].

Возможности социально-ориентированной рыночной экономики в современных условиях определяются в разработке государственных программ социально-экономического характера, где такие возможности, в этих государственных программах, соответствуют парадигме общенационального достижения экономического благополучия самих компаний, фирм, предприятий, а также и всего экономически активного населения страны. Такого рода возможности реализуют специализированные государственные управленческие структуры, которые осуществляют социально-экономическую политику в области перераспределения ресурсов для мало обеспеченных слоев населения, через: 1) бюджетную политику государства; 2) налоговую систему управления экономической деятельностью компаний; 3) кредитно-денежную политику Центрального банка.

Особенность использования государственных управленческих структур в социально-ориентированной рыночной экономике нового времени показывает, что в ситуации современного развития хозяйствующих субъектов предопределяется устойчивость их производственно-организационного и производственно-технического направления [6, с. 229]. Формирование существенной степени устойчивости при реализации новой социально-экономической политики в области достижений социального равенства рассматривает такое действие с позиции промышленного, финансового, инвестиционного капитала в рамках экономического взаимодействия современного общества постиндустриального времени.

Интенсификация субъекта хозяйственной деятельности в условиях социального применения предопределяется новыми формами информационно-технологического вида, а это информатизация общества социального характера, т.е. возможность всеобщей доступности интернет ресурсов, сайтов, социальных сетей, информационных продуктов, которые в свою очередь осуществляют деятельность в социально-экономическом развитии хозяйствующих структур. Определенное усиление информационной результативности при применении социального вектора показывает и раскрывает информационное поле в рамках современного социального преобразования, а это способствует интенсивному восхождению хозяйственного механизма.

Сущность интенсификации социального применения заключается в экстенсивной программе стратегического социально-экономического развития, где факторы роста базируются на: 1) использовании всех видов информационных ресурсов; 2) усилении информационно-производственного капитала компаний; 3) значимости научно-производственного приоритета; 4) оптимизации хозяйственных возможностей предприятий; 5) изменении организационно-информационных процессов управления; 6) повышении значимости высокотехнологических производств.

Функционирование нового социального развития в условиях интенсификации производственного, промышленного, инновационного, инвестиционного вектора хозяйствующих структур, показывает, что создание высокой степени конкурентоспособного товара, продукции, услуг предопределяет весь спектр социально-экономического направления.

Действие хозяйственного механизма в ситуации повышения результативности социально-производственного ведения работы компании, определяется множественными экономическими, хозяйственными, социальными и организационными факторами перспективного планирования [7, с. 360]. В такой ситуации в структуре хозяйственного механизма просматривается динамика социально-экономических направлений, а это: 1) производство товаров социального характера; 2) осуществление деятельности компании в рамках социальной ответственности бизнеса; 3) структурные изменения управленческого социального приоритета предприятия; 4) расширение производственной программы компании в рамках социально-ориентированной рыночной экономики.

Институциональное положение хозяйствующих структур в условиях транзитивной экономической действительности осуществляется при усиленном влиянии на внутренние организационные особенности предприятия [8, с. 1007].

Государственно-социальные приоритеты в условиях нового экономического времени раскрывают для субъектов хозяйственной деятельности масштабы экономического взаимопроникновения, где эффективность государственной социально-экономической политики, реализуется через программы улучшения системы образования страны, системы здравоохранения, условия занятости населения, системы жилищно-коммунального хозяйства государства, трудовые отношения, пенсионную систему, а также через производственные отношения работодателя и наемного работника предприятия.

Усилия государства в области социальных приоритетов показывают необходимость выполнения задач трансформационного характера, при котором: 1) отражается новый социально-экономический курс; 2) происходит разработка планов и перспективных программ социального направления. Осуществляется выбор приоритетных возможностей экономического положения хозяйствующих субъектов, для которых социальное развитие является перспективным трендом [9, с.82].

Государственно-социальная стратегия определяется: 1) на макроуровне, для решения сверх приоритетных программ и планов долгосрочного социального развития, для субъекта хозяйственной деятельности; 2) на мезоуровне, для решения проблем социально-экономического взаимодействия в среднесрочной перспективе; 3) на микроуровне, для решения оптимального функционирования краткосрочных приоритетных социально-экономических направлений в структуре субъекта хозяйственной деятельности.

Эффективность государственно-социальных приоритетов раскрывает потенциал экономических взаимосвязей компании и дает механизму хозяйственного взаимодействия осуществлять в структуре компании разработки нового социального вектора. Перспективными целыми в развитии государственно-социальных приоритетов рассматриваются экономические возможности самого субъекта хозяйственной деятельности, т.е. его быстрое передвижение в условиях колебания рыночной конъюнктуры [10, с. 207].

Использование целей на основных этапах применения государством приоритетов социального взаимопроникновения, при формировании стратегии социально-экономического проектирования в деятельности компании, показывает, что необходимо учитывать положительную динамику экономического развития субъекта, разработку конкурентной программы в производстве социально-ориентируемых товаров, продукции, услуг. Сама эффективность хозяйственной деятельности компании осуществляется в этот период в рамках специфики социально-экономического функционирования, где тенденции государственно-социального применения, определяют разработки внутри производственного, управленческого, организационного потенциала компании, для осуществления влияния государственно-социального положения на перспективные направления развития нового социально-экономического устройства.

Сущность социального предпринимательства в условиях нового экономического времени представляет для субъекта хозяйственной деятельности, в концепции приоритетного формирования результатов труда предпринимательского класса, необходимость регулировать свою

производственную, организационную, инвестиционную, управленческую, социально-экономическую деятельность в рамках хозяйственного использования конечного товара, продукции, услуг.

Эффективность применения социально-ориентированного использования всех ресурсов компании определяется по направлениям: 1) медико-социальной помощи; 2) становление и развитие экологического туризма; 3) осуществление услуг в области культуры и искусства; 4) помощь безработным в обеспечении трудоустройства; 5) занятым работникам помощь в получении повышения квалификации; 6) правовое и психологическое консультирование. Такие условия для осуществления современного социального предпринимательства формируют приоритеты социально-экономического развития самой компании в проектах социально-производственного характера своей хозяйственной деятельности, что констатирует необходимость планирования на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные периоды новые программы существования.

В условиях нового социального развития бизнес сообщество самостоятельно определяет свое отношение к социальному предпринимательству, это дает для предпринимательского субъекта понимание перспектив социально-экономического развития своей компании, своего региона, а также страны в целом. Особенность такого нового социального развития раскрывается через взаимодействия и взаимопроникновения институтов предпринимательского сообщества, где экономическое использование ресурсов реализуется в направлении институциональных изменений при создании высокой степени конкурентоспособности товара, продукции, услуг.

Результаты применения социального характера для предпринимательского сообщества раскрывают в функционирование обширного социального пространства новое использование ресурсов постиндустриального общества. Устойчивость социального предпринимательства предопределяется в осуществление своей экономической активности, а это: 1) создание некоммерческих компаний с коммерческими компонентами; 2) создание социально-ответственного бизнеса; 3) использование корпоративной социальной ответственности.

Совершенствование нового социального предпринимательства реализуется через активное использование предпринимательского потенциала, при котором признаки хозяйственного сотрудничества, внутри бизнес сообщества, в векторе применения социального направления, показывают возможность создания нового социального товара, продукта, услуги. Предпринимательский потенциал в области нового социально-экономического развития основывается на: 1) наличии социального капитала компании; 2) возможностях использования производственных мощностей для создания социально-ориентированного продукта; 3) структурных преобразованиях внутри самого предприятия. Необходимость в инвестиционных проектах для совершенствования социального товара, продукции, услуг предопределяет предпринимательскому классу вектор развития всего экономического и хозяйственного потенциала, где бизнес сообщество рассматривается в контексте нового социального развития.

Ответственность предпринимательского сообщества перед малоимущими слоями населения формирует механизм хозяйственных интервенций в объем производимого социального товара, продукции, услуг, а это использование: 1) материальных ресурсов для производства социального продукта; 2) финансовых ресурсов для создания и формирования товаров социальной направленности; 3) трудовых ресурсов для обеспечения производственного процесса компании.

Предпринимательский потенциал в структуре нового социального времени реагирует тогда, когда возможны преимущественные движения всех ресурсов производства, при создании новых устойчивых рыночных функциональных преобладаний социального направления. Концепция такого применения имеет скачкообразный вектор преобразования социального предпринимательства в рамках нового постиндустриального мира, где специфика субъекта предпринимательского класса формирует ноу-хау в сфере социального развития, а сама концепция функционирует как преимущество социально-экономического преимущества бизнес стратегии нового времени.

Сущность предпринимательского потенциала в период современного экономического становления раскрывает выполнение поставленных задач социально-экономического спектра,

при котором объем хозяйственных, правовых, организационных проблем решаются в совокупности использования всего предпринимательского потенциала предприятия, в контексте нового взаимодействия социально-рыночного хозяйства.

Таким образом, эволюция хозяйствующих структур, в ситуации современного социального подхода, реализует объективные параметры социально-экономического, социально-организационного, социально-производственного, хозяйственного, промышленного, правового состояния компаний. Особенность такого преобразования, в контексте нового социально-экономического становления хозяйствующих структур, открывает для компаний преимущества высоко конкурентного производства социальных товаров, продукции, услуг, при которой трансформируется вся сущность новой социально-ориентируемой рыночной экономики.

Список источников

1. Гельцер Ю.Г. Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете общей теории систем. М.: Ленанд, 2018. 352 с.
2. Чечулин А. В. Коммуникационные технологии в социальной сфере. М.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ), 2017. 116 с.
3. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития. Монография / под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Курджијева. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 200 с.
4. Афанасьев К. С. Государственное регулирование экономики как средство экономической политики / К.С. Афанасьев, А.С. Казеннов, М.В. Попов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 148 с.
5. Козлов А.Н. Влияние экономических отношений на трансформацию современной социально-экономической политики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 5А. С. 505-513.
6. Мау В.А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2017. 349 с.
7. Ревина С.Н. Экономические отношения и экономические системы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 359-361.
8. Симонин П.В., Алексеенко В.Б., Богачева Т.В. Институционализация социального корпоративизма и конфликтов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1. С. 1006-1009.
9. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии: монография / под ред. А.Л. Кудрина. М.: Издательство института Гайдара, 2021. 344 с.
10. Социально-экономическое развитие малых городов на основе сетевого взаимодействия: монография / под ред. М.Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. 394 с.

Referenses

1. Geltser Yu. G. *Fundamentals of a predictable economy: Economics in the light of the general theory of systems*. Moscow: Lenand; 2018. 352 p. (In Russ.)
2. Chechulin A. V. *Communication technologies in the social sphere*. Moscow: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (RSPU); 2017. 116 p. (In Russ.)
3. *Management in the social sphere: state, problems and development trends*. Monograph / edited by T.V. Ignatova, S.P. Kurdjieff. Rostov n/A: YURIU RANEPА, 2018. 200 p. (In Russ.)
4. Afanasyev K. S. *State regulation of the economy as a means of economic policy* / K.S. Afanasyev, A.S. Kazennov, M.V. Popov. St. Petersburg: Leningrad University Publishing House, Pushkin State University Publishing House, 2015; 148 p. (In Russ.)
5. Kozlov A.N. The influence of economic relations on the transformation of modern socio-economic policy. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2020;10(5A):505-513. (In Russ)

6. Mau V.A. *Economics and Power: the experience of post-communist transformation*. Publishing house: Moscow: Publishing house "Delo" RANEPА. 2017. 349 p. (In Russ.)
7. Revina S.N. Economic relations and economic systems. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2016;2(93):359-361. (In Russ.)
8. Simonin P.V., Alekseenko V.B., Bogacheva T.V. Institutionalization of social corporatism and conflicts in the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economy & Entrepreneurship*. 2017; 10-1:1006-1009. (In Russ.)
9. *Economics and economic policy in the conditions of a pandemic*: monograph / edited by A.L. Kudrin. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2021. 344 p. (In Russ.)
10. *Socio-economic development of small towns based on network interaction*: monograph / edited by M.Yu. Sheresheva. Moscow: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; 2020. 394 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Козлов – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономики и экономической политики ЮФУ.

Information about the author

A. N. Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 30.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 18.05.2022.

Научная статья

УДК 338.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-98-106

ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТЬ: МИР, РОССИЯ, РЕГИОНЫ

Александр Васильевич Кокин¹, Александр Александрович Кокин²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, alex@avkokin.ru

²Группа компаний "Алкон", Санкт-Петербург, Россия, alex@alkon.net

Аннотация. Попытка мирового сообщества на основе Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго (ноябрь 2021 г.) достичь «углеродной нейтральности» к 2050 г. сразу натолкнулась на ряд препятствий. Первым из них оказалась пандемия COVID-19. Второе – отказ от масштабных поставок энергоносителей из России, который практически полностью разрушил логистику транзита топлива, создававшегося десятилетиями. Политизация Западом углеводородного топлива оказалась разрушительной для мировой экономики в целом. А поскольку в условной доле производимой единицы продукции затраты на энергетику составляют около 60%, то мировой рынок оказался перед фактом роста цен на широкий круг производимой продукции при набирающей скоростью инфляции. В создавшихся условиях политизации энергобезопасности необходим отказ от любых санкций без рекомендации ООН и отказ от достижения «углеродной нейтральности».

Ключевые слова: энергобезопасность, топливно-энергетические ресурсы, нетрадиционные источники энергии, мир, Россия, регионы, транзит углеводородов, политизация энергобезопасности, производители энергоресурсов, логистика углеводородных поставок

Для цитирования: Кокин А. В., Кокин А. А. Энергобезопасность: мир, Россия, регионы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 98–106. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-98-106>

Problems of Economics

Original article

ENERGY SECURITY: WORLD, RUSSIA, REGIONS

Alexander V. Kokin¹, Alexander A. Kokin²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, alex@avkokin.ru

²Alcon Group of Companies, St. Petersburg, Russia, alex@alkon.net

Abstract. An attempt by the world community based on the UN Framework Convention on Climate Change in Glasgow (November 2021) to achieve "carbon neutrality" by 2050 immediately hit a number of obstacles. The first of them was the COVID-19 pandemic. The second is the rejection of large-scale energy supplies from Russia, which almost completely destroyed the logistics of the transit of fuel created for decades. The West's politicization of hydrocarbon fuel has proved devastating to the global economy as a whole. And since in the conditional share of the unit of production, energy costs are about 60%, the world market faced the fact of rising prices for a wide range of products with increasing inflation. In the current conditions of politicization of energy security, it is necessary to abandon any sanctions without a UN recommendation and refuse to achieve "carbon neutrality."

Keywords: energy security, fuel and energy resources, unconventional energy sources, world, Russia, regions, hydrocarbon transit, energy security politicization, energy producers, logistics of hydrocarbon supplies

For citation: Kokin A. V., Kokin A. A. Energy security: world, Russia, regions. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):98–106.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-98-106>

Введение в проблему

В рамках современных представлений под энергобезопасностью (политической, экономической, технологической) понимают условия, при которых потребитель имеет надежный доступ к источникам энергии, а поставщик – к потребителям энергоносителей.

Современная мировая энергетика, да и мировая экономика в целом, стали в последнее время перед новыми вызовами, которые привели к более неожиданным последствиям не только в мировой энергобезопасности, но и создали прецедент политизации не только сферы энергетики, но и всей мировой экономики.

Санкции против России, одной из крупнейших стран по экспорту нефти, газа, угля мгновенно сломали исторически сложившуюся логистику обеспечения энергетическими ресурсами не только Европы, но и мировой экономики в целом. Во-вторых, в связи с необходимостью достижения условий так называемой «углеродной нейтральности», в рамках требований Парижского соглашения по климату¹, его подписанты должны до 2050 года добиться снижения «углеродного следа» за счёт уменьшения доли потребления традиционного углеводородного топлива (угля, нефти, газа) и пропорционального увеличения доли «зелёной энергетики». И здесь Запад мгновенно забывает о целях Парижского соглашения по климату, как только возникла угроза дефицита нефти и газа в связи с санкциями в отношении РФ. Куда делась цель углеродной нейтральности!?... Европа, не оглядываясь на существующий энергетический дисбаланс нетрадиционных и традиционных источников энергии, мгновенно признаёт наличие собственной энергетической катастрофы за счёт ухода заблокированного российского рынка энергоресурсов и прежде всего газа.

По сообщению РБК 11 января 2022 г. министр экономического развития М. Решетников заявил о том, что «Россия больше не воспринимает планируемый углеродный налог ЕС как фактор «торговой войны» (то есть не собирается в целом делать ставку на оспаривание этой меры в ВТО или введение собственных протекционистских мер)». Углеродный налог расценивается им как вынужденный дополнительный повод ускорить российскую программу сокращения углеродного следа, чтобы сохранить конкурентоспособность российских товаров на рынках ЕС, обеспокоенного углеродным шовинизмом.

Проблема «углеродного следа», связанная с необходимостью снижения выбросов в атмосферу парникового углекислого газа, дабы решить проблему потепления климата, навязана давно экологами и политиками. Не сообразуясь с вескими доказательствами естественного квазипериодического механизма изменения климата в истории Земли и человеческой цивилизации (рис. 1), управленческая мировая элита назначила виновником в потеплении климата, прежде всего, человека и углеводородную энергетику. Таким образом, **мировая элита с ангажированными экологами захотела управлять климатом** и энергобезопасностью политическими методами. Но при этом с каждым годом мировой экономике требовалось все больше угля, нефти, газа.

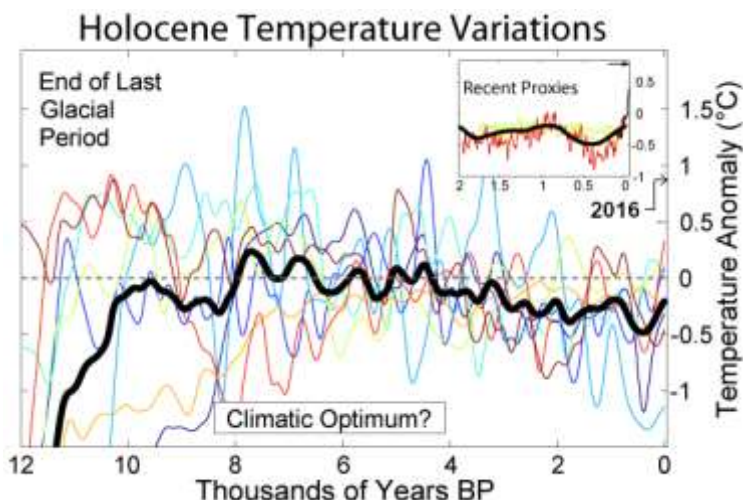

Рис. 1. Климатические циклы Миланковича-Бонда в истории человеческой цивилизации за последние 12000 лет [1–3].

Fig. 1. Milankovitch-Bond climatic cycles in the history of human civilization over the past 12,000 years

¹ Paris climate talks: France releases 'ambitious, balanced' draft agreement at COP21. *ABC Australia* (12 December 2015).

От Киотского протокола 1987 г до Парижского соглашения по климату 2015 года политики вместе с экологами мечтают в необходимости решения экологических проблем, но, прежде всего, наносят ущерб самой мировой экономике. Для этого политиками, экономистами и экологами был придуман налог на углекислый газ с неясным механизмом его применения для слаборазвитых стран, но определяющим условия «углеродной нейтральности». Хотя уже давно был сформулирован закон сбалансированного природопользования [4–5] в рамках которого темпы экономического роста (ТЭР) должны быть сбалансированными с темпами воспроизводства природных ресурсов (ТВПР) и темпами воспроизводства качества окружающей среды (ТВКОС) в рамках естественного ассимиляционного потенциала природы (АП) конкретного региона, природохозяйственного комплекса и т.д. В этом случае закон принимает вид:

$$\text{ТЭР} = (\text{ТВПР} + \text{ТВКОС}) \text{АП}$$

При этом платежи за ТВПР и ТВКОС рассматриваются в рамках завершённого экологического единства (**ресурс и среда связаны единными обменными биосферными процессами, следовательно имеют одну и ту же цену воспроизводства!**). Отсюда платежи сильно зависят от величины коэффициента ассимиляционного потенциала (АП), который может принимать значение от 1,0 (ненарушенная природа, восстанавливающая свои качества без вмешательства хозяйственной деятельности человека) до 0 (полностью модифицированная или превращенная человеком природа). Например, в случае ТЭР = 4 и АП = 1,0 платежи за природопользование составят: $4\% = (2\% + 2\%) \times 1,0$. Т.е. 4% от величины прироста ВВП или ВНП. В случае АП=0,5 платежи при тех же темпах экономического роста (ТЭР = 4%) уже составят: $4\% = (4\% + 4\%) \times 0,5$. Т.е. уже 8% от величины прироста ВВП или ВНП. Таким образом, основным показателем, регламентирующим платежи за природопользование, чтобы сохранить качество окружающей среды и природные ресурсы будущим поколениям, является АП.

Проблема трансграничного загрязнения и воспроизводства качества окружающей среды может решаться в зависимости от АП биосферы [6]. Например, если АП региона равен 0,5, а АП мирового хозяйства 0,6 ед., т. е. больше на величину 0,1, то регион должен вносить средства в бюджет мирового хозяйства на воспроизводство природных ресурсов и качества окружающей среды 0,1 % средств от прироста ВНП или ВВП. Или на эту долю прироста переводить, например, углеводородную энергетику на «зелёную». То есть, если речь идет о топливной энергетике, то воспроизводство энергоресурсов связывается с воспроизводством качества окружающей среды *в рамках понимания сущности завершённого экологического единства среды и ресурса*, а не только с проблемой «углеродной нейтральности».

Современная ситуация, в которой оказалась мировая экономика, выявила удивительную особенность. При общей тенденции падения темпов роста мировой экономики в условиях развития пандемии COVID-19, цены на энергоносители пошли вверх вместе с возрастанием их потребления крупнейшими экономиками мира (США, Китаем, Европой). Казалось бы, в условиях потепления климата зависимость должна быть обратной. Стало быть причину надо искать не в потеплении климата, связанного с парниковым эффектом, стимулирующим человеком, а с резко возросшей политизацией мировыми элитами системы управления энергетической безопасностью, завязанной на конкуренции производителей топливных энергоресурсов за право владеть преимущественно рынком углеводородов (!), использование которых напрямую должно влиять на выбросы парниковых газов. В этом заинтересованы в первую очередь США, себестоимость производства углеводородов в которых выше таковой, чем в ведущих странах экспортеров нефти и газа ОПЕК, России по причине перехода США к интенсивной добычи углеводородов на основе фрекинга. При этом давление на окружающую среду в США остается самым высоким в мире. А в тенденции новых глобалистских производственно-хозяйственных, экономических, политических тенденций возникают **условия варваризации** в оценке самого **места человека в природе**, признавая его не разумным варваром. Т.е. человек становится не только виновником развития, но его место в Природе отодвигается на задворки эволюции мировой политической элитой, не разобравшейся, или не захотевшей разобраться, в причинах потепления климата.

Создается впечатление, что в эпоху глобализации важнее всего оказывается необходимость сохранения зеленой планеты во что бы то ни стало, на которой **люди в недалеком будущем снова будут лазить по деревьям, а искусственный интеллект будет заниматься воспроизводством бананов...**

Цинизм мировых элит заключается в том, что заигрывание с «зелёной» энергетикой на отдельном фланге достижения «углеродной нейтральности», не коррелирует с необходимостью сокращать потребление углеводородов на другом, хотя это и провозглашается Парижским соглашением по климату. Мир, таким образом, вступил в фазу нового противостояния, причиной которого стала не только политизация рынка углеводородов, особенно в связи с событиями на Украине, но и политизация энергобезопасности в целом, поскольку нарушилась логистика транзита углеводородов в связи с санкциями против РФ. В этом случае **мировая элита косвенно признает доминирующую роль именно углеводородов в обеспеченности мировой экономики, а не «зеленой» энергетике**. Хотя тут же иницируется перевод современных автомобилей на электромобили. Расширение доли производства последних сразу обнажает другую проблему: неготовности современных устаревших электросетей для зарядки аккумуляторов электромобилей особенно в условиях пиковой нагрузки (промышленности и транспорта) на энергосети при дефиците пунктов зарядки аккумуляторов. К тому же после эксплуатации аккумуляторов потребуется их утилизация. Что опять-таки, на круги своя, обнажит экологическую проблему управления отходами с непременными новыми энергетическими затратами на их утилизацию. А поскольку современные электрические сети на 75-80 % запитываются за счёт сжигания углеводородов, то более низкие мощности производства «зелёной» энергетике окажутся не только не способны решать экологические проблемы, но и будут тормозить развитие мировой экономики.

Климатический саммит в Глазго должен был состояться в ноябре 2020 года. Однако из-за пандемии COVID-19 был перенесен на 2021 год. Именно на этой встрече были подведены предварительные итоги того, что было сделано за шесть лет с момента подписания Парижского соглашения. Против проекта резолюции по климату в Глазо Китай воздержался, а Россия и Индия проголосовали против.

Такое введение в проблему даёт основание рассмотреть современную структуру обеспеченности мировой экономики источниками производства энергии в рамках достижения целей устойчивого её развития при решении проблемы энергобезопасности.

Современные источники производства энергии и пути достижения сбалансированной энергобезопасности

Источники производства энергии в мировой экономике обобщены авторами в нижеследующей таблице 1.

Таблица 1 – Авторская оценка современных источников мирового производства электроэнергии по данным различных источников

Table -1 Author's assessment of modern sources of world electricity production according to various sources

Современное состояние энергетики в мире и регионах складывается из традиционной и нетрадиционной (альтернативной) составляющих, включая атомную, а в перспективе водородную энергетику и энергетику управляемого термоядерного синтеза	
Доля мировой энергетики из традиционных источников (68-73%)*	Класс углеводородного топлива или топливно-энергетических ресурсов: каменный уголь, нефть, природный газ, горючие сланцы, торф.
Доля мировой нетрадиционной (альтернативной) энергетики (от 7 до 10% в зависимости от года). В ФРГ до 51%	Или так называемый класс «зелёной» энергетике: солнечная, ветровая, гидроэнергетика (волновые, приливные ГЭС, геотермальная энергетика, <u>биоэнергетика**</u> , энергия температурного градиента морской и океанической воды. <u>Водородная энергетика**</u> .
Доля мировой ядерной энергетики (около 17%). Во Франции до 72%	Атомная энергетика (АЭС). <u>Управляемый термоядерный синтез**</u> . Атомные станции малой мощности (АСММ) стационарные и передвижные.

Примечание: * – предельные авторские оценочные доли видов энергетике; ** – современные проблемные источники энергии. При этом экологическая нагрузка на среду равнинных ГЭС за счет изъятия из мирового хозяйства высоко плодородных долинных земель, нельзя относить к «зеленой» энергетике.

Таблица 2 – Доли (%) различных источников энергии в мировом производстве в 2019 г. (IEA, 2021)

Table 2 – Shares (%) of various sources in world energy production in 2019 (IEA, 2021)

Уголь+торф	36,7
Природный газ	23,5
Гидроэнергетика	16,0
Ядерная энергетика	10,3
Ветровая энергетика	5,3
Нефть	2,8
Солнечная энергетика	2,6
Биотопливо+сжигание отходов	2,4
Геотермальная, приливная и пр.	0,5

По данным **BRITISH PETROLEUM**, в 2019 году доля альтернативных возобновляемых источников энергии (без ГЭС) составила 10,8 % в мировой генерации электричества, впервые обойдя атомную энергию по этому показателю. Но уже к 2025 году доля атомной энергетики, как считают эксперты, превысит долю альтернативных источников на 8-10%.

Кризис современных представлений о дефиците энергетических ресурсов состоит в том, что экономисты (кроме геологов) обычно говорят об исчерпаемости энергоресурсов уже в недалеком будущем в силу роста потребления энергии. На самом деле главный компонент топливно-энергетических ресурсов метан CH_4 является естественным продуктом дегазации Земли. Проблема состоит только в его улавливании.

Таким образом, хотим мы этого или не хотим, но традиционная (углеводородная) энергетика будет доминировать в хозяйственной деятельности человека до тех пор, пока не будет создан источник энергии, удовлетворяющей потребности мировой экономики и ее экологизации.

Оценочная доля источников производства электрической энергии (табл. 1, 2) выявляет следующую особенность.

В настоящее время по оценкам различных экспертов крупнейшими производителями электроэнергии являются Китай (24 % мирового производства), США и ЕС (по 18% мирового производства). Почти в 4 раза ниже производство энергии в Индии, России и Японии (в сумме около 15%). А объем производства электроэнергии в остальном мире составляет всего около 25% от мирового.

При этом следует обратить внимание на то, что именно Китай и США являются основными потребителями углеводородов, в том числе каменного угля, влияющие на «углеродный след» в атмосфере Земли. А общий объем производства электроэнергии из альтернативных источников в мире составляет всего около 9%. В то время как на долю ЕС альтернативные источники производства электроэнергии относительно мировой доли достигают 38,2% от всей выработки электроэнергии, произведенных на угольных и газовых станциях. По данным источника Коммерсантъ возобновляемые источники энергии (ВИЭ) постепенно вытесняют уголь и АЭС из европейской генерации¹.

Однако потребление электроэнергии на душу населения сильно разнится. Первое место в мире принадлежит Исландии, которая практически использует возобновляемую энергию теплового поля Земли, поскольку находится в зоне интенсивной вулканической и гидротермальной деятельности. Это пример уникальной приспособительности исландцев к естественной генерации тепла своими недрами. В первую десятку производителей «зеленой» энергии на душу населения входят Норвегия, Бахрейн, Канада, Катар, Финляндия, Кувейт, Люксембург, Швеция. США в этом списке занимают 10 место в мире, Россия – 28-е, Китай – 52-е.

Доля России в мировых запасах углеводородов составляет 16%. По состоянию на 22 декабря 2020 года на территории России суммарные запасы угля составляют 375,5 млрд т, нефти около 20 млрд т, газа около 50 трлн. куб. м., газового конденсата – около 4 млрд т. Это меньше, чем было на 2015 г. ². В целом же в России сосредоточено запасов минерального сырья

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4661999>

² <https://1prime.ru/energy/20210910/834664104.html>

по стоимости свыше 130 современных бюджетов страны¹. А стоимость разведанных и предварительно оцененных запасов полезных ископаемых в России составляет \$30 трлн. или около 2000 трлн руб. Что говорит об огромном ресурсном потенциале РФ, санкции против которой непременно будут сказываться и уже сказываются на экономике ЕС и США.

Таблица 3 – Крупнейшие мировые производители углеводородного топлива 2020 гг. (% от мирового производства)²

Table 3 – The world's largest producers of hydrocarbon fuels in 2020 (% of world production)

Регион/страна	Уголь	Страна	Нефть	Страна	Газ
Юго-Восточная Азия	75,9	США	17,1	США	23,7
Северная Америка	6,9	Россия	12,6	Россия	16,6
Австралия	6,2	Саудовская Аравия	12,5	Иран	6,5
Африка	3,5	Канада	6,9	Китай	5,0
Европа	0,7	Иран	4,9	Катар	4,0
Китай	50,4	Китай	4,7	Канада	4,3
Индия	9,8	ОАЭ	4,0	Австралия	3,7
Индонезия	7,3	Бразилия	3,8	Саудовская Аравия	2,9
СНГ	6,8	Иран	3,4	Норвегия	2,9
США	6,3	Кувейт	3,1	Алжир	2,1
Россия	5,2	Мексика	2,3	Малайзия	1,9
ЮАР	3,2	Норвегия	2,2	Индонезия	1,6
Германия	1,5	Нигерия	2,1	Туркмения	1,5
Казахстан	1,4	Казахстан	2,1	Египет	1,5
Польша	1,3	Катар	1,8	ОАЭ	1,4

При этом обеспеченность ресурсами нефти (одного из основных энергетических компонентов и сырья химической промышленности) по регионам мира выглядит следующим образом: Северная Америка 109,5 лет при геологической изученности ее территорий 43,5%; Южная Америка 158,8 лет при геологической изученности ее территории 28%; Европа 97 лет при геологической изученности ее территории 10%; стран СНГ 95 лет при геологической изученности территорий 38,4%; Ближний Восток 161,4 года при геологической изученности его территорий 51%; Африка 94,9 лет при геологической изученности её территорий 34,8%; Азиатско-Тихоокеанский регион 76,7 лет при геологической изученности территорий 19,2%; в целом по Миру 127,3 года при геологической изученности территорий 38,1%. А поскольку ежегодно происходит наращивание площадей перспективных на нефть, то обеспеченность во времени энергоресурсами непременно будет расти до тех пор, пока не будут изучены и разведаны все перспективные территории на нефть, включая шельфа морей и океанов. А изученность еще низкая.

Так что об истощении топливно-энергетических ресурсов говорить преждевременно. К тому же по представлениям некоторых российских геологов запасы нефти и газа могут частично восстанавливаться в месторождениях³ в течение одного-двух поколений людей за счёт дегазации Земли метаном – основным компонентом нефти и газа. К тому же технология фрекинга позволяет включить огромные мировые запасы нефти и газа за счет использования углеродных сланцев, запасы которых в недрах Земли пока даже не подсчитаны.

¹ <https://www.gazeta.ru/business/2015/01/26/6327017.shtml>

² US Energy International Administration. International Energy Outlook, 2013; Мировая энергия. Перспектива 2020. <https://iea.blob.core.windows.net/assets/8b420d70-b71d-412d-a4f0-869d656304e4/Russian-Summary-WEO2020.pdf>; BP Statistical Review of World Energy, 2013; Statistical Review of World Energy 2021 | 70th edition. Статистический обзор мировой энергетики 2021 (Statistical Review of World Energy 2021)

³ Поливанов В.П. «Конец и начало углеводородной эры: О неисчерпаемости углеводородов». <https://regnum.ru/news/innovatio/2199131>

Долгое время считалось, что скопления углеводородов с молекулярным весом более 60 могут находиться в земной коре в жидком состоянии, а более легкие – в газообразном. Однако ученые Московского института нефти и газа обнаружили свойство природного газа в определенных термодинамических условиях переходить в земной коре и в мировом океане в твердое состояние и образовывать газогидратные залежи. Газогидратные залежи обладают гораздо более высокой концентрацией газа в единице объема среды, чем в обычных газовых месторождениях, так как единица объема воды при переходе её в гидратное состояние связывает до 220 объемов газа. Наличие газогидратных залежей сосредоточены, главным образом, в районах распространения многолетнемёрзлых пород, а также на глубине под океаническим дном.

На сегодняшний день крупнейшими производителями и экспортерами углеводородного топлива в мире являются США, Россия, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия. И в этом смысле именно эти регионы и государства будут определять политику управления энергетической безопасностью в ближайшие годы. А потребители энергоресурсов будут зависеть от проводимой ими политики энергобезопасности.

Выработка электроэнергии в России в 2020 году составила 1063,7 млрд кВт•ч, что на 3,0 % меньше, чем в 2019 г. По потреблению энергии на душу населения РФ занимает 28 место в мире, а Китай, при огромном потреблении энергии занимает 52 место. Электростанции ЕЭС выработали 1047,0 млрд кВт•ч, что на 3,1 % меньше, чем в 2019 году. На душу населения производится около 6600,0 кВт/ч. Максимальное производство энергии на человека в странах: Исландия (1 место за счет эндогенного источника), Норвегия, Бахрейн, Канада, Катар, Финляндия, Кувейт, Люксембург, Швеция, США (10 место), ОАЭ, Южная Корея, Бруней, Австралия, Саудовская Аравия, Япония, Бельгия, Швейцария, Тринидад, Германия (23 место), а далее идут Франция, Эстония, Словения, Нидерланды.

Т.е. Запад, потребляя в общем объеме максимальное количество энергии на человека (47%, включая США), стимулировал другие государства ратифицировать Киотский протокол и вступить на путь Парижского соглашения по климату. Тем самым, повторимся, переложил большую часть нагрузки на достижение «углеродной нейтральности» на слаборазвитые государства без уменьшения собственного производства энергии за счет сжигания углеводородного топлива.

Крупнейшая энергетическая страна по газу на постсоветском пространстве Туркменистан располагает запасами газа 19,5 трлн. куб, что составляет около 10% мировых. Большой потенциал в Казахстане (около 3,8 трлн куб м газа). В Киргизии запасы оцениваются в 6 млрд куб. м. Азербайджан имеет оценённых запасов газа около 3 трлн куб. м. В условиях огромного санкционного давления США и Западом на РФ Азербайджан может превратиться в одну из крупнейших стран транзитеров голубого топлива по Анатолийской системе газопровода в случае полного отказа от газа РФ. Тем самым Азербайджан вовлекает Турцию в орбиту крупнейших поставок газа в Европу. В условиях западных санкций против Северного потока-2 Россия должна искать обходные пути доставки природного газа в обход Европы.

Энергетическая безопасность Ростовской области обеспечена наличием углеводородного сырья, включающего запасы угля, нефти и газа¹. Однако из суммарных запасов нефти 398,8 млн. т. из них 151,3 млн.т. уже добыты, 61,4 млн. т. подготовлены к разработке, 14,4 млн. т. относятся к категории С2 и 159 млн. т. представляют собой неразведанные ресурсы. Прогнозные ресурсы газа составляют 134 млрд. куб.м. По состоянию на 01.01.2021 года уровень газификации Ростовской области составил 88,55%. Средний уровень газификации в городах – 96,81%, а по районам Ростовской области 72,58%.

В Южном Федеральном округе (ЮФО) энергетическая безопасность определяется следующим. На 01.01.2020 г. степень разведанности начальных суммарных ресурсов нефти составляет 44,02 %, а выработанности разбуренных запасов – 83,37 %. Запасы угля (Ростовская область) достигают почти 6,5 млрд. тонн. А запасы Восточного Донбасса, пригодные

¹ Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Ростовской области на 15.03.2021 г. Справка подготовлена ФГБУ «ВСЕГЕИ» в рамках выполнения Государственного задания Федерального агентства по недропользованию от 14.01.2021 г. № 049-00016-21-00.
<https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/960ac1faab548f80c04eeb6ef22e64af.pdf>.

к разработке, составляют около 285 млн. т.¹ Выработку электроэнергии в ЮФО обеспечивают более 50 электростанций: Ростовская АЭС (4030 МВт), Волжская (2671 МВт), Цимлянская (211,5 МВт), Белореченская (48 МВт), Межшлюзовая, Краснополянская, Майкопская ГЭС. А также свыше 20 ТЭЦ и ТЭС, в т. ч. Новочеркасская ГРЭС – крупнейшая на юге России мощностью 2258 МВт.

За последние годы ЮФО добился значительных успехов в производстве нетрадиционных источников энергии. В округе уже работают 9 ветровых и 14 солнечных электростанций, в т.ч. самая крупная в России Адыгейская ВЭС (150 МВт).

Южный федеральный округ стал лидером в России по переходу на солнечную энергетику. Солнечные электростанции вырабатывают 642 МВт электроэнергии. Таким образом, вместе с Ростовской АЭС Южный Федеральный округ становится одним из крупнейших на юге России производителей энергии с низким значением «углеродного следа».

Переработку углеводородного сырья в ЮФО осуществляют: Астраханский газо-перерабатывающий завод (12 млрд м³ газа в год); Волгоградский (15,7 млн т нефти в год), Туапсинский (12 млн т/год), Афицкий (5 млн т/год), Краснодарский (3 млн т/год), Славянский (3 млн т/год), Ильский (2,7 млн т/год) нефтеперерабатывающие заводы, Новшахтинский завод нефтепродуктов мощностью 7,5 млн тонн нефти в год и Каменский нефтеперегонный завод с первичной переработкой 0,15 млн тонн нефти в год.

Выводы

1. Санкционная политика Запада против крупнейшей энергетической державы России, с одной стороны, обернулась необходимостью Западу менять логику доставки в свои страны энергоресурсов, с другой, – темпы увеличения стоимости углеводородов сместились в пользу резкого подорожания каменного угля, нефти, а затем уже газа. Что лишний раз свидетельствует о том, что мировая политика за «углеродную нейтральность» связана не с беспокойством мировых держав за сохранение планеты «зелёной», а определяется обострением конкурентной борьбы за обладание мирового рынка углеводородов. И в первую очередь в этом заинтересованы США, пытающиеся мировой рынок углеводородов держать под своим контролем, несмотря на более дорогую логику доставки топлива в Европу и дорогой сжиженный природный газ (СПГ), получаемый ими на основе фрекинга. При этом за фрекингом закрепилась репутация самого грязного производства топлива, влияющего на состояние качества окружающей среды и, в первую очередь, подземных вод. Всем становится ясно, что США приступили к планомерному усилению разрыва между Евросоюзом и Россией, чтобы получить преимущество по поставкам энергоносителей в Европу. Т.е. пустили в ход энергетическое оружие, чтобы подчинить своему влиянию не только Европу, но и страны экспортеры углеводородного топлива.

2. Как бы и чем бы не завершились события на Украине России, Азербайджану, Турции (посредством управления газопроводными системами Северного потока 1, 2, Дружба и Анатолийской газопроводной системой) и ЕС в ближайшей перспективе неизбежно должны выйти на создание Энергетического Союза. Он смог бы обеспечить сбалансированность использования и транзита более дешевых и экологичных углеводородов, чем поставки СПГ из США. Тем самым ЕС, Россия, Азербайджан и Турция одновременно решают проблему энергобезопасности и экологичности Европы за счёт использования более экологичного природного газа.

3. В условиях сложившейся международной политической и экономической ситуации необходимо временно отложить необходимость достижения «углеродной нейтральности». Во первых, в связи с неясной природой потепления климата и, во-вторых, с ограниченными возможностями альтернативной (нетрадиционной) энергетики решать проблемы мировой и региональной экономики.

4. Современный развитый и технологичный мир может развиваться исключительно в рамках создания мировой энергетической безопасности. Любая политизация этой проблемы может обрушить не только мировую экономику, но и экономику стран потребителей и стран

¹ Концепция развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 года. <https://www.donland.ru/activity/1135/>

производителей энергоресурсов. В этом смысле создание Единого Мирового Энергетического союза, который мог бы контролировать логистику мировой энергосистемы вне зависимости от политических распрей, позволило бы мировому сообществу достичь благородных целей устойчивого развития в рамках энергетической и экологической безопасности.

Список источников

1. Bond, G.; et al. A Pervasive Millennial-Scale Cycle in North Atlantic Holocene and Glacial Climates (англ.) // *Science: journal*. – 1997. – Vol. 278. – doi:10.1126/science.278.5341.1257.
2. Милутин Миланковић. Реформа Јулијанског календара // Српска Краљевска Академија Наука и Уметности, књ. XLVII. Посебна издања, Науке природне и математичке, књ. 11. 1923. С. 1-52.
3. Миланкович М. Математическая климатология и астрономическая теория колебаний климата – : ГОНТИ; Ред. техн.-теорет. Лит., 1939.
4. Игнатов В. Г., Кокин А. В. На пути обеспечения региональной экологической безопасности в сбалансированном природопользовании// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2000. № 2. С. 17-27.
5. Кокин А. В. Закон сбалансированного природопользования и социальное управление / Социальное управление: региональные аспекты. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2002. С.214-230.
6. Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал биосферы. Ростов-на-Дону: РостИздат, 2005. 187 с.

References

1. Bond, G.; et al. A Pervasive Millennial-Scale Cycle in North Atlantic Holocene and Glacial Climates (English). *Science: journal*. 1997;(278). -doi:10.1126/science.278.5341.1257.
2. Milutin Milanković. *Reform of the Julian calendar*. Srpska Kraevska Academy of Science and Marks, књ. XLVII. Posebna publishing house, Natural Science and Mathematics, Ph. 11. 1923:1-52.
3. Milankovich M. *Mathematical climatology and astronomical theory of climate fluctuations* – : GONTI; Ed. tech.-theor. Lit., 1939.
4. Ignatov V. G., Kokin A. V. On the way to ensure regional environmental security in a balanced nature management. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2000;(2):17-27. (In Russ.)
5. Kokin A. V. The law of balanced nature management and social management. In: *Social management: regional aspects*. Rostov-on-Don: SKAGS; 2002:214-230. (In Russ.)
6. Kokin A. V. *Assimilation potential of the biosphere*. Rostov-on-Don: RostIzdat; 2005. 187 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Кокин – докт. геол.-минералог. наук, проф. ;
А. А. Кокин – руководитель группы компаний «Алкон».

Information about the authors

A.V. Kokin - Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor of URIU RANEPА;
A. A. Kokin - Head of the Alcon Group of Companies.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 08.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-107-113

СОЗДАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юлия Александровна Мащенко¹, Ольга Владимировна Кургузкина²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Юлия Александровна Мащенко, yulia-maschenko@yandex.ru

Аннотация. В статье выявлены закономерности и тенденции развития сферы обращения с твердыми коммунальными отходами на основе принципов устойчивого развития. Отмечено, что современный этап общественного развития опирается на необходимость обеспечения экологической безопасности, одним из элементов которой выступает необходимость комплексного и эффективного обращения с твердыми коммунальными отходами. Авторы статьи приводят аналитические данные современного состояния проводимых реформ, а также выделяют проблемные аспекты осуществляемых мероприятий. Аргументируется тезис о том, что решить ряд проблем и повысить эффективность в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами возможно на основе государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: обращение с твердыми коммунальными отходами, устойчивое развитие, экологическая безопасность, государственно-частное партнерство

Для цитирования: Мащенко Ю. А., Кургузкина О. В. Создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами: проблемы и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 107–113. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-107-113>

Problems of Economics

Original article

BUILDING A SUSTAINABLE MANAGEMENT SYSTEM OF THE HOUSEHOLD WASTE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Yulia A. Mashchenko¹, Olga V. Kurguzkina²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Yulia A. Mashchenko, yulia-maschenko@yandex.ru

Abstract. The article reveals patterns and trends in the development of the sphere of municipal solid waste management based on the principles of sustainable development. It is noted that the current stage of social development is based on the need to ensure environmental safety, one of the elements of which is the need for a comprehensive and efficient management of municipal solid waste. The authors of the article provide analytical data on the current state of the ongoing reforms, as well as highlight the problematic aspects of the ongoing activities. The provision is given that it is possible to solve a number of problems and increase efficiency in the field of municipal solid waste management on the basis of public-private partnership.

Keywords: municipal solid waste management, sustainable development, environmental safety, public-private partnership

For citation: Mashchenko Yu. A, Kurguzkina O. V. Building a sustainable management system of the household waste: problems and prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):107–113.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-107-113>

Одним из маркеров эволюции научных знаний в последней трети XX в. стала концепция устойчивого развития – символ экологизации научной сферы, признания экологической составляющей неотъемлемой частью человеческого развития [1]. При этом *sustainable development* – устойчивое, экологически рациональное, обеспечивающее учет будущих потребностей развитие – основано на единстве экономической модели, социальных программ и экологической составляющей и характеризуется сохранением и расширением возможностей (активов, ресурсов), имеющихся у нынешних поколений в интересах будущего человечества [2].

Важным практическим вопросом в реализации концепции устойчивого развития является адаптация ее целей, задач и принципов к конкретным сферам человеческой деятельности. Ключевой областью применения практик устойчивого развития является сфера обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Снижение объема производства отходов является одним из ключевых способов формирования рациональной модели производства и потребления как одной из целей устойчивого развития ООН. Вместе с тем сама сфера обращения с ТКО нуждается в формировании устойчивого механизма функционирования, обеспечивающего экономическую, социальную, экологическую и институциональную устойчивость и стабильность в долгосрочной перспективе.

С экономической точки зрения устойчивая система обращения с ТКО дает положительную экономическую отдачу с учетом всех выгод и затрат, способствует максимально длительному использованию сырья и материалов на основе использования населением и юридическими лицами многооборотных (многоразовых) товаров, тары и упаковки. Устойчивая система обращения с ТКО становится частью экономической модели нового типа – экономики замкнутого цикла.

Социально-ориентированная система обращения с ТКО предполагает рост вовлеченности гражданского общества в предотвращение образования отходов и формирование активной позиции граждан по широкому кругу вопросов в данной сфере.

Экологически ориентированная система обращения с ТКО направлена на сохранение и восстановление окружающей среды, сокращение образования отходов, предотвращение их вредного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду.

Управление формированием устойчивого характера сферы обращения с ТКО должно быть выстроено на основе общих гуманитарных ценностей, иерархии ответственности органов управления, лучших практик корпоративного управления и общественных инициатив, принципах устойчивого развития, адаптированных к данной сфере (рис. 1).

Устойчивое развитие системы обращения с твердыми коммунальными отходами можно представить как процесс взаимосвязанного изменения экономических, социальных и экологических характеристик с целью предотвращения образования отходов, а также максимального использования исходных сырья и материалов, сохранения и укрепления нынешнего и будущего потенциала окружающей среды.

Насколько проводимая в России реформа сферы обращения с твердыми коммунальными отходами приблизила ее к состоянию устойчивости? Насколько реализуемая государственная политика способствует формированию комплексного характера деятельности в данной сфере?

Общее состояние сферы с ТКО по официальным статистическим данным (начиная с отчетного периода 2019 г. в формы статистической отчетности введен специальный раздел по ТКО) характеризуют показатели таблицы 1.

Таблица 1 – Обращение с отходами, в том числе твердыми коммунальными, в РФ в 2019 году

Table 1 - Waste management, including municipal solid waste, in the Russian Federation in 2019

	Всего отходов		Из них твердых коммунальных	
	млн. т	в % к образованным	млн. т	в % к образованным
Образовано отходов	7750,8	100,0	61,1	100,0
Обработано отходов	237,2	3,0	18,2	29,8
Утилизировано отходов	3857,2	49,8	2,7	4,4
Обезврежено отходов	24,5	0,3	1,2	2,0
Размещено отходов на хранение	2621,9	33,8		
Захоронено отходов	1178,8	15,2	43,9	71,8

Составлено авторами по данным: Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2020 году URL: // <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/689>.

Рис. 1. Трансформация принципов устойчивого развития в сфере обращения с ТКО

Fig. 1. Transformation of the principles of sustainable development in the field of solid municipal waste management

Анализ данных о валовом образовании в РФ отходов (не только коммунальных) за последние годы демонстрирует устойчивую тенденцию роста их объема: с 3754,7 млн т в 2010 г. до 7750,8 млн. т в 2019 г. Естественно, при рассмотрении распределения отходов по отраслям экономики обращает на себя внимание факт высокого удельного веса горно-добывающей промышленности, чей «вклад» в образование отходов оценивается по разным данным 4,7-5,4 млрд. т.

Количество бытового мусора в России сопоставимо в душевом пересчете с показателями развитых стран и закономерно выше аналогичных показателей развивающихся, что в целом соответствует корреляции объема доходов с уровнем потребления. Так, в 2019 году, по данным территориальных схем обращения с отходами (приводятся в Бюллетене Счетной Палаты РФ и отличаются от оценки Росприроднадзора), в России образовано 65 млн тонн ТКО, что соответствует 450 кг на человека в год. Глобальная статистика генерации и переработки отходов сви-

детельствует, что аналогичный показатель в Германии составлял 633 кг на человека в год (оценка 2017 г.), во Франции – 527, в Швеции – 434, в Дании – 766 кг на человека в года (данные за 2018 г.)¹. При этом данный показатель в России достиг указанного значения уже к 2013 г., увеличившись двукратно с 1998 г.

По данным Росприроднадзора колоссальный рост образования коммунальных отходов связан в первую очередь с активным использованием упаковки и упаковочных материалов, а также неконтролируемым ростом использования одноразовых потребительских товаров, ростом образования пищевых отходов (просроченных продуктов питания, контрафактных товаров и т.д.) и др.

Но при сопоставимых в вопросе образования отходов данных в целом ситуация в области обращения с твердыми коммунальными отходами в стране может быть охарактеризована как неблагоприятная. В отличие от мировой практики, приоритетным способом обращения с ТКО в Российской Федерации остается захоронение – более по оценке Росприроднадзора 72%, а по оценкам Счетной Палаты РФ 90 % отходов направляется на полигоны и свалки² (табл. 2). Состав наиболее крупных свалок на территории России относятся свалки, расположенные в Московской, Ленинградской, Волгоградской, Пермской, Свердловской, Томской и Челябинской областях [3, с. 5].

Сжиганием при этом является утилизация мусора на современных комплексах, оснащенных специальным оборудованием и фильтрами, позволяющим минимизировать и свети к нулю количество вредных выбросов.

Таблица 2 – Уровень утилизации отходов в России и некоторых странах мира, %

Table 2 – Level of waste disposal in Russia and some countries of the world,%

	Открытые свалки / контролируемые полигоны	Переработка	Компостирование /сжигание
Россия	90	10	н/д
США	43	25	33
Германия	2	67	31
Франция	25	26	48
Япония	2	5	93

Составлено авторами по данным: Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в 2020 году URL: // <https://rpn.gov.ru/upload/iblock/689>; «Мусорная реформа» // Бюллетень Счетной Палаты РФ. 2020 № 9 (274) URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-9-274-2020-g>

Несомненно, решение проблемы обращения с твердыми коммунальными отхода на территории Российской Федерации оказывает огромное влияние на экологическое состояние территорий, оптимальность распределения бюджетных средств, эффективное функционирование предприятий и состояние здоровья граждан. Вследствие этого актуализируется проведение комплексной и эффективной государственной политики в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами. Повышенное внимание к данной проблемы охарактеризовано и возрастанием количества форумов, конференций, симпозиумов, собраний, которые посвящены вопросам и дальнейшим направления развития в данной сфере. Подобное положение дел свидетельствует о том, что вопросы данной сферы обладают повышенной заинтересованностью, как со стороны органов власти, так и со стороны научного сообщества.

На основе проанализированных данных можно утверждать, что методы, которые применяются на современном этапе в сфере утилизации ТКО являются нерациональными, требуют значительных территориальных ресурсов и в общей характеристике оказывают серьезное негативное воздействие на окружающую среду. При этом, хотелось бы отметить, что наличие

¹ Мировой рынок мусора: захоронение отходов – удел отстающих стран

URL: <https://realnoevremya.ru/articles/166395-mirovoy-musorny-rynok-poka-v-peredovyh-stranah-szhigayut-i-sortiruyut-v-rossii-plodyat-poligony>

² «Мусорная реформа» // Бюллетень Счетной Палаты РФ. 2020. № 9 (274) URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-9-274-2020-g>

проблем осознают не только исследователи и ученые, но и органы власти. Так, с начала 2019 года на территории России стала осуществляться «мусорная реформа», которая реализуется в рамках нацпроекта «Экология». Реализация данного национального проекта включает в себя 11 федеральных проектов. «Мусорная реформа» осуществляется в рамках двух проектов, а именно: «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» и «Инфраструктура для обращения с отходами 1-2 класса опасности». Стоит отметить, что суммарный объем финансирования данных проектов составляет 330,8 млрд руб. При этом целевыми показателями, которые позволят проанализировать эффективность реализации проекта выступают: ликвидация несанкционированных свалок в границах городов; введение в эксплуатацию 7 производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, относящихся к 1 и 2 классу опасности; ликвидация наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда; увеличение доли твердых коммунальных отходов, направленных на утилизацию и обработку.

На начало 2022 году следует признать тот факт, что целевые ориентиры «мусорной реформы» по многим показателям не достигнуты, а сама реформа не дала запланированных результатов. В качестве одной из причин исследователи выделяют период пандемии коронавируса, но, полагаем, что сложная эпидемиологическая ситуация лишь усугубила ситуацию, а не являлась ее причиной.

На основе анализа данных, представленных Счетной палатой, по итогам реализации выполненных мероприятий, обеспечивающих экологическую безопасность РФ, в части ликвидации объектов накопленного вреда и формирования комплексной системы обращения с ТКО, можно отметить, что ситуация неблагоприятная, а по некоторым показателям даже критическая. В Ведомстве отмечено, что проводимая реформа во многом безуспешна по причине компетентности федеральных и региональных органов власти. Так, Минприроды не обеспечило своевременное принятие на федеральном уровне нормативно-правовой основы, вследствие чего многие регионы просто оказались не готовы вступить в реформу, не то, что её осуществлять.

Кроме этого, так и не сформирована комплексная работа ПАО «Российский экологический оператор» и не завершено создание единой государственной системы учета ТКО.

Как отмечает Счетная палата, комплекс мероприятий федерального проекта нацелен на сбор информации, а также на нормативно-правовое регулирование, но при этом отсутствует комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами. Одним из мероприятий, направленных на формирование комплексной системы обращения с ТКО выступает формирование государственной информационной системы учета твердых коммунальных отходов, или ГИС УТКО. Так, в 2019 г. была обозначена необходимость формирования подобной системы, заказчиком которой выступило Министерство природы. При этом финансирование на реализацию данной задачи было выделено нескольким исполнителям. Так, одним из исполнителей выступил Уральский научно-исследовательский институт «Экология», который получил субсидирование в размере 2,7 млн руб для изучения и комплексного анализа, а также разработки технического задания и обоснования экономической эффективности использования ГИС УТКО. Одновременно с Уральским НИИ финансирование получило и ФГБУ «ФЦАО». Так, в 2019 г. от Росприроднадзора ФГБУ «ФЦАО» получило 142 млн руб, в 2020 г. – 212 млн руб и в 2021 – 212 млн руб. В отчете Счетной палаты содержится положение о том, что работа, которая велась данными организациями идентично¹. Иными словами, бюджетные деньги были потрачены дважды на одни и те же мероприятия.

Одним из подобных примеров выступает и формирование электронной схемы обращения с ТКО на федеральном уровне. Разработку данной схемы вело несколько компаний. Так, Уральский научно-исследовательский институт «Экология» на основе субсидирования проекта разработал и внес комплекс предложений в сфере формирования системы нормативно-правовых актов в рамках реализации федеральной программы в сфере обращения с ТКО. Субсидирование проекта составляло более 17 млн. руб. При этом субсидию в 142 млн.руб. на реализацию аналогичного проекта получил Федеральный центр анализа и оценки техногенного воздействия. Таким образом, можно отметить несогласованность действий, поскольку несколько

¹ «Мусорная реформа» // Бюллетень Счетной Палаты РФ. – 2020 – № 9 (274) URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-9-274-2020-g>

организаций получили финансирование из различных государственных структур, но для разработки одной схемы. При этом разработке федеральной схемы обращения с ТКО не предшествовал комплексный анализ необходимой инфраструктуры для применения данной схемы, так как лишь у 30 регионов из 85 имеется региональная схема обращения с ТКО, что свидетельствует о недостаточности информационных ресурсов¹.

При этом, на заседании Государственного Совета и Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, который проходил в конце 2020 года было отмечено, что в регионах увеличился объем не вывезенных ТКО и операторы не способны в полной мере справиться с вывозом ТКО, так как на это повлиял процесс пандемии.

Основными направлениями дальнейшего развития сферы обращения с твердыми коммунальными отходами являются:

- корректировка и постоянный мониторинг направлений обработки и утилизации ТКО;
- анализ и совершенствование региональных направлений развития программ в данной области;
- повышение финансирования данной сферы за счет привлечения внебюджетных средств;
- внедрение цифровых технологий и институтов.

Последнее направление является одним из основных тренда развития экономики на всех уровнях хозяйствования и во всех сферах. Цифровизация является альтернативой сокращения себестоимости производимой продукции, качественного изменения производственных цепочек хозяйственного процесса [4], что крайне актуально для сферы обращения с ТКО.

Одним из возможных механизмов привлечения внебюджетных средств в сферу обращения с ТКО выступает реализация проектов на основе трехстороннего сотрудничества, а именно государственно-частного партнерства (далее ГЧП). Обобщенная характеристика данного механизма свидетельствует о наличии соглашения между частной и публичной сторонами в отношении вопросов производства и/или оказания инфраструктурных услуг, которое заключается в целях привлечения дополнительных инвестиции, а также повышения эффективности взаимодействия [5].

Кроме этого, под ГЧП в сфере обращения с ТКО можно рассматривать систему привлечения органами государственной власти частного сектора экономики на основе сотрудничества для более качественного и эффективного решения задач в сфере ТКО, а также для разделения рисков, обязанностей и компетенций.

Полагаем, что основными предпосылками использования механизмов ГЧП в рассматриваемой области выступают:

- экономические предпосылки, которые характеризуются следующими факторами: наличие экономически обоснованного тарифа, достаточный объем рынка ТКО, наличие финансирования для компенсации расходов и гарантий для возврата вложений;
- административные предпосылки – готовность органов власти принимать на себя риски проекта и мотивация руководства региона на основе привлечение дополнительных инвестиций в региональное развитие;
- нормативные предпосылки – наличие региональной программы в сфере обращения с ТКО на основе территориальной схемы обращения с ТКО и возможность использования гибких инструментов правового регулирования.

Таким образом, ГЧП – это совершенно понятный механизм привлечения финансирования, что дает возможность государству реализовать многие необходимые для страны проекты опережающими темпами, не дожидаясь накопления целевых средств в бюджете. В России в сегменте ГЧП уже имеется опыт использования всех финансовых инноваций, которые есть в мировой практике в сфере обращения с ТКО.

Таким образом, в сфере обращения с ТКО складывается вырисовывается неоднозначная ситуация. С одной стороны, по мнению Счетной палаты, денег на реализацию реформы более

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ выполнения мероприятий, обеспечивающих экологическую безопасность РФ, в части ликвидации объектов накопленного вреда и формирования комплексной системы обращения с ТКО» URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/41b/41b02dc50697e6fc57ec2f389a8b68f0.pdf>.

чем достаточно, за 2019 год было освоено лишь 5,5 % бюджетных средств, выделенных на реализацию проекта на 2019 год. С другой стороны, денег явно не хватает, проблемы с экологическим сбором не дают возможности региональным операторам эффективно выполнять свои обязанности по своевременному вывозу ТКО, не говоря уже о более глобальных задачах. Вследствие этого, полагаем, что наиболее рациональным и эффективным методом развития сферы обращения с ТКО является внедрение механизма ГЧП.

Список источников

1. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития / Н. Н. Ажогина, С. С. Дукян, Т. В. Игнатова [и др.]; Под редакцией Т. В. Игнатовой, С. П. Кюрджиева. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2018. – 210 с.
2. Hdeib T. S. Conceptual analysis of strategic indicator of sustainable development recognizing the institutional factors of innovation development // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6 (119). Р. 1106-1111.
3. Шилкина, С. В. Мировые тенденции управления отходами и анализ ситуации в России // Отходы и ресурсы. 2020. Т. 7. № 1.
4. Игнатова, Т. В. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5-14.
5. Кюрджиев С. П., Величко А. Н. Реформа ЖКХ: проблемы и поиски решений. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. – 64 с.

References

1. *Management in the social sphere: state, problems and development trends*. N. N. Azhogina, S. S. Dukyan, T. V. Ignatova [and others]; Edited by T.V. Ignatova, S.P. Kurdzhiev. Rostov-on-Don: Publishing House of YURIU RANEPА; 2018. 210 p. (In Russ.)
2. Hdeib T. S. Conceptual analysis of strategic indicator of sustainable development recognizing the institutional factors of innovation development. *Economics and Entrepreneurship*. 2020;6(119):1106-1111.
3. Shilkina S. V. World trends in waste management and analysis of the situation in Russia. *Otkhody i resursy = Waste and resources*. 2020;7(1). (In Russ.)
4. Ignatova T. V. Institutions and technologies of the digital economy as factors of Russia's innovative growth. *Drukerovskii vestnik = Drucker's Bulletin*. 2020;2(34):5-14. (In Russ.)
5. Kyurdzhiev S. P., Velichko A. N. *Housing and Utilities Reform: Problems and Searches for Solutions*. Rostov-on-Don: Publishing House of YURIU RANEPА; 2015. 64 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. А. Мащенко – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС;
О. В. Кургузкина – магистрант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

Yu. A. Mashchenko – Candidate of Economic Science, Associate Professor of Department of Economic, Finances and Nature Manadgment of URIU RANEPА;
O. V. Kurguzkina – Undergraduate of URIU RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 06.05.2022.

The article was submitted 17.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 06.05.2022.

Научная статья

УДК 330.341.42

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-114-127

ИННОВАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

**Андрей Витальевич Полянин¹, Юлия Павловна Соболева²,
Людмила Ивановна Кулакова³**

^{1,2}Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орел, Россия

²Орловский государственный институт культуры, Орел, Россия

³Дальневосточный филиал Всероссийской академии внешней торговли, Петропавловск-Камчатский, Россия

¹polyanin.andrei@yandex.ru

²soboleva-yp@mail.ru

³milakul2606@rambler.ru

Аннотация. Целью выполнения настоящего исследования является выявление инновационных рисков, сопровождающих процесс внедрения отечественными субъектами предпринимательства технологических новшеств. В процессе выполнения настоящей работы мы охарактеризовали сущность инновационных рисков, оценили их роль в развитии предпринимательства, провели анализ развития российского бизнеса в условиях санкционного воздействия мировой экономики. Научная новизна исследования состоит в выявлении совершенно новой категории инновационных рисков – внешних, сочетающие в себе рыночные, технологические и геоэкономические факторы. Это риски, формирующихся в условиях одновременной глобализации мировой экономики и ее стагнирования.

Ключевые слова: инновационные риски, предпринимательство, глобальная экономика, пандемия, санкции, внешняя среда, государство

Для цитирования: Полянин А. В., Соболева Ю. П., Кулакова Л. И. Создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами: проблемы и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 114–127. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-114-127>

Problems of Economics

Original article

INNOVATIVE RISKS IN ENTREPRENEURSHIP

Andrey V. Polyandin¹, Yuliya P. Soboleva², Lyudmila I. Kulakova³

^{1,2}Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

²Orel State Institute of Culture, Orel, Russia

³Far Eastern Branch of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

¹polyanin.andrei@yandex.ru

²soboleva-yp@mail.ru

³milakul2606@rambler.ru

Abstract. The purpose of this study is to identify innovative risks accompanying the process of introduction of technological innovations by domestic business entities. In the course of this work, we characterized the essence of innovation risks, assessed their role in the development of entrepreneurship, and analyzed the development of Russian business in the conditions of the sanctions impact of the world economy. The scientific novelty of the study consists in identifying a completely new

category of innovation risks – external, combining market, technological and geo-economic factors. These are the risks emerging in the conditions of simultaneous globalization of the world economy and its stagnation.

Keywords: innovation risks, entrepreneurship, global economy, pandemic, sanctions, external environment, state

For citation: Polyenin A. V., Soboleva Yu. P., Kulakova L. I. Innovative risks in entrepreneurship. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):114–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-114-127>

Деятельность предпринимательских структур в экономике любой страны рассматривается как приоритетная, ведь она позволяет разрабатывать инновационные идеи, реализовывать рискованные проекты. Субъекты предпринимательства отличаются гибкостью, динамизмом, умением приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней среды. Они отличаются способностью проникать на труднодоступные рынки, разрабатывать инновационные способы не только производства, но и реализации продукции. Узкая специализация деятельности позволяет им совершенствоваться в конкретной области, предлагая рынку товар или услугу высокого качества с минимальной себестоимостью. Таким образом, развитие предпринимательского сектора экономики выступает наиважнейшим направлением государственной экономической политики.

Разновидностью рисков являются инновационные риски, характеризующие неопределенность, связанную с осуществлением инновационной деятельности, прежде всего, с инвестированием в создание новых товаров, а также с инвестированием в управленческие инновации.

Актуальность исследования рисков инновационного предпринимательства. Предпринимательство – это процесс, который обеспечивает экономический рост за счет создания новых комбинаций факторов. С этой точки зрения предпринимательство считается одной из движущих сил экономического развития и постоянной темой научных исследований [1].

Значимость развития инновационного предпринимательства в настоящее время на фоне ухода с российского рынка многих иностранных товаропроизводителей особенно актуальна. Сокращение присутствия зарубежных компаний на нашем рынке будет продолжаться, и именно это даст дополнительный импульс развитию отечественных инновационных структур. Мы систематизировали происходящие изменения для некоторых сфер бизнеса, наиболее привлекательных для российского предпринимателя (табл. 1).

Таблица 1 – Тенденции развития отдельных направлений предпринимательской деятельности [разработано авторами]

Table 1 – Trends in the development of certain areas of entrepreneurial activity [developed by the authors]

Сфера деятельности	Тенденции развития
Сфера общественного питания	Уход с рынка сетевых кафе и ресторанов быстрого обслуживания освобождает рынок для отечественного предпринимателя. Возможность привлечения к работе опытных, квалифицированных специалистов. Если рассматривать франчайзинговый рынок, то он также переживает огромные изменения. В фокус попадают крупные российские федеральные проекты
Логистическая деятельность	Трансформация цепочек поставок на фоне видоизменения международных перевозок, разрыва цепочек поставок негативно отражаются на всей логистической системе страны. Вместе с тем, появляющиеся тенденции развития отечественной промышленности позволяют логистическим компаниям переориентировать свою деятельность на внутренний рынок. Помимо отмеченного появляется необходимость и дополнительная возможность оптимизировать свой бизнес, направив грузопоток в страны Азии.
IT-технологии	Отечественный бизнес столкнулся с полным отключением, либо некорректной работой программного обеспечения. Для отечественных компаний, производящих программное, системное и аппаратное программное обеспечение, открылись новые рынки сбыта.

По оценкам экспертов, сейчас наступило время усиления инновационной активности отечественных предпринимателей¹. В этой связи актуальным является рассмотрение рисков, обуславливающих подобное развитие.

Высшая школа экономики в 2020 году опубликовала результаты исследования, отражающего факторы, препятствующие развитию инновационного предпринимательства в нашей стране. Среди них решающую роль выполняет недостаток финансовых ресурсов, необходимых для введения инноваций, высокая стоимость нововведений, на третьем месте среди выявленных внешних факторов – «недостаток финансовой поддержки со стороны государства» и «высокий экономический риск» [2]. В ряду внутренних факторов, препятствующих внедрению инноваций субъектов малого предпринимательства, на первом месте отмечен «низкий инновационный потенциал организаций» и «недостаток квалифицированного персонала».

Независимо от состояния экономики, этапа ее развития, инновационное предпринимательство в своем развитии всегда сталкивается с неопределенностью и риском, в связи с чем можем утверждать, что проблемы, указанные выше, сдерживающие развитие инноваций в предпринимательстве, являются стандартными и наиболее распространенными.

Вовлечение предпринимательских структур в высокотехнологичный сектор экономики рассматривается в реализуемом с 2019 года соответствующем Национальном проекте в качестве одного из приоритетов. В части расширения доступа к закупкам на высокотехнологичный сектор экономики в 2020 году пришлось 396 млрд руб., что на 64 млрд руб. меньше аналогичного показателя за 2019 год и на 4 млрд руб. больше, чем в 2018 г. Доля закупок предпринимательских структур в производственном секторе экономики составила по итогам 2020 года 1706 млрд руб., что на 789 млрд руб. меньше значения данного показателя 2019 года и на 497 млрд.руб. меньше, чем в 2018 году.

На первом месте в номенклатурном перечне покупаемой продукции расположилось компьютерное, электронное и оптическое оборудование – 51,5% всей величины закупок. Программные продукты и услуги в области информационных технологий составили 24,9 %. Если сравнивать величину рассматриваемого показателя в разрезе доступа субъектов предпринимательства к закупкам высокотехнологичных товаров в общем объеме закупок данных товаров, то доля субъектов предпринимательства в данном секторе в 2020 году составила 15 %, прирост относительно 2019 года составил 25,8 %².

По данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации число субъектов предпринимательства по состоянию на 10.01.2021 г. составляло 5684561 единиц, в которых занято 15491144 наемных работников. Экспертный центр при Уполномоченном и общественный представитель Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей по вопросам малого и среднего бизнеса опубликовали в текущем году отчет, согласно которому доля предпринимательских структур в общем объеме ВВП в России составляет 20,8%, в Германии – 43%, в Узбекистане – 56,9%. Доля занятых в секторе малого и среднего предпринимательства составляет в России 27%, в Германии – 57%, в Узбекистане – 78% (рис. 1)³.

Из представленного рис. 1 видим, что в нашей стране доля занятых (наемных работников) в предпринимательстве и доля самого предпринимательства в ВВП страны остаются достаточно малыми величинами. Ввиду этого мы не можем утверждать, что в России создан механизм, обеспечивающий активное развитие предпринимательства, и оно не может считаться драйвером экономического роста, как это характерно для большинства развитых стран и многих развивающихся.

¹ Насибуллина И. Опрос предпринимателей: как вести бизнес на фоне ухода иностранных компаний с рынка? / Интернет-газета «Реальное время». 12.03.2022. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/243954-opros-kak-vesti-biznes-na-fone-uhoda-inostrannyh-kompaniy-s-rynka> (Дата обращения 10.04.2022).

² Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015-2020 годов (по состоянию на 30.03.2020) / Корпорация МСП. Режим доступа: <https://unimpresa.ru/ru/assets/event/2020/2020-04-21/corporation-sme-support-measures-sv.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

³ Специальный доклад Президенту Российской Федерации – 2021 / Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

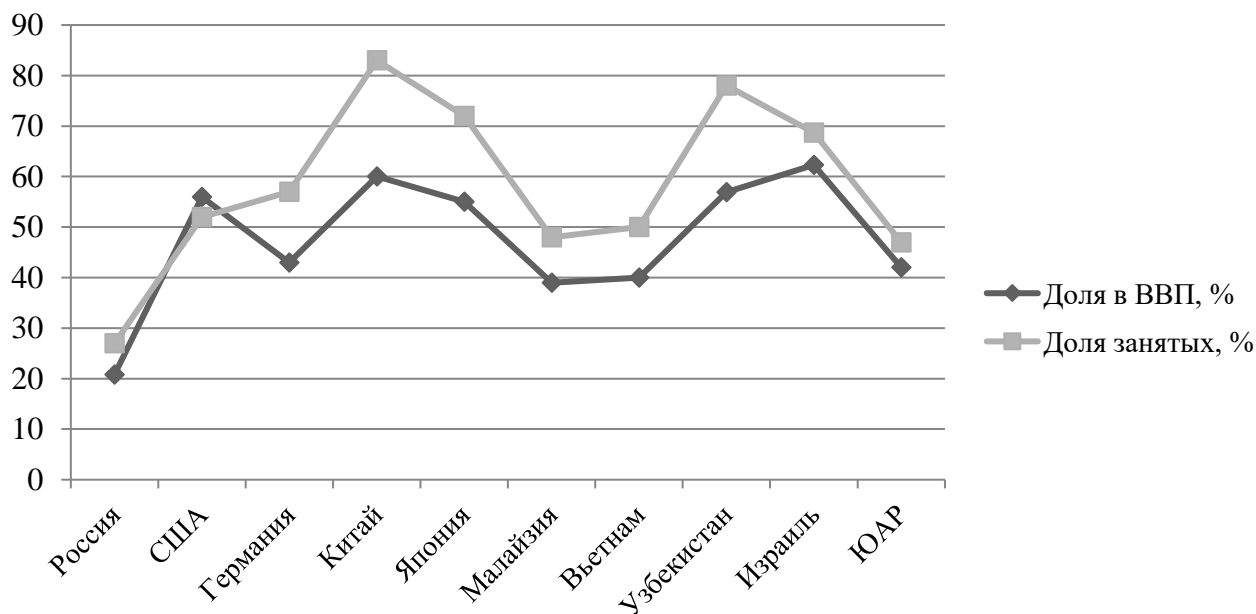

Рис. 1. Сравнительный анализ доли субъектов предпринимательства в ВВП и доле занятых в секторе малого и среднего предпринимательства по странам
 Fig. 1. Comparative analysis of the share of business entities in GDP and the share of employees in the small and medium-sized business sector by country

По данным Росстата, пандемия привела к значительному сокращению количества субъектов малого и среднего предпринимательства, занимающихся внедрением технологических инноваций и предлагающих рынку соответствующие товары. По результатам опросов, проводимых Аналитическим центром «НАФИ», в первые два месяца текущего года наметилось восстановление отечественного бизнеса: более трети опрошенных (36%) оценивали положительно свое финансовое положение, тогда как с результатами отрицательной оценки выступили 22%. Доля последней категории опрошенных в третьем месяце 2022 года возросла до 40%. При этом более уверенно чувствуют себя собственники среднего бизнес: 53% из них оценивают свое положение относительно стабильно, в то время как лишь 28% руководителей субъектов малого бизнеса и 15% собственников микропредприятий положительно оценивают свое финансовое положение. Наиболее оптимистичными остаются предприниматели более молодого возраста¹.

Специфика предпринимательства такова, что она основана на факте наличия у предпринимателей конкурентоспособной бизнес-идеи. Потому в качестве первого вида инновационных рисков предпринимательства мы выделяем ошибочность выбранной бизнес-идеи, ее не реализуемость или неполная реализуемость. Это, скорее всего, связано с ошибками и просчетами при оценке рынка, формировании бизнес-плана.

Второй риск из выявленных нами – несоответствие фактически достигнутых показателей с запланированными. Причиной тому может являться некомпетентность лиц, оставляющих бизнес-план, либо сильное влияние внешних факторов.

С учетом изложенного инновационный риск предпринимательства мы представили в виде совокупности определенных видов риска (рис. 2).

¹ Финансовое положение российского бизнеса: взгляд предпринимателей / Аналитический центр НАФИ, 23.03.2022. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/finansovoe-polozhenie-rossiyskogo-biznesa-vzglyad-predprinimateley/> (Дата обращения 10.04.2022).

Рис. 2. Составляющие инновационного риска отечественного предпринимательства

Fig. 2. Components of the innovation risk of domestic entrepreneurship

Риск сокращения доступности информации: информация используется на протяжении всего процесса предпринимательства, от создания нового предприятия до этапов создания, запуска и роста и далее. На раннем этапе необходимо получить и проверить бизнес-идеи и распознать возможности, а затем разработать убедительные бизнес-планы и убедительные бизнес-модели, основанные на фактах и анализе. Более того, доступ к новой информации продолжает оставаться ключевым фактором при принятии бизнес-решений с течением времени и по мере изменения обстоятельств. Теорией организации предпринимательской деятельности доказано, что предприниматели, которые систематически просматривают широкий спектр информации в поисках возможностей, рассматривают больше идей и, как правило, выбирают более ценные, чем предприниматели, которые полагаются только на бдительность или удачу. Известный ученый Шумпетер в своих трудах подчеркивал значимость информации для развития предпринимательства. Он утверждал, что «изменения в технологиях, рынках и потребителях создают новую информацию, которая имеет решающее значение для поиска новых способов конкуренции; это должно быть особенно важно в динамично развивающихся отраслях» [1].

Предпринимательство является важным фактором общественного здоровья и благосостояния. Это также мощный двигатель экономического роста. Он продвигает важные инновации, необходимые не только для использования новых возможностей, повышения производительности и создания рабочих мест, но и для решения серьезных проблем общества, к примеру, проблемы, вызванные пандемией коронавируса, экономическими санкциями зарубежных стран.

Согласно методическим рекомендациям, принятых в Осло в 2018 году Организацией экономического сотрудничества и развития и Статистической службой Европейского союза, категория «технологические инновации» убрана из европейских статистических отчетов, так как к настоящему времени понятие инновации затрагивают не только изменение технологических особенностей создания продукта, но и проникли в сферу услуг. Росстат не принимает пока данную позицию, так как показатели выполнения стратегических документов в России основываются на показателе оценки доли организаций, осуществляющих технологические инновации. Это свидетельствует о том, что сопоставлять показатели инновационной активности иностранных малых фирм и российских некорректно. Значимой особенностью статистического учета инновационной активности российских предприятий является постоянное изменение методики расчета данного показателя. Последние изменения коснулись отчетных данных за 2019 год, в результате чего полученные результаты по показателям значительно возросли. Отсутствие единообразия в оценке показателей в различные годы также не дает нам возможности дать объективную оценку динамики изменения уровня инновационной активности российских предпринимателей.

При этом, по оценкам Счетной палаты Российской Федерации, разные государственные стратегические документы в области развития инновационной деятельности по показателю «доля организаций, осуществляющих технологические инновации» устанавливали неодинаковые стратегические ориентиры на 2020 год. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года» значение данного показателя составляло 40-50 %, в «Стратегия инновационного развития до 2020 года» его значение составляло уже 25 %, в государственной программе Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» в редакции от 2017 года – 11,7%, в редакции 2018 года – 7,9%. Несогласованность указанных документов между собой не позволяет провести объективный анализ динамики инновационной активности российских предприятий в части фактического достижения запланированных значений показателей.

Еще одним важным замечанием, установленным нами в процессе изучения статистических данных по вопросам развития инновационных малых предприятий в России является то, что в нашей стране обследованию по данному показателю подлежат только малые предпринимательские структуры, функционирующие в сфере промышленного производства. Это организации, относящиеся к таким отраслям деятельности, как: «добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционированием воздуха; водоснабжением; водоотведением, организацией сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений». При этом не подлежат обследованию микропредприятия, что также существенно сужает объект исследования и искажает фактические данные. На предмет внедрения инноваций по другим сферам деятельности обследуются исключительно средние и крупные предприятия. Не менее важным является и то, что Росстатом определена периодичность обследования малых предприятий на предмет их инновационной активности не чаще одного раза в два года (по нечетным годам начиная с 2020 года), в связи с чем актуальных данных в настоящее время нами не обнаружено, последние отчетные данные представлены 2019 годом¹.

На сегодняшний день согласно статистическим данным наибольшая часть субъектов предпринимательства функционирует в сфере торговли. В сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах, где для реализации государственной политики импортозамещения и преодоления негативного воздействия факторов внешней среды наиболее значимым является активизация инновационной составляющей, доля субъектов малого предпринимательства невелика и составляет не более 10 % (рис. 3).

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ формирования показателя для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития Российской Федерации, установленной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» / Счетная палата Российской Федерации. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/84a/84a3c7f43e5bc65d347a40b37ee91fc5.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

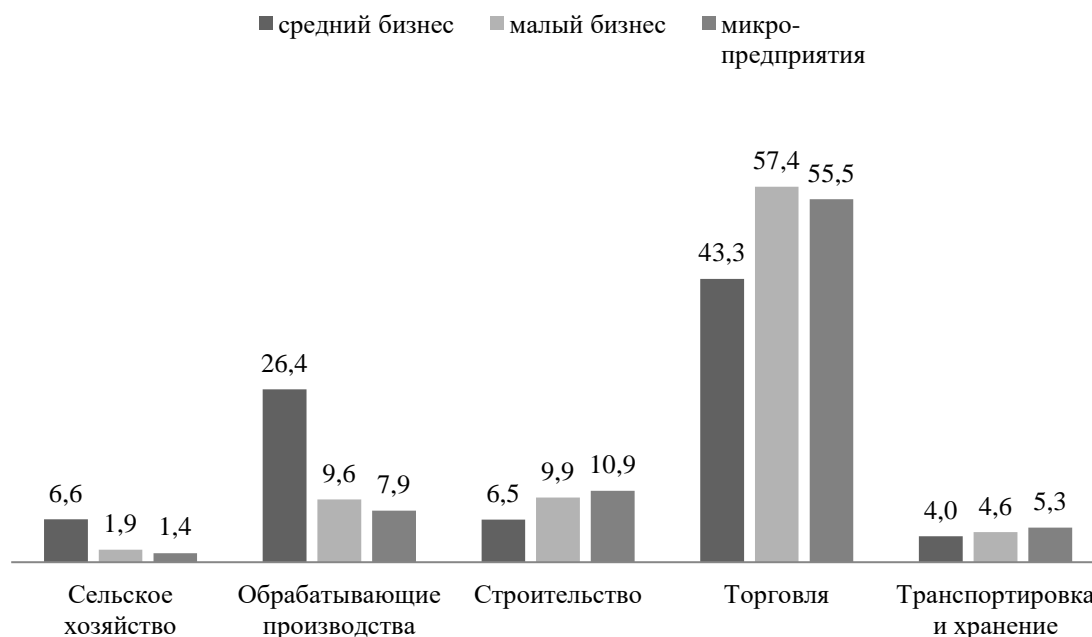

Рис. 3. Оценка доли субъектов предпринимательства в разрезе их размеров в отраслях экономики (выборочно), в процентах от их количества в конкретной категории (составлено авторами по данным Росстата)

Fig. 3. Estimation of the share of business entities in the context of their size in economic sectors (selectively), as a percentage of their number in a specific category (compiled by the authors according to Rosstat)

Оценка развития российского предпринимательства

В рамках выполнения настоящего исследования мы проанализировали данные Глобального индекса предпринимательства (GEM)¹. GEM проводит исследования предпринимательства и предпринимательских экосистем по всему миру на основе опросов. GEM представляет собой объединенный в сеть консорциум национальных страновых команд, в первую очередь связанных с ведущими академическими учреждениями. В результате нами получены следующие данные. Наиболее высокие положительные результаты по показателю наличия благоприятных возможностей в стране для развития предпринимательской активности наиболее высокий результат отметили опрошенные из таких стран, как Саудовская Аравия (90,5% опрошенных), Швеция (62,5%), США (48,6%). С позиции эффективности проводимых реформ в области развития предпринимательства в настоящее время лидирует Королевство Саудовской Аравии. Россия находится на 35 месте со значением показателя – 33,4 %. Опрос осуществлен среди 43 стран. Из этого следует, что государственная поддержка предпринимательства в нашей стране требует совершенствования.

По показателю, отражающему уровень страха неудач (опрошенные, которые готовы заняться бизнесом, но опасаются различного рода рисков) Россия находится на 14 месте со значением показателя 46,5% опрошенных. Из этого следует, что половина россиян не готовы заниматься предпринимательской деятельностью по причине внешних негативных факторов и боязни невозможности их преодолеть. Доля опрошенных, готовых заняться предпринимательской деятельностью в России в ближайшие три года, составляет 8,3 %.

Данные по инновационной активности субъектов предпринимательства представлены Глобальным индексом предпринимательства только за 2018 год, более поздней информации нет. По данному показателю наша страна расположилась на предпоследнем месте со значением показателя 8,1%. Указанный процент респондентов отмечают, что предлагают рынку инновационный товар или услугу, то есть занимаются внедрением продуктовых (технологических) инноваций. Среди обследованных европейских стран мы расположились на последнем, девятнадцатом месте (рис. 4).

¹ Entrepreneurial behaviour and attitudes / Global entrepreneurship research association. London business school. Режим доступа: <https://www.gemconsortium.org/data/key-aps> (Дата обращения 10.04.2022).

Рис. 4. Оценка инновационной активности предпринимательских структур [составлено авторами]

Fig. 4. Assessment of innovative activity of entrepreneurial structures [compiled by the authors]

По показателю оценки престижности ведения бизнесом более 70% опрошенных россиян считают статус бизнесмена значимым в стране. Из этого следует, что в общественном мнении престиж заниматься предпринимательской деятельностью достаточно высок¹.

По показателю, характеризующему возможность (быстроту) привлечения венчурного капитала для реализации инновационной идеи Россия находится на уровне 2,59 баллов из семи максимальных. По показателю легкости привлечения долевого финансирования таким предпринимательским структурам наша страна соответствует значению 2,74 из 7 максимальных баллов. Доступность финансовых услуг оценена на уровне 3,43.

Относительно административных барьеров, заключающихся в оценке выдачи разрешительных документов, в том числе лицензирования деятельности, основным препятствием для ведения предпринимательской деятельности, уверены лишь 5,8 % опрошенных в стране. По данному показателю отмеченный критерий не может быть отнесен к рискам инновационной активности предпринимателей.

Инновационная активность России в сравнении с общемировыми тенденциями по данным Всемирного банка представлена на рис. 5².

В рейтинге распределения глобального инновационного индекса наша страна по итогам 2021 г. находится на 45 месте из 132 обследованных стран со значением индекса 36,6. По простоте открытия бизнеса наша страна имеет 93,1 балл и занимает 38 место, по легкости урегулирования проблем с неплатежеспособностью – 59,1 балл и занимает 52 место.

Прочные позиции Россия занимает по показателю развитости информационно-коммуникационных технологий – 78,5 баллов и занимает 36 место.

¹ Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015-2020 годов (по состоянию на 30.03.2020) / Корпорация МСП. Режим доступа: <https://unimpresa.ru/ru/assets/event/2020/2020-04-21/corporation-sme-support-measures-sv.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

² New Product early-stage Entrepreneurial Activity / The World Bank Group. Режим доступа: https://tcdata360.worldbank.org/indicators/aps.ea.new?country=BRA&indicator=3124&viz=line_chart&years=2002,2018 (Дата обращения 10.04.2022).

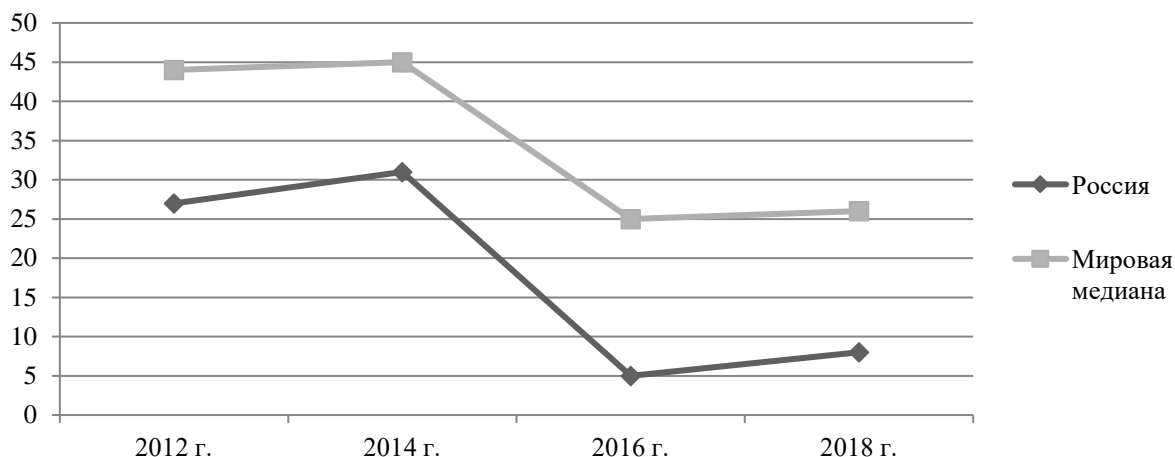

Рис. 5. Доля опрошенных предпринимателей, указывающих, что внедряют продуктовые инновации (в процентах) (составлено авторами)

Fig. 5. The percentage of surveyed entrepreneurs indicating that they are introducing product innovations (in percent) (compiled by the authors)

По показателю «Инвестиции» наша страна характеризуется слабым состоянием – 19,8 баллов и занимает 116 место. Наша экономика достаточно низкие позиции имеет уровню инвестирования частных компаний (предпринимательских структур) с применением внутривенчурных источников финансирования, а также по числу сделок, осуществляемых в стране венчурными инвесторами (5,3 балла – 55 место). Достаточно низко оценивается уровень связей России со сферой науки и образования (17,7 баллов – 88 место), при этом по доле проводимых в стране исследований мы находимся на достаточно высоком уровне и занимаем 28 место¹.

Анализ инновационных рисков развития российского предпринимательства

Как известно, классификация инновационных рисков достаточно обширная. По мнению А.Н. Пиотровича, все многообразие инновационных рисков можно разделить на две большие группы по стадиям проявления и по источникам появления [3].

Васильков Ю.В. все многообразие инновационных рисков представляет в виде трех классификационных признаков: по отношению к внешней среде он выделяет внешние и внутренние инновационные риски, по последствиям – допустимые, критические и катастрофические, по последствиям управленческих решений – организационные (менеджерские), технико-производственные, социальные, административные [4].

Романченко С.В. рассматривает достаточно детально внутренние риски, генерируемые самой организацией в процессе реализации инновационной деятельности. Среди них риска наличия недостоверной или недостаточной информации о потребительских предпочтениях, о разработках конкурентов в конкретной области, недостаточность внутренней информации, получаемой в процессе мониторинга реализации процесса освоения новшества [5]. Набору внутренних инновационных рисков ученый предлагает уделять наибольшее внимание в условиях отсутствия единой методики их выявления. В основе изучения факторов внешних инновационных рисков Романченко С.В. в своих работах рассматриваемый давно известный менеджменту PEST-анализ, соответственно, раскладывает всю их совокупность на четыре группы.

Буймов А.С. для оценки макрорисков также использует методологию проведения PEST-анализа, а для внутренние риски предприятия подразделяет на десять групп: «риски неправильной организации процесса исследований, риски неправильного выбора экономических целей проекта, риски необеспечения инновационного проекта финансированием, риски невыдерживания сроков проекта, риски непредвиденных расходов и превышения сметы проекта, маркетинговые риски» и др. [6]. Многие авторы, например, Чумак Д.Ю. [7], Коновалова А.В. [8] в своих работах исследует сущность и процесс управления инновационными рисками

¹ Analysis. Explore the interactive database of the GII 2021 indicators. Global Innovation Index (GI) / The World Bank Group. Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (Дата обращения 10.04.2022).

в конкретных отраслях экономики, выявляют специфику инновационных рисков именно в этой отрасли.

С учетом изложенного можем утверждать, что в современной науке и практике управления остается малоисследованной сущность инновационных рисков в деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, что влечет за собой отсутствие единой методологии их выявления и оценки.

По оценкам экспертов, российское малое предпринимательство в последние десять лет стагнирует и не стремится трансформироваться в среднее¹. Обобщая изложенные позиции ученых на сущность и классификации инновационных рисков, применительно к деятельности объектов предпринимательства нами сделан вывод о том, что для инновационного вида деятельности имеет место очень большая зависимость предпринимательства от факторов внешней среды ввиду ее неопределенности.

В связи с изложенным в рамках выполнения настоящего исследования основной акцент мы сделали на внешних рисках, сдерживающих развитие инновационного предпринимательства в нашей стране, так как для оценки внутренних рисков в научной литературе предложено уже достаточно большое количество методик. Более того, появление внутренних рисков в большой степени связана с профессионализмом менеджмента в организации, с человеческим фактором, повлиять на которые может только сама организация.

Основные препятствия, формирующие внешние инновационные риски предпринимательства, систематизированы нами на рис. 6.

Рис. 6. Внешние инновационные риски предпринимательства
Fig. 6. External innovation risks of entrepreneurship

«Необходимость преодоления сырьевой ориентации российской экономики, создания инновационного сектора, потребность в обеспечении компании долговременного стабильного экономического роста» – все эти предпосылки являются основой разработки и внедрения субъектами предпринимательства инноваций [6].

¹ Доклад Президенту Российской Федерации «МСП / постковид. Время для системных решений» / Экспертный Центр при Уполномоченном и общественным представителем Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей по вопросам малого и среднего бизнеса. – М.: Институт экономики роста им. П. А. Столыпина, 2021. 60 с. Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

Результаты мониторинга, проведенного Институтом экономики роста им. Столыпина П.А., позволили выявить ряд барьеров, препятствующих развитию производственного предпринимательства в нашей стране (рис. 7).

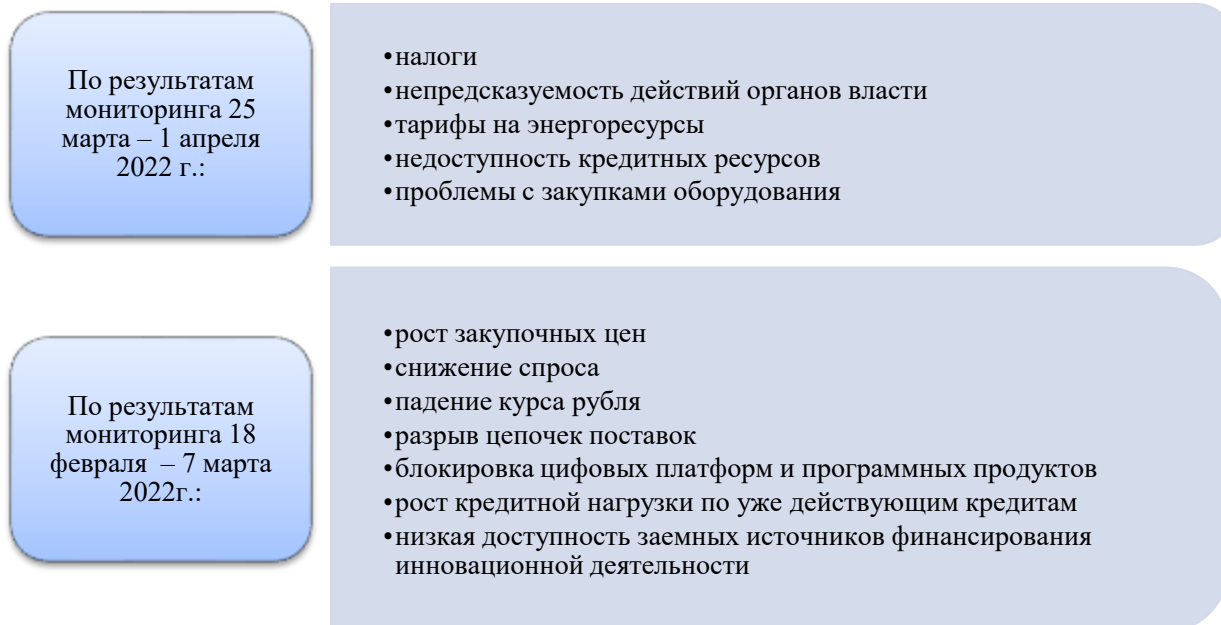

Рис. 7. Основные препятствия, мешающие развитию инновационного предпринимательства в России^{1,2}

Fig. 7. The main obstacles hindering the development of innovative entrepreneurship in Russia

Падение спроса – не менее значимый риск в деятельности современных отечественных инновационных предпринимателей. В этой связи актуальным для каждой компании является скорость реагирования на изменения потребительских предпочтений, развитие более конкурентоспособного бизнеса на основе внедрения инновационных идей.

Направления преодоления инновационных рисков предпринимательства

Меры по устранению или смягчению негативного воздействия инновационных рисков должны быть сформированы на уровне макроэкономики. Это должны быть не косметические мероприятия, а направленные на всех субъектов инновационного предпринимательства (рис. 8).

В настоящее время предприниматели пытаются найти баланс между необходимостью удержать бизнес и возникающими во внешней среде ограничениями: сначала из-за пандемии коронавируса, теперь – из-за разрыва сложившихся хозяйственных связей с мировым сообществом. Создававшаяся ситуация, с одной стороны, раскрывает для предпринимателя новые возможности, дает ему шанс внедрить новые технологии, в результатах которых общество попросту ранее не нуждалось, так как они приобретались за рубежом. С другой стороны, возникшая ситуация очень осложняет функционирование бизнеса, сталкивает его с все новыми рисками, к которым прежде он не был готов.

¹ Результаты мониторинга «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций» / Экспертный Центр при Уполномоченном и общественным представителем Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей по вопросам малого и среднего бизнеса. – М.: Институт экономики роста им. П. А. Столыпина, 18 февраля – 7 марта 2022 г. Режим доступа: <https://stolypin.institute/storage/app/media/researches/Oprosmart-2022.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

² Результаты мониторинга «О влиянии санкционных ограничений и адаптации бизнеса» / Экспертный Центр при Уполномоченном и общественным представителем Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей по вопросам малого и среднего бизнеса. – М.: Институт экономики роста им. П. А. Столыпина, 25 марта – 1 апреля 2022 г. Режим доступа: <https://stolypin.institute/storage/app/media/researches/Pochti-45-protstentov-malogo-biznesa-v-Rossii-stolknulis-s-defitsitom-oborotnyh-sredstv.pdf> (Дата обращения 10.04.2022).

Рис. 8. Направления устранения рисков инновационного предпринимательства
 Fig. 8. Ways to eliminate the risks of innovative entrepreneurship

Справиться субъектам малого и среднего предпринимательства, внедряющим инновации, с влиянием внешней среды, в настоящее время достаточно сложно. В этой связи мы видим дальнейшее развитие производственного предпринимательства в направлении его объединения с государством, образованием (научно-исследовательскими центрами),

Для снижения инновационных рисков предпринимательства важно, по нашему мнению, государственным органам воспринимать предпринимательский сектор не с позиции фискальной функции, а с позиции его социальной значимости.

Заключение

Глобализация, к которой все страны стремились долгие годы, принесла значительную пользу бизнесу: достигнут определенный рост масштабов продаж, компании имеют снижение затрат на логистических услугах. Вместе с тем, глобализация мировой экономики несет в себе и риски. Компания, функционирующая только лишь за счет мирового рынка, очень уязвима: она в большой степени зависима от внешних факторов, формируемых ни сколько составляющими экономики, сколько политическими мотивами. Как показала пандемия коронавируса,

а также обострявшаяся геэкономическая ситуация в мире, предпринимательские структуры любой страны должны быть готовы к инновационным рискам. Наличие товарных буферов на краткосрочный период времени, заключение договоров в том числе с отечественными поставщиками (обеспечение своей компании резервными источниками поставок), использование более передовых, современных технологий (таких, как интернет вещей, искусственный интеллект) с целью выявления новых возможностей – эти и многие другие меры преодоления кризисов вполне доступны бизнесу самостоятельно. Однако наибольшая часть инновационных рисков, сформированных в условиях негативного воздействия факторов внешней среды, может быть преодолена лишь при непосредственном взаимодействии бизнеса, государства и науки.

Список источников

1. Yeganegi S., Laplume A.O., Dass P. The role of information availability: A longitudinal analysis of technology entrepreneurship // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2021. – Volume 170. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120910>.
2. Индикаторы инновационной деятельности: 2020 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т И60 «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 336 с. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/397986230.pdf>.
3. Пиотрович А. Н. Макроэкономические аспекты управления инновационными рисками в народном хозяйстве: на примере нефтегазового комплекса: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М.: Российский новый университет, 2009. – 150 с.
4. Васильков Ю. В. Риски менеджмента и менеджмент рисков [Текст]: монография / Ю. В. Васильков, Л. С. Гуцина. – Ярославль: Издательский дом Н.П. Пастухова, 2011. 265 с.
5. Романченко С. В. Управление инновационными рисками как фактор повышения устойчивости хозяйствующих субъектов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: РАНХиГС, 2013. – 25 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/upravlenie-innovatsionnymi-riskami-kak-faktor-povysheniya-ustoichivosti-khozyaistvuyushchikh>.
6. Буймов А. С. Управление рисками инновационного проекта промышленного предприятия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Челябинск: Южно-Уральский федеральный университет, 2011. – 29 с. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/buymov_anton_sergeevich.pdf.
7. Чумак Д. Ю. Разработка модели управления рисками инновационных проектов в атомной энергетике: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М.: Государственный университет управления, 2016. – 164 с. – URL: https://guu.ru/files/dissertations/2016/06/chumak_d_yu/dissertation.pdf.
8. Коновалова А.В. Управление рисками инновационных проектов в кредитных организациях: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2014. 213 с. – URL: <http://www.rd.uniyar.ac.ru/upload/iblock/4cf/061400601.pdf>.

References

1. Yeganegi S., Laplume A.O., Dass P. The role of information availability: A longitudinal analysis of technology entrepreneurship. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021;(170). Available from: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120910>.
2. *Indicators of innovation activity: 2020 : statistical collection*. L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, E. I. Evnevich et al.; Nats. research. un-t I60 "Higher School of Economics". Moscow: HSE; 2020. 336 p. Available from: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/397986230.pdf>. (In Russ.)
3. Piotrovich A. N. *Macroeconomic aspects of innovation risk management in the national economy: on the example of the oil and gas complex*: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow: Russian New University; 2009. 150 p. (In Russ.)
4. Vasilkov Yu. V., Gushchina L.S. *Management risks and risk management*. Yaroslavl: N.P. Pastukhov Publishing House; 2011. 265 p. (In Russ.)

5. Romanchenko S. V. *Innovation risk management as a factor of increasing the sustainability of economic entities*: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow: RANEPА, 2013. 25 p. Available from: <https://www.dissercat.com/content/upravlenie-innovatsionnymi-riskami-kak-faktor-povysheniya-ustoichivosti-khozyaistvuyushchikh>. (In Russ.)

6. Buymov A.S. Risk management of an innovative project of an industrial enterprise: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Chelyabinsk: South Ural Federal University, 2011. 29 p. Available from:

https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/buymov_anton_sergeevich.pdf. (In Russ.)

7. Chumak D.Yu. Development of a risk management model for innovative projects in nuclear energy: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Moscow: State University of Management, 2016. – 164 p. Available from:

https://guu.ru/files/dissertations/2016/06/chumak_d_yu/dissertation.pdf. (In Russ.)

8. Konovalova A.V. Risk management of innovative projects in credit institutions: dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Yaroslavl: P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2014. 213 p. Available from: URL: <http://www.rd.uniyar.ac.ru/upload/iblock/4cf/061400601.pdf>. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Полянин – докт. экон. наук, проф. кафедры «Менеджмент и государственное управление» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС;

Ю. П. Соболева – канд. экон. наук, доц. кафедры «Менеджмент и государственное управление» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС; начальник научно-издательского отдела Орловского государственного института культуры.

Л. И. Кулакова – канд. экон. наук, доц., декан экономического факультета Дальневосточного филиала ВАВТ.

Information about the authors

A. V. Poyalnin – Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Public Administration of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА;

Y. P. Soboleva – Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Management and Public Administration of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА; Head of Scientific and Publishing Department of Orel State Institute of Culture;

L. I. Kulakova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics of Far Eastern Branch of the All-Russian Academy of Foreign Trade.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Научная статья

УДК 338.012

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-128-134

ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА И УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ТНК (НА ПРИМЕРЕ ПАО «АЭРОФЛОТ»)

**Анастасия Анатольевна Сафронова¹, Надежда Валерьевна Капустина²,
Наталья Игоревна Маракова³**

¹Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, safronova21@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5045-5423>

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

³Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, rbc85@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7444-5411>

Аннотация. В настоящее время, одним из основных драйверов мировой экономики являются транснациональные компании. В условиях глобализации рост роли ТНК является закономерным результатом развития международных экономических отношений. Капитал транснациональных компаний является одним из основных и важнейших источников финансирования и проведения НИОКР во всем мире. Развитая на высшем уровне сеть аффилированных компаний предоставляет головным (материнским) компаниям доступ к новейшим разработкам и достижениям, способствует передаче технологий, аккумуляции знаний и т.д. Целью данной статьи является изучение теоретических аспектов конкуренции транснациональных компаний и применение основных инструментов анализа конкурентоспособности ТНК на примере компании «Аэрофлот». Объектом исследования являются транснациональные компании в целом и конкретно компания ПАО «Аэрофлот – российские авиалинии». Предметом исследования является конкуренция транснациональных компаний.

Ключевые слова: глобализация, мировая экономика, конкурентоспособность, ТНК, конкурентоспособность авиаперевозчика, авиаперевозки

Для цитирования: Сафронова А. А., Капустина Н. В., Маракова Н. И. Инструменты анализа и управления конкурентоспособностью ТНК (на примере ПАО «Аэрофлот») // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 128–134. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-128-134>

Problems of Economics

Original article

TOOLS FOR ANALYZING AND MANAGING THE COMPETITIVENESS OF TNCs (USING THE EXAMPLE OF PJSC AEROFLOT)

Anastasia A. Safronova¹, Nadezhda V. Kapustina², Natalia I. Marakova³

¹Russian State Social University, Moscow, Russia, safronova21@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-5423>

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, nvkapustina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5991-5200>

³Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, rbc85@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7444-5411>

Аннотация. Currently, one of the main drivers of the global economy are multinational companies. In the context of globalization, the growing role of TNCs is a natural result of the development of international economic relations. The capital of multinational companies is one of the main and most important sources of financing and R&D worldwide. A highly developed network of affiliated companies

provides parent companies with access to the latest developments and achievements, promotes technology transfer, accumulation of knowledge, etc. The purpose of this article is to study the theoretical aspects of competition of multinational companies and the use of basic tools for analyzing the competitiveness of TNCs on the example of Aeroflot. The object of the study is multinational companies in general and specifically the company PJSC Aeroflot – Russian Airlines. The subject of the study is the competition of multinational companies.

Key words: globalization, world economy, competitiveness, TNCs, air carrier competitiveness, air transportation

For citation: Safronova A. A., Kapustina N. V., Marakova N. I. Tools for analyzing and managing the competitiveness of TNCs (using the example of PJSC Aeroflot). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):128–134. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-128-134>.

Количественная и качественная специфика современных международных экономических организаций представляет собой усиление взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик, повышение значения внешнеэкономического роста, предопределяя преимущества международного интеграционного развития. Одним из субъектов мирового хозяйственного рынка, способствующих развитию процессов международной экономической интеграции, выступают современные транснациональные компании [1–2].

Российская авиационная компания «Аэрофлот» является транснациональной компанией, ведущим авиаперевозчиком России, представляет собой холдинг.

В холдинг «Аэрофлот» входят следующие авиакомпании: «Россия», «Аврора», «Победа» и «Аэрофлот». Головной компанией холдинга является ПАО «Аэрофлот». Холдинг «Аэрофлот» осуществляет международные и внутренние пассажирские авиаперевозки, а также грузоперевозки. Высокое качество обслуживания компании «Аэрофлот» подтверждено высоким рейтингом Skytrax.

По объему перевозок пассажиров «Аэрофлот» входит в топ-20 крупнейших авиаперевозчиков мира. К своему вековому юбилею, компания «Аэрофлот» планирует увеличить пассажирские перевозки до 100 млн. человек. Существенного роста перевозок планируется достигнуть за счёт авиакомпании «Победа». Цель увеличения роста операций не менее, чем в два раза возлагается на региональную авиакомпанию «Аврора». Основные пассажирские перевозки между западной частью России и Дальним Востоком предполагается возложить на авиакомпанию «Россия», установив фиксированные цены на авиабилеты.

Опираясь на статистические данные, стоит отметить, что компания «Аэрофлот» считается одной из самых безопасных авиаперевозчиков. Компания обладает одним из самых современных авиапарков Европы. Персонал компании обладает титулом одного из самых опытных экипажей мира. Зафиксировано большое количество случаев, когда пилоты авиакомпании проводили экстренную посадку. К сожалению, полностью жертв не удалось избежать. Но количество спасенных всегда перевешивает количество пострадавших. Авиакомпания анализирует произошедшие катастрофы, чтобы в дальнейшем предотвратить наступление повторного инцидента. Ниже представлены основные показатели по объемам реализации компании ПАО «Аэрофлот» и ключевых конкурентов (табл. 1).

Рассчитаем долю слияния лидирующих компаний на рынке:

$$2020 = \frac{(495,9 + 108,1 + 73,2)}{828,6} = 0,817$$

$$2021 = \frac{(532,9 + 117,7 + 94,8)}{908,2} = 0,821$$

Стоит отметить, что выявленные три лидера отрасли занимают огромную долю рынка (около 82%).

Один из показателей уровня монополизации рынка является индекс Херфиндаля. Он определяется следующей формулой [3]:

$$lh = \sum D_i^2, \text{ при } D_i = \frac{OP_i}{OP}$$

$$lh^{2020} = \sum (59,8^2 + 13^2 + 8,8^2 + 9,1^2 + 6,9^2 + 2,3^2) = 3958,19 \%$$

$$lh^{2021} = \sum (58,7^2 + 13^2 + 10,4^2 + 8,3^2 + 7,3^2 + 2,2^2) = 3849,87 \%$$

Таблица 1 – Объем реализации за 2020 и 2021 гг., млрд руб. и %¹

Table 1 - Sales volume for 2020 and 2021, RUB billion and%

№	Компании	2020		2021		Темп роста
		Объем реализации	Доля в общем объеме реализации	Объем реализации	Доля в общем объеме реализации	
1	«Аэрофлот»	495,9	59,8	532,9	58,7	1,07
2	S7 Airlines «Сибирь»	108,1	13,0	117,7	13,0	1,09
3	«Россия»	73,2	8,8	94,8	10,4	1,30
4	«ЮТейр»	75,4	9,1	75,8	8,3	1,01
5	«Уральские авиалинии»	57,3	6,9	66,7	7,3	1,16
6	«Победа»	18,7	2,3	20,3	2,2	1,09
	ИТОГО:	828,6	100,0	908,2	100,0	

Исходя из полученных результатов, можно сказать, что анализируемый рынок авиакомпаний имеет 1 тип рынка, а именно – высококонцентрированный рынок, т.к. получившиеся показатели находятся в диапазоне $1800 < \text{HHI} < 10000$.

Существует также ранговый индекс концентрации – индекс Розенблюта или индекс Холла-Тайдмана. Рассчитывается следующим образом:

$$I_r = \frac{1}{2 \sum (i * D_i) - 1}$$

$$2020 = \sum 59,8 + 2 * 13 + 3 * 8,8 + 4 * 9,1 + 5 * 6,9 + 6 * 2,3 = 196,9$$

$$I_{r2020} = \frac{1}{2 \sum (196,9) - 1} = \frac{1}{392,8} = 0,00254582$$

$$2021 = \sum 58,7 + 2 * 13 + 3 * 10,4 + 4 * 8,3 + 5 * 7,3 + 6 * 2,2 = 198,8$$

$$I_{r2021} = \frac{1}{2 \sum (198,8) - 1} = \frac{1}{396,6} = 0,00252143$$

Еще одним из наиболее распространенных в финансовом использовании является коэффициент вариации.

$$U_D = 1 - \frac{1}{n} \sqrt{\frac{1}{n} \sum \left(D_i - \left(\frac{1}{m} \right) \right)^2}, \text{ где } n - \text{ количество компаний, } m - \text{ ранг.}$$

Рассчитаем коэффициент за 2020 год.

$$\begin{aligned} (59,8 - (1/1))^2 &= 3576,04 \\ (13 - (1/2))^2 &= 156,25 \\ (8,8 - (1/3))^2 &= 71,74 \\ (9,1 - (1/4))^2 &= 78,32 \\ (6,9 - (1/5))^2 &= 44,89 \\ (2,3 - (1/6))^2 &= 4,54 \end{aligned}$$

$$U_D = 1 - \frac{1}{n} \sqrt{\frac{1}{n} \sum 3931,78} = 1 - \frac{1}{6} * 25,6 = 1 - 4,27 = -3,27$$

¹ Финансовая отчетность Публичного Акционерного Общества «Аэрофлот» за 2020-2021 год
<https://ir.aeroflot.ru/reporting/financial-results/>

Аналогичные расчёты проведем относительно 2021 года.

$$U_D = 1 - \frac{1}{n} \sqrt{\frac{1}{n} \sum 3822,68} = 1 - \frac{1}{6} * 25,24 = 1 - 4,21 = -3,21$$

Исходя из данных столбика «Темпы роста» таблицы 1, следует определить интенсивность конкуренции по динамике рынка авиаперевозок, а именно, рассчитать показатель – $U_{тр}$.

$$\text{При } 0,7 < T_p < 1,4 \quad U_{тр} = \frac{1,4 - T_p}{0,7}$$

Получаем вывод, что рынок проходит состояние позитивного роста, стагнации и сворачивания.

Индекс Линда. Данный индекс является показателем концентрации рынка. Существует несколько формул расчёта. [1]

Для двух наиболее крупных организаций:

$$I_t = \frac{k_1}{k_2} * 100\%$$

Рассчитаем индекс на 2020 год:

$$I_t = \frac{59,8}{13,0} * 100\% = 460$$

Слияние 1-ой организации запрещено со стороны государственных органов, т.к. > 200.

Аналогичным образом производим расчет показателя на 2021 год:

$$I_t = \frac{58,7}{13,0} * 100\% = 452,54$$

Слияние 1-ой организации запрещено со стороны государственных органов, т.к. > 200.

Для трех наиболее крупных организаций:

$$I_t = \frac{1}{2} \left[\frac{k_1}{(k_2 + k_3):2} + \frac{(k_1 + k_2):2}{k_3} \right] * 100\%$$

За 2020 год:

$$\begin{aligned} I_t &= \frac{1}{2} \left[\frac{59,8 + 13}{(9,1 + 8,8):2} + \frac{(59,8 + 13 + 9,1):2}{8,8} \right] * 100\% = \frac{1}{2} \left[\frac{72,8}{8,95} + \frac{40,95}{8,8} \right] * 100\% \\ &= \frac{1}{2} * [8,13 + 4,65] * 100\% = 639 \end{aligned}$$

Слияние 1-ой организации запрещено со стороны государственных органов, т.к. > 200.

За 2021 год данный показатель составил 631.

Слияние 1-ой организации запрещено со стороны государственных органов, т.к. > 200.

Матрица формирования конкурентной карты рынка помогает определить стратегию развития компаний. Этот метод оценки ситуации на рынке дает понять уровень доминирования компаний на рынке, выделить относительное положение среди других участников рынка, показывает ближайших конкурентов-аналогов.

Построим карту (табл. 2), опираясь на данные за 2021 год.

Согласно шкале «Рыночная доля» на анализируемом рынке, основные тенденции бизнеса определяют следующие компании: № 1, № 2, №5.

При всей важности показателя «Рыночная доля» необходимо иметь в виду, что он представляет собой статическую оценку для конкретного момента времени.

В связи с тем, что конъюнктурная ситуация на рынке достаточно мобильна, необходимо знать тенденцию изменения данного показателя и связанное с ней изменение конкурентной позиции предприятия.

Данную тенденцию можно оценить с помощью темпа прироста рыночной доли (табл. 3).

Таблица 2 – Конкурентная карта рынка

Table 2 – Competitive Market Map

Рыночная доля, D_i		Классификационные группы			
		Лидеры рынка	Компании с сильной конкурентной позицией	Компании со слабой конкурентной позицией	Аутсайдеры рынка
		I	II	III	IV
Темпы прироста рыночной доли, T_i					
Организации с быстро растущей конкурентной позицией	I	1	5 3	9 5	13
Организации с растущей конкурентной позицией	II	1 2	6 2	10 4	14 6
Организации с падающей конкурентной позицией	III	3	7	11	15
Организации с быстро падающей конкурентной позицией	IV	4	8	12	16

Таблица 3 – Исходные данные для построения конкурентной карты

Table 3 – Initial data for building a competitive map

№	Компании	Рыночная доля, %		Темп прироста рыночной доли, %
		2020	2021	
1	«Аэрофлот»	59,8	58,7	-1,8
2	S7 Airlines «Сибирь»	13,0	13,0	0
3	«Россия»	8,8	10,4	18,2
4	«ЮТейр»	9,1	8,3	-8,8
5	«Уральские авиалинии»	6,9	7,3	5,8
6	«Победа»	2,3	2,2	-4,4

Аналитическим путем, опираясь на собственные знания и на статистические данные, заполняем табл. 4. За основу берем такие оценочные характеристики, как прибыль, ликвидность акций, доля рынка, информационная открытость, сервис, персонал, безопасность, доступность авиаперелетов, возраст воздушных судов и ценовой фактор.

Далее проведем оценку потенциальной привлекательности рынка (таблица 5).

Таблица 4 – Исходные данные для построения рыночных профилей компании

Table 4 – Input Data for Building Company Market Profiles

Компании	Характеристики									
	Прибыль	Ликвидность акций	Информационная открытость	Доля рынка	Сервис	Персонал	Безопасность	Доступность авиаперелетов	Возраст воздушных судов	Ценовой фактор
«Аэрофлот»	9	9	8	9	9	9	7	9	7	7
S7 Airlines	6	8	7	7	8	9	8	8	8	8
«Россия»	5	7	8	6	7	8	7	6	7	8
«ЮТейр»	4	7	8	6	8	8	8	8	7	8
«Уральские авиалинии»	4	6	7	6	8	8	7	7	6	8
«Победа»	2	2	8	4	6	7	6	6	6	9

Опираясь на данные таблицы 4, составляем график в таблице 5.

Таблица 5 – Потенциальная привлекательность рынка

Table 5 – Potential Market Attractiveness

Характеристика рынка	Шкала оценок								
	Неблагоприятно			Удовлетворительно			Благоприятно		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Прибыль		+				+			+
Ликвидность акций		+						+	+
Информационная открытость							+	+	
Доля рынка				+			+		+
Сервис					+			+	+
Персонал						+		+	+
Безопасность						+	+	+	+
Доступность авиаперелетов						+		+	+
Возраст воздушных судов						+	+	+	
Ценовой фактор							+	+	+
Средняя оценка									
Оценка перспектив развития рынка	Плохая			Удовлетворительная			Хорошая		

* — — — Аэрофлот, — — — S7, — — — Победа.

Получившийся график показывает, что компания-лидер «Аэрофлот» и компания «UTair» имеют хорошую оценку перспектив развития рынка. Авиакомпания «Победа», в свою очередь, имеет скорее удовлетворительную оценку. Плохой оценки перспектив в ходе работы выявлено не было.

На основании всего выше сказанного, можно сделать вывод, что ТНК играют значительную роль, как для внутренней экономики страны, так и для мировой экономики в целом. Целью транснациональных компаний на первых порах является найти и реализовать внутриотраслевые конкурентные преимущества. Внутри своей отрасли фирма балансирует между

рыночной властью потребителей и поставщиков, находится под постоянной угрозой появления товаров – аналогов, поэтому препятствует вторжению новых участников на рынок.

Исследование, проведенное на примере компании ПАО «Аэрофлот», показало, что данное предприятие является одним из ярчайших примеров транснациональных компаний нашей страны.

В авиационные активы ПАО «Аэрофлот» входят: 100% акций ООО авиакомпании «Победа», АО «Оренбургские авиалинии» и АО «Донавиа»; 75% – АО авиакомпании «Россия» и 51% – АО авиакомпании «Аврора».

В результате анализа деятельности компании при помощи основных инструментов оценки конкурентоспособности на рынке авиаперевозок и авиаперелетов можно заявить, что компания «Аэрофлот» занимает лидирующую позицию на внутреннем рынке страны.

Список источников

1. Баран В. И., Баран Е. П. Количественные показатели монополизации рынка // Вестник Российского университета кооперации. 2014. №2(16) С. 112–116.
2. Сафронова А. А., Алексе А. Влияние международной экономической интеграции на развитие национальной экономики // Инновационная экономика и современный менеджмент. 2014. № 1. С. 20–26.
3. Челнокова О.Ю. Моделирование использования индекса Херфиндаля-Хиршмана при анализе степени концентрации фирм на отраслевом рынке // Профессиональная ориентация. 2018. № 2. С. 54–58.

References

1. Baran V. I., Baran E. P. Quantitative indicators of market monopolization. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2014;2(16):112–116. (In Russ.)
2. Safronova A. A., Alexe A. The impact of international economic integration on the development of the national economy. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremenniy menedzhment = Innovative economics and modern management*. 2014;(1):20–26. (In Russ.)
3. Chelnokova O. Yu. Modeling the use of the Herfindahl-Hirschman index in the analysis of the degree of concentration of firms in the industry market. *Professional'naya orientatsiya = Professional orientation*. 2018;(2):54–58. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Сафронова – докт. экон. наук, проф. факультета управления РГСУ;
Н. В. Капустина – докт. экон. наук, проф. департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ;
Н. И. Маракова – канд. экон. наук, доц. кафедры математических методов и бизнес-информатики МГИМО.

Information about the authors

A.A. Safronova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Faculty of Management of Russian State Social University;
N.V. Kapustina – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Security and Risk Management of the Faculty of Economics and Business of Financial University under the Government of the Russian Federation;
N. I. Marakova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Methods and Business Informatics of MGIMO.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 17.04.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 16.04.2022; accepted for publication 17.04.2022.

Научная статья

УДК 338.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-135-141

**ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ:
МОДЕЛЬ ДОХОДНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ АКТИВОВ (САРМ) И МОДЕЛЬ ФАМЫ-ФРЕНЧА**

**Григорий Георгиевич Сидоренко¹, Олег Георгиевич Сидоренко²,
Дмитрий Сергеевич Термосесов³**

^{1,3}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия

²Московское высшее общевойсковое командное орденов Жукова, Ленина и Октябрьской революции Краснознаменное училище Министерства обороны Российской Федерации», Москва, Россия

¹GGSidorenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5174-1234>

²sidorenkooleg1979@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7336-0555>

³dtermosesov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1034-8396>

Аннотация. Предмет/тема: В данной статье рассматриваются вопросы ценообразования на фондовом рынке с целью помощи институциональным инвесторам для сохранения собственного капитала и его приумножения на основе изучения моделей доходности капитальных активов (САРМ) и модели Фамы-Френча. Решены задачи по сбору необходимых статистических данных, их анализу, а также применения модели для оценки различных активах и анализом точности их применения. Использование данной модели позволяет достаточно достоверно прогнозировать цены активов на фондовом рынке, однако не гарантирует 100% точность, поэтому ее использование все равно влечет за собой риски потери капитала.

Цели/задачи: Целью исследования является сравнение точности изучаемых моделей, а также выявление их преимуществ и недостатков.

Методология: Методологическую основу исследования составляют как общие, так и частные научные методы познания. Используются такие методы, как индукция и дедукция, методы сравнения и обобщения.

Результаты/выводы: Авторами установлено, что использование пятифакторной модели Фамы-Френча позволяет достаточно достоверно прогнозировать цены активов на фондовом рынке, однако не гарантирует 100% точность, поэтому ее использование все равно влечет за собой риски потери капитала.

Ключевые слова: ценообразование, доходность, актив, модель Фамы-Френча, САРМ

Для цитирования: Сидоренко Г. Г., Сидоренко О. Г., Термосесов Д. С. Ценообразование на фондовом рынке: модель доходности капитальных активов (САРМ) и модель Фамы-Френча // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 135–141. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-135-141>

Problems of Economics

Original article

**STOCK MARKET PRICING: CAPITAL ASSET RETURNS MODEL (CAPM)
AND FAMA-FRENCH MODEL**

Grigoriy G. Sidorenko¹, Oleg G. Sidorenko², Dmitriy S. Termosesov³

^{1,3}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Moscow Higher Combined Arms Command Orders of Zhukov, Lenin and the October Revolution of the Red Banner School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹GGSidorenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5174-1234>

²sidorenkooleg1979@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7336-0555>

³dtermosesov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1034-8396>

Abstract. Subject / topic: This article examines the issues of pricing in the stock market in order to help institutional investors to preserve their own capital and increase it based on the study of capital asset return models (CAPM) and Fama-French model. The tasks of collecting the necessary statistical data, analyzing them, as well as applying the model to assess various assets and analyzing the accuracy of their application have been solved. The use of this model makes it possible to reliably predict the prices of assets on the stock market, however, it does not guarantee 100% accuracy, and therefore, its use still entails the risks of capital loss.

Goals / objectives: The aim of the study is to compare the accuracy of the studied models, as well as to identify their advantages and disadvantages.

Methodology: The methodological basis of the study is made up of both general and particular scientific methods of cognition. Used such methods as induction and deduction, methods of comparison and generalization.

Results / conclusions: The authors found that the use of the five-factor Fama-French model makes it possible to fairly reliably predict asset prices in the stock market, but does not guarantee 100% accuracy, so its use still entails the risk of capital loss.

Keywords: pricing, profitability, asset, Fama-French model, model CAPM.

For citation: Sidorenko G. G., Sidorenko O. G., Termosesov D. S. Stock market pricing: capital asset returns model (CAPM) and Fama-French model. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):135–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-135-141>.

В настоящее время на фондовых рынках наблюдается высокая волатильность, которая ведет к непредсказуемым последствиям. В начале 2020 года на фоне пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) произошел мировой обвал фондовых рынков: за один месяц с 18 февраля 2020 года индекс S&P 500 рухнул на 35,68%, Dow Jones на 37,77%, RTSI на 48,04%, индекс ММВБ на 33,21% и так далее. Это привело к огромным убыткам у компаний, оперирующих на фондовых рынках, и у частных инвесторов, число которых за последние два года сильно увеличилось. Количество частных инвесторов только за 2019 г. увеличилось на 73% до 3,9 миллионов человек.

Модель доходности капитальных активов CAPM – это capital asset pricing model. Подход к такой оценке активов был теоретически описан еще Гарри Марковицем в 1952 году в журнале *Journal of Finance*. Однако, сама математическая модель была разработана позже Джеком Трейнором, Уильямом Шарпом, Джоном Литнером и Яном Моссином в 1962–1966 годы. Сейчас данную модель иногда называют моделью Шарпа.

С момента появления данной модели было много критики в ее адрес, например, данная модель базируются на допущении об эффективном рынке капитала: информация распространяется мгновенно и равномерно, любой новостной фон моментально влияет на стоимость акций компании (инвесторы сразу же закладывают новости в стоимость акций), на рынке отсутствуют спекулянты, ввиду равномерности информации среди всех участников рынка, все активы имеют высокую ликвидность и имеется возможность торговать бесконечно малой долей активов. Данную гипотезу (Efficient market hypothesis) впервые выдвинул Луи Башелье в 1900 г., продолжили работу над ней Бенуа Мандельброт в 1963 г. и Пол Самуэльсон в 1965 г., но данная теория по большей части ассоциируются с Юджином Фамой, который в 1970 г. выпустил эмпирическое исследование, базирующееся на данной теории.

Это допущение на первый взгляд может показаться не столь критичным, однако на практике все совершенно не так. Каждый день происходят сделки на фондовом рынке, продиктованные инсайдерской информацией, наиболее актуальный пример – недавняя покупка компанией ТМК (Трубная металлургическая компания) 86,54% акций группы компаний ЧТПЗ (Челябинский трубопрокатный завод). После выхода новости об этой сделке акции ЧТПЗ в моменте росли на 33,28%. Менеджмент обеих компаний знали об этом заранее, поэтому могли провести несколько сделок по покупке акций дешево и продаже дороже. Хотя это и запрещено законодательством, это очень сложно отследить, только поэтому пункту можно назвать рынки неэффективными.

Но все-таки, если принять это допущение, то получается очень интересная модель:

$$E(R_i) = R_f + \beta_i(E(R_m) - R_f),$$

где $E(R_i)$ – ожидаемый доход от актива;

R_f – безрисковая ставка (чаще всего за нее в России берут ставку по облигациям федерального займа номинированных в рублях);

$E(R_m)$ – средняя рыночная доходность активов;

β_i – бета коэффициент, который отражает зависимость между доходностью актива и доходностью рынка в целом.

Бета-коэффициент чаще всего рассчитывается автоматически различными информационными платформами, но ничего не мешает рассчитать его вручную, для этого необходимо определиться с рынком, в России чаще всего используется индекс ММВБ, но также может использоваться его долларовой аналог RTSI. Далее нам нужны 3 показателя: стандартное отклонение доходности используемого индекса, стандартное отклонение доходности актива и коэффициент корреляции между доходностями индекса и доходностями актива. Далее мы берем произведение стандартного отклонения доходностей актива и коэффициент корреляции и делим его на стандартное отклонение доходностей индекса, таким образом получая значение бета коэффициента:

$$\beta_i = \rho_{i,m} \frac{\sigma_i}{\sigma_m}.$$

Данная модель хоть и является достаточно простой, но в тоже время она была эффективна в свое время, ей пользовались крупные инвестиционные банки, хедж-фонды¹.

Даже существует адаптация этой модели и модели Модильяни-Миллера с учетом налогов и была получена следующая формула для оценки бета коэффициента непубличной компании (модель Хамады):

$$\beta_L = \beta_U * (1 + (1 - T) * \frac{D}{E}),$$

где β_L – бета коэффициент компании, использующей финансовый рычаг;

β_U – бета коэффициент компании, не использующей финансовый рычаг;

$(1 - T)$ – налоговый корректор;

$\frac{D}{E}$ – коэффициент финансового рычага компании, рассчитываемый как отношение 4 раздела баланса к 3 разделу.

Помимо указанных выше минусов данной модели, к ним можно отнести еще несколько ограничений этой модели: не учтенные налоги и транзакционные издержки, также прогнозное значение доходности базируется исключительно на исторических данных, таким образом накапливается ошибка в прогнозе и из-за этого сейчас данная модель в чистом виде практически не используется.

Для наглядного примера приведем расчеты показателя доходности по данной модели в виде таблицы. Данные были взяты дневные по индексу ММВБ и акциям компаний НОВАТЭКа (тикер на МосБирже NVTK), Газпрома (тикер на МосБирже GAZP) и Газпромнефти (тикер на МосБирже SIBN). Все расчеты представлены в Таблица 1.

Результаты расчетов достаточно четко отражают, почему от этой модели отказались большинство инвесторов: на практике подтверждается низкая прогнозная сила данной модели. К примеру, по модели акции компании НОВАТЭК должны были принести 86,5% доходности, однако по факту принесли только 12,86%. В то же время по акциям других компаний (Газпром и Газпромнефть) у нас получаются совершенно другие выводы: модель недооценила доходность этих компаний. Доходность Газпрома за 2019 год выше прогнозной в 3,5 раза, а Газпромнефти в 1,5 раза.

¹Жданов И. Модель оценки капитальных активов – CAPM (У. Шарпа) // Финансово-инвестиционный блог Жданова Василия и Жданова Ивана. [Электронный ресурс] URL: <https://finzz.ru/model-ocenki-kapitalnykh-aktivov-capm-sharpa-v-excel.html>

Таблица 1 – Прогноз доходности акций компаний на 2019 год¹

Table 1 – Forecast of profitability of company shares for 2019

	NVTK	GAZP	SIBN
СКО доходностей индекса МосБиржи	0,012296		
СКО доходностей компании	0,019055	0,01617	0,01413216
Коэффициент корреляции	0,918491	-0,04625	0,86751229
Бета коэффициент	1,423359	-0,06082	0,99703844
Ставка ОФЗ за 2019 год	7%		
Доходность акций компании за 2018 год	62,854%	16,112%	42,969%
Прогноз доходности на 2019 год	86,501%	6,446%	42,863%
Реальная доходность за 2019 год	12,860%	21,501%	64,064%

Стоит отметить, что, сравнивая реальные доходности с доходностью ОФЗ, мы все равно провели год эффективнее, чем с безрисковым вложением капитала, поэтому по данной модели можно делать прогноз, но не стоит принимать его с 100% точностью. Из всех рассмотренных компаний за 2019 г. принесла инвесторам больше всего Газпромнефть, хотя должны была по прогнозу НОВАТЭК, перформанс акций которого худший в данной выборке.

Теперь рассмотрим модель Фамы-Френча. На фоне высоких споров относительно модели доходности капитальных активов (САРМ) было создано большое количество моделей, базирующихся на ней. К ним можно отнести модель Хамады, модель Black САРМ (zero-beta САРМ), которая названа по фамилии его автора Фишера Блэка, который также является обладателем Нобелевской премии по экономике за разработку известной модели ценообразования опционов: модель Блэка-Шоулза. В 1973 году Робертом Мертном была представлена модель ICАРМ (Intertemporal capital asset pricing model), но одна из самых ключевых на данный момент модификаций модели является модель Фамы-Френча².

В 1981 г. Банзем обнаружил одно из главнейших противоречий модели САРМ, которое заключается в зависимости доходности компании и размеров компании. Инвестор подразумевает, что размещение капитала в малые компании несет больший риск, нежели чем в крупные. Таким образом, появился еще один фактор, который следует учитывать в модели ценообразования активов. Подтверждение этому представлено на Рис. 1.

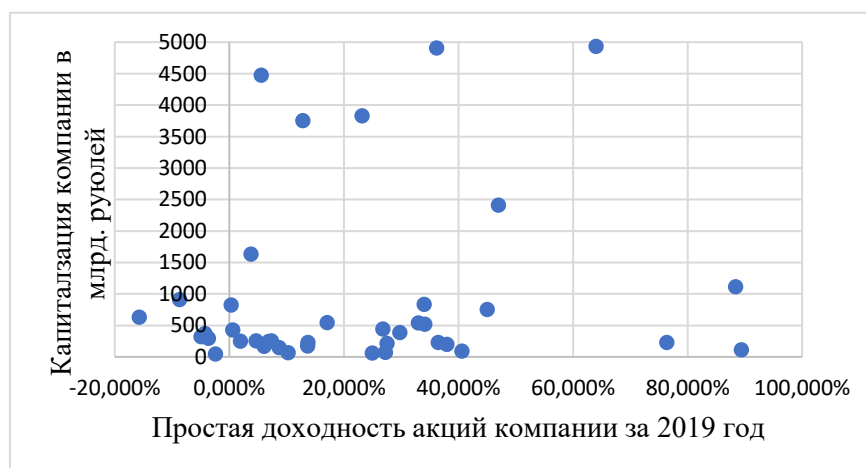
Рис. 1. Зависимость доходности акций компаний из индекса МосБиржи и их капитализации³

Fig. 1. Dependence of the profitability of shares of companies from the Moscow Exchange index and their capitalization

¹ Расчеты выполнены авторами.

² Жданов И. Модель Фама и Френча. Формула. Применение // Финансово-инвестиционный блог Жданова Василия и Жданова Ивана. [Электронный ресурс] URL: <https://finzz.ru/model-fama-i-french.html>

³ Диаграмма построена авторами.

Можно заметить, что самая высокая доходность акций наблюдается у компании с сравнительно низкой капитализацией, в то же время компания с достаточно высокой капитализацией имеет одну из самых маленьких доходностей (ее доходность превысила инфляцию всего лишь на 1%).

В 1993 г. Юджин Фама и Кеннет Френч представили предположили свою интерпретацию модели CAPM, которая называется трехфакторная модель Фамы-Френча. Основным ее преимуществом является наличие прогнозной силы, что позволило использовать ее на практике.

Новыми факторами стали: размер компании (капитализация, разность между доходностями компаний с высокой капитализацией и с маленькой) и внутренняя стоимость компании (разность между доходностями компаний с высоким мультипликатором В/Р и с низким).

Таким образом модель стала выглядеть так:

$$r = \gamma + \beta * (r_m - r_f) + s_i * SMB_t + h_i * HML_t,$$

где r – ожидаемая доходность актива;

γ – доходность актива без влияния факторов риска;

β, s_i, h_i – коэффициенты влияния величин на доходность актива;

r_m – среднерыночная доходность активов;

r_f – безрисковая ставка (чаще всего за нее в России берут ставку по облигациям федерального займа номинированных в рублях);

SMB_t – разница между доходностями компаний с высокой капитализацией и с низкой;

HML_t – разница между доходностями компаний с низкой и высокой внутренней стоимостью (показатель В/Р).

Для упрощения пользования данной моделью ее создатели создали сайт, на котором они периодически (ежедневно и еженедельно) выкладывают оцененные ими параметры данной модели, но для полноценного использования модели все равно необходимо, которые будут слишком объёмными в рамках данной работы.

Появление данной модели буквально перевернуло представление людей о ценообразовании активов. Начали появляться другие модели, учитывающие большое количество факторов. Так в 1997 г. появилась четырёхфакторная модель Марка Кархарта, которая включила в себя также фактор месячного момента, широко распространённого показателя в техническом анализе акций. Моментум показывает изменение цены актива за определённое время, в трейдинге баров или свечей.

В 2014 г. Юджином Фамой и Кеннетом Френчем была представлена пятифакторная модель, которая включила в себя еще два новых показателя: рентабельность собственного капитала эмитента акций и капитальные затраты компании.

Данная модель произвела революцию в мире инвестирования. Было доказано, что ключевую роль играет не умение управляющего оценивать рынок, а другие факторы, которые учтены в пятифакторной модели. На фоне этого стали широко распространяться фонды (Exchange-traded fund – ETF), инвестирующие в определённые типы компаний. С помощью таких фондов можно собрать наиболее оптимальный портфель для инвестора.

Сама модель выглядит следующим образом:

$$r = \gamma + \beta * (r_m - r_f) + s_i * SMB_t + h_i * HML_t + r_i * RMW_t + c_i * CMA_t,$$

где RMW_t – рентабельность собственного капитала;

CMA_t – капитальные затраты компании.

Значения показателей, которые используются в данных моделях, представлены в Таблица 2.

Также на официальном сайте Фамы и Френча расположено огромное количество статистической информации, в том числе по портфелям, которые они оценивали с помощью своих моделей.

Таблица 2 – Рассчитанные значения параметров моделей Фамы-Френча¹

Table 2 – Calculated values of the parameters of the Fama-French models

	Январь 2021	Последние 3 месяца	Последние 12 месяцев
Трёхфакторная модель Фамы-Френча			
Rm-Rf	-0,04	17,64	23,71
SMB	7,18	20,92	26,35
HML	2,85	3,82	-38,79
Пятифакторная модель Фамы-Френча			
Rm-Rf	-0,04	17,64	23,71
SMB	6,87	21,71	17,75
HML	2,85	3,82	-38,79
RMW	-3,33	-9,73	-9,3
CMA	4,68	7,25	-2,91

В заключение отметим, что на данный момент времени не представляется возможным создание идеальной математической интерпретации ценообразования на фондовом рынке, так как по большому счету фондовый рынок – это место, где люди хотят купить дешево и продать дорого. Это обычное поведение людей, которые хотят заработать денег, однако это далеко не самое рациональное решение. Рынок не эффективен, и информация распределяется на рынке не равномерно, что позволяет совершать спекулятивные сделки, которые в разы затрудняют создание математической модели с высокой точностью прогноза.

Тем не менее Юджину Фаме и Кеннету Френчу удалось создать модель, которая достаточно точна, чтобы проводить исследования рынка на предмет поиска оптимального актива. Хотя данная модель и не учитывает аномальные изменения цена на активы (особенно в периоды кризисов) и имеет не 100% прогнозную силу, она считается одной из самых точных на данный момент.

Подводя итоги, хочется сказать, что на развитие современной теории ценообразования активов на фондовом рынке в большой степени повлияло создание модели доходности капитальных активов (САРМ). Однако, данная модель на эмпирических испытаниях показала свою несостоятельность. Данная модель обладает низкой прогнозными силами.

Для решения данной проблемы в 1993 г. Юджин Фама и Кеннет Френч создали свою трехфакторную модель, которая была широко распространена в практических исследованиях. Однако, и у этой модели были свои недостатки, которые ее создатели решили путем введения двух новых факторов и создания пятифакторной модели Фамы-Френча, которая является достаточно сложной, но также имеет прогнозную силу.

В заключение, хочется отметить, что использование данной модели позволяет достаточно достоверно прогнозировать цены активов на фондовом рынке, однако не гарантирует 100% точность, поэтому ее использование все равно влечет за собой риски потери капитала. Тем не менее появление пятифакторной модели Фамы-Френча в корне изменило подходы к инвестированию на фондовых рынках. После 2014 г. появилось большое количество ETF фондов, включающих в себя акции различных компаний исходя из отдельных показателей пятифакторной модели. Произошло изменение в виде инвестирования: раньше передавали капитал в доверительное управление, сейчас же в ETF.

Список источников

1. Hamada R. The Effect of the Firm's Capital Structure on the Systematic Risk of Common Stocks // The Journal of Finance, 27(2), 1972.
2. Markowitz H. Portfolio Selection // Journal of Finance. Aldan, PA: American Finance Association, 1952. Vol. 7.
3. Sharpe W. Capital Asset Prices: A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk // The Journal of Finance, 19(3), 1964.

¹ Официальный сайт Кеннета Френча [Электронный ресурс] URL: http://mba.tuck.dartmouth.edu/pages/faculty/ken.french/data_library.html

4. Сидоренко Г. Г., Сидоренко О. Г. Динамическое программирование для решения некоторых задач предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Гражданская оборона на страже мира и безопасности: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню гражданской обороны, Москва, 01 марта 2021 года. М., 2021. С. 240–246.

References

1. Hamada R. The Effect of the Firm's Capital Structure on the Systematic Risk of Common Stocks. *The Journal of Finance*. 1972; 27(2).
2. Markowitz H. Portfolio Selection. *Journal of Finance*. Aldan, PA: American Finance Association. 1952;(7).
3. Sharpe W. Capital Asset Prices: A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk. *The Journal of Finance*. 1964;19(3).
4. Sidorenko G. G., Sidorenko O. G. Dynamic programming for solving some problems of prevention and liquidation of emergency situations. In: *Civil defense on guard of peace and security: materials of the V International scientific and practical conference dedicated to World Civil Defense Day, Moscow, 01 March 2021*. Moscow, 2021:240-246. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Г. Сидоренко – канд. техн. наук, доц. департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

О. Г. Сидоренко – канд. техн. наук, доц. кафедры общепрофессиональных дисциплин Московского высшего общевойскового командного орденов Жукова, Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменного училища Министерства обороны Российской Федерации;

Д. С. Термосесов – бакалавр экономики, лаборант департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

G. G. Sidorenko – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Economic Security and Risk Management at Financial University under the Government of the Russian Federation;

O. G. Sidorenko – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of General Professional Disciplines of the Moscow Higher Combined Arms Command Orders of Zhukov, Lenin and the October Revolution of the Red Banner School of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

D. S. Termosesov – Bachelor of Economics, Laboratory Assistant, Department of Economic Security and Risk Management, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

OVERVIEW OF KEY INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF THE ACADEMIC INDUSTRY IN CHINA

Liudmila S. Skachkova¹, Jia Yiqing²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹lsskachkova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4108-8419>

²iczya@sfedu.ru

Abstract. The efficiency of China's economic development depends on investment in human capital, in particular investment in higher education. This article presents the main trends in the development of higher education over the past 10 years. Based on a comparative analysis of world rankings and domestic university rankings, combined with the actual situation in China, the current development of the academic industry is analyzed. According to the results of the analysis, the current performance of some universities has reached the level of world-class universities, especially in the field of basic scientific research. But there is a big gap with world-class universities in cutting-edge research, internationalization and talent development. Analyzing the key indicators of the development of the academic industry in China, the author draws attention to the need to increase the international competitiveness of China's scientific research and international public recognition. To do this, it is necessary to balance the distribution of resources between regions and universities in the field of education; evaluate the weight of scientific research achievements, the impact of scientific research and the conditions for conducting scientific research, optimize the evaluation of the effectiveness of scientific research; increase investment in the development and motivation of academic staff.

Keywords: human capital, Higher education, Gross Enrolment Ratio of Higher Education, indicators of university development, university rankings, China, Chinese universities

For citation: Skachkova L. S., Jia Yiqing. Overview of key indicators of the development of the academic industry in China. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):142–151.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-142-151>

ОБЗОР КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В КИТАЕ

Людмила Сергеевна Скачкова¹, Цзя Ицин²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹lsskachkova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4108-8419>

²iczya@sfedu.ru

Аннотация. Эффективность развития экономики Китая зависит от инвестиций в человеческий капитал, в частности от инвестиций в высшее образование. В данной статье представлены основные тенденции развития за последние 10 лет. На основе сравнительного анализа мировых университетских рейтингов и рейтингов отечественных университетов в сочетании с фактической ситуацией в Китае, анализируется текущее развитие академической отрасли в китайских университетах. Согласно результатам анализа, текущие показатели некоторых университетов достигли уровня университетов мирового класса, особенно показатели в области фундаментальных научных исследований заняли лидирующие позиции в мире. Но существует большой разрыв с университетами мирового класса в сфере передовых исследований, интернационализации и подготовки талантов. Анализируя ключевые показатели развития академической отрасли в Китае, автор обращает внимание на необходимость повышения

международной конкурентоспособности научных исследований Китая и международного общественного признания. Для этого необходимо сбалансировать распределение ресурсов между регионами и вузами в сфере образования; оценить вес достижений научных исследований, влияние научных исследований и условия для проведения научных исследований, оптимизировать оценку эффективности научных исследований; увеличить инвестиции в развитие и мотивацию академических работников.

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, валовый коэффициент охвата высшим образованием, индикаторы развития университетов, рейтинг вузов, Китай, китайские университеты

Для цитирования: Скачкова Л. С., Цзя Ицин. Обзор ключевых показателей развития академической индустрии в Китае // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 142–151. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-142-151>

Current Situation of Higher Education in China

In China, higher education is divided into specialized education, undergraduate education and post-graduate education, which are mainly carried out by ordinary universities of higher education, including: regular higher education institutions, independent colleges, higher vocational institutions, and other institutions. In the past 20 years, China has issued a series of measures and policies to improve the quality of Chinese higher education [1].

Table 1¹

The Development Process of Higher Education in China

At the beginning of China	205 colleges and universities, the gross enrollment rate of higher education was only 0.26%.
1977-1980 :	In 1977, the college entrance examination was resumed.
	In 1980, bachelor, master and doctoral degrees were established, and regulations were made in terms of degree classification, academic standards for degrees at all levels, and strict examination of degree-granting units.
2000-2018:	In 2000, China launched the "New Century Higher Education Teaching Reform Project"
	In 2007, the undergraduate teaching quality and teaching reform project in colleges and universities was carried out.
	In 2015, the state promoted the overall plan for the construction of world-class universities and first-class disciplines.
	In 2018, the Ministry of Education issued the "40 Articles of Higher Education in the New Era", which established the phased goal of building high-level undergraduate education in the next five years and the overall goal to 2035.
In 2020	In 2020, a total of 14.4187 million higher education enrollments have entered the popularization stage.

According to the statistics of the Ministry of Education of China, the overall number of regular universities in China is increasing year by year. In 2020, there are 2,738 regular higher education institutions. Among them, there were 1,270 undergraduate colleges and universities, an increase of 5 over the previous year, and 1,468 higher vocational (specialist) colleges, an increase of 45 over the previous year. Since 2011, the number of students in regular universities in China has increased year by year.

¹ According to the higher education policy issued by the Chinese government, <http://www.moe.gov.cn/>

In 2020, the gross enrollment rate of higher education has reached 54.4%, and there are a total of 32.8529 million students in regular higher education universities and colleges, an increase of 8.37% over the previous year. Among them, there were 3.1396 million graduate students, an increase of 9.63%; 18.2575 million regular undergraduate students, an increase of 4.28% over the previous year; 1459.55 regular higher vocational college students, an increase of 13.96% over the previous year. Since the reform and opening up, the number of full-time teachers in regular colleges and universities in China has continued to increase. In 2020, there will be 1.833 million full-time teachers in general institutions of higher learning across the country, an increase of 5.34% over the previous year. Correspondingly, the group of university graduates entering the job market has continued to expand, reaching 8.74 million in 2020, accounting for 58% of the new labor force nationwide. A series of figures show that China's higher education has entered a period of rapid development and popularization.

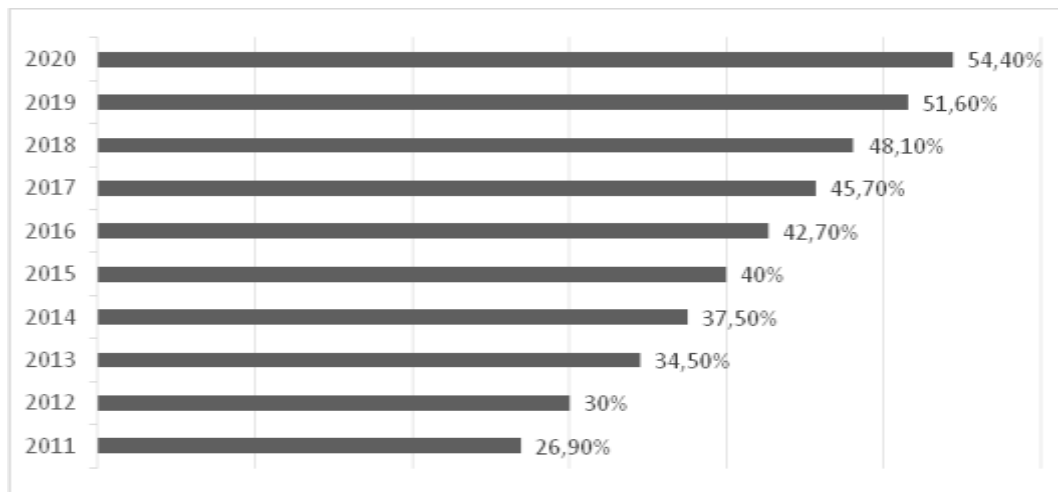

Fig 1. Gross Enrolment Ratio of Higher Education in China 2011-2020 (Higher Education the Age of 18-22)¹.

Among them, undergraduate university occupy the vast majority of China's higher education resources in terms of the number of students, the number of faculty members, and the number of full-time teachers.

Table 2²

Number of Schools, Faculty Members, and Full-Time Teachers in China's Higher Education Institutions in 2020

Type	Number of schools/institutions	Educational Personnel	Full-time Teachers
Institutions Providing Postgraduate Programs- Regular HEIs	594	/	/
Institutions Providing Postgraduate Programs-Research Institutions	233	/	/
Regular HEIs-HEIs Offering Degree Programs	1270	1923487	1276101
of Which: Independent Institutions	241	151993	117154
Regular HEIs-Higher Vocational Colleges	1468	744478	556424
Regular HEIs-Other institutions	21	743	457
Adult HEIs	265	32475	18951
Other Non-government HEIs	788	17911	8116

¹ Prepared by researchers in depending on <https://www.yearbookchina.com/navibooklist-n3022021706-1.html>

² Data according to yearbook of China Statistics Bureau 2020: Education Statistical Yearbook of China 2020, <https://www.yearbookchina.com/navibooklist-n3022021706-1.html>

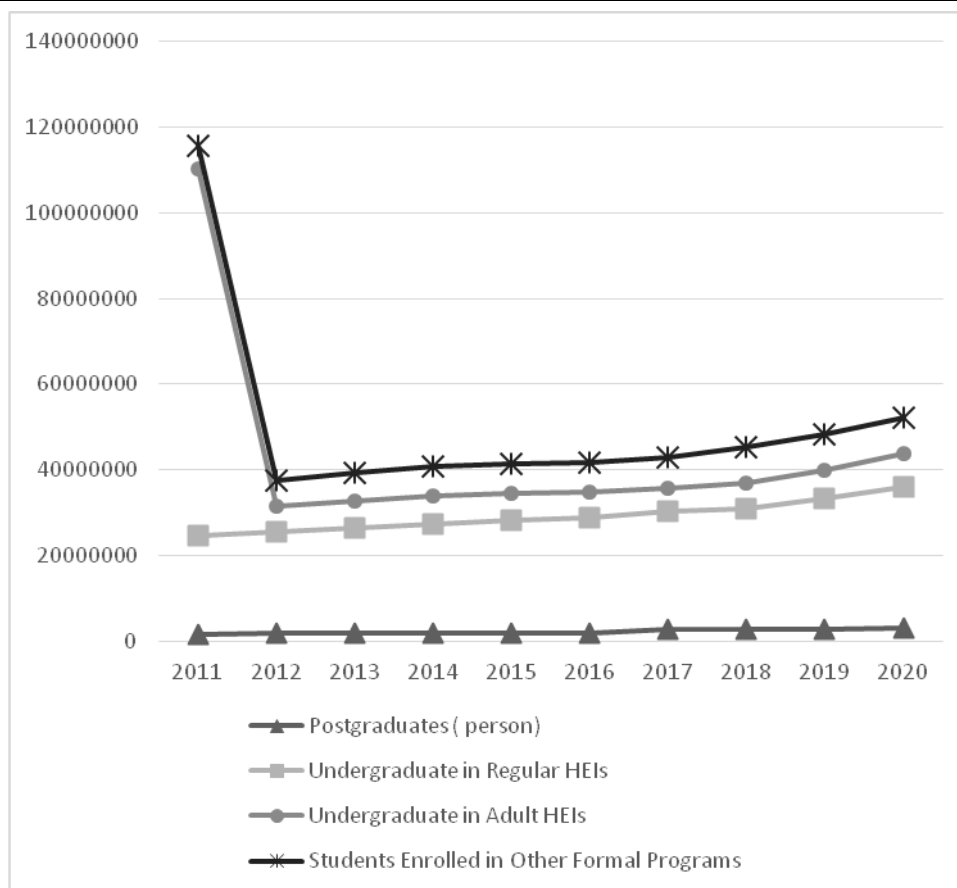

Fig 2. Statistics on the number of students in various types of higher education in China by year 2011-2020^{1,2}.

Chinese universities are mainly divided into public universities, private universities and Sino-foreign joint universities. Top technologies often require huge funding for research. Most of the institutions with strong financial support and strong scientific research capabilities in China are public universities, so public universities are the core of China's higher education [2]. Due to the differences in politics, economy, natural resources and technology, population, and culture among the eastern, central and western regions of China, as well as the national macro-political system, economic system, higher education management system and policies, economic development strategies, etc. There is a big difference in higher education resources.

Since the 1990s, China has adopted a policy of tilting toward key universities in the allocation of higher education resources and started construction projects such as "Project 211" and "Project 985". These university construction plans have accelerated the development of leading universities, but the Ministry of Education funding through the "Project 985" has serious policy deviations. As the leaders of Chinese universities, Tsinghua University and Peking University are far ahead in their financial allocations in 2021; there is a big difference in the resources of teachers in ordinary universities in the east, central and western regions, and the number of full-time teachers and the number of professors with senior professional titles are obviously unbalanced [3]. The country should introduce a fair competition mechanism, so that more outstanding universities could compete for key construction, narrow the regional gap, and help the development of education in the central and western regions.

¹ Prepared by researchers in depending on <https://www.yearbookchina.com/navibooklist-n3022021706-1.html>

² According to the requirements of the relevant documents of the Ministry of Education, the caliber of graduate students in 2017 has changed, and the current students include full-time, part-time graduate students and in-service graduate students studying for a master's degree.

Central Deployment University Budget Financial Appropriation, 2021

Name of university	Total budget revenue	Number of financial appropriations	Proportion of financial appropriations
Tsinghua University	221.34	44.62	20.16%
Peking University	317.28	44.49	14.02%
Zhejiang University	228.16	34.10	14.95%
Jilin University	98.36	33.60	34.16%
Huazhong University of Science and Technology	101.76	31.88	31.33%
Wuhan University	106.44	31.67	29.75%
Huazhong University of Science and Technology	116.33	31.37	26.97%
Xi'an Jiaotong University	114.68	31.08	27.10%
Shanghai Jiao Tong University	175.65	29.97	17.06%
Shandong University	118.08	28.70	24.31%

Unit: 100 million yuan

In addition, with the expansion of the scale of higher education and the growth of the number of graduates, the problems of quality matching of talents in Chinese universities are mainly manifested in high turnover rate, long adaptation period, insufficient basic skills, low employer satisfaction and low graduate employment satisfaction. In terms of quantity matching, the main problems are that there is an eastern bias in the regional distribution of graduates' employment, and the ratio of professional counterparts is low.

Ranking of universities

The World University Rankings objectively ranks the quality of universities in a quantitative manner by integrating relevant indicators. The current world-wide recognized world university rankings are ARWU, QS, THE, etc. With the development of rankings, more and more ranking agencies have proposed multiple ways to evaluate the performance of universities around the world [4]. Combining the rankings of different quantitative and qualitative indicators, we can:

- Helping government agencies, including the Chinese Ministry of Education, evaluate the performance of university and group research projects.
- Help businesses and public organizations allocate funds and grants more appropriately and competitively.
- Help university administrators assess the universities' strengths and weaknesses and develop a strategic plan
- Help students and other groups to analyze the complex and diverse quality of higher education and make their own choices.
- Helping businesses, employers and recruitment agencies select more suitable graduates for employment.

Many scholars have conducted research on the World University Rankings, and it is necessary to rely on the judgment of the indicator system and evaluation method to judge the rankings of universities. The index system is the foundation of the rankings concept and connotation. After studying the differences of rankings indicators, we can find that the evaluation standards of different systems are quite different, and the specific rankings, selected indicators and their weights are also different.

¹ Only the universities directly under the Ministry of Education and the Ministry of Industry and Information Technology are counted, and the data is the budget of each university in 2021.

ARWU includes four first-grade indicators of education quality (10%), teacher quality (40%), scientific research achievements (40%) and average performance of teachers (10%), as well as the number of alumni who have won Nobel Prizes and Fields Medals, the second-grade indicators such as the number of scientists with the most citations in the subject area, the number of papers published in Nature and Science, and the number of papers indexed by the Science Citation Index (SCIE) and Social Science Citation Index (SSCI). We can see that the rankings are more biased towards the research excellence, reflecting the performance of universities in academic research. At the same time, ARWU is also the earliest world university rankings in the world, which only considers the rankings of objective research results. From the 2021 ARWU World University Rankings, we can see that mainland China (mainland China, Hong Kong, and Taiwan are calculated separately in the rankings) occupies 83 places in the top 500 rankings. Overall, China is second only to the United States in the number of colleges and universities on the ARWU rankings in 2021. From the first release of the ARWU rankings in 2003 to 2021, the number of the top 500 mainland Chinese universities has increased by 72, and the highest-ranked universities have risen from more than 200 to 28th. After nearly 20 years of higher education development, Chinese universities have made breakthrough progress.

The QS indicator system does not subdivide second-grade indicators, but adopts Academic Reputation (40%), Employer Reputation (10%), Faculty/Student Ratio (20%), and Citations per faculty (20%), International Faculty Ratio (5%), and International Student Ratio (5%) are six comprehensive qualitative and quantitative evaluation indicators, which mainly evaluate universities from three aspects: scientific research, teaching, and internationalization. The QS World University Rankings attaches great importance to subjective indicators, focuses on employment, and has a relatively low weight on academic ability. A large number of subjective questionnaires will be conducted during the evaluation. Extensive questionnaire surveys have also made QS the most famous world university rankings in the world, but there are too many subjective factors in the QS rankings that are not objective and true enough. In the 2022 QS rankings, a total of 90 universities in China have entered. Among rankings, Tsinghua University and Peking University, as the highest-ranked universities in China, have entered the top 20 in the world.

The index system of THE rankings is more comprehensive. The rankings are usually published in the form of a questionnaire survey, and it pays more attention to the evaluation of the school's academic ability. In the evaluation process, five first-grade indicators of teaching, research, number of citations, international perspective, and industrial income were selected and refined into 13 second-grade indicators, as shown in Table 4.

Table 4¹**THE Rankings Indicator System in 2022**

First-grade indicators	Second-grade indicators	Weights	Subjective/Objective
Teaching	Reputation survey	15%	Subjective
	Staff-to-student ratio	4.50%	Objective
	Doctorate-to-bachelor's ratio	2.25%	Objective
	Doctorates-awarded-to-academic-staff ratio	6%	Objective
	Institutional income	2.25%	Objective
Research	Reputation survey	18%	Objective
	Research income	6%	Objective
	Research productivity	6%	Objective
Citations	Citations	30%	Objective
International outlook	Proportion of international students	2.50%	Objective
	Proportion of international staff	2.50%	Objective
	International collaboration	2.50%	Objective
Industry income	Industry income	2.50%	Objective

¹ THE Rankings Indicators according to report of Times Higher Education 2021: World University Rankings 2022: methodology, <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/world-university-rankings-2022-methodology>

THE released the latest rankings in 2021, with a total of 1,662 universities, from 99 countries and regions, which is currently the largest world university rankings. A total of 97 mainland universities in China are on the list, and Tsinghua University and Peking University are tied for 16th, creating the highest and most records in the history of mainland Chinese universities. It is worth mentioning that in the 2021-2022 rankings of THE data analysis, there are 11 institutions in mainland China that have significantly increased their citation impact scores after publishing medical papers related to Covid-19, which is the reason that the number of universities in rankings makes history.

At present, there are more than 30 different types of university rankings in China. After a comprehensive comparison and analysis of this indicator system, it is found that the indicator design of ACCSE considers the alternative indicators of teachers, students and reputation, and the indicator design considers the input and output of universities, and comprehensively interprets the functions of higher education. Therefore, author will mainly describe the composition of ACCSE indicator system. As mentioned above, Chinese higher education has the characteristics of multiple types, and the policy inclination and regional differences also cause the disadvantage of lower than uneven development. Therefore, according to the general official classification, the indicator system divides Chinese universities into three categories, namely: key universities, regular universities and private universities. Key universities and regular universities account for most of the resources of higher education, and the rankings system of private universities is not analyzed here. As can be seen from Table 5, the index system of key universities includes four first-grade indicators, 13 second-grade indicators and 50 third-grade indicators, which are comprehensively evaluated from four aspects: resources, teaching, R&D and reputation. Regular universities have less indicator systems, including 3 first-grade indicators, 12 second-grade indicators and 48 third-grade indicators. The indicators are basically the same as key universities', but the weights are different. This is because in China, the comprehensive competitiveness of regular universities is far behind that of key universities, but in terms of numbers, regular universities account for nearly two-thirds of the total number of universities in China.

Table 5¹

Index System of Chinese Key Universities of ACCSE Rankings

Primary indicators	Secondary indicators	Tertiary indicators
Educational resources	Basic facilities	Built-up area
		Built-up area per student
		Educational instruments and equipment
		Educational instruments and equipment per student
		Library collection
		Library collection per student
	Educational expenditure	Educational expenditure
		Educational expenditure per student
	Faculty	The number of members of Chinese Academy of Science or Chinese Academy of Engineering
		The number of outstanding talents (including teachers with the title of Cheung Kong Scholars, cross-century talents and Chinese Excellent Teachers)
		Supervisors of PhD candidates
		The ratio of teachers with senior title
		Student/teacher ratio
	Advantageous disciplines	The number of institutes authorized to grant Ph.D. Degree
		The number of institutes authorized to grant master's degree
		The number of national key disciplines
		The number of characteristic majors

¹ ACCSE Ranking Indicators according to article of Network of Science & Education Evaluation in China: An Overview on the Methods and Results of Chinese Universities Evaluation, <http://e.nseac.com/html/140/225285.html>

Teaching level	Quality of students	Average scores of the entrance exam
		The number of PhD graduates per year
		The number of Master graduates per year
		The number of Bachelor graduates per year
		Employ rate of graduates
	Graduates & exchange students	graduates/undergraduates' rate
		exchange students/undergraduates' rate
	Teaching achievements	The number of excellent Teaching Award granted by the ministry of education
		National Excellent Courses granted by the Ministry of Education.
		The number of teachers with the title of National Distinguished Lecturer
		National Prize for the Top 100 PHD Dissertations
The number of awards in the international and national academic race		
R&D	R&D team and base	The number of excellent innovation teams
		The number of national key labs or research centers
		The ratio of teachers in full-time R&D
	The quantity of R&D output	The number of patents
		The number of papers recorded by SCI/SSCI/A&HCI
		The number of papers recorded by EI/ISTP/ISSHP
		The number of papers recorded by CSTPC/CSSCI
		The number of monographs
	The quality of R&D output	The number of national rewards
		The number of papers published on Science and Nature
		The number of outstanding scientific research achievements
		Citations in SCI/SSCI/A&HCI
		Citations in CSTPC/CSSCI
	R&D programs and expenditure	The number of research programs financed by NSFC(Natural Science Foundation of China)
		The number of research programs financed by NSSF(National Social Science Fund)
		The total number of research programs
		R&D expenditure in this year
	R&D efficiency	The rate of output per capital
		The rate of output per ¥ 10000
	Reputation	Reputation
web influence		

Comparison of Four University Rankings Taking the Top 20 Chinese Mainland Universities in QS as An Example

Name of university	QS	THE	ARWU	RCCSE
Tsinghua University	17	16	28	1
Peking University	18	16	45	1
Fudan University	31	60	77	5
Zhejiang University	45	75	52	3
Shanghai Jiao Tong University	50	84	59	4
University of Science and Technology of China	98	88	63	14
Nanjing University	131	105	101	11
Tongji University	211	301	151	17
Wuhan University	225	157	151	6
Harbin Institute of Technology	236	501	151	10
Sun Yat-sen University	260	251	89	9
Beijing Normal University	270	251	201	23
Southern University of Science & Technology	275	162	301	-
Xi'an Jiaotong University	290	401	101	13
Huazhong University of Science and Technology	334	181	101	8
Tianjin University	334	401	151	22
Nankai University	358	301	201	27
Beijing Institute of Technology	373	601	151	24
Beihang University	383	501	201	21
Shandong University	403	-	151	16

Comparing the international and domestic index systems, we can see that the university rankings of any institutions follow their own ideas, standards, and methods, and have their own unique insights. ARWU attaches great importance to research excellence, and the six major standards are objective standards; QS attaches great importance to subjective indicators and the examination of graduates' employability; THE introduces social service indicators and uses industrial income to express the transformation of higher education achievements; RCCSE takes into account the strength of teachers, alternative indicators of student status and reputation, the index design takes into account the input and output of universities, and comprehensively interprets the functions of higher education. From the table, we can see that some of the current indicators of some universities have reached the level of world-class universities, especially the basic scientific research indicators have ranked among the top in the world. Chinese universities are currently ranked at the bottom of ARWU, indicating that there is still a lot of room for improvement in research excellence. It is necessary to comprehensively consider increasing the evaluation weight of scientific research achievements, scientific research influence and scientific research environment in scientific research and optimize scientific research performance assessment; in QS and THE rankings, only Peking University and Tsinghua University are at the top of the rankings, and many universities are out of the top 200. There is still a big gap with the first-class level.

Conclusion

In terms of education, it is necessary to balance the allocation of resources between higher education regions and colleges in education; strengthen the construction and training of teachers through incentives and other methods, lay a solid foundation for talent training, and focus on the transformation of higher education achievements; cultivate students' employability and improve graduates.

¹ Data based on 2022 QS World University Rankings, 2022 THE World University Rankings, 2021 ARWU World University Rankings and 2022 ACCSE China University Rankings, the table does not include statistics on universities in Macau, Hong Kong and Taiwan.

The professional matching rate of employment solves the problem of quality matching of talents in Chinese universities. In addition, due to the differences in the rankings index systems of various institutions, colleges and universities should understand the connotation of the index system when using the rankings, analyze the fundamental reasons for the changes in the rankings of colleges and universities, and take corresponding measures.

References

1. Bi Hexia. *Comparative Research on the Index System of Four Well-known Ranking Lists of Chinese Universities*. Evaluation and Management, 17.03(2019):20-25.
2. Hu Hua. *Research on the Construction Path of my country's World-Class Universities from the Perspective of World University Rankings*. 2020. Zhengzhou University, MA thesis.
3. Bie Dunrong. *University Rankings and China's Construction of World-Class Universities*. Evaluation and Management. 13.03(2015):1-10, 14.
4. Gao Fei. *Global University Rankings: Main Types and Development Trends*. Higher Education Exploration. 09(2015):27-31.

Информация об авторах

Л. С. Скачкова – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой управления человеческими ресурсами экономического факультета ЮФУ;
Цзя Ицин – аспирант ЮФУ.

Information about the authors

L. S. Skachkova – Candidate of Sciences in Economics, Head of the Department of Human Resource Management of economic faculty of Southern Federal University;
Jia Yiqing – Phd student, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2022; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 08.05.2022; approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-152-157

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Юрий Рафаэлович Туманян¹, Максим Алексеевич Индустриев²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹123akela@mail.ru

²industriev@sfedu.ru

Аннотация. В исследованиях современного экономического развития актуальными становятся методологические аспекты анализа влияния неэкономических изменений на экономические отношения с целью выявления нового качества факторов экономического роста и развития, а также использование междисциплинарного подхода при решении социально-экономических проблем. В этой связи важным становится изучение места и роли неэкономических изменений в развитии общественного производства, их структуры в социально-экономической системе общества. Поскольку экономические отношения носят всеобщий характер, охватывая все сферы общественного воспроизводства, то и неэкономические изменения взаимодействуют, влияют и обогащают эти отношения, поднимая их на новый качественный уровень. Процесс современного экономического развития в новых технико-технологических, инфраструктурных, цифровых, социальных, управленческих и других условиях, требует адаптации факторов производства к меняющимся реалиям.

Ключевые слова: воспроизводство, методология, экономические отношения, междисциплинарность, потребности, экономические интересы, факторы производства, неэкономические изменения

Для цитирования: Туманян Ю. Р., Индустриев М. А. Экономические отношения в условиях неэкономических изменений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 152–157. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-152-157>

Problems of Economics

Original article

ECONOMIC RELATIONS IN THE FACE OF NON-ECONOMIC CHANGES

Yurii R. Tumanyan¹, Maksim A. Industriev²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹123akela@mail.ru

²industriev@sfedu.ru

Abstract. In studies of modern economic development, methodological aspects of the analysis of the impact of non-economic changes on economic relations become relevant in order to identify the new quality of factors of economic growth and development, as well as the use of an interdisciplinary approach in solving socio-economic problems. In this regard, it becomes important to study the place and role of non-economic changes in the development of social production, their structure in the socio-economic system of society. Since economic relations are universal, covering all spheres of social reproduction, non-economic changes interact, influence and enrich these relations, raising them to a new qualitative level. The process of modern economic development in new technological, infrastructural, digital, social, managerial and other conditions requires the adaptation of production factors to changing realities.

Keywords: reproduction, methodology, economic relations, interdisciplinary, needs, economic interests, factors of production, non-economic changes

For citation: Tumanyan Yu. R., Industriev M. A. Economic relations in the face of non-economic changes. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):152–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-152-157>

Общественные науки ранее изучали изменения, происходящие в обществе, с точки зрения революционных преобразований, прежде всего, в способе производства. Они касались отношений собственности, взаимоотношений субъектов экономики по поводу производства и присвоения материальных благ в механизме реализации экономических интересов, изменений приоритетности факторов экономического роста и развития. Взаимодействие субъектов экономики (домохозяйств, фирм и государства) выражает основное содержание социально-экономической системы общества. Оно осуществляется на всех уровнях и в любой сфере экономики.

Как известно, экономические отношения носят всеобщий характер, то есть складываются по поводу производства, распределения, обмена и потребления между субъектами, участвующими в общественном производстве. Но внешне сущность этих отношений может быть неявной, поскольку в экономические отношения вступают субъекты, действующие исходя из своих индивидуальных экономических интересов [1].

В настоящее время методология анализа экономических отношений охватывает не только сферу экономики, но и иные (неэкономические), тесно связанные с ней области. При таком методологическом подходе важным становится исследование некоторого долгосрочного отклонения какого-то физически наблюдаемого явления, сущности, показателя от известного нам до этого правила. Здесь мы можем пойти двумя путями:

- сохраняя норму (правило), но при этом понимаем, что долго такое отклонение сохраняться не может;
- предполагаем, что неверно само правило и стараемся его изменить, но при этом не забываем, что экономические законы носят всеобщий и объективный характер.

Наблюдая за этими изменениями, одни экономисты заявляют, что они не могут сохраняться долго, ибо нарушают закономерности функционирования экономики [2, 3], другие задумываются о необходимости «отредактировать» данные закономерности, поскольку они плохо описывают наблюдаемую действительность [4, 5]. Однако, какую бы сторону мы не приняли, следует учесть, что общественные науки сегодня находятся на том же уровне познания о мире, на котором физика находилась в первобытные времена (всемирное тяготение существовало задолго до его открытия Ньютоном). Таким образом, изменения в экономике и обществе приводят к постоянному выявлению учеными тенденций и закономерностей общественного развития на практике.

Неэкономические изменения (техничко-технологические, институциональные, социальные, цифровые и др.) постепенно разрушают традиционные производственные и бизнес-модели, формируя на их месте иные формы с качественно новыми характеристиками. Поэтому у структур и субъектов современной экономики возникает необходимость в постоянных попытках стать частью этого процесса, в противном случае можно остаться неконкурентоспособными и перейти в положение аутсайдеров. Ключевой составляющей данного процесса остается человеческий прогресс как главное условие развития социально-экономических отношений. А это всегда сопряжено с многофакторной проблемой: на развитие человеческого потенциала оказывают равнозначное влияние образование, соответствующая квалификация труда, медицина, экология, социальная защищенность, безопасность жизнедеятельности и другие неэкономические условия. Поэтому экономические отношения, являясь первичными по отношению к неэкономическим изменениям, тем не менее внешне всегда проявляются через них.

Каждый экономический субъект сталкивается со сложившейся системой этих отношений и с уровнем развития общества, строит свою деятельность в соответствии с ними и тем местом и ролью, которые ему отведены под влиянием его объективных условий социально-экономического развития.

Поскольку развитие экономических отношений вызывается значительно возросшими или вновь возникшими потребностями общества, поэтому эти потребности уже не могут быть

удовлетворены только на основе традиционных поколений техники и технологий, инфраструктуры, институтов, социальных отношений. Следовательно, экономическая результативность общественного производства отражает объективную потребность во взаимодействии с потенциалом инфраструктурных изменений и перераспределением капитала в новые отрасли.

Так, например, в период экономического роста основные достижения в общественном развитии уже реализованы, а новые еще не сформулированы из-за временного лага между инвестициями и их результатами в научной сфере. Длительный процесс накопления знаний объясняется отсутствием условий их реализации, включающими в себя не только возможности технологического и экономического освоения, но и актуальные институциональные и социальные факторы.

Мы полагаем, что новый методологический подход к анализу процесса модернизации общества на современном этапе воспроизводства, вызванным неэкономическими изменениями, диктует необходимость в построении соответствующей модели управления данным процессом на основе междисциплинарности. Только пересечение исследований в области естественных и социальных наук, философии, инженерии и других областей знаний могут обеспечить принятие адекватных эффективных управленческих решений при проведении экономических и социальных преобразований.

С точки зрения диалектического подхода одна из фундаментальных проблем влияния неэкономических и инфраструктурных изменений на экономику и экономические отношения имеет двойственный характер: с одной стороны она заключается в минимизации и тиражировании неэффективной деятельности, с другой, – в возрастании напряженности человеческого труда, его непривлекательности, убывающей производительности других факторов производства. Последние приводят со временем к стимулированию перехода к креативным экономическим отношениям. Здесь, на первый взгляд, может возникнуть своеобразный «перекосяк возможностей», заключающийся в расширении возможностей только для определенных субъектов экономики, например, таких как высококвалифицированные работники, эффективные собственники и т.д. Поэтому данный процесс стимулирует экономические структуры, субъектов экономики, работников с низким и средним уровнем квалификации к овладению новациями, поскольку ее результатами, например, цифровизацией, пользуются большинство участников социально-экономических отношений, не создающих инновационные продукты. Этот эффект известен экономистам как эффект «зайца» или безбилетника [6].

Технологические и социальные изменения и соответствующие достижения в различных областях и сферах общественного воспроизводства рано или поздно становятся всеобщими и доступными в разных сферах и областях – в экономике, здравоохранении, безопасности и управлении. В результате возникает проблема сочетания и конвергенции подходов к неэкономическим изменениям, влияющих в дальнейшем на экономические структуры. Другими словами, в этом процессе необходимо обозначить ключевые направления; например, как максимизировать выгоды и минимизировать риски для науки и общества, в частности, путем включения человека в сложные социально-технические и институциональные системы, пронизывающие каждый аспект человеческой жизнедеятельности.

Неэкономические изменения приводят к следующим экономическим эффектам: как к прямому росту прибавочного продукта и, соответственно, доходов в секторах, производящих непосредственно новые технологии и инновации, так и к косвенному его росту за счет увеличения производительности в секторах, использующих эти достижения, в том числе в социальной сфере. Так, современное производство в основном использует аддитивные технологии, то есть технологии наращивания и синтеза объектов. Производство товара посредством технологии «3D принтера» осуществляется примерно с теми же издержками, как и традиционное массовое производство. Но применение подобных технологий предоставляет малому и среднему бизнесу шанс выхода через данную платформу на глобальные рынки.

В итоге в долгосрочной перспективе это может привести к повышению занятости и увеличению доходов в рамках существующей инфраструктуры, а также созданию совершенно новой экономической деятельности.

Оценивая экономические последствия, связанные с неэкономическими изменениями, важно отметить, что на практике сложно предсказать какие достижения будут в конечном

счете коммерчески успешными. Здесь уже на сцену выходят законы рынка, которые не гарантируют желаемого результата. Как писал Д. Рикардо, «уровень прибыли никогда не возрастает вследствие лучшего распределения труда, механических изобретений, устройства дорог и каналов, или вследствие каких бы то ни было способов сокращения труда как в производстве, так и в перевозке товаров. Причины эти действуют на цены и всегда приносят громадные выгоды потребителям, потому что дают им возможность при помощи прежнего труда, или в обмен за ценность продуктов прежнего труда, получать гораздо больше товара, в производстве которого сделано улучшение; но на прибыль они никакого влияния не имеют» [7].

В практической экономической деятельности в условиях неэкономических изменений возникают проблемы, препятствующие эффективному развитию отношений между субъектами экономики, такие как: 1) неравномерное рассредоточение финансовых ресурсов; 2) ограниченный доступ к производственным ресурсам; 3) различное вознаграждение за труд.

Другими словами, под воздействием неэкономических изменений происходит нарушение относительного экономического равновесия на факторных рынках по следующим причинам:

во-первых, владение ресурсами, которые имеют различную ценность в производственном процессе, приводящее к экономическому и социальному неравенству: в современной экономике ресурсы могут быть либо финансовыми (богатством), либо социальными (статусом);

во-вторых, неравномерный доступ к социальным ресурсам, таким, как образование, здравоохранение, спорт, туризм, гастрономия и др., что стимулирует людей к социальной мобильности и использованию своих креативных возможностей;

в-третьих, неоднородность трудовых навыков и различная их ценность для производственного процесса. Поэтому труд, предоставляемый различными работниками, должен быть вознагражден надлежащим образом с тем, чтобы работники могли эффективно и мотивационно выполнять свои трудовые функции.

Здесь основное внимание необходимо уделять потенциальным, чистым экономическим эффектам модернизирующегося общества, а не конкретным механизмам, которые приводят к экономическим результатам. Хотя модернизация, скорее всего, повлияет как на производительность труда, так и на факторы роста во многих секторах экономики. Так, современный рынок труда из-за своей гибкости и эластичности адаптирован к внедрению новых технологий, создает рабочие места в новых областях экономической деятельности. Если рынок труда продолжит демонстрировать свою исторически институциональную устойчивость, тогда возможно продвижение и новейших технологий, в том числе, цифровых, без сокращения общей занятости в долгосрочной перспективе.

Если обратиться к отечественной практике последних десятилетий, можно отметить, что в стране произошла, прежде всего, потребительская модернизация или, по существу, – потребительская революция: зажатый дефицитом потребитель превратился в субъект экономического выбора и сложного поведения на различных рынках. И как показала практика, эта потребительская модернизация в итоге победила: ее пионерами стали супермаркеты, компьютеры и мобильные телефоны; туда, куда они приходили, мир очень сильно менялся.

В условиях неэкономических изменений постепенно изменяется отношение к экономической конкуренции. Она становится динамичной и выполняет свое первоначальное предназначение – быть двигателем экономического прогресса.

Современная конкуренция выступает фактором эффективных экономических отношений практически во всех структурах, сферах и уровнях экономики. Это приводит, с одной стороны, к трансформации рыночных структур, прежде всего, за счет влияния на виды и формы конкурентных рынков. Так, например, рынки высокотехнологичных товаров, которые ранее функционировали в условиях олигополии, становятся рынками несовершенной конкуренции, они могут и разрушают монопольные структуры. Другими словами, происходит переход от олигополии не к монополии, а к монополистической конкуренции, то есть уход от классических олигополистических рынков.

На микроэкономическом уровне такой переход проявляется в деятельности экономических субъектов, реализующих новую комбинацию факторов производства с учетом неэкономических изменений: если ранее доминировали природные и материальные ресурсы, то в настоящее время приоритет за нематериальными ресурсами – социальными и духовными, –

которые управляют поведением экономических субъектов, помогают им осуществлять рациональный выбор и принимать оптимальные экономические решения [8].

Однако неэкономические факторы создают и глобальные проблемы в той или иной стране. Так, С. Хантингтон назвал Россию, Турцию и Мексику «разорванными» странами. По его мнению, внутри каждой из этих стран возник некий разрыв. Например, Турция «мучается» тем, что она светская, индустриальная, сервисная и в то же время исламская, фундаменталистская, аграрная [9].

В России доля государственного сектора выше, чем рыночная. Это приводит к возникновению проблем, которые снижают эффективность общественного воспроизводства. Например, проблема создания искусственного интеллекта: если восторжествуют идеи сторонников государственного подхода, то их успех может привести к монополии государства в этой области, что предполагает отсутствие возможности эффективного воздействия. Это, в свою очередь, ущемляет интересы миллионов граждан, глобально конкурентоспособных, находящихся в частном секторе экономики и стремящихся к расширению цифровых сервисов: по данным официальной статистики за четвертый квартал 2021 года 41% россиян доверяло Правительству Российской Федерации, а 59% – частным сервисным платформам¹.

В результате, существующие «разрывы» между социальными и экономическими сферами общественного производства порождают противоречия в определении путей экономического развития общества.

Таким образом, современные неэкономические изменения и связанные с ними новации – это не только развитие технологий и институтов. В значительной степени это смена ценностей и особенно поведенческих установок субъектов экономики, что приводит к новым качественным характеристикам экономических отношений.

Список источников

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. (Перевод с англ. предисл. В.С. Афанасьева). М.: Эксмо, 2009. 960 с. (Антология экономической мысли).
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Хейне П. Экономический образ жизни. – Пер. с англ. Издание второе. М.: Изд-во «Дело», 1992 704 с.
4. Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. (Предисл. Гр. Г. Сапова: пер. с франц. Ю.А. Школенко). М.: Эксмо, 2007. 1200 с. (Антология экономической мысли).
5. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-его испр. англ. изд. А.В. Куряева. М.: ОАО НПО «Экономика», 2000. 878 с.
6. Мэнкью Н. Грегори. Принципы экономикс. Пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1999. 780 с.
7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Серия: Антология экономической мысли. М.: Эксмо, 2007.
8. Туманян Ю. Р. Домохозяйства: политэкономический анализ в рамках междисциплинарного подхода // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №4. С. 149–153.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

References

1. Smith A. *Research on the nature and causes of peoples' wealth*. (Translation from English. Preface. V.S. Afanasyeva). Moscow: Eksmo; 2009. 960 p. (Anthology of Economic Thought). (In Russ.)
2. Castels M. *Information age: economy, society and culture*: Translation from English to scientific. Ed. O. I. Shkaratan. Moscow: HSE GU; 2000. 608 p. (In Russ.)
3. Heine P. *Economic lifestyle*. Moscow: Publishing House "Business". 1992. 704 p. (In Russ.)
4. Bastia F. *Economic harmonies. Favorites*. (Prefaced. Year of birth. G. Sapova: ed. from the French. Yu. A. Shkolenko). Moscow: Eksmo; 2007. 1200 p. (Anthology of economic thought). (In Russ.)

¹ Россия в цифрах в 2021 году / <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>

5. Mises Ludwig von. *Human Activity: Treatise on Economic Theory*. Transl. by A.V. Kuryaeva. Moscow: OJSC NPO "Economy"; 2000. 878 p. (In Russ.)
6. Mankew N. Gregory. *Principles of Economics*. Translation from the English. St. Petersburg: Peter Kom; 1999. 780 p. (In Russ.)
7. Ricardo D. *The beginning of political economy and tax taxation*. Series: Anthology of Economic Thought. M.: Eksmo; 2007. (In Russ.)
8. Tumanyan Yu. R. Households: political economic analysis in the framework of an interdisciplinary approach. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(4):149–153. (In Russ.)
9. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Translation from English T. Velimeev, Yu. Novikova. Moscow: Publishing House AST LLC; 2003. 603, [5] p. (Philosophy) (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. Р. Туманян – докт. экон. наук, проф. кафедры политической экономики и экономической политики ЮФУ.

М. А. Индустриев – стажер-исследователь кафедры политической экономики и экономической политики ЮФУ.

Information about the authors

Yu. R. Tumanyan – Doctor of Economics, Professor of Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University;

M. A. Industriev – trainee researcher at the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication 28.04.2022.

Научная статья

УДК339.9

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-158-168

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Татьяна Георгиевна Философова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
tfilosofova@hse.ru

Аннотация. Перспективы трансформации архитектуры мирового хозяйства сегодня находятся в центре внимания правительственных и международных организаций, научного сообщества. В статье показано, что вектор такой трансформации во многом задают изменения, происходящие в функционировании глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), определяющих развитие международной торговли и конкуренцию глобальных игроков. Карантинные меры и закрытие стран в период пандемии COVID-19 серьезно нарушило работу ГЦСС, пандемия остро поставила перед странами вопрос об эффективности ГЦСС, о поиске внутристрановых резервов и возможностей и, в конечном итоге, о формировании новой архитектуры мирового хозяйства. Одновременно доказывается, что уже до пандемии глобализация не являлась всеобъемлющим явлением: наблюдалось сокращение уровня фрагментации производства и активизация процессов регионализации. Автор констатирует, что стремление участников ГЦСС к равновесному состоянию на фоне современной политической ситуации создает предпосылки для реформирования ГЦСС и трансформации всей архитектуры мирового хозяйства.

Ключевые слова: архитектура мирового хозяйства, международная торговля, глобальные цепочки создания стоимости, пандемия COVID-19, новые технологии

Для цитирования: Философова Т. Г. Трансформация архитектуры мирового хозяйства: глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии COVID-19 // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 158–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-158-168>

Problems of Economics

Original article

TRANSFORMATION OF WORLD ECONOMY ARCHITECTURE: GLOBAL VALUE CHAINS IN THE PERIOD OF COVID-19 PANDEMIA

Tatyana G. Filosofova

National Research University "Higher School of Economics," Moscow, Russia, tfilosofova@hse.ru

Abstract. The prospects of world economy architecture transformation are in the center of attention of national and international organizations and research community today. The article shows that the vector of such transformation is given by changes in functioning of global value chains (GVC) that determine the development of world trade and competition of global actors. The quarantine and countries' isolation in the period of COVID-19 pandemia destroyed seriously GVC, pandemia put sharply the question before countries about the effectiveness of GVC, the search for national reserves and opportunities and, finally, about new world economy architecture creation. At the same time there is argued in the article that even before pandemia globalization was not total: there were viewed the decrease in level of production fragmentation and activization of regionalization processes. The author underlined that the intention of GVC actors to keep equilibrium under modern political situation creates the prerequisites for reformatting of GVC and transformation of the whole world economy architecture.

Keywords: world economy architecture, world trade, global value chains, COVID 19 pandemia, new technologies

For citation: Filosofova T. G. Transformation of world economy architecture: global value chains in the period of COVID-19 pandemia. *State and municipal management. Scientific notes.* 2022;(2):158–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-158-168>

Введение

В современных дискуссиях по будущему развитию на фоне неопределенности сценариев пандемии COVID-19 и ее последствий вопрос о перспективах функционирования мирового хозяйства, международной торговле, взаимосвязи производств и глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) не сходит с повестки дня. Сохраняющийся интерес к теме трансформации архитектуры мирового хозяйства вполне закономерен. С развитием научно-технического прогресса, внедрением в хозяйственную жизнь результатов новейших научных исследований и технологических разработок (особенно в области искусственного интеллекта, Интернета вещей, блокчейна, обработки больших баз данных, квантовых вычислительных систем, облачных технологий и др.) дающий простор для расширения фрагментации труда, ГЦСС стали значимой частью общемировой хозяйственной системы. Видимым результатом развития ГЦСС является увеличение объемов торговли «промежуточными» товарами, составляющее по разным оценкам до пандемии более 10 трлн. долл¹.

Заккрытие стран в период пандемии COVID-19 нарушило действующую архитектуру мирового хозяйства, отраслевые и страновые производственные системы. Значимо повлияв на связи ГЦСС это усилило серьезные общественные потрясения от последствий пандемии COVID-19². И хотя мировая экономика к концу 2021 г. понемногу начала восстанавливаться, сохраняющаяся напряженность обуславливает высокую актуальность весьма дискуссионных вопросов о факторах и границах их влияния на дальнейшие перспективы ГЦСС – важного компонента архитектуры мирового хозяйства.

1. Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) накануне пандемии: сущность, основные типы, эволюция международной фрагментации производства

Сущность ГЦСС. Фрагментация труда (в российской практике часто «разделение труда») как форма международных экономических отношений известна достаточно давно. Считается, что впервые ее описал А.Смит, обосновав основные преимущества специализированной трудовой деятельности. Такая организация производства продукта позволяет сосредоточиться на источниках конкурентных преимуществ конкретных видов хозяйственной деятельности, обеспечивая дополнительное снижение производственных затрат, повышение производительности труда и потребительской ценности товара.

Начало формирования архитектуры мирового хозяйства, важным компонентом которой являются глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС), положили транснациональные компании (ТНК). ТНК стремясь снизить свои издержки они стали выводить производство в страны с дешевыми ресурсами, дешевой рабочей силой³. Не последнюю стимулирующую роль в этом процессе сыграли изменения в развитых странах в последней трети 20 века, прежде всего повышение цен на энергоносители, а также рост внимания общественности к социальным и экологическим проблемам. Для бизнеса, выводящего ресурсоемкие и «грязные» производства за пределы своей страны, привлекательными стали развивающиеся страны, прежде всего страны Азии с высокой плотностью населения, дешевыми ресурсами и практически бездействующими на то время нормами в области защиты окружающей среды и регламентации

¹ Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. McKinsey Global Institute. August 2020. 99 p. - URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains>

² Global Value Chain Development. Report 2021. Beyond Production. November, 2021 - URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/00_gvc_dev_report_2021_e.pdf

³ Javorsek, M. and Camacho, I. Trade in Value Added: Concepts, Estimation and Analysis. ARTNeT Working Paper Series No. 150, 2015, Bangkok, ESCAP. - URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/AWP150Trade%20in%20Value%20Added.pdf>

производств. Возрастающие трансграничные потоки товаров, капиталов, знаний сформировали глобальный характер цепочек создания стоимости [1].

Современные глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) – это механизм объединения добавленной стоимости, созданной на отдельных стадиях единого процесса производства конечных товаров и услуг, осуществляемых хозяйствующими субъектами разных стран. Производственные связи в ГЦСС базируются на устойчивом доступе всех участников цепочки к ресурсам (сырью и материалам, полуфабрикатам, комплектующим, деталям, промышленным услугами и другим «промежуточным продуктам»), что в итоге позволяет лучше удовлетворять потребности на всех стадиях производственного процесса, повышает их результативность и конкурентоспособность «конечного продукта». Изменения, происходящие в функционировании ГЦСС, определяющих развитие международной торговли и конкуренцию глобальных игроков приводят к трансформации архитектуры мирового хозяйства.

К структурообразующим факторам развития ГЦСС можно отнести (а) научно-технический прогресс с его новыми производственными технологиями, быстродействующими средствами коммуникации и средствами международных перевозок и (б) наличие ресурсов (прежде всего трудовых) в локации, где предполагается организовывать «звено» ГЦСС – специализированное производство.

Анализ показывает, что в основе эффективности формирования и развития производственных связей ГЦСС лежат природные, социально-экономические, технико-экономические, политические факторы, в т.ч. исторически сложившиеся отношения и господствующая идеология, а также нормативно-правовая среда и уровень либерализации торговли и инвестиций между странами-партнерами и др. В условиях сохраняющейся страновой дифференциация заработной платы закрепились архитектура мирового хозяйства, согласно которой производственная деятельность с низкой добавленной стоимостью и чувствительной к заработной плате осуществляется в странах с ограниченным научным и производственным потенциалом. Одновременно деятельность, требующая высокой квалификации и основанная на уникальных ресурсах и знаниях (исследования и разработка, дизайн, маркетинг, брендинг, IT-услуги и др.) в основном осуществляются в развитых странах, формируя там высокий доход.

Однако мир не стоит на месте и появляются новые факторы, приводящие к трансформациям и усложнению производственных взаимодействий в ГЦСС. ГЦСС все больше отличаются от производственных сетей ранних волн трансграничного производства. Новым вектором является передача части работ третьим сторонам на условиях международного аутсорсинга, а также дистанционное оказание деловых услуг, их передача в развивающиеся страны, имеющие для этого соответствующие ресурсы (например, IT-услуги в Индию)¹. Используются и другие технологий современного международного бизнеса. Одновременно, ТНК консолидировали свои международные операции в отраслевых сегментах, стали более влиятельными, контролируя и координируя свои международные производственные сети, состоящие из множества фирм. Согласно одной из оценок ГЦСС, «управляющие» ТНК, обеспечивают 80% мировой торговли каждый год².

Эволюция международной фрагментации и особенности регионального развития ГЦСС. Анализ различных источников³ показал, что доля ГЦСС в условиях становления глобальной экономики динамично увеличивалась: наблюдался неуклонный рост ГЦСС вплоть до финансово-экономического кризиса, накануне которого доля ГЦСС превысила 50% мировой торговли. После кризиса показатели развития ГЦСС несколько снизились, однако их доля в мировой торговле не опустилась ниже 45%.

¹ IT-outsourcers face global uncertainty, Special Report. Financial Times Dec 2019 – URL:

<https://www.ft.com/content/65606902-103c-11ea-a7e6-62bf4f9e548a>; As India became the main IT outsourcer and why now there came the failure - URL: <https://tadviser.com/index.php>

² Seric A., Tong Y.S. What are global value chains and why do they matter? – URL: <https://iap.unido.org/articles/what-are-global-value-chains-and-why-do-they-matter>

³ World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. URL:

<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32437/211457ovRU.pdf>; Understanding the Weakness in Global Trade: what Is the New Normal? European Central Bank, Occasional Paper Series, September, 2016, no. 178, 45 p. - URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecbop178.en.pdf>

Исследование особенностей архитектуры мирового хозяйства и эволюции международной фрагментации труда, показало, что до пандемии формирование ГЦСС происходило не равномерно как в мировом так и региональном разрезе.

Серьезное ускорение фрагментации произошло в середине 1990-х гг. под влиянием развития новых оптоволоконных технологий, прежде всего Интернета [2]. Среди значимых международных факторов динамичного развития ГЦСС на тот момент можно назвать завершение Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров, создание Всемирной Торговой организации (ВТО), вступление в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Еще одно видимое ускорение формирования ГЦСС произошло после 2001 г., что коррелируется с вступлением Китая в ВТО¹.

После финансового кризиса 2007–2008 гг., темпы фрагментации производства не увеличивались, а потом даже незначительно сократились, однако, общий тренд развития ГЦСС до пандемии оставался положительным. По данным², опубликованным 17 ноября 2021 г., к 2018 г. наблюдалось незначительное увеличение доли «зарубежной» добавочной стоимости (ЗДС) в удовлетворении внешнего конечного спроса с момента ее сокращения в 2016 г. (рис. 1), тем не менее показатель остался ниже, чем в последний пик роста 2011–2012 гг. после кризиса 2007–2008 х гг. при сохранении общего возрастающего тренда с 1995 г. Общий тренд увеличения доли ЗДС сохраняется в основном за счет участия в ГЦСС стран АСЕАН и ЕС.

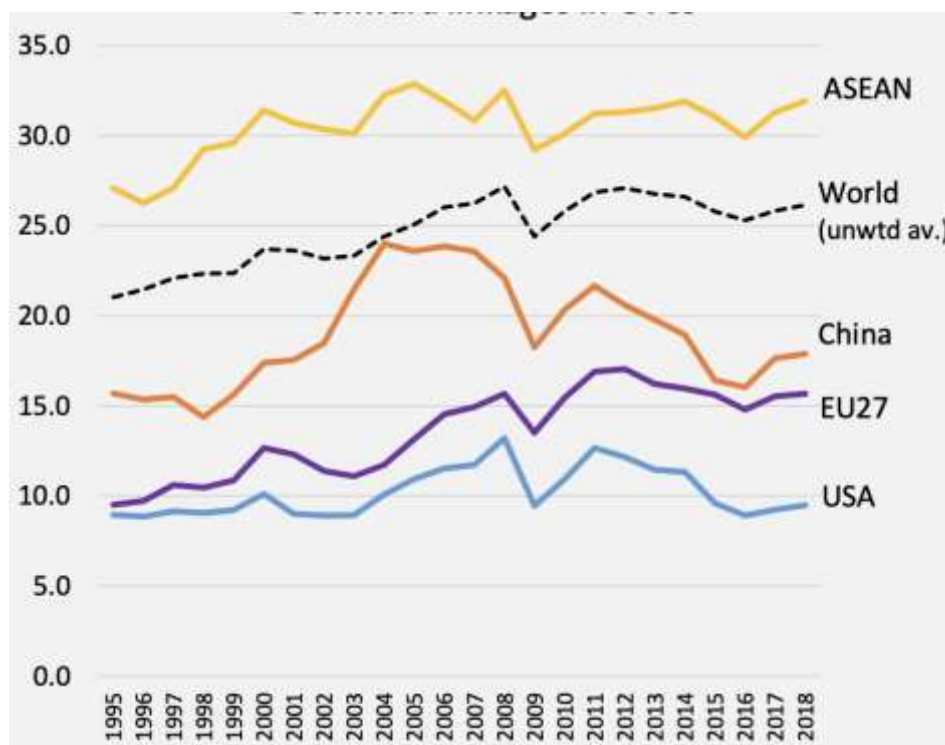

Рис. 1. Доля добавочной стоимости в экспорте, 1995–2018 гг.

Fig. 1. Share of added value in exports, 1995–2018

Источник: ОЭСР, 2021³

¹ Вступление в ВТО и путь Китая к лидерству в сфере торговли мирового уровня. Новости в Китае. 19.06.2021 - URL: <https://prc.today/20-let-v-vto-kak-kitaj-izmenil-mirovuyu-torgovlyu/>

² Measuring interconnected economies: Launch of the 2021 OECD Inter-Country Input-Output (ICIO) and Trade in Value-Added (TiVA). Databases - URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/measuring-interconnected-economies-2021.htm>

³ Understanding the Weakness in Global Trade: what Is the New Normal? European Central Bank, Occasional Paper Series, September, 2016, no. 178, 45 p. - URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecbop178.en.pdf>

Суммарное участие стран АСЕАН является преобладающим и, несмотря на имеющие место колебания, демонстрирует общий рост до 32%, за последние десятилетие всего на 2%. В Китае после резкого роста доли иностранного участия в экспорте в 2004-2007 гг. и достигнутого своего максимум в 24%, наблюдаются колебания при общем тренде на снижение доли ЗДС до 18%. В ЕС с середины 1990-х гг. зафиксирован рост показателя с 9 до 16% при его снижении в 2011–2012 гг. В США после предкризисных и посткризисных пиков на уровне 12–13% зарубежное участие оценивается долей ЗДС 9%, т.е. практически на уровне показателей для США второй половины 90-х гг. прошлого века.

Данные ОЭСР о другом показателе участия в ГЦСС – доле добавленной стоимости, созданной страной для удовлетворения внешнего конечного спроса в товаре («внутренняя добавленная стоимость» – ВДС), показывают устойчивое ее падение в странах АСЕАН до уровня 30% после пика в период азиатского кризиса 1997-1998 г. (рис. 2). Совокупная ВДС стран ЕС в середине 1990-х гг. демонстрирует практически устойчивый рост с 10,5 до 17%, в то время как доля ВДС США с небольшими колебаниями (самое большое падение наблюдалось в 2002–2003 гг. до 7%) находится на уровне 9–10%. Доля ВДС Китая достигла максимального значения в 2006–2007 гг., ее уровень на тот период оценивается 25%. Далее она постоянно снижалась до уровня ниже уровня 1995 г.

В своем докладе на онлайн-мероприятии в ноябре 2021 г., где была представлена база данных по торговле добавленной стоимостью и лежащие в основе межстрановые таблицы «затраты-выпуск», а также способы их использования директор Управления науки ОЭСР Энди Вайкофф объясняет такое глубокое падение доли ВДС «ростом объемов производства в Китае для удовлетворения внутреннего спроса»¹.

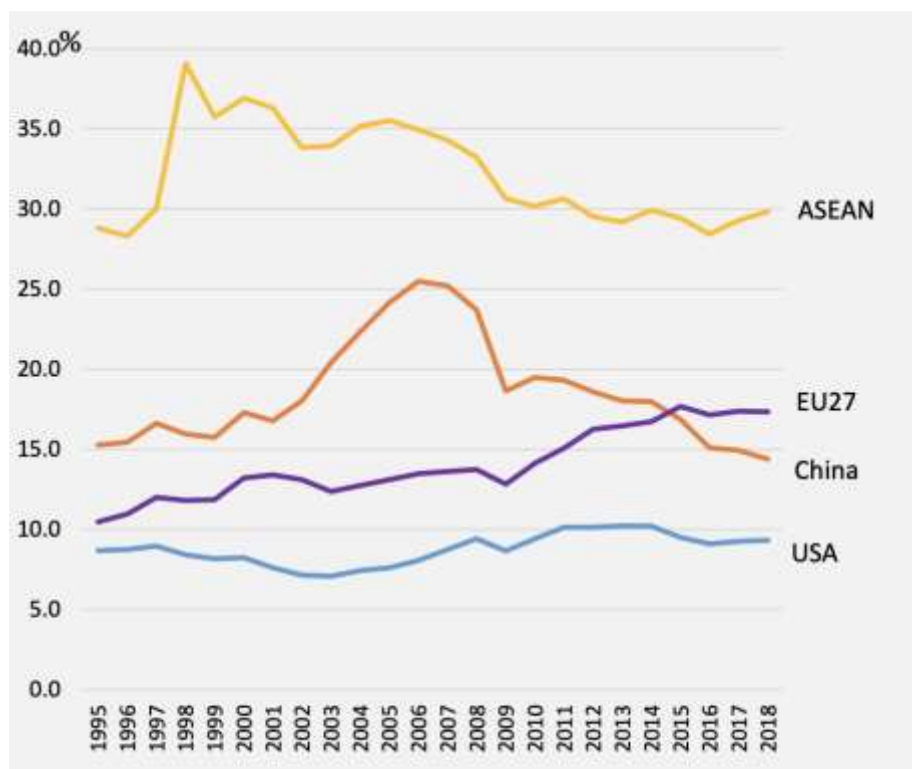

Рис. 2. Доля ВДС в продукции для удовлетворения внешнего конечного спроса, 1995–2018 гг.

Fig. 2. Share of domestic value added in products to meet external final demand, 1995–2018.

Источник: ОЭСР, 2021²

¹ Measuring interconnected economies: Launch of the 2021 OECD Inter-Country Input-Output (ICIO) and Trade in Value-Added (TiVA). Databases – URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/measuring-interconnected-economies-2021.htm>

² Understanding the Weakness in Global Trade: what Is the New Normal? European Central Bank, Occasional Paper Series, September, 2016, no. 178, 45 p. - URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecbop178.en.pdf>

Архитектура мирового хозяйства середины 1990 г. сформировалась под воздействием тенденции количественного и качественного увеличения ГЦСС, роста мировой торговли и глобализации. Экономисты Института международной экономики Петерсона, А. Субраманиан и М. Кесслер, применили термин «гиперглобализация торговли»¹, выделив ее основные черты:

- (1) торговая интеграция идет быстрее, чем когда-либо;
- (2) торговля «дематериализуется» (за счет увеличения доли торговли услугами);
- (3) «перекрестность» торговых потоков (аналогичные товарные потоки товаров и инвестиций идут навстречу друг другу);
- (4) увеличение количества преференциальных торговых соглашений;
- (5) заключение торговые соглашения крупнейшими странами между собой (вариант «мегарегионализма»);
- (6) возникновение мега-экспортера (КНР).

Последующее замедление развития ГЦСС коррелируется с замедлением темпов мирового экономического развития и инвестирования², одновременно имели место отказ от дальнейшего реформирования систем международной торговли³, реформы в Китае. Среди причин Всемирный Банк особо выделяет ослабление стимулов к переводу обрабатывающей промышленности за рубеж и сокращение импорта нефти в связи с быстрым ростом добычи сланцевой нефти в США⁴.

Накануне пандемии в ноябре 2019 г. был опубликован С. Мироудотом (ОЭСР) и Х. Нордстрем (независимый эксперт) всесторонний обзор⁵, основанный на базе данных ОЭСР по торговле добавленной стоимостью, а также анализе межстрановых межотраслевых балансов и других показателей за период с 1995 г. Результаты исследования, базирующегося на расчете количества этапов национального и иностранного производства, пересечения границ и географической протяженности цепочек поставок показали, что темпы мирового развития в начале 21 века соответствуют динамике ГЦСС. Пик глобализации приходится на 2012 г., далее наблюдается процесс сокращения средней длины ЦСС «эрозия глобализации». ЦСС становятся короче по своей протяженности и по числу вовлеченных в них стран. Одновременно развивается тенденция перехода к «внутренним» ЦСС.

Такие выводы совпадают с отмечаемой в других работах стагнацией и даже сокращением международной фрагментации. Знаковым стало использование в 2019 г. на обложке журнала «Экономист» термина «слоубализация» (замедление), предложенного А. Бакасом в 2015 г. и получившего распространение в экономической литературе и достаточно точно характеризующего «новую эру международной торговли»⁶.

Накануне пандемии ОЭСР и ВТО в совместном докладе также отметили, что глобальные экономические тенденции свидетельствуют о том, что мир, вступает в период, характеризующийся более медленным ростом, сокращением торговли, ПИИ и потоков капитала, а обостряющиеся экологические проблемы ставят под сомнение целесообразность повторения колоссального роста экспорта последних десятилетий⁷. По заявлению ЮНКТАД накануне пандемии

¹ Kessler, M; Subramanian A The Hyperglobalization of Trade and Its Future - URL: <https://www.piie.com/publications>

² Итоговый документ Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития - URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econcrisissummit_outcome.shtml Constantinescu C., Mattoo A., and Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? - URL:

<https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>

³ Вопросы макроэкономической политики: международная торговля и развитие. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию

- URL: https://unctad.org/system/files/official-document/a72d274_ru.pdf

⁴ Constantinescu C., Mattoo A., and Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? - URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf>

⁵ Miroudot, S. The Reorganization of Global Value Chains in East Asia before and after COVID-19 - URL: https://www.researchgate.net/publication/348267988_The_Reorganization_of_Global_Value_Chains_in_East_Asia_before_and_after_COVID-19

⁶ Slowbalisation. The Steam Has Gone out of Globalisation. The Economist, January 24, 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/01/24/the-steam-has-gone-out-of-globalisation>

⁷ Aid for Trade at a Glance 2019. Pocket Edition. Geneva–Paris, WTO/OECD, 2019. 36 p. URL: <https://www.oecd.org/aidfortrade/publications/Aid-for-Trade-2019.pdf>

«... современный гиперглобализированный мир стал более неравным, нестабильным и неуверенным»¹.

Отмечаются случаи использования различных региональных механизмов урегулирования споров. В Азиатско-Тихоокеанском регионе помимо механизма ВТО, который широко применяется в соглашениях о свободной торговле между азиатскими странами, во многих соглашениях между странами Азии и США для выработки механизмов разрешения споров используется модель НАФТА, ориентированная скорее на своевременное принятие ответных мер в одностороннем порядке, финансовое урегулирование и введение количественных ограничений по отдельным видам споров, как правило, касающихся трудовых вопросов и вопросов охраны окружающей среды [3].

Таким образом, можно говорить, что уже к 2020 г. ГЦСС испытывали на себе действие неустойчивости, неопределенности, турбулентности. На фоне замедления темпов роста мировой экономики, ужесточающейся конкуренцией и торговых войн, прежде всего торговой войны США и Китая, выделяется тренд на укрепление и расширение хозяйственных связей внутри региональных блоков, в границах одного региона, на включение в цепочки создания стоимости ближайших партнеров. Одновременно, на фоне этих процессов среди эффектов участия в различных типах ГЦСС отмечается возможность получения как явных выгод участниками ГЦСС и обеспечения устойчивых структурных преобразований прогрессивных для мирового развития в целом, так и возникновение негативных последствий. С точки зрения конечного потребителя неоспоримым положительным эффектом на темпы экономического развития и торговли в целом является то, что благодаря ГЦСС в торговый оборот входят новые товары. Уже в 2017 г. 65 % общего объема торговли приходилось на товары, которых не существовало 15 лет назад [8]. Однако, для компаний и стран, включенных в цепочки важна совокупность разновекторных планируемых и непланируемых эффектов и последствий участия в ГЦСС.

К негативным последствиям может быть отнесен эффект «цепной реакции» в результате незащищенности уязвимых мест конкретной ГЦСС, то сокращает горизонты устойчивости ГЦСС.

2. Влияние основных последствий пандемии COVID 19 на ГЦСС, горизонты устойчивости и перспективы развития

Пандемия COVID-19 продемонстрировала хрупкость модели ГЦСС, характеризующейся высокой взаимозависимостью участников, расположенными в разных странах и на разных континентах². Наиболее уязвимы стали поставка, производство и распределение товаров, что привело к изменениям в мировом хозяйстве в целом, а также национальных экономик отдельных стран и регионов. С другой стороны, ГЦСС обладают определенным потенциалом развития и участие в ГЦСС создает для отдельных субъектов мировой экономики предпосылки для быстрого выхода из кризисной ситуацией³.

Резкое снижение деловой активности, сжатие национальных экономик, сокращение транспортных перевозок, закрытие стран, карантинные мероприятия, вызванные пандемией, нанесли удары по самым уязвимым местам ГЦСС. Сбои в той или иной части ГЦСС незамедлительно отразились на других звеньях цепочки. ГЦСС сполна ощутили эффект «цепной реакции»,

¹ Power, Platforms and the Free Trade Delusion. Trade and Development Report – N.Y. & Geneva: UN, NCTAD, 2018. – P. 69. - URL https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2018fas_en.pdf

² COVID-19. Managing Supply Chain Risk and Disruption. Deloitte, 2020. 16 p. - URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ca/Documents/finance/Supply-24.Chain_POV_EN_FINAL-AODA.pdf; Food Supply Chains and COVID-19: Impacts and Policy Lessons. OECD, June 2, 2020. 11 p. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134305-ybqvdf0kg9&title=Food-Supply-Chains-and-25.COVID-19-Impacts-and-policy-lessons; The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons. OECD, May 4, 2020. 11 p. - URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-l4i0j8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons; Trade Policy Implications of Global Value Chains. OECD Trade Policy Brief. February 2020. 4 p. - URL: https://issuu.com/oecd.publishing/docs/trade_policy_implications_of_global; How COVID-19 is changing global value chains – URL <http://unctad.org/news/how-covid-19-changing-global-value-chains>

³ COVID-19 and Global Value Chains: Policy Options to Build More Resilient Production Networks. Paris, OECD, June 3, 2020. 11 p. - URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-and-global-value-chains-policy-options-to-build-more-resilient-production-networks-04934ef4/#boxsection-d1e32>

что привело к колоссальным негативным сдвигам в международной торговле, негативно отразилась на всей мировой экономике, о беспрецедентном сжатии которой сообщили статистические агентства и международные организации¹ уже в первые месяцы пандемии [4].

Мировая транспортно-логистическая система – основа взаимодействия внутри ГЦСС – одна из первых ощутила во время пандемии эффекты от закрытия границ и введения карантинных мер, ограничивающих передвижение людей, товаров, личного и общественного транспорта, грузовых внутренних и, особенно, международных перевозок. Остановка работ в ключевых портах, в т.ч. крупнейшие порты Шэньчжэнь и Нинбо (Китай), создало «узкие места» в глобальных морских перевозках, ограничило контейнерные перевозки². Сокращение мероприятий таможенного и пограничного контроля в пандемию в связи с сокращением объемов международных транспортных услуг усугубили кризис мировой транспортно-логистической системы и серьезно нарушились взаимодействие ГЦСС.

Вынужденное сокращение объемов производства и закрытие предприятий в связи с карантинными ограничениями по перемещению людей, прекращением движения общественного транспорта дополнительно и усугубило кризис в системе функционирования ГЦСС и снизило объемы предложения.

В период пандемии предпосылками кризиса ГЦСС стали господствующие в течение последних десятилетий тренды организации мирового хозяйства – дробление производственных процессов и перемещение их в разные отраслевые локации по всему миру с использованием системы «бережливого производства» поставки «точно в срок» или «с колес», что значительно сокращает производственные затраты и увеличивает эффективность производства. Однако, высокая результативность системы обеспечивается высокой степенью четкости и стабильности работы транспортно-логистической системы. Сбой в системе во время пандемии привел к блокировке не только части цепочки, но незамедлительно сказался на всей ГЦСС. Примером может служить производство автомобилей в Японии, пострадавшее уже в первые месяцы пандемии из-за невозможности поставки некоторых деталей и отсутствия необходимого запаса в распоряжении производителей.

Еще одним негативным эффектом пандемии оказался кризис глобальной системы заказов стал основным фактором катастрофического снижения совокупного спроса в мировой экономике и ударил по ГЦСС. Заказы в основном были отменены, цены на сырьевые товары упали в среднем на 20 %, а общий объем торговли, снизился в половину на 50 %. Примером может служить, отмена заказов для швейных фабрик в Шри-Ланке и Бангладеш, а также для заводов электроники в макрорегионе Юго-Восточной Азии, шоки от пандемии распространились и на Африку.

Воздействие последствий пандемии на ГЦСС сформировали проблему дефицита, а увеличение стоимости деловых операций подорвали усилия розничных продавцов [5] по управлению запасами на фоне неустойчивых колебаний потребительского спроса³.

Быстрое восстановление мирового спроса в 2021 г. и более медленное восстановление производственных мощностей в некоторых секторах мирового хозяйства усугубили дефицит предложения и оказывают сильное повышательное давление на некоторые цены. Негативные эффекты ГЦСС стали одной из причин того, что по мере восстановления мировой экономики после последствий пандемии коронавируса цены выросли в большинстве стран. Об инфляционном воздействии дефицита свидетельствуют цены производителей промышленной продукции, рост которых в октябре 2021 г. оценивается 5,4% в зоне евро и 5,0% в ЕС по сравнению с сентябрем 2021 г. (в сентябре 2021 г. цены выросли на 2,8% в зоне евро и на 2,7% в ЕС)⁴. В Китае инфляция в промышленной сфере в ноябре 2021 г. достигла уровня середины 90-х гг. В США цены в период пандемии росли самыми высокими зафиксированными за последние

¹ OECD Economic Outlook, 2021 - <https://www-oecd-ilibrary-org.proxylibrary.hse.ru/docserver/66c5ac2c-en.pdf?expires=1638884634&id=id&accname=guest&checksum=63153C199ED2E12AB2D4C31993B78BC0>

² ITF Transport Outlook 2021 - https://www.oecd-ilibrary.org/transport/itf-transport-outlook-2021_16826a30-en

³ Hassan, T. A., S. Hollander, L. Van Lent, M. Schwedeler, and A. Tahoun Firm-Level Exposure to Epidemic Diseases: Covid-19, SARS, and H1N1, 2020: Discussion paper, National Bureau of Economic Research – URL: <https://www.nber.org/papers/w26971>

⁴ Data Eurostat – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/-/4-02122021-bp>

10 лет темпами [6]. Сообщения о сбоях в цепочке поставок по-прежнему регулярно появляются в новостях в СМИ¹.

Задержки в поставках, «узкие» места в доставке и отгрузке товаров, нехватка промежуточных товаров в рамках ГЦСС отрицательно сказались на мировом производстве во многих отраслях. Так, например, автомобильный сектор, организованный посредством ГЦСС, сильно пострадал от пандемии. С проблемами столкнулись все ведущие мировые производители Ford, Subaru, Toyota, Volkswagen, Nissan и другие автопроизводители, в результате были вынуждены сократить производство.

По словам представителей отрасли, во всем мире пришлось закрыть сборочные линии из-за глобального дефицита полупроводников². Ситуация в ГЦСС автомобилей усугубилась тем, что, когда производители автомобилей сократили заказы на чипы, производители полупроводников переключились на производителей электронного и коммуникационного оборудования (компьютеров, веб-камер, планшетов и др.), где с начала пандемии продажи росли. Заказы согласилась разместить Тайваньская производственная компания по производству полупроводников объявившая своей приоритетной задачей поставку автомобильных чипов³. В результате на долю автомобильной промышленности пришлось 3% от общей выручки TSMC и примерно одна десятая суммарного мирового спроса на полупроводники.

Острая нехватка полупроводников усугубилась распространением новым штаммов, прежде всего коронавируса – дельта-варианта коронавируса (COVID-19) в Азии. Имели и случаи закрытия заводов по производству компьютерных микросхем под влиянием вспышек COVID-19. Все это вызвало дефицит, с которым до сих пор сталкиваются автопроизводители. Дополнительное негативное влияние кризиса в ГЦСС автомобилестроения на восстановительный рост мировой экономики связано с сокращением предложения при устойчивом спросе на автомобили, что оказало давление на цены. В результате по итогам прошедших 9 месяцев 2021 г. на рынке существенно выросли цены не только на новые, но и на подержанные автомобили⁴ [40].

Согласно результатам эконометрических оценок для 30 стран разрыв между производством автомобилей в 2021 г. и уровнем выпуска, который можно было бы ожидать в результате роста спроса, если бы сроки поставки остались бы на уровне четвертого квартала 2020 г. оказалась значительной. Дальнейшее увеличение сроков поставки поставщиками и другие сбои в ГЦСС сократят производство автомобилей в Германии на сумму, эквивалентную более чем 1,5% ВВП за первые девять месяцев 2021 г., а производство в Чешской Республике, Японии и Мексике – на сумму, эквивалентную от 0,5 до 1% ВВП. По всем странам наблюдается растущий разрыв между фактическим производством автомобилей и тем, что могло бы произойти в отсутствие ограничений предложения, при этом фактическое производство в 2021 г. ниже, чем в сценарии без дополнительных ограничений предложения примерно на 25%⁵ [41].

Многие крупные производители автомобилей испытали влияние сокращения предложения на производство в меньшей степени. Ряд экспертов выражают сомнение о возможности устранения сбоев в поставках до лета 2022 г. и прогнозируют сохранение текущего дефицита поставок для производителей автомобилей и в 2022 г., обосновывая это тем, что на связь и компьютеры, два крупнейших рынка полупроводников по конечному потреблению, суммарно

¹ What Can Stockouts Tell Us About Inflation? Evidence from Online Micro Data URL:

https://econ.la.psu.edu/events/seminar-documents/Cavallo_Kryvtsov_Stockouts_9_7_21_updated.pdf; O’Dea, S. Coronavirus (COVID-19): impact on the global tech goods & services industry, Statista, Oct 28, 2021 – URL:

<https://www.statista.com/topics/6156/coronavirus-covid-19-impact-on-tech-goods-and-services/#dossierKeyfigures>

² Кто ты? Серый кардинал полупроводников URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/seryi-kardinal-taiwan-semiconductor-manufacturing-korotko-o-glavnom>

³ Alsop T. Leading semiconductor foundries revenue share worldwide from 2019 to 2021. – 2021, Dec.6. – URL: <https://www.statista.com/statistics/867223/worldwide-semiconductor-foundries-by-market-share/>

⁴ Helper, S., and E. Soltas (2021): “Why the Pandemic Has Disrupted Supply Chains,” Discussion paper, Council of Economic Advisers. – URL: <https://www.whitehouse.gov/cea/written-materials/2021/06/17/why-the-pandemic-has-disrupted-supply-chains/>

⁵ Main findings from the ECB’s recent contacts with non-financial companies

URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/focus/2021/html/ecb.ebbox202107_02~9f09fdc7e5.en.html

приходится две трети общего спроса, а производителям полупроводников, вероятно, потребуется не менее шести-девяти месяцев для перестройки производства¹.

Одновременно, можно констатировать, что стремление участников ГЦСС к равновесному состоянию на фоне современной политической ситуации создает предпосылки для реформирования ГЦСС и трансформации всей архитектуры мирового хозяйства.

Заключение

Пандемия остро проявила уязвимые места ГЦСС и еще раз доказала, что ГЦСС наиболее эффективны в случае устойчивых прозрачных взаимосвязей включенных субъектов в стабильной внешней среде. ГЦСС могут положительно влиять на рост экономики при условии, что в мире снизится уровень неопределенности. Фактором, который может негативно повлиять на ГЦСС может стать наблюдающиеся в последнее время рост протекционистских настроений в отношении «возврата» производств, выведенных за рубеж в рамках существующих ГЦСС. В отсутствие определенности с будущим доступом к рынкам бизнес склонен снижать риски своей деятельности, откладывая осуществление инвестиционных планов.

На фоне замедления темпов роста мировой экономики, торговой войны США и Китая, неустойчивости, неопределенности, турбулентности процессов общемирового развития, нами выделен тренд на расширение торговых связей внутри региональных блоков, в границах одного региона, на включение в цепочки ближайших партнеров.

С началом пандемии под удар попали уязвимые места сложившихся ГЦСС, снижение деловой активности, сокращение транспортных перевозок, привели к сбоям в той или иной части ГЦСС, незамедлительно вызвали «цепную реакцию» и сократили горизонты их устойчивости. Нехватка промежуточных товаров в рамках ГЦСС, и прежде всего полупроводниковой продукции, задержки поставок, «узкие» места в доставке и отгрузке товаров, отрицательно сказались на производстве во многих отраслях, функционирующих по схеме ГЦСС, в частности в значительной степени пострадала мировая автомобильная промышленность.

К факторам негативного воздействия на ГЦСС следует отнести появление новых штаммов вируса². Эти сообщения появляются на фоне активной вакцинации и сообщений о снижении числа заболевших осенью 2021–весной 2022 г. Это наряду с новыми политическими реалиями останется значимым фактором возможного снижения уровня восстановления в ГЦСС, формирования новых трендов их реформирования и новых процессов трансформации архитектуры мирового хозяйства,

Список источников

1. Gereffi G., Lee J. Why the world suddenly cares about global supply chains // Journal of supply chain management. 2012. Т. 48. №3. С. 28.
2. Timmer M. P., Erumban A. A., Los B., Stehrer R., and de Vries. G. J. Slicing Up Global Value Chains // Journal of Economic Perspectives, 2014, 28 (2): 99-118.
3. Concept Paper on the Creation of a Permanent 'Asia-Pacific Regional Mediation Organization' for State-to-State (Economy-to-Economy) Disputes. //Contemporary Asia Arbitration Journal. 2017, Vol. 10, No. 2, pp. 321-336.
4. Xiaolan Fu. Digital transformation of global value chains and sustainable post-pandemic recovery // Transnational Corporations Journal. 2020. Vol. 27 No 2. Pp. 157-166.
5. Mahajan, K., and Tomar, S. COVID-19 and Supply Chain Disruption: Evidence from Food Markets in India //American Journal of Agricultural Economics, 2021, № 103(1), pp. 35-52.
6. Krolkowski, P., Naggert K. Semiconductor Shortages and Vehicle Production and Prices // Economic Commentary. 2021. № 2021-17.

¹ Main findings from the ECB's recent contacts with non-financial companies

URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/focus/2021/html/ecb.ebbox202107_02~9f09fdc7e5.en.html

² Omicron: Good news, bad news and what it all means& - URL: <https://www.bbc.com/news/health-59769967>

References

1. Gereffi G., Lee J. Why the world suddenly cares about global supply chains. *Journal of supply chain management*. 2012;48(3):28.
2. Timmer M. P., Erumban A. A., Los B., Stehrer R., and de Vries. G. J. Slicing Up Global Value Chains. *Journal of Economic Perspectives*. 2014;28 (2):99–118.
3. Concept Paper on the Creation of a Permanent 'Asia-Pacific Regional Mediation Organization' for State-to-State (Economy-to-Economy) Disputes. *Contemporary Asia Arbitration Journal*. 2017;10(2):321–336.
4. Xiaolan Fu. Digital transformation of global value chains and sustainable post-pandemic recovery. *Transnational Corporations Journal*. 2020;27(2):157–166.
5. Mahajan, K., and Tomar, S. COVID-19 and Supply Chain Disruption: Evidence from Food Markets in India. *American Journal of Agricultural Economics*. 2021;103(1):35–52.
6. Krolkowski, P., Naggert K. Semiconductor Shortages and Vehicle Production and Prices. *Economic Commentary*. 2021;2021-17.

Информация об авторе

Т. Г. Философова – докт. экон. наук, проф. кафедры торговой политики НИУ «Высшая школа экономики».

Information about the author

T. G. Filosofova – Doctor of Economics, Professor of Department of Trade Policy of Higher School of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 23.04.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 23.04.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 169–174
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):169–174

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-169-174

**ГРАЖДАНСКО-ИНИЦИАТИВНАЯ МЕДИАЦИЯ
В СООБЩЕСТВАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ**

**Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²,
Ибрагим Джавпарович Ибрагимов³**

^{1,3}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹maya.astv@gmail.com

²ldzahova@mail.ru

³ibragimid@mail.ru

Аннотация. Статья содержит политологическое осмысление медиации не только как профессионально-экспертного процесса, осуществляемого профессионалами, но как широкого процесса, субъектами которого выступают общественными активисты и институты гражданского общества. Предлагается авторская трактовка медиации как широкой гражданско-инициативной деятельности, которая, в современных условиях геополитических вызовов приобретает особую актуальность. Прослеживаются детерминанты и потребности широкой гражданско-инициативной медиации в северокавказских сообществах с учетом этноконфессиональных интересов, а также с учетом нарастающих рисков международных отношений. Выделяются ниши и направления желаемого расширения широкой гражданско-инициативной медиации в противовес негативному внешнему влиянию в рамках антироссийских санкций «коллективного Запада».

Ключевые слова: широкая гражданско-инициативная медиация, «двухколейная медиация», внешнеполитические риски, геополитическое давление, суверенитет России, межэтнические и межрелигиозные отношения, северокавказские сообщества, интегративные начала российской культуры и государственности

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х., Ибрагимов И. Д. Гражданско-инициативная медиация в сообществах Северо-Кавказского федерального округа в условиях современных геополитических рисков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 169–174. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-169-174>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**CIVIL-INITIATIVE MEDIATION IN THE COMMUNITIES
OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT IN THE CONDITIONS
OF MODERN GEOPOLITICAL RISKS**

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzakhova², Ibrahim J. Ibragimov³

^{1,3}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹maya.astv@gmail.com

²ldzahova@mail.ru

³ibragimid@mail.ru

Abstract. The article contains a political understanding of mediation not only as a professional and expert process carried out by professionals, but as a broad process, the subjects of which are social activists and civil society institutions. The author's interpretation of mediation as a broad civil initiative activity is proposed, which, in the current conditions of geopolitical challenges, is of particular relevance. The determinants and needs of broad civil-initiative mediation in the North Caucasian communities are traced, taking into account ethno-confessional interests, as well as taking into account the growing risks of international relations. Niches and directions for the desired expansion of broad civil-initiative mediation are highlighted as opposed to negative external influence within the framework of anti-Russian sanctions of the «collective West».

Keywords: broad civil-initiative mediation, "two-track mediation", foreign policy risks, geopolitical pressure, Russian sovereignty, interethnic and interreligious relations, North Caucasian communities, integrative principles of Russian culture and statehood

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh., Ibragimov I. J. Civil-initiative mediation in the communities of the North Caucasus federal district in the conditions of modern geopolitcal risks. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):169-174. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-169-174>

Современный мир постоянно усложняется на всех уровнях межцивилизационных, межгосударственных, внутригосударственных отношений. Многочисленные вызовы и ущербы фиксируются как в социально-экономических, так и в общественно-политических и политико-управленческих процессах. В течение последнего десятилетия отмечается подвижность геополитической архитектуры, дисбалансы мирового порядка, а также кризисные явления экономики, политики, социальности, этики, морали, нравственности¹.

В этих условиях актуализируются потребности медиации, т.е. договорных техник и технологий в рамках широко понимаемой демократии согласия, широкого общественного компромисса². Закономерно, что без договоренностей систем, режимов, классов, страт, сообществ, персоналий по вертикали и по горизонтали невозможно поддерживать хотя бы относительную стабильность миропорядка в целом, а также его страновых, макрорегиональных и региональных моделей. В этой связи акцентирование проблемы медиации в глобальном, локальном и глокальном применении не только оправдано, но и необходимо [1].

Противоречия, конфликты, инциденты современного мира результируют многие экономические, социальные и политические диссонансы, причинами которых становится все более осязаемая диверсификация интересов, позиций, целей, задач политических элит и человеческих сообществ, как явных, так и скрытых [2]. Так, очевидно нарастание противоречий в обществе между группами, которые формируются по социопрофессиональному, социогендерному, социодемографическому, социопоколенческому признаку. Налицо углубление противоречий между старыми и новыми элитами, между группами влияния, между сообществами новой активности. Также новой реальностью становятся противоречия между субгруппами внутри ранее консолидированных сообществ, которые выходят на поверхность в условиях экономических и финансовых рисков, падения уровня жизни, утраты стабильных источников дохода и возможности трудоустройства. Указанные проблемы усугублены с 2019 г. развернувшейся пандемией COVID-19, которая стала мощным фактором разобщения, неуверенности, страха и стресса.

Перечисленные детерминанты и факторы мощно влияют на личность, подвергая большим испытаниям ее статусы, опрокидывая привычные социальные роли и провоцируя конфликты идентичностей внутри индивида. Социальное самочувствие и социальное здравомыслие терпят ущерб и выводят на авансцену общественных, политических, управленческих отношений проблему устойчивости, жизнеспособности, выживания человечества в целом [3, с. 88-111].

В 2020 – 2022 гг. повсеместно наблюдаются гибридные войны, конфликты, противоречия и многочисленные социальные и политические инциденты, которые выразились в глобальной

¹ Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад международного клуба «Валдай». М., 2018. <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/>

² Шамликашвили Ц. Кто может быть медиатором и почему ими не могут быть госслужащие и муниципальные служащие? ГАРАНТ.ру. Информационно-правовой портал. <https://www.garant.ru/ia/opinion/shamlikashvili/474180/>

проблеме противостояния России и «коллективного Запада». В связи с упрочением суверенитета РФ как мировой державы, а также с реализацией независимого внешнеполитического курса Президента РФ В. Путина в признании независимости Донецкой и Луганской народных республик и осуществлением специальной военной операции в отношении Украины Россия подвергается массированным экономическим санкциям и политическому давлению¹.

Российское общество испытывает на себе многочисленные и часто недобросовестные, и циничные политические технологии давления, социального экспериментирования, социального моделирования. Можно предположить, что желаемыми результатами действий геополитических оппонентов (недружественных стран) России является дестабилизация общественных настроений, разбалансирование устоявшихся отношений граждан и власти, государства и общества.

В этой связи актуализируем реалии, возможности и ресурсы **медиации в особом понимании, то есть как широкой гражданско-общественной инициативы** со стороны российских граждан и институтов гражданского общества не только по сохранению стабильности, но и по упрочению общечеловеческой безопасности. Подчеркнем, что рассматриваем медиацию в широком социальном и политическом плане в общем реестре техник и технологий договорного процесса, общественного согласия, миротворчества и миростроительства. Все эти процессы, реализуемые органами власти и управления, а также и институтами гражданского общества в связи с насущными запросами современности, в той или иной степени имеют элементы медиации.

Медиация как процесс, практика и технология базируется на активах многих наук и отраслей знания – юриспруденция, конфликтология, управление, психология, педагогика. Межпрофильный и в чем-то универсальный характер медиации очевиден и закономерен. Он придает медиации дополнительные ресурсы и обеспечивает возможность применения в разных сообществах с разными по содержанию целями и задачами, которые ставят перед собой разные субъекты, акторы, интересанты. Масштабирование медиации в современной РФ привело к необходимости разработки соответствующей нормативно-правовой базы. Принятие ФЗ № 193 от 27 июля 2010 г. **«Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)»** отражает несколько желаемых симптоматических тенденций демократии согласия². Это: понимание властью необходимости воплощения современных технологий урегулирования общественных споров и инцидентов; созревание общества для сознательного участия его резидентов в поиске компромиссов; формирование целевой когорты профессионалов, применяющих технологии альтернативного урегулирования и согласования альтернативных и часто антагонистических позиций. В РФ состоялась и продолжается содержательная и организационная систематизация медиации на разных уровнях внутривнутристратных, межстратных, межличностных отношений. Подведомственным институтом Министерства просвещения РФ является Федеральный институт медиации. Карта медиации отражает «присутствие медиации» практически во всех субъектах РФ в качестве институтированных практик, которые обеспечиваются специалистами, сообществами, осуществляющими примиренческие действия в разнонаправленных конфликтных ситуациях. Медиация развивается как технология примирения конфликтующих и враждебных общественных групп, сообществ, отношение между которыми отмечены историческими и современными конфликтами, различными *Casus belli* – «случаями для войны».

Широкая гражданско-инициативная медиация в российском обществе сегодня подтверждает свою необходимость как процесс и технология. Потребность нейтрализации негативных идейно-мировоззренческих информационных атак извне, исходя из гуманистических целей снижения остроты факторов риска, придает медиации особую значимость. Современные медиативные практики демонстрируют свою востребованность и успешность, как на международном, так и на внутривнутристрановом уровнях, хотя не оправдали всех ожиданий. Как показывает современная международная архитектура, многочисленные договоренности и союзы распались под влиянием педалирования узко-циничных интересов и сил [4, с. 25-138]. Поэтому широкая гражданско-инициативная медиация призвана занять еще более уверенные позиции среди

¹ Путин объявил о признании ДНР и ЛНР // Коммерсантъ. 21.02. 2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5228386>

² ФЗ РФ от 27.07.2010г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/

социальных, психологических, управленческих, организационных действий экспертов, а также и действий субъектов гражданского общества. Такая медиация – воплощение профессионально обеспеченной и инициативно субъективированной системы целевых действий.

Здесь подчеркнем, что широкая гражданско-инициативная медиация чрезвычайно важна в России как в полиэтничном и поликонфессиональном сообществе, которое пережило опасные периоды попыток сецессий, этнополитических конфликтов, центробежных применений, что проявилось, в частности, на Северном Кавказе [5].

В соответствии с нашими исследовательскими интересами отметим важность широкой гражданско-инициативной медиации между такими общественными группами, как этносы и этнические сообщества Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Нет необходимости указывать на насущную потребность стабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений именно на современном этапе, когда данная сфера подвергается негативному воздействию извне – события в Армении и Азербайджане по поводу Нагорного Карабаха, в Сирии, а также современная ситуация на Украине. Гражданско-инициативное воздействие на сферу межэтнических и межконфессиональных отношений не теряет своей актуальности.

С одной стороны, межэтнические и межконфессиональные отношения утратили остроту, сфера этнических интересов отмечена стабильностью и инерционностью. Радикальные националистические и экстремистские программы дезавуировали себя как бесперспективные и преступные по мнению населения. Жители СКФО нацелены на стабильность, мир и развитие в рамках суверенной российской государственности, а также на поддержку внешнеполитического курса руководства РФ.

С другой стороны, беспрецедентное давление на Россию и применение ко всему российскому «культуры отмены» особенно в условиях экономического и финансового кризиса, ухудшения уровня жизни, падения доходов, обеднения населения и пандемии, представляют собой объективно-опасные факторы риска, которые могут вновь обострить отношения этнических групп, конфессиональных сообществ.

Именно новые вызовы обуславливают потребность не только в профессиональной, но и в широкой гражданско-инициативной медиации. Учитывая непреходящую ценность этноидентификационных стратегий и тактик, которые чрезвычайно жизнеспособны и востребованы на индивидуальном и групповом уровнях населения СКФО, отметим, что медиация и сегодня необходима в этнотерриториальной, этноязыковой, этноконфессиональной, этностатусной сферах. Сохраняется объективная конкуренция групп, которая обостряется в связи с факторами политики, управления, организации и самоорганизации [6].

В то же время, очевидно, что региональные сообщества СКФО, как и население других регионов РФ подвергается травмирующему воздействию негативной пропаганды со стороны стран-производителей санкционной борьбы с РФ. Поэтому жители СКФО, как и другие жители страны, нуждаются в достоверных комментариях, пояснениях и прояснениях современного геополитического времени и геополитического пространства. При этом убедительными и правдивыми должны быть аргументы, отражающие значимость истории, культуры, государственности, суверенитета России и обосновывающие современный курс Президента РФ [7].

Отметим, что в СКФО успешно применяется **«двухколейная система медиации»** сферы межэтнических и межконфессиональных отношений, понимаемая в данном случае в расширенном смысле и основанная не только на усилиях экспертов-профессионалов, но и на инициативах общественных активистов.

«Первая колея» медиации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений – **«опосредованная медиация сверху»**. Ей присущи такие свойства, как программность, форматность, императивность, регламентированность, бюрократичность. **«Медиация сверху»** субъективирована в деятельности политических лидеров, глав субъектов РФ СКФО, глав муниципальных образований, провластных СМИ. В силу законодательных ограничений они являются **опосредованными непрямыми субъектами медиации**, но создают ее контекст, условия и предоставляют ресурсы.

«Вторая колея» медиации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений – **«непосредственная медиация снизу»**. Ей присущи такие свойства, как добровольность, энтузиазм, искренность, ситуативность. **«Непосредственная медиация снизу»** субъективирована в деятельности институтов гражданского общества – этнических активистов, авторитетных

персон, национально-культурных и религиозных организаций, этнических и религиозных советов и конгрессов, форумов народов, домов и центров национальных культур. Они выступают **непосредственными прямыми субъектами медиации** в достижении взаимоприемлемых решений и согласия.

Подчеркнем сегодняшнюю потребность в новом смыслодержании широкой гражданско-инициативной медиации и отметим перспективные ниши медиативных практик, субъектами которых являются общественные активисты, общественные объединения, референтные лица. Среди них:

- углубление понимания объективных причин и перспектив геополитических процессов и роли России в новом переустройстве мира на принципах справедливости, многополярности и равноправия;

- смягчение остроты отношений россиян, имеющих разные взгляды на международные инциденты, в объединяющих рамках традиционных российских культурных и цивилизационных ценностей;

- оптимизация сохраняющихся проблем в сфере территориально-административного устройства и границ, в сфере политической консолидации, в сфере культурных, обрядовых и языковых ценностей, в сфере историко-мифологического наследия народов региона;

- предохранение этнического и конфессионального дискурса от проникновения провокационного воздействия внешних сил, нацеленных на дестабилизацию ситуацию в северокавказском сообществе;

- усиление в гражданской самоорганизации и гражданской самопомощи гуманитарных, миростроительных акций при активной профилактике ксенофобии, национализма, экстремизма, «нового нацизма», агрессивного и радикального мировоззрения.

В связи с этим важно и далее применять гражданско-инициативную медиацию через большую публичность, максимальную вовлеченность, расширение списка ее субъектов и объектов, эффективное информационное и PR-сопровождение. С учетом характерологических свойств северокавказских сообществ наиболее перспективными нам представляются **медиация понимания, медиация нарратива, медиация восстановления, медиация взаимоуважения и взаимопризнания**, которые имеют выраженный сущностно-функциональный гуманистический смысл в общероссийской гражданской идентификации россиян, которая сегодня чрезвычайно важна.

Также, на наш взгляд, сегодня предпочтительными являются:

- расширение содержательно-конструктивного диалога персоналий властно-политического официоза с общественными группами и неформальными лидерами, заинтересованными в достижении широкого общественного компромисса;

- модернизация коммуникационно-информационных, общественно-политических компетенций работников органов власти и управления и общественных активистов, этнических и конфессиональных лидеров;

- «изобретение новых традиций» переговорного, компромиссного процесса и достижения «взаимоприемлемых объяснений» сложных ситуаций с учетом многочисленных внутри-и внешнеполитических рисков;

- вовлечение в диалоговые разъяснительные практики молодежи и новых лидеров мнений, новых референтных лиц для ротации общественно-патриотического, гражданско-патриотического актива региона.

Список источников

1. Бесемер Х. Медиация: Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Н.В. Маловой. Калуга, 2004. 176 с.
2. Саскайнд Л., Шамликашвили Ц., Демчук А. Менеджмент трудных решений в XXI веке: Секреты построения консенсуса, или как сделать так, чтобы довольны были все. М., 2009. 208 с.
3. Арбатов А. Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 88–111.
4. Артюшкин В. Ф., Казанцев А. А., Сергеев В. М. Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 125–138.

5. Аствацатурова М. А. Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. Вып. 7 (47). Т. 9. С. 1433–1441.
6. Авксентьев В. А. Тенденции этнизации/деэтнонизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2020. Вып. 25. С. 7–14.
7. Бордачев Т. Сила, мораль, справедливость // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 56–66.

References

1. Besemer H. *Mediation: Mediation in conflicts*. Translation from it. N.V. Malova. Kaluga; 2004. 176 p. (In Russ.)
2. Susskind L., Shamlikashvili Ts., Demchuk A. *Management of difficult decisions in the 21st century: Secrets of building consensus, or how to make everyone happy*. Moscow; 2009. 208 p. (In Russ.)
3. Arbatov A.G. Ten aporias of our time. Theory and practice of nuclear deterrence. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2021;(4):88–111. (In Russ.)
4. Artyushkin V. F., Kazantsev A. A., Sergeev V. M. The balance of power between the great powers in the "Group of 20": analysis using the method of multidimensional scaling. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2021;(2):125–138. (In Russ.)
5. Astvatsaturova M. A. Ethnopolitical Notes from the Diary of the North Caucasian Federal District. *Voprosy politologii = Questions of Political Science*. 2019;7(47)9:1433–1441. (In Russ.)
6. Avksentiev V. A. Tendencies of ethnicization/de-ethnicization of social and political life in the North Caucasus: to the formulation of the problem. *Etnicheskkiye problemy sovremennosti = Ethnic problems of the present*. Stavropol; 2020;(25):7–14. (In Russ.)
7. Bordachev T. Force, morality, justice. *Rossiya v global'noy politike = Russia in global politics*. 2014;(2): 56-66. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – докт. полит. наук, проф., директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета;
Л. Х. Дзахова – докт. полит. наук, зав. кафедрой философии и социальных наук Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова;
И. Д. Ибрагимов – канд. пед. наук, доц., директор Института переводоведения, русистики и многоязычия, зав. кафедрой восточных языков и культур Пятигорского государственного университета.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University;
L. Kh. Dzakhova – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov;
I. D. Ibragimov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Translation Studies, Russian Studies and Multilingualism, Head of the Department of Oriental Languages and Cultures of Pyatigorsk State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Научная статья

УДК 329

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-175-182

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Артур Мансурович Вафин

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия,
arthur.vafin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9368-9967>

Аннотация. В статье анализируются нормативные документы Великобритании, касающиеся феномена государственного служения. Мы полагаем, что помимо классических политических идеологий, представленных политическими партиями, существуют идеологии неполитические, идеологии корпоративного толка. Государственный служащие – это отдельная корпорация во множестве современных демократических и недемократических государств. Если неформальные ценности чиновников зачастую скрыты (они не всегда негативны сами по себе, однако самый яркий и выпуклый пример подобной ненормальности – коррупция), то формальные, наоборот, видны и прописаны в нормативных документах. В статье анализируются кодексы поведения британских чиновников. Цель: выявить примеры идеологии государственного служения в Великобритании.

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, идеология, общее благо, политико-юридический подход

Для цитирования: Вафин А. М. Идеология государственного служения в Великобритании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 175–182. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-175-182>

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE IN GREAT BRITAIN

Arthur M. Vafin

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia, arthur.vafin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9368-9967>

Abstract. The article analyzes the regulatory documents of Great Britain concerning the phenomenon of public service. We believe that in addition to the classical political ideologies represented by political parties, there are non-political ideologies, corporate ideologies. Civil servants are a separate corporation in many modern democratic and non-democratic states. If the informal values of officials are often hidden (they are not always negative in themselves, but the most striking and prominent example of such abnormality is corruption), then formal ones, on the contrary, are visible and prescribed in regulatory documents. The article analyzes the codes of conduct of British officials. Objectives: to identify examples of the ideology of public service on the example of Great Britain.

Keywords: public service, bureaucracy, ideology, common good, political and legal approach

For citation: Vafin A. M. The ideology of public service in Great Britain. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):175–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-175-182>

Введение

Изучение опыта Великобритании актуально для России, этот феномен интересует российское гуманитарное знание [1–2]¹. Теория и практика британского политического управления эвристичны как в сравнительной перспективе, так и в виде отдельных конкретных кейсов. В данной работе мы анализируем нормативные документы Великобритании. Наша цель: обнаружить в этих нормативных документах идеологический посыл, связанный с государственным служением.

Говоря об идеологии, мы поднимаем проблематику парадокса идеологии государственного служения. В данном случае, речь не о манхеймовском парадоксе, суть которого в том, что любой аналитик идеологии не может быть абсолютно объективен, т.к. его мышление вписано в определенный идеологический контекст. Мы говорим о следующем парадоксе: идеальный тип любого чиновника – это бесстрастный и беспристрастный исполнитель. По крайней мере, таким его видит законодательство и теория, начиная с XIX века, а то и ранее². В XXI веке ничего не изменилось: ни в западном, ни в российском базовом понимании бюрократии. Скорее наоборот, происходит усиление идеализации рационалистического подхода в управлении. Ставка делается на исполнительность и технократизм, с добавлением чуткости и внимания к «потребителю услуг» (гражданину), услуг, производимых государственными служащими. Сам парадокс заключается в том, что идеология в политике или управлении, так или иначе, предполагает определенную партийность. А о какой партийности может идти речь, – когда чиновник, повторимся, идеальный чиновник, – беспартиен и не может зачастую публично высказывать свои политические пристрастия? С другой стороны, служение общему благу, вообще идея служения – это идеология, которая не всегда явно прописывается в юридических документах (в зависимости от специфики общества идеологию следует искать не только в таких словах-складках, как «служение», но и «коррупция», «ценз» и т.п.). Идеология – это определенный язык и структурирование реальности [4]. Отсюда и парадокс: столкновение неидеологического с идеологическим.

На наш взгляд, даже неидеологические государства, такие как Великобритания, в корпусе своих нормативных документов имеют идеологические установки (на то эти документы и нормативные). Отметим, что под идеологическими государствами мы понимаем такие государства, в которых прописаны конкретные идеологические послы. Самый яркий пример – коммунистический Китай.

Мы не затрагиваем такие растворившиеся в неидеологических государствах идеологии, как либерализм и социализм. Это не наш предмет. Наш предмет: идея служения государственных служащих общему благу, обществу; государственное служение отдельной профессиональной корпорации [5], но не отдельных граждан.

Методология

В статье мы синтезируем как минимум два научных направления: правоведение и политический анализ. С одной стороны, мы прочитываем юридические документы, но читаем их глазами не столько юристов, сколько глазами политологов, занимающихся проблематикой идеологии.

Результаты

В Великобритании государственные служащие – это те, кто нанят Коронай (в значении «государство», а не монарха), которая представлена исполнительной ветвью власти. Государственная служба не включает сотрудников Парламента, судей, полицейских, лиц, состоящих на службе непосредственно у Королевы, и ряд других категорий. Таким образом, под государственными служащими понимаются служащие в Правительстве, подчиняющиеся министрам, которые, в свою очередь, отвечают перед Парламентом.

Вопросами этики государственных служащих занимаются Комиссия по вопросам государственной службы (The Civil Service Commission) и Министр по вопросам государственной службы. В Великобритании принят Кодекс государственной службы, который в сжатом виде описывает основы, в том числе этические, деятельности государственных служащих.

¹ Вне бюрократического анализа представляется важным упомянуть исследование имперского и постимперского управления Россией и Великобританией выдающегося отечественного ученого О.Б. Подвинцева, см.: [3].

² Вспомним древнюю конфуцианскую этику, которая сегодня, в постмаоистском Китае, закладывается в основание госслужбы уже современной Китайской Народной Республики.

Насколько корректно увязывать идеологию этику? Мы исходим из того, что если идеология – это язык нормирование, структурирование и символическое упорядочивание реальность, то этика и этические кодексы – это не что иное, как один из инструментов этого нормирования-номинарования. Этика – инструмент идеологии. По крайней мере, это очевидно в анализе государственной службы (также см.: [6]).

Первая версия Кодекса была разработана в 1996 г., а затем заменена на действующую версию в 2006 г. Версия была дополнена двумя ключевыми положениями: во-первых, было прямо закреплено, что соблюдение Кодекса является одним из условий трудоустройства и построения взаимоотношений между гражданским служащим и нанимателем. Во-вторых, появилась возможность вынести вопрос о соответствии положениям Кодекса поручения, данного государственному служащему, на рассмотрение специальной комиссии. В последней редакции Кодекса от 2015 г. закреплено, что государственная служба является неотъемлемой частью правительства Великобритании, частью, поддерживающей правительство в его деятельности, а также оказывающей государственные услуги¹.

Государственные служащие приглашаются на должности на основе «честной и открытой конкуренции»; от них ожидается исполнение своих обязанностей «с преданностью делу государственной службы и ее ключевым ценностям». Кодекс определяет четыре ключевые ценности государственной службы:

1) «Добросовестность», под которой понимается необходимость ставить обязанности государственной службы выше своих личных интересов.

Государственный служащий в соответствии с этим принципом должен: ответственно выполнять свои обязанности; всегда действовать профессионально и таким образом, чтобы не вызывать сомнений у тех, с кем он имеет дело; ответственно обращаться с бюджетными средствами, распоряжаться ими эффективно и по назначению; взаимодействовать с обществом и его делами справедливо, эффективно, оперативно и чутко, в меру своих возможностей; получать разрешение Министра на любой контакт со средствами массовой информации; точно вести официальные документы; не нарушать законодательство и поддерживать отправление правосудия.

Государственному служащему запрещается: злоупотреблять своим служебным положением, например, использовать информацию, полученную в ходе исполнения должностных обязанностей, для реализации личных интересов; принимать подарки и получать другие преимущества от любого, кто может повлиять на добросовестное исполнение обязанностей государственного служащего; раскрывать официальную информацию без разрешения (эта обязанность остается в силе и после окончания гражданской службы).

2) «Честность». Государственный служащий должен наиболее точно и правдиво излагать факты и стараться быстро исправлять ошибки; использовать ресурсы только на разрешенные цели, не искажать факты, не вводить намеренно в заблуждение министров, парламент и иных лиц; не поддаваться влиянию и давлению со стороны третьих лиц или собственного желания наживы.

3) «Объективность» подразумевает, что советы и решения государственных служащих должны основываться на тщательном анализе доказательств, полноте данных, а также на использовании профессиональных и экспертных рекомендаций. Государственному служащему запрещается игнорировать «неудобные» факты или иную важную информацию при принятии решений, а также препятствовать реализации политики (policy) после принятия решений путем отказа принимать меры или воздерживаясь от действий, вытекающих из этих решений.

4) «Беспристрастность», в соответствии с которой государственный служащий обязан действовать исключительно справедливо, демонстрируя приверженность государственной службе равенству и разнообразию (equity and diversity) и не допускать дискриминации в отношении конкретных лиц и их интересов.

5) «Политическая нейтральность», в соответствии с которой государственный служащий обязан: служить правительству в лучшем виде вне зависимости от собственных политических предпочтений и убеждений, поддерживая политическую непристрастность; заслужить своим поведением доверие министров, в то же время гарантируя такие же доверительные отношения

¹ The Civil Service Code. Statutory Guidance // Gov.uk. March 2015. URL:

<https://www.gov.uk/government/publications/civil-service-code/the-civil-service-code> (дата обращения: 17.01.2022).

с новым составом правительства в случае его смены. Аналогичные принципы предусмотрены в отдельно принятых кодексах гражданской службы Уэльса¹ и Шотландии².

Идея служения развивается через применение принципа «говори правду власти» («speak truth to power»). Предполагается, что министры хотят (или должны хотеть) получить честный совет, который может быть принципиально важен для их деятельности (в конечном счете – для населения), и государственные служащие должны руководствоваться им. То есть правда может быть неприятной для «властителей» и самих «вестников» правды, однако она должна быть высказанной. Это важный идеологический компонент.

В информационных материалах, посвященных государственной службе, отмечается, что служащие должны демонстрировать «материальную и нравственную добросовестность» (pecuniary and moral integrity), и их мотивацией поступления на службу не должно быть зарабатывание денег³.

Отраслевые департаменты также выпускают рекомендации по конкретным вопросам поведения, например, как государственные служащие, должны использовать социальные сети.

Обязанности, возложенные на министров, закреплены в отдельном Кодексе служебного поведения, в соответствии с которым от министров ожидается поддержание высокого стандарта поведения⁴. Они должны вести себя профессионально и относиться ко всем, с кем имеют дело, с вниманием и уважением. Рабочие отношения, в том числе с государственными служащими, должны соответствовать рабочей обстановке. В духе времени, харассмент, травля или иное неподобающее или дискриминирующее поведение не допускаются.

От министров ожидается соблюдение «семи правил публичной жизни» (Seven Principles of Public Life):

а) Бескорыстность (selflessness): действия исключительно в интересах государства и общества;

б) Добросовестность (integrity): исключение стороннего влияния на деятельность, а также обязанность сообщать и содействовать разрешению конфликта интересов;

в) Объективность (objectivity): принятие решений, основанных на нейтральности, справедливости, фактах, исключающих дискриминацию и предвзятость;

г) Подотчетность (accountability): министры отвечают за свои решения действия не должны препятствовать проверкам своих действий;

д) Открытость (openness) и честность (honesty): решения должны приниматься открыто и прозрачно, информация не должна скрываться от общественности, за исключением случаев, когда это необходимо в соответствии с законом;

е) Лидерство (leadership): министры должны демонстрировать эти принципы своим собственным поведением. Они должны активно пропагандировать и решительно поддерживать эти принципы и быть готовы бросить вызов неподобающему поведению, где бы оно ни происходило⁵.

Кроме того, министры должны соблюдать иные принципы поведения, в том числе:

– принцип коллективной ответственности, который подразумевает, что министры должны иметь возможность откровенно выражать свои взгляды и вести свободную дискуссию между собой, поддерживая при этом единую позицию в отношении принятых решений. Это также требует сохранения конфиденциальности мнений, выраженных в Кабинете министров и министерских комитетах, в том числе в переписке;

– подотчетности Парламенту и максимальной открытости перед ним и обществом и т.д. Министры также не должны принимать подарки, если они могут повлиять на беспристрастность в принятии решений⁶.

¹ Civil Service Code // Welsh government. URL: <https://gov.wales/civil-service-code> (дата обращения: 17.01.2022).

² Civil Service Code // Scottish government. URL: <https://www.gov.scot/publications/civil-service-code/> (дата обращения: 17.01.2022).

³ The Westminster Model – Summary // civilservant.org.uk. URL: <https://www.civilservant.org.uk/wm-summary.html> (дата обращения: 17.01.2022).

⁴ Ministerial Code // Cabinet Office. August 2019 URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/826920/August-2019-MINISTERIAL-CODE-FINAL-FORMATTED-2.pdf (дата обращения: 17.01.2022)

⁵ The Seven Principles of Public Life. Annex A to the Ministerial Code. P. 27. // Cabinet Office. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/826920/August-2019-MINISTERIAL-CODE-FINAL-FORMATTED-2.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

⁶ Ibid. P. 4-5.

Министры, в соответствии с Кодексом, несут персональную ответственность за принятие решений о том, как действовать и вести себя, а также за оправдание своих действий перед Парламентом и общественностью. При этом премьер-министр является окончательным судьей в части стандартов поведения, ожидаемых от министра, и он же принимает итоговое решение о последствиях допущенных нарушений.

Предотвращение конфликта интересов также является ответственностью министра. При поступлении на службу министры должны предоставить полный список своих «интересов» (сфер заинтересованности), которые могут спровоцировать конфликт интересов, а также аналогичный список в отношении супруга/супруги или гражданского партнера.

Прием на государственную службу осуществляется в соответствии с Законом о реформе управления (Constitutional Reform and Governance Act 2010¹) и Правилами набора персонала (Recruitment Principles²). Государственные служащие должны назначаться на должность с учетом их заслуг на основе честной и открытой конкуренции, при этом «честная конкуренция» определяется как отсутствие предвзятости в оценке кандидатов, а «открытая» означает опубликование вакансий. Унифицированных экзаменов не предусмотрено, каждый департамент самостоятельно определяет процесс подбора кандидатов в рамках указанных выше принципов.

Они также вправе самостоятельно устанавливать требования к возрасту, знаниям, способностям, профессиональным достижениям, потенциалу, состоянию здоровья и способности справляться с требованиями работы.

В Основах компетенции государственных служащих (Civil Service Competency Framework 2012-2017³) были закреплены 10 компетенций, сгруппированных в три категории: «Определяй направление» (Set Direction), «Вовлекай людей» (Engage people), «Достирай результатов» (Deliver Results), в том числе умение видеть глобальную картину с учетом политического контекста, общественных потребностей и национальных интересов; умение меняться и совершенствоваться; умение принимать эффективные решения, которые подразумевают владение необходимой экспертизой, информацией и знаниями; коммуникативные и лидерские навыки, способность вести людей за собой; командная работа и т.д.

К настоящему моменту большинство департаментов использует «профили успешности» (Success Profiles)⁴ – ожидалось, что гражданская служба должна полностью перейти на них к началу января 2019 г. Целью их введения был отход от классического принципа к подбору кандидатов на основе их компетентности; теперь учитываются следующие элементы⁵: опыт (для его оценки применяются: изучение резюме, заполнение анкеты кандидата, собеседование⁶), сильные стороны (используются: тест на оценку личностных качеств, собеседования, в т.ч. видео-собеседования, тесты на выявление сильных сторон и т.д.⁷), поведение (в т.ч. презентация, собеседование, письменный анализ, ролевая игра, групповая дискуссия⁸), потенциал (тесты на оценку понимания написанного и тест на способности понимать и оперировать

¹ Constitutional Reform and Governance Act 2010 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/25/contents> (дата обращения: 17.01.2022).

² Recruitment Principles // Civil Service Commission. April 2018. URL: [https://civilservicecommission.independent.gov.uk/recruitment/recruitment-principles/#:~:text=The%20Recruitment%20Principles%202018%20\(PDF,exceptions%20to%20this%20requirement%3B%20and](https://civilservicecommission.independent.gov.uk/recruitment/recruitment-principles/#:~:text=The%20Recruitment%20Principles%202018%20(PDF,exceptions%20to%20this%20requirement%3B%20and) (дата обращения: 17.01.2022).

³ Civil Service Competency Framework 2012-2017 // Civil Service Human Resources. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/436073/cscf_fulla4portrait_2013-2017_v2d.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ Guidance: Success Profiles // UK Government. 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/success-profiles> (дата обращения: 06.05.2021).

⁵ Success Profiles Overview // UK Government. 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/717279/Success_Profiles_Overview_2018.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

⁶ Success Profiles: Experience // UK Government. 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/744221/Success-Profiles-Experience-vFV.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

⁷ Success Profiles: Civil Service Strengths Dictionary // UK Government. 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/717274/CS_Strengths_2018.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

⁸ Success Profiles: Civil Service Behaviours // UK Government. 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/717275/CS_Behaviours_2018.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

числовыми данными¹), а также технические навыки (в т.ч. тест на технологические знания, выполнение тестовой рабочей задачи²). Важность того или иного элемента будет варьироваться от конкретной должности и предопределять требования, устанавливаемые к кандидатам в каждом конкретном департаменте.

Одновременно предусмотрен ряд исключений из требования к конкурентному замещению должностей – как правило, применяемых к краткосрочной службе или к позициям, которые необходимо заполнить быстрее. К примеру, одно из исключений – прием на работу лиц, чье состояние здоровья или жизненный опыт не позволяет им конкурировать с остальными кандидатами: лица с аутизмом или синдромом Дауна, бывшие военные и члены их семей, уязвимые категории молодежи, лица, отбывавшие наказания в тюрьме. Эти категории имеют возможность занять должность в соответствии с одной из существующих программ трудоустройства в течение двух лет³.

В ежегодном отчете Комиссии по вопросам государственной службы за 2019–2020 гг. описывается процесс приема на высокую позицию: после открытия вакансии формируется приемная комиссия, которая оценивает поступившие заявки и формирует шорт-лист кандидатов, который обычно включает не более 4 претендентов, для приглашения на собеседование.

Перед собеседованием каждый из кандидатов обычно проходит брифинг, психометрический тест, презентацию или тестовое задание. Зачастую это тест на умение взаимодействовать с прессой⁴. В 2019-2020 гг. около 45 000 лиц было назначено на должности государственной службы, из них 39,6 тыс. – на конкурентной основе⁵.

Департаменты не должны устанавливать обязательный возраст выхода на пенсию для своих сотрудников, за исключением тех случаев, когда у них есть веские основания, подкрепленные юридической консультацией, сохранить верхний возрастной предел для определенных групп.

Запреты и ограничения на государственной службе закреплены в Кодексе об управлении государственной службой (Civil Service Management Code, 2016). В соответствии с ним государственные служащие имеют ряд ограничений в части разглашения информации, включая:

а) запрет на публикацию личных мемуаров, включающих описание их опыта работы в правительстве, без консультации с руководителем их департамента (*см. 4.2.5*);

б) отказ от участия в своем официальном качестве в опросах или исследовательских проектах (*см. 4.2.8*);

в) руководствоваться правилом, в соответствии с которым новые администрации обычно не имеют доступа к документам предыдущей администрации, имеющей другую политическую «окраску» (*см. 4.2.7*)⁶.

Для ряда государственных служащих (включая занимающих высшие должности) могут действовать запреты на участие в политической деятельности на национальном уровне; для других должностей могут быть предусмотрены ограничения. Государственные служащие также должны избегать ситуаций, когда их участие в партийно-политической полемике может привлечь внимание общественности и нанести ущерб репутации или деятельности Министра или их департамента (*см. 4.4.14*).

Государственные служащие также должны:

1) Получать специальное разрешение на параллельное трудоустройство вне системы государственной службы, которая может прямо или косвенно повлиять на их служебные обязанности (*см. 4.3.4*);

¹ Success Profiles: Civil Service Ability // UK Government. 2019. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/744222/Success-Profiles-Civil-Service-Ability-vFV.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

² Success Profiles: Technical // UK Government. 2019. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/744220/Success-Profiles-Technical-vFV.pdf (дата обращения: 17.01.2022).

³ Exceptions // Civil Service Commission. URL:

<https://civilservicecommission.independent.gov.uk/recruitment/exceptions/> (дата обращения: 17.01.2022).

⁴ Civil Service Commission Annual report and Accounts. 2019-2020. P. 7 // Civil Service Commission. URL:

<https://civilservicecommission.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2020/07/CSC-ARA-Report-201920-Interactive.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

⁵ Ibid. P. 12.

⁶ Guidance: Civil Service Management Code // UK Government. 2016. URL:

<https://www.gov.uk/government/publications/civil-servants-terms-and-conditions> (дата обращения: 07.05.2021).

2) Сообщать о случаях получения подарков, а в некоторых случаях – получать разрешение на их получение (ст. 4.1.3);

3) Сообщать о собственной несостоятельности и банкротстве (ст. 4.3.10).

По общему правилу, государственные служащие могут свободно инвестировать в акции и другие ценные бумаги, если только характер их работы не предполагает соответствующих ограничений. При этом они не должны использовать информацию, полученную в ходе их работы, для продвижения своих частных финансовых интересов или интересов других лиц. Государственные служащие обязаны раскрывать свои бизнес-интересы и информацию о ценных бумагах (собственных или близких родственников), а также выполнять любые последующие инструкции своего работодателя, касающиеся сохранения, устранения или управления такими интересами (ст. 4.3.8-4.3.9).

Заключение

В теории государственные служащие подчиняются Королеве, которая может освободить их от должности в любой момент. В современном мире с развитием законодательства о защите прав человека такой сценарий маловероятен. Министры не имеют права увольнять государственных служащих или применять к ним дисциплинарные взыскания – это происходит на уровне департамента, в котором служит конкретное лицо. Однако министры могут просить о смене государственных служащих, с которыми часто взаимодействуют, если они не сработались. Это, как правило, не отражается негативно на репутации обеих сторон.

Ситуациями, в которых требуется дисциплинарное разбирательство, являются проступки и/или плохая работа, наказание за которые может выражаться в следующих формах:

- самым мягким наказанием за незначительный проступок или снижение качества работы является письменное предупреждение. За последующие проступки или отсутствие улучшений в работе последует финальное предупреждение;

- финальное предупреждение может быть также применено к первому проступку, если он более серьезен и действия государственного служащего повлекли серьезные негативные последствия для работодателя. Сроки действия этого вида дисциплинарного взыскания устанавливаются в самом тексте предупреждения или финального предупреждения;

- неисполнение требований финального предупреждения может привести к увольнению или какому-либо другому наказанию, такому как понижение в должности или потеря звания. Эти меры могут применяться без процедуры предупреждений в случае самых серьезных проступков¹.

Дисциплинарные взыскания могут применяться при определенных обстоятельствах в дополнение к уголовным расследованиям или судебным разбирательствам, а также вместо них. Правила департаментов и учреждений для персонала должны четко указывать на обстоятельства, при которых может рассматриваться вопрос о применении дисциплинарных взысканий, и они должны включать нарушения правил поведения, а также иные действия или бездействие, которое существенно вредит деятельности или репутации организации.

При увольнении за правонарушение, связанное с утратой государственных средств, любые суммы, не выплаченные, например, в отношении заработной платы или заработной платы до последнего дня службы, или излишне уплаченного подоходного налога с заработной платы, могут быть удержаны в качестве зачета в счет убытка.

Лица, в отношении которых идет уголовное или дисциплинарное разбирательство, могут быть отстранены от службы, если есть необходимость защиты публичных интересов.

Если государственный служащий осужден за государственную измену, применяется автоматическая утрата пенсионных прав.

Поводя итог, можно сделать следующие выводы: скрытые и явные идеологические послы служения чиновников Великобритании обществу касаются самых разных аспектов: от формального кодекса поведения до борьбы с коррупцией. В зависимости от занимаемой должности, идеологическая нагрузка на служащего увеличивается. Так, по чисто формальным критериям видно, что нормативных обязанностей у министров больше, чем у рядовых служащих.

¹ Code of Practice on disciplinary and grievance procedures // UK Government. 2015. URL: <https://www.acas.org.uk/acas-code-of-practice-for-disciplinary-and-grievance-procedures/html> (дата обращения: 07.05.2021).

Говоря об идеологии государственного служения, мы бы хотели подчеркнуть, что это важный и необходимый феномен. Он есть всегда, но не всегда он явно прописан.

Возникает вопрос: имеет ли смысл идею служения государству переносить с государственных служащих, например, в гражданскую сферу? Нам представляется это излишним. Служить государству должны профессионалы, исходя из профессиональных кодексов и личных ценностей. Что касается обычных граждан, достаточно быть патриотом своей страны, чтобы не только страна, но и мир в целом совершенствовались.

Практики, проанализированные на опыте Великобритании, существенно улучшают качество работы чиновников, укрепляют демократию, повышают открытость власти обществу. Безусловно, существуют глубинные и незримые процессы, в которых есть место и коррупции, и неподобающему поведению. Однако, формальные рамки, задающие стандарт минимизируют подобные издержки власти.

Список источников

1. Борщевский Г. А. Реформа бюрократии: сравнение опыта Великобритании и России // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 260–279.
2. Зверева А. С. Сравнительная характеристика государственной службы России и Великобритании // Политика, государство и право. 2015. №5. URL: <https://politika.snauka.ru/author/loginza3kPf4TRu7nSESuNLj9UX1X> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Подвинцев О. Б. Империя и споры о ней. Пермь: Perm university press, 2019. 366 с.
4. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный Журнал, 1999. 237 с.
5. Вафин А. М. Идеология в организации: психологические игры в «лидеров» и манипуляции «массами». М.: URSS, 2020. 88 с.
6. Dunsire A. Bureaucratic Morality in the United Kingdom // International Political Science Review. 1988. Vol. 9. 3. P. 179–191.

References

1. Borshchevsky G. A. Bureaucracy Reform: A Comparison of the Experience of Great Britain and Russia. *Russia and the Modern World*. 2017;3(96):260–279. (In Russ.)
2. Zvereva A. S. Comparative Characteristics of the Civil Service of Russia and Great Britain. *Politics, State and Law*. 2015;(5). Available from: <https://politika.snauka.ru/author/loginza3kPf4TRu7nSESuNLj9UX1X> (date of access: 01/17/2022). (In Russ.)
3. Podvintsev O. B. *Empire and disputes about it*. Perm: Perm university press, 2019. (In Russ.)
4. Zizek S. *Sublime Object of Ideology*. M.: Artistic Journal, 1999. 237 p. (In Russ.)
5. Vafin A. M. *Ideology in Organization: Psychological Games of «Leaders» and Manipulation of the «Masses»*. Moscow: URSS, 2020. 88 p. (In Russ.)
6. Dunsire A. Bureaucratic Morality in the United Kingdom. *International Political Science Review*. 1988;(9.3.):179–191. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Вафин – канд. полит. наук, доц. кафедры политических и правовых учений Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Information about the author

A. M. Vafin – PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Higher School of Social and Economic Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 03.04.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 03.04.2022.

КОНЦЕПТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОПЫТ ЕГО АДАПТАЦИИ К РОССИЙСКИМ УСЛОВИЯМ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Дмитрий Александрович Ленков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lenkov_dmitrii@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются концептуальные модели гражданского общества западноевропейской классической традиции (М-модели, Л-модели) и опыт их адаптации в постсоветской России с опорой на технологии диффузии социально-гуманитарных инноваций (имитационный и подражательный тип инноваций). Показана их недостаточная релевантность перехода к аутентичным инновациям в этой сфере, развивающим институциональную (Р-модели и композиционные модели) и деятельностную (гражданское участие, гражданская активность) базу гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: гражданское общество, диффузия инноваций, М-модели, Л-модели, Р-модели, гражданская активность, гражданское участие, социально ориентированные НКО

Для цитирования: Ленков Д. А. Концепт гражданского общества и опыт его адаптации к российским условиям: традиции и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 183-188. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-183-188>

Politology and Ethnopolitics

Original article

CIVIL SOCIETY CONCEPT AND EXPERIENCE OF ITS ADAPTATION TO RUSSIAN CONDITIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Dmitry A. Len'kov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lenkov_dmitrii@mail.ru

Abstract. The article analyzes the conceptual models of civil society of the Western European classical tradition (M-models, L-models) and the experience of their adaptation in post-Soviet Russia based on diffusion technologies of socio-humanitarian innovations (imitation and imitation type of innovations). It shows their inadequacy and the possibility of transition to authentic innovations in this area, developing an institutional (R-models and compositional models) and an active (civil participation, civic activity) base of civil society in modern Russia.

Keywords: civil society, innovation diffusion, M-models, L-models, R-models, civic engagement, civic engagement, socially oriented non-profit organizations

For citation: Len'kov D. A. Civil society concept and experience of its adaptation to Russian conditions: traditions and innovations. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):183–188.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-183-188>

Вопросы развития и укрепления гражданского общества (ГО) в современной России постоянно находятся в центре внимания российского общества и государства. При этом внимание акцентируется на ГО как на важном институте, содействующем устойчивому развитию страны, так и на ресурсе, необходимом для защиты национальных интересов и суверенитета России. В последнем случае подчеркивается значимость реализации государственной политики,

направленной на «развитие институтов гражданского общества, поддержку общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности»¹. Пожалуй, впервые в документах последнего времени общественное и политическое внимание было заострено на данном направлении и выделено особое направление государственной политики, связанное со стратегией национальной безопасности.

Актуализация проблем развития и фундаментализации гражданского общества связано также с определенным зазором между концептуальными позициями, касающимися особенности, структуры, миссии российского гражданского общества и известной несфокусированностью его практического функционирования на решении базовых задач формирования общественной самоорганизации и эффективным управлением системой гражданских институтов и процессами гражданской социализации. Основными причинами такого несоответствия выступают, с одной стороны, недостаточный исторический опыт России в формировании гражданского общества как базового демократического института, функционирующего в условиях рыночной экономики, приоритетов частной собственности, личностных прав и свобод. Такого рода опыт начал формироваться лишь в конце XIX – начале XX вв., а также возобновлен с началом постсоветского периода. С другой стороны, острая потребность в формировании новых демократических институтов в условиях рыночной модернизации и незнание законов и тенденций диффузии политических инноваций в обстоятельствах форсированного установления новых политических и гражданских институтов, привели к появлению их в не вполне аутентичных для России форматах.

Такая неудовлетворенность высказывается все чаще как российским населением, политиками, экспертами [1-2], так и внешними наблюдателями, прежде всего западными, где опыт этот заимствуется, но при внедрении в политическую практику проявляет себя неэффективно и своеобразно [3], что и заставляет переключить внимание как на разработку обновленных классических моделей гражданского общества для современных российских условий, так и на осмысление условий и технологий диффузии и рецепции социально-гуманитарных инноваций в российской политической и социокультурной среде.

Такого рода исследования активно проводятся в настоящее время. Совершенно справедливо подчеркивает одна из известных исследователей гражданского общества в России С.В. Сиражудинова: «При выделении моделей гражданского общества прояснить особенности их построения может концепция диффузии инноваций, при применении которой заметно выделяются этапы в развитии гражданского общества, характерные для незападных стран» [4, с. 225].

На наш взгляд, данный подход заслуживает того, чтобы ориентироваться на него в методологическом ключе. Тем более, что наиболее полная его концептуальная артикуляция дана в разработках Ростовской научной элитологической школы (А.В. Понеделков, А.М. Старостин, С.А. Кислицын, С.И. Кузина) на материале ряда основных политологических концептов, включая и концепт «гражданское общество». В своих исследованиях данные ученые используют понятие социально-гуманитарных инноваций, включая и политические. В частности, к сфере социально-гуманитарной инноватики проф. А.М. Старостин относит такие основанные на фундаментальных научных исследованиях виды действий, как «социальные и гуманитарные технологии; методы и методики социального проектирования и планирования; методы и технологии социального управления и управления поведением и т.д.» [5, с. 9]. Следует также согласиться с выводом проф. А.Ю. Сунгурова, констатирующего, что внедрение инноваций в политической сфере, включающее проведение соответствующих преобразований, является необходимым для создания благоприятных условий для эффективного развития государства и гражданского общества [6, с. 31].

Указанный методологический подход в рамках Ростовской политологической школы позволил реализовать ряд серьезных исследовательских проектов и защитить около 20 докторских и кандидатских диссертаций (В.Г. Домановым, С.В. Сиражудиновой, А.В. Семеновым, М.В. Метлушенко, И.В. Твердовым, В.Е. Черепихиным и др.).

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности РФ». № 400 от 02.07.2021. П. 47-5.

Следует также адресоваться к одному из значимых межвузовских проектов, в котором приняли участие представители Ростовской политологической школы, руководствуясь принципами анализа диффузии политических инноваций. Это коллективное исследование «Развитие гражданского общества в регионах России». Здесь подчеркнуто: «Немаловажными при комплексном исследовании проблем гражданского общества являются и практические аспекты внедрения теоретических наработок или распространения (тиражирования) новых образцов опыта» [7, с. 42].

Что же касается доминирующих концептуальных представлений о гражданском обществе, то и теоретический анализ [8–9], и социологические замеры [10] показывают, что в современных российских условиях проявляют себя несколько базовых моделей «гражданского общества». Так, известный исследователь О. Хархордин, анализируя пути развития концепций гражданского общества и способы их адаптации к российским условиям, указал на две традиции в понимании гражданского общества: Л-традиции, идущей от Дж. Локка и М-традиции, восходящей к Ш. Монтескье [11, с. 76-80]. Он справедливо заметил, что, вращаясь в рамках этих классических представлений современная российская политическая мысль не вполне в них вписывается. Ей как бы недостает чего-то своего. И, возможно, что путь к этому своему могут далее прояснить дальнейшие поиски с ориентацией на третью традицию, которую можно обозначить Р-традицией – поиски в области религиозно-этических оснований гражданского общества [11]. Тем более, что в российской классической традиции и в ее современном продолжении действуют несколько базовых конфессий, оказывающих значимое влияние на гражданскую социализацию. Причем они образуют несколько вариаций Р-традиции (православную, исламскую, буддийскую, иудейскую), дополняемую значимым и многочисленным составом представителей Л-традиции и М-традиции, чьи социально-гражданские представления и социально-поведенческие проявления в своей основе имеют светские мировоззренческие и политические основания. И вполне можно согласиться с известным автором, что «представление теоретиков М-традиции о гражданском обществе как наборе независимых ассоциаций, опосредующих отношение между индивидом и государством, оказались гораздо ближе к нынешним российским дебатам о гражданском обществе, чем Л-традиция» [11].

Резюмируя приведенные материалы, касающиеся развития классических и современных представлений, основанных на инновационной практике, мы можем, исходя из намеченной проблемной ситуации, сформулировать основную направленность нашей работы: выявление репрезентативных для российских условий моделей гражданского общества и анализ потенциала социально ориентированных НКО как приоритетного формата кластеров гражданского общества в регионе для развития гражданского участия.

Хотелось бы пояснить, что в формулировке цели исследования тот опыт, из которого мы исходили и который обобщали, касается прежде всего наиболее деятельного и быстро развивающегося кластера гражданских организаций и их ассоциаций – социально ориентированных НКО (СО НКО). Его анализ позволил скорректировать и подходы к основаниям моделей гражданского общества. В базе этих оснований – не только структурные и институциональные элементы, но и деятельностные. Следовательно, и модель выстраивается в рамках сопряжения не столько институционального аспекта гражданского общества и власти (политического общества), а сколько – формата их взаимодействия, что в итоге позволяет выстроить развитие и усложнение моделей гражданского общества в динамике и распределить их по векторам роста степеней гражданской свободы. В итоге – это изучение взаимосвязей в треугольнике «гражданская активность – политическая активность – демократия».

Из представленной выше репрезентации проблемы вытекает основная идея исследования. Она выделяет позиционирование гражданской активности во взаимодействии с политической активностью как более целенаправленной на властные структуры, позволяющей расширять пространство гражданской и политической свободы, формируя в итоге институты демократии и стиль их взаимодействия с властью.

На наш взгляд, данный «треугольник» может двигаться по трем траекториям:

патронажной – состоящей во влиянии политического общества и государства на социально-экономические и социокультурные процессы. Наиболее яркое проявление такого патронажа – это пресловутая «вертикаль власти». Мы находимся пока в этом тренде, что

позволяет удерживать большую или меньшую устойчивость развития в период активного реформирования и защиты суверенитета страны.

Вторая траектория – **конкурентная**, когда структуры гражданского общества предлагают власти свою повестку и продвигают ее, в том числе инкорпорируя через политическое общество своих активных акторов. Такой траектории требует от нас придерживаться Запад. Для него это привычно и сформирована за многие десятилетия и даже века соответствующая политическая и гражданская культура. У нас пока это не готово. А в бывших советских республиках, строящих по такой предлагаемой матрице свою новую государственность, ничего не получается. Они «сваливаются» в колею буржуазного национализма и радикализма, неустойчивость национального развития, что сказывается и на экономике. Достаточно сказать, что на поздне-советские ключевые социально-экономические показатели за 30 лет удалось выйти только России, Казахстану и Белоруссии.

Третья траектория – **партнерство** власти, бизнеса и гражданского общества. Для нас, похоже, это оптимальный путь, учитывающий и цивилизационные условия, и параметры существования российского общества в предшествующий период.

Данное направление, модель требует для своей реализации значительной активизации деятельности гражданского общества и его институтов.

Что касается опытного материала, то анализ этой деятельности на фактуре последнего периода показывает, что из институтов гражданского общества в российских условиях, с нашей точки зрения, на первый план выдвинулись некоммерческие организации (НКО). К ним относятся различные организации: светские и религиозные, социально-этнические и социокультурные, нацеленные на развитие территориального самоуправления, поддержку различных видов профессиональной деятельности, оказание помощи ряду категорий населения и т.д.

В условиях экономического кризиса, пандемических проявлений, демографических сдвигов в сторону старения населения и т.п. особое место начинают занимать **социально ориентированные** НКО. Это тем более важно еще и по усилившейся и директивно подкрепленной ориентации на индикаторы и ценности социального государства в современной России, в том числе и в нашем регионе.

Следует подчеркнуть, что объем и спрос на эти услуги со временем не падает, а при надлежащей поддержке может расти. Много зависит и от числа СО НКО и числа их добровольных помощников. Пока что численность членов СО НКО достигает порядка 1 % от числа жителей, а волонтеров – от 5 до 10 %, что в принципе не так уж и мало, но резервы роста имеются. Наиболее многочисленная когорта в составе волонтеров – студенты, а также работники культуры, образования и науки. В частности, на причастность к волонтерскому движению указывают до 30 % от их общего числа. И, как это закономерно складывается, большее понимание необходимости социально ориентированной организованной общественной деятельности присуще тем, кто лучше об этом информирован.

В целом же на несомненную общественную полезность СО НКО указывают свыше 50 % опрошенных. Кстати говоря, существенным резервом в развитии данной гражданской деятельности выступает степень информированности об этом. 30 % респондентов указывают, что им ничего неизвестно о социально ориентированной гражданской деятельности. Думается, что это можно поправить в лучшую сторону, ибо по данным опроса, до 40 % сведений об обозначенном сюжете люди получают от телевидения и до 40 % – из Интернета. Работа с журналистским корпусом, блогерским активом способна значительно усилить и общую информированность в данном вопросе, и значительно поднять уровень мотивированности и желания включиться в данный вид гражданской активности.

Итак, каковы основные выводы и рекомендации?

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем следующее:

1. В развитии концепта «гражданское общество» следует выделить классическую и современную фазы. Классическое понимание, образующее ядро концепта, носит достаточно общий характер и сводится к «самоорганизующее начало и сосредоточение негосударственных отношений... общество, контролирующее не только государство, но и богатство страны, общество с развитыми партнерскими отношениями между обществом, государством и экономикой» [12, с. 549]. К этому следует присовокупить и контроль общества за решением проблем общественной и личностной безопасности.

Анализ показывает на возможность выделить ряд классических моделей развития гражданского общества (Л-модель, М-модель). Но их апробация в современных российских условиях показывает их недостаточную релевантность. И речь может идти еще по крайней мере о Р-модели. В то же время становится ясным и недостаточным инструментальный потенциал концепта ГО и необходимость его дополнения прикладными конструктами.

2. Выход на развитие прикладного и инструментального аспектов концепта ГО требует отрефлектированного использования новых методологических подходов, связанных с теорией и практикой социально-гуманитарных инноваций и, в частности, политических инноваций и их диффузии и рецепции. Последнее особо важно для современных российских условий, поскольку здесь использование концепта и опыта развития ГО осуществляется в основном путем рецепции западноевропейской модели ГО (Л-модель и М-модель).

3. Отрефлектированная в плане концепции политических инноваций структурная и функциональная подсистемы ГО с учетом российских условий (многосоставное общество) требует учета действия нескольких моделей ГО, прежде всего светского формата (М-модель), профессионального формата (Р-модель) и смешанного формата. Приоритетное проецирование в инструментально-прикладную плоскость российского варианта концепта ГО требует выстраивания не только институциональной, но и деятельностной структуры ГО. В качестве деятельностной проекции концепта ГО в российских условиях выступает схема «гражданские инициативы – политические инициативы – демократическое сообщество». Соответственно, выделенная схема приобретает достаточное – сценарное наполнение в виде следующих вариантов функционирования: патронажной, конкурентной, партнерской.

4. Анализ динамики развития компонентов ГО на материале Ростовской области показывает наблюдаемое преобладание патронажной модели в функционировании этих компонентов с заделами выхода на партнерскую модель. Основной материал для политико-социологического анализа получен в рамках Проекта «Общественное мнение о деятельности некоммерческих организаций и Общественной палаты Ростовской области в 2021 г.», а также с опорой на контент-анализ отчетной документации, отражающих деятельность социально ориентированных НКО.

В то же время анализ опыта других регионов РФ показывает присутствие в рамках патронажной модели существенное погружение в конкурентную модель (гг. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург). Тем не менее, на наш взгляд, именно деятельность СО НКО в настоящее время реализует в России основной пакет функций ГО и обладает наибольшей динамикой развития, что требует внимания и поддержки региональных властей, если они думают об устойчивости своей легитимности и наращивании потенциала эффективности регионально-государственного и муниципального управления.

5. Оценка перспектив в развитии СО НКО ведущего компонента регионального и местного ГО показывает на вектор, ведущий к формированию и развитию партнерской модели. Она обладает наибольшим потенциалом в растормаживании и реализации деятельностно-ролевой схемы «гражданское участие – политическое участие – демократическое сообщество». В ней заключены и наиболее значимые ресурсы гражданской социализации, гражданского воспитания и политической поддержки демократически ориентированной власти.

Список источников

1. Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Ред. Л. И. Никовская, ПЭН, 2011.
2. Кара-Мурза С. Г. Российское обществоведение. Становление, методология, кризис. М.: Алгоритм, 2016.
3. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественные науки. Способы объяснения системного провала. М.: ИД ВШЭ, 2015.
4. Сиражудинова С. В. Гражданское общество на постсоветском пространстве: концепты, модели, парадигмы. М.-Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016.
5. Старостин А. М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики. Ростов н/Д.: Донское книжное изд-во, 2014.

6. Сунгуров А. Ю. Как возникают инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015.
7. Понеделков А. В., Старостин А. М. Гражданское общество в современной России в контексте диффузии и рецепции инноваций / Развитие гражданского общества в регионах России. Тула, 2019.
8. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Изд-во НЛЮ, 2011.
9. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: ИД «Ключ-С», 2011.
10. Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия. Информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д.: СКАГС, 2016.
11. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2011.
12. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 1. М.: Изд-во «Мысль», 2010.

References

1. *Where Russia will go: new opportunities and restrictions on modern development*. Ed. L. I. Nikovskaya, PEN, 2011. (In Russ.)
2. Kara-Murza S. G. *Russian Social Studies. Formation, methodology, crisis*. Moscow: Algorithm, 2016. (In Russ.)
3. Hedlund S. *Invisible hands, Russian experience and social sciences. Ways to explain systemic failure*. Moscow: HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS; 2015. (In Russ.)
4. Sirazhudinova S. V. *Civil society in the post-Soviet space: concepts, models, paradigms*. Moscow-Rostov-on-Don: Publishing House "Social and Humanitarian Knowledge"; 2016. (In Russ.)
5. Starostin A. M. *Philosophy of social and humanitarian sciences and innovation: basic models*. In: *Social and humanitarian knowledge in the context of philosophical innovation*. Rostov-on-Don: Don Book Publishing House; 2014. (In Russ.)
6. Sungurov A. Yu. *How innovations arise: "thought factories" and other mediator institutions*. Moscow: ROSSPEN; 2015. (In Russ.)
7. Ponedelkov A. V., Starostin A. M. *Civil society in modern Russia in the context of diffusion and acceptance of innovations*. In: *Development of civil society in the regions of Russia*. Tula, 2019. (In Russ.)
8. Kharkhordin O. *Basic concepts of Russian politics*. Moscow: Publishing House of UFOs; 2011. (In Russ.)
9. *Civil initiatives and modernization of Russia*. Moscow: Publishing House "Klyuch-S"; 2011. (In Russ.)
10. *Power, business, civil society: models of interaction. Information and analytical materials*. Rostov-on-Don: SKAGS; 2016. (In Russ.)
11. Kharkhordin O. *Basic concepts of Russian politics*. Moscow: Publishing House "New Literary Review"; 2011. (In Russ.)
12. *New Philosophical Encyclopedia*. In 4 volumes. Т. 1. Moscow: Publishing House "Thought"; 2010. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Ленъков – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Len'kov – Senior Lecturer, Department of Civil and Business Law of URIU RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 26.04.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 26.04.2022.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-189-193

**ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ**

Екатерина Александровна Попова¹, Златаслава Сергеевна Мартемьянова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹directorcpk@yandex.ru

²zlataslava@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению цифровизации политического пространства и его современное состояние. Актуальность данного вопроса обуславливается тем, что политическое пространство трансформируется под воздействием цифровых технологий, с помощью экосистемного подхода становится возможным рационально подойти к исследованию данного феномена.

Ключевые слова: цифровизация, политическое пространство, экосистемный подход, цифровое политическое пространство

Для цитирования: Попова Е. А., Мартемьянова З. С. Экосистемный подход формирования цифрового политического пространства: современное состояние и перспективы применения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 189–193. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-189-193>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**ECOSYSTEM APPROACH FOR FORMING DIGITAL POLITICAL SPACE:
CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR APPLICATION**

Ekaterina Aleksandrovna Popova¹, Zlataslava S. Martemyanova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹directorcpk@yandex.ru

²zlataslava@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the digitalization of the political space and its current state. The relevance of this issue is due to the fact that the political political space is being transformed under the influence of digital technologies, with the help of an ecosystem approach it becomes possible to rationally approach the study of this phenomenon.

Keywords: digitalization, political space, ecosystem approach, digital political space

For citation: Popova E. A., Martemyanova Z. S. Ecosystem approach for forming digital political space: current status and prospects for application. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):189–193.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-189-193>

Активное внедрение цифровых технологий обществом в политическую реальность формирует новые вызовы в политической науке. Оцифровка политического пространства представляется интересной с точки зрения изучения новой инфраструктуры политического пространства, которая формируется благодаря использованию цифровых технологий.

Чтобы разобраться с величиной влияния цифровизации на политическое пространство, понимать практическое влияние технологий, перспективы развития политического пространства,

представляется интересным исследовать концептуальный смысл цифрового политического пространства.

Изучением самого понятия политического пространства ученые начали во второй половине 20-го века. При описании какой-либо политической деятельности часто используются политическое пространство как обозначение местоположения, географический аспект [1]. Однако, на наш взгляд использовать термин политическое пространство актуально применяя к коммуникативному аспекту, описывая ландшафт взаимодействия участников политической действительности. Учитывая цифровую трансформацию корректнее будет исследовать концептуализацию цифрового политического пространства. Под цифровым политическим пространством понимается дизайн реального взаимодействия политических субъектов с помощью цифровых технологий.

Проблематика разработанности политического пространства находится во внимании ученых и заключается в недостаточной разработанности понятия. Некоторые ученые считают, что П. Сорокин, Я. Морено одни из первых рассматривали пространство как социальное, после ученые подробнее стали рассматривать такие формы пространств, как культурное, нравственное, экономическое и остальные. Есть мнение, что именно понятие политическое пространство в научных трудах начало использоваться в конце 70-х годов двадцатого столетия. Политическое пространство рассматривается рядом научных исследователей как географическое поле политического взаимодействия, региональный аспект. Другие исследователи политической мысли считают, что политическое пространство появилось благодаря зарубежным ученым [2].

Однако, в научном сообществе до сих пор существует проблематика концептуализации политического пространства, и связано это с применением цифровых технологий. Ученые определяют цифровое пространство как отдельную категорию, которую можно применить к остальным формам пространств. Есть позиция, что цифровое пространство представляет собой отдельное, не зависимое от реального пространства, другая позиция указывает на то, что цифровое пространство есть проекция реального, то есть его модель [3].

В этом случае актуально будет концептуализировать цифровое политическое пространство с помощью научных подходов. Для этого будет интересным рассмотреть уже предложенные учеными подходы. В 60-70 гг. XX века в социологии учеными было популярно рассматривать поведение и деятельность человека, что послужило формированию сетевого подхода, который пришел в политическую науку. Политическая наука является одной из молодых дисциплин, в то время как в другие области научного знания давно применяются количественные методы. Например, в экономической практике опираются на расчеты, схемы, графики, в то время как в политической сфере считается сложным достичь точности. Политическая наука нуждается в большем изучении общих свойств, которые способны повторяться в пространстве, а не обособленных, таким образом возникнет возможность не только проанализировать текущую ситуацию, но и дать более точный прогноз для будущего развития политического пространства. Проблематика абстрактных понятий может являться проблемой проверки гипотез. Подходы к изучению политической науки должны быть взаимосвязаны и являться продолжением друг друга, новые теории должны основываться на уже существующих. Подходя серьезно к исследованию тех или иных взаимосвязей в политическом пространстве необходимо опираться на прошлые исследования, задействовать уже существующие подходы, принципы, концепции и усовершенствовать их. Применение подходов должно отображать глубину исследования тех или иных процессов в политическом пространстве.

Сущность сетевого подхода заключается в определении структуры какой-либо сети и связи между акторами, которыми могут являться как отдельные индивиды, так и малые и большие группы. В сетевом подходе связи отражают взаимодействие между акторами в политической структуре. Представляется, что сетевой подход связан с сетевым анализом, графами, вершинами которого являются акторы, соединительные линии являются их связи. Наличие связей между акторами политического процесса определяет сущность сетевого подхода.

Исследования сетевого подхода обусловлены изучением объединений групп в социологии и поведение акторов при взаимодействии. Некоторые ученые считают, что Я. Морено и Г. Левита в своих научных трудах подробно исследовали взаимосвязь поведения индивида и его положения в обществе, поэтому роль социальных сетей в сетевом подходе особенно важна.

Феномен социальных сетей был представлен социологом Манчестерской школы Джеймсом Барнсом в 1954 г. В основе его работ представлялось, что социальная сеть является связью людей, которые равны по отношению друг к другу в социуме, что привело к дальнейшему углублению изучения качества связей, сетевому подходу изучения взаимодействия акторов. А. Бентли и Д. Труман рассматривали роль горизонтальных сетей в политическом взаимодействии. Таким образом сетевой подход подразумевает исследование связей, их качество и количество в политическом пространстве. Множество исследований ученых было посвящено влиянию сетей на электоральные процессы. С. Роккан, отметил, что чем больше каналов взаимодействия и информации, тем сильнее влияние на выборы. Сетевой подход позволил определить влияние сетевой структуры на процессы выбора, формирования политических взглядов, проанализировать последствия такого влияния [4].

С развитием информационно-коммуникационных технологий появились научные труды, которые исследуют их влияние на политическое взаимодействие. Важно отметить работы испанского социолога М. Кастельса, который изучал процессы социальных трансформаций в условиях развивающихся информационных технологий. Исследования ученого положили основу для изучения влияния информационных технологий на взаимодействие акторов в политическом пространстве. М. Кастельс говорил об информационно-технологической революции, где центральную роль занимают информация и технологии, что является фундаментом формирования в том числе и политического пространства. Информационные технологии начали формировать сети в социальной системе, что позволило не только на индивидуальное поведение, а также на взаимодействие акторов [5]. Влияние информационных технологий на политическое пространство отразилось на его формировании, посредством взаимодействия власти и общества, появились новые формы взаимодействия, способы лоббирования интересов, управления массовым сознанием при помощи информационно-коммуникационных технологий.

Стремительное развитие окружающей действительности в условиях развития цифровых технологий требует новых подходов к его исследованию. Экосистемный подход является относительно новым подходом, однако он отличается от других своим инновационным подтекстом и интересен для применения в политической науке.

Экосистемный подход является новым для научной сферы, однако уже активно используется в различных сферах деятельности интуитивно. На пленарном заседании форума «Россия зовет!» (2020 г.) В. В. Путин отметил, что крупные компании становятся экосистемами¹. Если рассмотреть понятие «экосистема» подробнее, можно отметить, что впервые термин был использован в смысле современной системы, а не биологический термин в работе Джеймса Мура «Хищники и жертвы. новая экология конкуренции». Джеймс рассматривал экосистему как часть экономической системы, которая использует современные методы для разработки продуктов и подразумевает непрерывный этап внедрения инноваций. В биологических процессах под экосистемами понимается бесконечный цикл развития, где некоторые виды закладывают развитие для взаимодействия остальных видов. Аналогия природного мира стала основой для развития экосистем в предпринимательстве. Позже ученые М. Г. Рассел, К. Стилл, Ю. Хухтамяки начали рассматривать экосистему не как систему, которая находится в непрерывном развитии, а исследовав причины такого развития, установили важность выстраивания отношений внутри системы, где главным ориентиром стали таланты и ценности [6]. Профессор Дэниел Айзенберг отмечает важность создания внутренней культуры в экосистемах, отводит особое значение развитию человеческого потенциала, анализу внутреннего и внешнего потенциала взаимодействия в экосистеме. Айзенберг в предпринимательской экосистеме выделяет 6 элементов: человеческий потенциал, культура, политика, финансы, обеспечение, рынок. Считается, что в научное сообщество экосистемный подход был применен впервые благодаря Дэниелу Айзенбергу².

Термин экосистема начал ассоциироваться с особой системой, построенной на ценностях, принципах, талантах, справедливости и инновационности, где отражается намерение системы развиваться и нести положительный эффект. В такой экосистеме очень важную роль приобретают не только отдельные элементы, но и взаимосвязи этих элементов, исследованию подлежат

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/64296>

² «Революция предпринимателей» <https://hbr-russia.ru/management/strategiya/a10733>

их взаимодействие, основанное на ценностях, нацеленное на применение новых инструментов для развития экосистемы.

В условиях цифрового развития применение экосистемного подхода к концептуализации цифрового политического пространства представляется необходимым политической науке. Большие потоки информации в политическом пространстве требуют структуризации, последовательности, модернизации. Благодаря эффективному взаимодействию власти и общества возможно формирование эффективного цифрового политического пространства. Возможным это станет при условии ценностной ориентации взаимодействия субъектов в цифровом политическом пространстве, применении экосистемного подхода. Использование экосистемного подхода предлагается научному сообществу для использования в различных теоретических и практических исследованиях, которые позволят выявлению необходимых инструментов для выработки новых задач, причинно-следственных связей, для формирования более понятной картины процессов в политическом пространстве, политического анализа. Экосистемный подход способствует определению политического пространства, как более гибкого, основанного на принципах адаптивности к цифровым изменениям, ориентированного в том числе на развитие персонализации в цифровом политическом пространстве. Основой экосистемного подхода становится построение такого взаимодействия в цифровом политическом пространстве, которое будет направлено на гармонизацию взаимодействия власти и общества, формирование необходимых адаптивных, клиентоориентированных, персонализированных процессов, которые позволят развиваться участникам цифрового политического пространства. Одним из инструментов экосистемного подхода может являться построение структуры цифрового политического пространства, которая позволит увидеть участников политического взаимодействия, инструменты взаимодействия в политическом пространстве в условиях цифровой трансформации.

В настоящее время активно развивается цифрово-сетевое взаимодействие в политическом пространстве, развитие социальных сетей позволило политическим элитам быть ближе к гражданам, реализовывать публичную политику, высказывать свою позицию, лоббировать интересы. Существующая технологическая гонка создает внутренне и внешнее воздействие на развитие и формирование цифрового политического пространства. Коммуникационная солидарность власти и общества способствует цифрово-сетевой политической стабильности во взаимодействии политических элит и гражданского общества в цифровом политическом пространстве.

Активное участие политических элит в цифровом мире позволило формированию нового выражения своей гражданской позиции с помощью цифровых технологий. Политическим элитам необходимо контролировать процесс взаимодействия в политическом пространстве, политическую информацию. Такие процессы, как политическая апатия, слактивизм могут стать следствием недоверия общества политическим элитам в цифровом политическом пространстве. Мерами пресечения данной проблематики может стать развитие коммуникационной и образовательной составляющей в цифровом политическом пространстве. Применение экосистемного подхода закладывает основу для развития отношений власти и общества посредством ценностного, инновационного ориентира, который так необходим в современном цифрово-сетевом мире. Развитие самосознания у граждан, формирование устойчивых связей в цифровом политическом пространстве становится главной задачей политических элит в цифровом политическом пространстве.

Концептуализация политического пространства позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие власти и общества является фундаментом его развития, применение экосистемного подхода позволит сформировать необходимые инструменты для развития коммуникационной траектории в цифровом политическом пространстве.

Список источников

1. Заболотная Г. М. Социально-политическое пространство региона: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. н. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Тюмень, 2003. 48 с.

2. Гришин Н. В. Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. Волгоград, 2001. 144 с.: ил. РГБ ОД, 61 02-23/113-0
3. Гаджиев Ханлар Аляр Оглы Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. №3.
4. Овсянкина А.В. Применение сетевого подхода в политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 21–29.
5. Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2 (41). С. 161–169.
6. Moore J. F. 1993. *Predators and Prey: A New Ecology of Competition*, Harvard Business Review, May-June, pp. 75-83. Доступ: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition/>

References

1. Zabolotnaya G. M. *Socio-political space of the region: a sociological analysis*: Abstract of the thesis. dis. ... cand. polit. n. = Ros. acad. nar. households and state. service under the President of the Russian Federation. Tyumen, 2003. 48 p. (In Russ.)
2. Grishin N. V. *Political space as an object of theoretical and applied political research*: dissertation ... candidate of political sciences: 23.00.02. Volgograd, 2001. 144 p. (In Russ.)
3. Hajiyev Khanlar Alyar Ogly. Digital space as a field of political confrontation between the authorities and the opposition. *Politicheskaya nauka = Political science*. 2020;(3). (In Russ.)
4. Ovsyankina A. V. Application of the network approach in political research. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Science*. 2014;(2):21–29. (In Russ.)
5. Serkina N. E. The concept of a network society by M. Castells. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2019;2(41):161–169. (In Russ.)
6. Moore J. F. 1993. *Predators and Prey: A New Ecology of Competition*, Harvard Business Review, May-June, pp. 75-83. Available from: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition/>

Информация об авторах

Е. А. Попова – докт. полит. наук, проф. кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС;
 З. С. Мартемьянова – зав. сектором обучения в сфере размещения заказов и проведения торгов ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Popova – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Administration of URIU RANEPА;
 Z. S. Martemyanova – Head of the Training Sector in the Field of Placing Orders and Bidding of URIU RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2022; одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 14.05.2022; approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ КЛЮЧЕВОГО СИМВОЛА: К ТЕОРИИ АКТУАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Сергей Петрович Поцелуев¹, Алан Александрович Гаас²,
Александр Александрович Летуновский³

^{1,2,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Аннотация. Целью статьи является уточнение понятия семантической войны как особого вида символической политики, который не следует смешивать с более широким понятием пропагандистских (информационных) войн. Располагая семантические войны на нижних уровнях когнитивной легитимизации власти (согласно типологии П. Бергера и Т. Лукмана), авторы трактуют их как разновидность семантической борьбы, ведущейся в пространстве одного и того же ключевого символа (концепта) (Г. Лассуэлл). В статье подчеркивается, что основной когнитивной стратегией семантической войны является менеджмент полисемии/многозначности ключевых концептов публичного дискурса, в результате которого желанная для данного политического актора интерпретация концепта «натурализуется» как часть здравого смысла. Авторы указывают, что семантические войны ведутся как за отдельные лексиконцепты, так и за концептуальные метафоры. Этот тезис иллюстрируется в статье имеющимся опытом исследования концепта «Запад» в дискурсе парламентских дебатов ФРГ, а также толкованием метафоры «третья мировая война без порохового дыма» в китайской блогосфере периода пандемии COVID-19.

Ключевые слова: семантическая борьба, семантическая война, когнитивная легитимизация, ключевой символ, полисемия, многозначность, мифонарратив, натурализация смысла, лексиконцепт, концептуальная метафора, концепт-в-действии

Для цитирования: Поцелуев С. П., Гаас А. А., Летуновский А. А. Семантическая война в пространстве ключевого символа: к теории актуального феномена // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 194–200. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200>

Politology and Ethnopolitics

Original article

SEMANTIC WAR IN THE SPACE OF A KEY SYMBOL: TOWARDS THE THEORY OF AN ACTUAL PHENOMENON

Sergey P. Potseluev, Alan A. Gaas, Alexander A. Letunovsky

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

²alan-haas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0265-9389>

³letunovskiy2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0602-3329>

Abstract. The purpose of the article is to clarify the concept of semantic war as a special kind of symbolic politics, which should not be confused with the broader concept of propaganda (information) wars. Placing semantic wars on the lower levels of cognitive legitimation of power (according to the typology of P. Berger and T. Luckmann), the authors interpret them as a kind of semantic struggle

waged in the space of the same key symbol (concept) (H. Lasswell). The article emphasizes that the main cognitive strategy of the semantic war is the management of polysemy/multivaluedness of the key concepts of public discourse, because of which the interpretation of the concept desired by a given political actor is «naturalized» as part of common sense. The authors point out that semantic wars are conducted both for separate lexical concepts and for conceptual metaphors. This thesis is illustrated in the article by the experience of studying the concept of «the West» in the discourse of the German parliamentary debates, as well as by the interpretation of the metaphor «the third world war without powder smoke» in the Chinese blogosphere during the COVID-19 pandemic.

Keywords: semantic struggles, semantic war, cognitive legitimization, key symbol, polysemy, multivaluedness, mythic narrative, naturalization of sense, word-concept, conceptual metaphor, concept-in-action

For citation: Potseluev S. P., Gaas A. A., Letunovsky A. A. Semantic war in the space of a key symbol: towards the theory of an actual phenomenon. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):194–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-194-200>

Введение. В политике, – как справедливо заметил американский политолог Мюррей Эдельман, – трудно бывает понять, что является причиной чего, и «какие групповые интересы выиграли окончательную битву, не говоря уже о последней войне» [1, р. 65]. Эта трудность напрямую связана с тем, что волнующие общество политические события в значительной мере являются порождением языка, который их описывает. Но язык не просто вовлечен в реальные войны в качестве пропагандистского средства; на своем собственном уровне он становится полем особых войн, которые называют семантическими. В отечественной [2, с. 238] и зарубежной [3] научной литературе выражение «семантические войны» нередко используют в широком смысле, подразумевая под ним конкуренцию политических акторов в наречении социальной реальности вообще и каких-то политически значимых событий, в частности. При таком подходе данная категория существенно теряет в своей аналитической силе, выступая лишь синонимом пропагандистской или информационной войны. *Цель данной статьи* – уточнить понятие семантической войны в более тесном смысле, а именно, посредством прояснения теоретико-методологических предпосылок исследования данного феномена.

Семантическая война как средство когнитивной легитимации власти. Самый первый момент, который следует иметь в виду при концептуализации семантической войны в политической науке – это тип легитимации, к которому она относится. В общем плане данный тип можно, вслед за авторами «Социального конструирования реальности», обозначить как когнитивный в отличие от нормативного. «Легитимация, – пишут П. Бергер и Т. Лукман – говорит индивиду не только почему он *должен* совершать то или иное действие, но и то, почему вещи *являются* такими, каковы они есть» [4, с. 154]. Из четырех уровней когнитивной легитимации, как они описываются упомянутыми авторами, семантические войны можно отнести к первым двум: дотеоретическому уровню «самоочевидного знания» и уровню прагматично-ситуативных «теоретических утверждений в зачаточной форме» [4, с. 154–155]. На этих (в концептуальном плане) самых нижних уровнях разворачивается то, что П. Бурдьё удачно назвал «символической борьбой за производство здравого смысла» или борьбой за «монополию легитимной *номинации*» [5, с. 72]. Такая монополия тоже связывается с государством, которое производит официальную номинацию социальной реальности как акт символического внушения, имеющего силу здравого смысла. Прежде чем пришедшая к власти политическая сила может упрочить свою позицию соответствующими юридическими актами, она должна (если пришла надолго) узаконить себя на высшем уровне когнитивной легитимации – через явные теории и символические универсумы. Но этого не может случиться, если проиграны битвы на семантической войне.

Любая официальная власть, чтобы быть идеологически легитимной, должна утвердить свой частный способ видения политической действительности в качестве общего. Но на нижнем уровне когнитивной легитимации она уже не может сделать это посредством пропагандистского противопоставления своего «крёдо» конкурирующим доктринам и программам. Следовательно, у нее есть только одна возможность: формировать у массовой аудитории веру в то, что существует только одна «разумная» интерпретация происходящего, которая отвечает «здравому смыслу», «реальности, как она есть» (и совпадает с официальной позицией). Напротив, конкурирующие

определения реальности должны квалифицироваться не как идейно ложные установки политических противников по какому-то вопросу, но как позиции в принципе «абсурдные» («неразумные», «нездоровые»), а потому недопустимые. Можно сказать, что в семантической борьбе статус какого-либо значения как «здравого смысла» коррелирует с государственным статусом в политической сфере.

Такое когнитивное позиционирование семантических войн близко понятию «семантической борьбы» (semantic struggles), которое сравнительно давно используется в западной политической лингвистике. Так, немецкий исследователь Д. Буссе определяет семантическую борьбу как «конфликты по поводу правил использования языковых знаков» [6, p. 123]. Победителем в этой борьбе считается тот, кто преуспел в установлении своего правила в качестве лингвистической нормы для данного языкового сообщества. Семантическая борьба подразумевает споры о том, какое значение надлежит придавать встречающемуся в данном дискурсе выражению, она включает конфликты по поводу скрытых инсинуаций, спорных коннотаций и т.д. [7, p. 45]. В целом, семантическая борьба выступает своеобразным менеджментом смысловой неопределенности (диффузности) политического языка, причем не только вербального. Однако в этом пункте семантическую борьбу следует отличать от обычной полисемии языковых знаков. Немецкий политический лингвист В. Дикманн различает полисемию и многозначность, опираясь на введенное Г. Фреге различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung) языковых выражений. Полисемия, которая не снимается контекстом употребления знака, ведет к его многозначности. А эта последняя влечет за собой серьезные последствия для взаимопонимания в акте коммуникации [8, p. 66].

Но определяя семантическую войну как намеренное использование многозначности политических концептов во властных целях, мы еще не ухватываем собственную специфику этой войны, поскольку эксплуатация полисемии и многозначности слов есть обычная пропагандистская практика, состоящая в управлении коллективными воззрениями посредством манипулирования значимыми символами. Специфика же семантической войны состоит в том, что многозначность используется здесь исключительно как средство демонстрации какого-то значения как единственно истинного. Такое использование предполагает определенный жанр политической коммуникации, который В. Дикманн называет «дебатами» в отличие от «дискуссии». Цель последней – обрести консенсус относительно истины путем прояснения и устранения многозначности ключевых терминов. Напротив, в дебатах речь идет не о поиске истины и даже не о переубеждении оппонента; их основная цель состоит в прояснении уже сформированных позиций, в обосновании и оправдании этих позиций. Моделью такой коммуникации Дикманн считал пленарные выступления в парламенте [8, p. 100].

Война за семантику лексикоконцептов. В парламентском дискурсе наиболее типичным случаем семантической войны является борьба за смыслы базовых лексикоконцептов. Под ними мы подразумеваем отдельные слова, выступающие речевыми представителями понятий. В отличие от обычного слова или строго научного понятия, в концепте план «смысла» выражен в большей мере, чем план «значения» и «представления» (в терминах Фреге). Богатый материал семантических войн за лексикоконцепты дают прежде всего реальные войны и вооруженные конфликты. Внутри страны они обостряют конкуренцию различных политических сил при толковании ключевых символов публичного дискурса, таких как «родина», «отечество», «народ» и т.д. Эти символы особенно ценны, так как обладают большим эмоциональным потенциалом, необходимым для успешной политической мобилизации. Классическим примером такой семантической войны, хорошо изученной в научной литературе, может служить битва за семантику концепта «отечество» в европейских странах периода Первой мировой войны. В тогдашней Германии, к примеру, различные политические акторы пытались «узурпировать в единоличную собственность» [9, с. 227] семантику концепта «отечество» (Vaterland), внося соответствующую лексему в название своих политических организаций: «*Отечественная партия*», «*Народный союз за свободу и отечество*», «*Союз Новое отечество*» и др.

Шведский исследователь А.Ю. Рабеншлаг анализирует в своей недавней статье «семантическую борьбу» (semantic struggles) за концепт «Запад» (West), борьбу, которая разыгралась в германском бундестаге в ходе дебатов вокруг нефтяного кризиса 1973/74 гг. [10]. Этот концепт безусловно относится к тому, что Лассуэлл называл «ключевыми символами» [11, p. 12-13] политического дискурса. Мы будем использовать здесь выражения «ключевой концепт» и

«ключевой символ» как синонимы, акцентируя значимость эмоционально-экспрессивного (суггестивного) потенциала не только символа, но и концепта для интеграции и мобилизации человеческих коллективов. Заметим, что Г. Лассуэлл понимал «ключевой» символизм широко и глубоко: с одной стороны, он включал в него, помимо графических, и вербальные символы вроде «права», «свобода», «демократия», «равенство»; а с другой стороны, американский политолог подчеркивал, что «ключевой символ – это базовый термин политического мифа» [11, р. 13]. Другими словами, речь идет о переводимости ключевого символа/концепта в (мифо-)нарратив.

Упомянутые случаи борьбы за семантику концептов («Отечество» и «Запад») можно в более тесном смысле квалифицировать как семантическую *войну*, поскольку речь здесь идет не о войне концептов, но о сражении политических акторов за семантику одного и того же ключевого символа. Эта война есть закономерный эффект масштабного социального кризиса, заставляющего политических акторов использовать ключевые концепты публичного дискурса как «контейнеры», в которых сжимаются сложные политические программы и мировоззрения» [10, р. 152]. Другими словами, упомянутые термины используются здесь в режиме «концепта-в-действии» ('concept in action'), и этот режим следует считать общей характеристикой семантических войн.

Рассмотрение ключевого политического символа/концепта «в-действии» означает не только учет реального контекста его использования, даже широкого культурно-исторического контекста. Важно также иметь в виду, что такие концепты «представляют собой гораздо больше, чем просто образы социальной реальности – они сами являются факторами генезиса и преобразования социальной реальности» [12, р. 45]. Это объясняет, почему семантическая война ведется прежде всего за ключевые концепты: победа в такой войне есть важное условие победы в политическом конфликте.

Авторы, использующие понятие семантической борьбы в смысле именно *войны* семантик (как в упомянутых случаях с концептом «Запад»), подчеркивают, что главная когнитивная стратегия в этой борьбе заключается в том, чтобы «натурализовать» [10, р. 152] свою интерпретацию ключевого символа. Под натурализацией здесь следует понимать ту самую практику, которую Бурдьё называл «символической борьбой за производство здравого смысла», а Ролан Барт связывал с «натурализацией» смысла в мифе. Мы считаем принципиально важным подчеркнуть, что семантическая война, – именно потому, что она относится к семантике ключевых символов – разворачивается на уровне мифа. Этот момент, акцентируемый Лассуэллом в его понятии «ключевых символов», иногда упускается из вида в набирающем популярность понятии «concept-in-action». Между тем, возвращаясь к случаю семантической войны за концепты «Отечество» или «Запад», следует заметить: их конкурирующие толкования не борются между собой в открытую, как аргументы, но подаются как самоочевидный факт. Выражаясь бартовским языком, стратегия семантической войны состоит здесь в «натурализации» интенций понятия, которые не демонстрируются, но и не скрываются, а «протаскиваются» посредством их превращения в «насыщенный, непосредственно порождаемый и переживаемый, невинный и бесспорный» факт, который «предстает одновременно как внушение и констатация» [13, с. 243, 249]. Как следствие, потребитель мифонарративной интерпретации ключевого концепта принимает заключенные в его семиотической системе ценностные смыслы за систему сырых фактов, лишенных интерпретации.

Война за семантику метафорических концептов. Ключевые символы, вокруг которых разворачиваются семантические войны, могут быть представлены в политическом дискурсе не только отдельными словами (лексикоконцептами), но и метафорами, в особенности концептуальными. В случае семантической войны в пространстве метафоры принципиален, однако, ее статус как ключевого символа. Свежая оригинальная метафора, не получившая, однако, широкого распространения, может быть весьма умным описанием реальности, однако у нее нет того, что есть у любого ключевого символа: способности организовать общий когнитивный опыт большой массы людей в государстве, «начиная от самого могущественного босса и заканчивая самым скромным мирянином или философом» [11, р. 13].

Согласно когнитивной лингвистике, процесс понимания существенно связан с бессознательным действием концептуальных метафор, которые формируют прямой путь от метафорического языка к метафорическому обрамлению мысли, а от нее – к действию. Как следствие, люди в определенных (особенно, кризисных) ситуациях поступают в зависимости от того, как

они эти ситуации метафорически определяют. На эту способность концептуальных метафор накладывается давно отмеченный исследователями пропаганды принцип наивного восприятия массовой аудиторией речи политиков: они говорят так, как мы; значит, они думают так же, как мы; следовательно, они действуют по-нашему.

В политической науке случай семантической войны в пространстве одной и той же метафоры изучен слабее по сравнению с исследованием идеологической многозначности базовых политических понятий вроде свободы, демократии, власти и т.д. Мы можем проиллюстрировать пользу такого направления исследований случаем семантической войны, взятым из дискурса вокруг пандемии COVID-19. Важнейшей площадкой этих семантических войн стало противостояние американских и китайских медиа, связанное, в частности, с намеренным использованием Д. Трампом оскорбительной метафоры «китайский вирус». В свою очередь, в медиапространстве КНР получила широкое распространение метафора «третьей мировой войны без порохового дыма» (场没有硝烟的“第三次世界大战”)¹. На примере этой метафоры, уже давно обретшей в публичном дискурсе КНР статус ключевого символа, можно наблюдать войну семантик в контексте пропагандистской войны китайских медиа с западными. Причем самый интересный сегмент этой войны располагается, по-видимому, в блогосфере. Там толкования «третьей мировой войны без порохового дыма» достигают поляризации, хотя в китайских СМИ можно встретить и нейтральный смысл данной метафоры, просто акцентирующий глобальный характер борьбы с коронавирусом, ее мировые масштабы. Но в случае семантической войны толкование сразу же переносится в плоскость соперничества КНР и США. Прецедент такого толкования создал в свое время китайский лидер Дэн Сяопин, когда осенью 1989 года, будучи под впечатлением от стремительной деградации СССР и всего европейского «социалистического содружества», заявил, что «Запад ведет третью мировую войну без порохового дыма»². Сходные («антизападные») смыслы этого выражения можно встретить и в китайской блогосфере вокруг пандемии COVID-19, однако встречаются и прямо противоположные толкования. Так, некий прозападный блогер под ником «智者不惑 [Мудрец не смущается]» обвиняет китайских коммунистов в развязывании «третьей мировой войны без порохового дыма». Несколько торопя (для марта 2020 года) события, блогер заключает: «Третья мировая война без порохового дыма, которую вела КПК, оказалась могилой, которую она сама себе вырыла!»³.

Любопытно, что война за семантику упомянутого выражения сопровождается не просто выставлением его взаимоисключающих толкований, но генерированием новых метафорических выводов. Так, в записи одного из китайских блогеров характеристика пандемии как «третьей мировой войны без порохового дыма» обретает интересную коннотацию. Главным в этой характеристике оказывается не масштаб разрушений, сравнимых с мировой войной, а вызываемые ею геополитические сдвиги. Когда мировая эпидемия обострится, и Китай станет «безопасным островом», – рассуждает китайский блогер, – в него потечет много людей и ресурсов. Страна явит миру мобилизационные преимущества своей общественной системы, вмиг превратившись из бедного ученика – в образец для подражания. «История повторяется: Китай сегодня очень похож на Соединенные Штаты семидесятилетней давности, и эпидемия каким-то образом сыграла роль ‘третьей мировой войны’, после которой глобальная политическая карта будет перекроена ...»⁴.

Как показывает данный пример с китайской метафорой, анализ семантических войн в блогосфере представляется перспективным направлением исследований: обсуждение

¹ 陈冰 [Чэнь Бин]. 全球面临 政治病毒 与新冠疫情双重考验 [Мир сталкивается с двойным испытанием: политическим вирусом и новой эпидемией коронавируса] // 新民周刊 [Еженедельник Синьминь]. 2020-03-25. URL: <https://m.xinminweeklv.com.cn/content/13954.html>

² 邓小平 [Дэн Сяопин]. 坚持社会主义 防止和平演变 [Прилепживайтесь социализма и препятствуйте «мирной эволюции» (23 ноября 1989)] // 邓小平文选第三卷 [Антология Дэн Сяопина. Т. 3]. URL: http://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_108.htm

³ 智者不惑 [Мудрец не смущается]. 中共发动了一场没有硝烟的第三次世界大战——中共病毒11 [КПК развязала третью мировую войну без дыма - вирус КПК 11] // 文学城 «博客» [Литературный город – Блог]. 31.03.2020. URL: <https://www.wenxuecity.com/blog/202003/72155/50550.html>

⁴ 新冠疫情就是第二次世界大战 世界格局将重新划分 [Новая вспышка коронавируса – это третья мировая война, и мировая карта будет перекроена] // 诸葛闹闹 [Блог Чжугэ Шумного]. 18.03. 2021. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/114132990>

политических проблем ведется здесь зачастую в метафорической форме, которая далека от политкорректности, зато информативна в своей откровенности.

Заключение. В общем плане феномен семантических войн относится к сфере символической политики, разворачивающейся на нижних уровнях когнитивной легитимации власти. В более тесном смысле семантические войны суть разновидность семантической борьбы, состоящей в конфликтах относительно правил использования многозначных языковых терминов и нацеленной на установление выгодных для данного политического актора норм языкового сообщества. Семантическая война как борьба за «монополию легитимной номинации» касается прежде всего ключевых политических символов как «концептов-в-действии», которые представлены как отдельными лексикоконцептами, так и метафорами, в особенности концептуальными. Основная когнитивная стратегия участников семантической войны состоит в мифической «натурализации» фаворизируемых ими смыслов как не допускающих оспаривания очевидностей. Семантическая война в собственном смысле есть прямое столкновение политических акторов в семантическом пространстве одного и того же ключевого концепта, действующего как свернутый мифонарратив публичного дискурса, в целях продвижения тех смыслов, которые в наибольшей мере отвечают интересам данного актора.

Список источников

1. Edelman M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
2. Неклесса А. И. Мир Индиго. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст // Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. Материалы научного семинара. Вып. № 1 (10). М.: Научный эксперт, 2008. С. 99–263.
3. Collins H. L. The Semantic War: The Pen as Sword in Rewriting Western Representations of Haiti in the Media // *International Journal of Francophone Studies*. 2013. Vol. 16. № 1-2. P. 191–207.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. (Трактат по социологии знания). М.: «Асайеггна-Центр», «Медиум», 1995. 323 с.
5. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–97.
6. Busse D. Semantic Strategies as a Means of Politics: Linguistics Approaches to the Analysis of «semantic struggles» // *Tracing the Semiotic Boundaries of Politics* / P. Ahonen (ed.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 121–128.
7. Stötzel G. Semantische Kämpfe im öffentlichen Sprachgebrauch // *Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven* / G. Stickel (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 1990. P. 45–65.
8. Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. 2. Auflage. Heidelberg: Winter Verlag, 1975. 147 p.
9. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. С.-Петербург: Наука, 2003. 468 с.
10. Rabenschlag A.-J. Semantic Struggles in the Face of Crisis: 'The West' as Contested Key Concept in West German Parliamentary Debate (1973/74) // *Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2021. Vol. 24. № 2. P. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.33134/rds.353>
11. Lasswell H. D. *The Language of Power* // Lasswell H., Leites N., and anonym. associates. *Language of Politics*. Cambridge, MA: Harvard, 1968. P. 3–20.
12. Leonhard J., Steinmetz W. Von der Begriffsgeschichte zur historischen Semantik von «Arbeit» // Leonhard J., Steinmetz W. (eds.) *Semantiken von Arbeit: Diachrone und vergleichende Perspektiven*. Köln: Böhlau, 2016. P. 9–59.
13. Барт Р. Мифологии. Пер. с франц. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.

References

1. Edelman M. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
2. Neklessa A.I. World of Indigo. The Postmodern Epoch and the New Civilizational Context. *The Postmodern Epoch and the New Civilizational Context. Materials of scientific seminar*. 2008. Vol. 1. Moscow: Scientific expert:99-263. (In Russ.)
3. Collins H.L. The Semantic War: The Pen as Sword in Rewriting Western Representations of Haiti in the Media. *International Journal of Francophone Studies*. 2013; 16 (1-2):191-207.
4. Berger, P. L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow: «Asayeggnna-Center», «Medium», 1995. 323 p. (In Russ.)

5. Bourdieu P. *Sociology of Politics*: trans. from French / Comp., general ed. and preface by N. Shmatko Moscow: Socio-Logos, 1993. 336 p. (In Russ.)
6. Busse D. Semantic Strategies as a Means of Politics: Linguistics Approaches to the Analysis of «semantic struggles». *Tracing the Semiotic Boundaries of Politics* / P. Ahonen (ed.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1993:121-128.
7. Stötzel G. Semantische Kämpfe im öffentlichen Sprachgebrauch. *Deutsche Gegenwartssprache. Tendenzen und Perspektiven* / G. Stickel (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 1990:45-65.
8. Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. 2. Auflage. Heidelberg: Winter Verlag, 1975. 147 p.
9. Dann O. *Nations and Nationalism in Germany 1770-1990*. St. Petersburg: Nauka, 2003. 468 p. (In Russ.)
10. Rabenschlag A.-J. Semantic Struggles in the Face of Crisis: 'The West' as Contested Key Concept in West German Parliamentary Debate (1973/74). *Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 2021; (24) 2: 150–165. DOI: <https://doi.org/10.33134/rds.353>
11. Lasswell H. D. The Language of Power. Lasswell H., Leites N., and anonym. associates. *Language of Politics*. Cambridge, MA: Harvard, 1968:3-20.
12. Leonhard J., Steinmetz W. Von der Begriffsgeschichte zur historischen Semantik von «Arbeit». Leonhard J., Steinmetz W. (eds.) *Semantiken von Arbeit: Diachrone und vergleichende Perspektiven*. Köln: Böhlau, 2016: 9-59.
13. Barthes R. *Mythologies*. transl. from French by S. Zenkin. M.: Publishing house Sabashnikov, 2000. 320 p. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Поцелуев – докт. полит. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ;
А. А. Гаас – магистрант ЮФУ;
А. А. Летуновский – студент ЮФУ.

Information about the authors

S. P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of Southern Federal University;
A. A. Gaas – Master's Student of Southern Federal University;
A. A. Letunovsky – Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 28.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Научная статья

УДК 32:001

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-201-206

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТРЕКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУКИ И НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ
ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИВНОСТИ
И ГЛОБАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ**

Александр Михайлович Старостин

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
amstar2912@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются новые подходы к оценке научно-технологического развития с позиций Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ». В качестве методологической платформы анализа выбрано науковедческое творчество М.К. Петрова, выдающегося отечественного науковеда и философа, рассматриваемое в контексте трех основных моделей – треков репрезентации науки: параметрической, органической, эмерджентной.

Ключевые слова: стратегическое планирование, научная политика, наука, параметрический трек, органический трек, эмерджентный трек, когнитивная инклюзивность

Для цитирования: Старостин А. М. Инновационные треки репрезентации науки и научной политики во взаимодействии национальной инклюзивности и глобальной динамики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 201–206. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-201-206>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**INNOVATIVE TRACKS OF REPRESENTATION OF SCIENCE AND SCIENCE POLICY
IN THE INTERACTION OF NATIONAL INCLUSIVITY AND GLOBAL DYNAMICS**

Alexander M. Starostin

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, amstar2912@mail.ru

Abstract. The article analyzes new approaches to assessing scientific and technological development from the standpoint of the Decree of the President of the Russian Federation "On the approval of the Fundamentals of State Policy in the Field of Strategic Planning in the Russian Federation." The methodological platform of analysis was chosen as the scientific work of M.K. Petrov, an outstanding domestic science scientist and philosopher, considered in the context of three main models – tracks of representation of science: parametric, organic, emergent.

Keywords: strategic planning, science policy, science, parametric track, organic track, emergent track, cognitive inclusivity

For citation: Starostin A. M. Innovative tracks of representation of science and science policy in the interaction of national inclusivity and global dynamics. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):201–206.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-201-206>

В подписанном 8.11.2021 президентском указе № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» в качестве четырех базовых документов стратегического планирования отмечен «Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период», что предполагает наличие достаточно четко проработанной методологии анализа и прогнозирования научно-технического и технологического развития. Значительная часть методологического массива в этой области сконцентрирована в области философии и методологии науки. Основные ее источники следует отнести к зарубежной науковедческой мысли, что закономерно с точки зрения основных импульсов и детерминантов развития науки как социального института и области творческой деятельности.

В условиях современной глобальной динамики, когда постоянно растет не только инновационный потенциал Большой Науки, но и конкурентное взаимодействие, опирающееся на этот потенциал, очень важна ориентация и на научно-когнитивную инклюзивность и суверенные позиции российской науки и российских ученых. Это тем более значимо, когда с помощью санкционной политики выстраиваются меры, направленные на отсечение России от мировой науки (как, впрочем, и от других важных направлений мировой политики, экономики, культуры, сфер международного обмена). Ориентация на усиление научно-когнитивной инклюзивности периодически возрастает и проявляет себя в современной истории Российского государства и общества.

В истории отечественной науки, в особенности гуманитарной, весьма мало имен, к которым обращаешься в подобных трудных обстоятельствах. И это не только потому, что «нет пророков в своем Отечестве», но и потому, что за многие последние годы и десятилетия мы слишком привыкли к пророкам из других отечеств. Но, видимо, придется отвыкать. Есть, к счастью, на кого опереться. К числу таких «героев невидимого фронта» нужно, несомненно, отнести Михаила Константиновича Петрова – пожалуй, самого оригинального отечественного философа второй половины XX века.

Мы обращаемся к его трудам и мыслям ныне достаточно полно (благодаря усилиям творческой группы во главе с профессором А.Н. Ерыгиным), изданным не только по конкретным ситуациям, но и за вдохновением по поводу своих случаев и проблем, и за вдохновением, когда устал двигаться по «наезженной колее» научного и образовательного долга, обязанностей и предлагаемых к решению задач. И – за моральной поддержкой и примером в отношении экзистенциальных ситуаций, когда, казалось бы, настал конец привычному укладу, и одолевают тебя жизненные ненастья.

Для многих из нас ключевым понятием, современной «палочкой-выручалочкой» стала Наука. Она, казалось бы, выступает как «волшебное слово» нашего времени. Применяют ее в любых ситуациях, особенно в трудных, и успех как бы обеспечен. Но то ли конкуренция выросла, когда все обращаются к новой «палочке-выручалочке», то ли не умеем мы к ней обратиться как должно, но перестала она нас выручать. Хотя, казалось бы, обращаясь к соответствующим показателям («хиршам» и рейтингам, цитируемости и монетизации), все должно быть наоборот. Но почему так? Вот и приходится вновь обращаться за советом к отечественному основоположнику науковедения и философии науки М.К. Петрову. И первое, что обнаруживаешь: практически никто из современных менеджеров-науковедов не знает и не использует того, о чем М.К. Петров говорил и обращал внимание еще более полувека тому назад. А идет движение в обратную сторону, либо совершенно неуместная в понимании, описании, измерении научной деятельности возня, даже не на уровне обучения шагистике по принципу «сено-солома».

Студентам-гуманитариям 90-х – начала 2000-х гг. повезло: многие годы на первых курсах изучался обстоятельно предмет «История и философия науки». Но как не «пахло» там Петровым и отечественными концепциями науки, так и нет их там до сих пор. Доминируют же позитивистские и неопозитивистские взгляды на науку.

Как делились науки на «естественные», «неестественные», «противоестественные» и – лишь одна из них – «сверхъестественная» [1, с. 95], – так все и осталось. Как учили гуманитариев – от студента до докторанта – натуралистическому, естественнонаучному подходу к миру с его нормами и идеалами, так все и осталось. Как измеряли научный процесс и его результаты с позиций естествознания, так все и осталось. Единственное, что привнесли гуманитарии-экономисты – меркантилизацию и монетизацию в измерении науки. В науке появился не только научный руководитель и главный конструктор, но и главный бухгалтер, который стал Самым Главным.

Вот и приходится обращаться и к М.К. Петрову, и к другим авторитетам, и к собственному разуму по поводу того: что есть наука? Что такое «научный подход»? Как отличить научное рассмотрение от простого здравомыслия, а то и «научной клоунады», или «научного лакейства»?

Автору статьи приходилось уже около 10 лет назад выступать на Петровских Чтениях по проблеме «матрицы науки» у Петрова [2], где было выделено порядка 10 параметров этой матрицы. Они обычно фигурируют при описании и определении Науки в соответствующих энциклопедиях, словарях, руководствах. К примеру, в современном философском словаре: «Наука – специфическая форма деятельности человека, обеспечивающая получение нового знания, вырабатывающая средства воспроизводства и развития познавательного процесса, осуществляющая

проверку, систематизацию и распространение его результатов» [3, с. 403-404]. Или в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки»: «Наука – особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Социальный институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности» [4, с. 560-561]. Если проанализировать ряд других определений, а также применить термин «машина» вместо «наука», то в итоге образуется следующая система определений Науки, раскрывающая, по-существу, «матрицу науки»:

- «машина» по производству новых знаний;
- «машина» по производству новых научных дисциплин;
- «машина» по производству новых идей, гипотез, теорий;
- «машина» по производству новых методов и инструментов исследований;
- «машина» по производству новых проблем и задач;
- «машина» по производству новых исследовательских организаций;
- «машина» по производству инноваций;
- «машина» по производству нового достоверного фактологического знания;
- «машина» по производству новых (и традиционных) видов научных услуг.

Здесь представлены значимые черты Науки, раскрывающие ее основные когнитивные и социальные функции и представления о ее кумулятивном характере, что позволяет ориентировать в первом приближении не только исследователя науки или научного работника, но и планировщика, человека, пытающегося оценить результативность науки и научный вклад. В методологии науки такой подход называют факторным, параметрическим. Иногда используют термин «теория черт». С данных позиций можно составить достаточно поверхностное, одноаспектное представление о науке. Однако и при его применении становится ясно, в каких случаях «матрица науки» не срабатывает. Мы зафиксируем такой аспектный подход, как «параметрический трек» в описании науки. У М.К. Петрова он почти не используется. Как науковед-гуманитарий, он нацелен на репрезентации внутрисистемной природы Науки, ее эволюционно-циклический характер. В его изысканиях мы видим движение от основных типов культурного кодирования, завершающегося универсально-понятийным, и – к идее гетерономного синтеза, акта научного творчества, который он называет «бисоциацией» – «одновременное использование двух или нескольких правил формализации для создания нового формального элемента» [5; 6, с. 157-158, 615-616]. Здесь мы опираемся уже на другой трек – «органический» в определении и описании Науки. «Органический трек» обращен к высвечиванию «кода», «основания целостности» системы, ее «системного качества». У М.К. Петрова данный трек погружается в выдвинутые им базовые идеи «тезаурусной динамики» и «онаучивания общества», которые призваны вкупе интегрировать и специфику генерирования научных актов, циклов на индивидуальном и социальном уровнях и вхождение в эту многозвенную цикличность на уровне формирования научных сообществ, что характерно для представлений философа и ученого-гуманитария, лингвиста и переводчика с языка одной культуры – на язык другой.

Безусловно, что в описании и понимании Науки, продвигаясь от позиций «параметрического трека» в рамки позиций «органического трека», важным видится рассмотрение различных циклов в научной деятельности, в которых отражается важнейший – воспроизводственный аспект органической системы. Одни из них схематично описывают пропозиционально-циклические стратегии:

П-Т-П' (где П – проблема, Т – теоретический конструкт)

Т-П-Т'

Ф-Т-Ф' (Ф – фактологический уровень, теоретический уровень)

и т.п.

Другие же включают тренды социокультурной природы, такие как:

Тф – Ин – Тф' (где Тф – фундаментально-научный уровень, Ин – уровень научных инноваций: прикладных исследований и разработок)

Ф_{мировоз.} – Н_{аналит.} – Н_{синт.} – Ф_{иссл.} (где Ф – филос. уровень, Н – научный уровень).

Последний цикл, тем более, что он частично представлен, как мы отмечали ранее у М.К. Петрова [7, с. 104–133], представляет особый интерес для автора, поскольку нами осуществляется разработка концепции исследовательской философии как инструмента

междисциплинарного синтеза¹. А М.К. Петров с этих позиций может рассматриваться как автор одной из версий исследовательской философии. В данном случае, применительно к науке, он использует инструментарий исследовательской философии, выстраивая собственную философию науки и состыковывая ее с элементами философии образования и философии культуры в рамках собственной авторской версии. В такой междисциплинарной и даже межпарадигмальной проекции и образуется петровская тезаурусная модель Науки и подготовки к научной деятельности.

Далее, хотелось бы обратить внимание на две в какой-то мере прикладных проблемы, которые в рамках петровской концепции науки могут и должны получить оригинальное решение и возможное внедрение.

Во-первых, это проблема индикаторов и показателей научной результативности. Она весьма актуальна и для отечественного научного сообщества, и для общества в целом. Мы по сей день погружены в систему индикаторов, исходящих из первого трека науковедческой репрезентации, замкнутых на значимые параметры и черты научной деятельности. Вместе с тем, и фундаментально-научный, и прикладной, и квалификационно-научный (диссертационный) массивы привязаны к натуроцентрической модели Науки, основные параметры которой – объект; предмет; факт; проблема; объяснение; закон; причина; теория (гипотеза). К тому же данная параметрическая матрица ныне в существенной мере погружена в маркетинговые трактовки научной деятельности («наука как товар, услуга»).

У М.К. Петрова его концепция **науки заземлена на культууроцентрическую исследовательскую парадигму**, в рамках которой Наука проецируется на человекообразные и культуросообразные смыслы и продукты. Наука понимается как путь и инструмент **не столько природоизменения, сколько человекоизменения**, в рамках которого природные составляющие носят вспомогательный, подчиненный смысл. Поэтому параметрическая матрица так сориентированной Науки опирается на такие системные качества, как: субъект; ценности; понимание; концепт; текст; дискурс; смысл; интерпретация; контекст. Это не значит, что мир в такой проекции – лишь собственная тень на экране «Платоновской Пещеры» (хотя можно выстроить и самодостаточную культууроцентрическую картину мира). Просто мы пока не знаем: такого рода картины комплементарно-сопряжены, или ответа на такой вопрос не существует в рамках известной нам картины мира? Отсюда следует важный вывод о других измерителях, аутентичных в рамках гуманитарно-научных исследований. Они будут исходить из альтернативных моделей науки, к числу которых относится и модель М. К. Петрова. И эта «теорема» была блестяще доказана несколько лет назад экспертами ИФ РАН [10].

Вторая проблема, в рамках которой могут быть развернуты и апробированы подходы, заложенные в петровской модели Науки, это проблема научного искусственного интеллекта (ИИ), которую можно включить в контекст третьего трека науковедческого анализа – эмерджентного.

Дело в том, что разработки в области ИИ также движутся в основном в рамках натуроцентрической парадигмы. А точнее, в рамках ее ответвлений, исходящих из логических и математических моделей (см. подробнее: [11, с. 160–177]). Нельзя сказать, что результаты этих изысканий неэффективны. Они достаточно активно внедрены в отраслевые версии ИИ, в программы военной деятельности, управление крупными системами (транспорт, логистика, «умный город», «умный дом» и т.п.), но в научно-творческих программах используются ограниченно. Это так называемый узконаправленный ИИ (ANI). Ныне идет активное движение в сторону AGI (общего искусственного интеллекта), которого пока еще нет. Но прогнозируется и возможность появления ASI (искусственного суперинтеллекта) – версии ИИ, опережающего человеческий интеллект абсолютно во всех задачах [12, с. 32-47]. В его создании, от которого мы пока весьма далеки, С. Хоукинг и И. Маск, видят чрезвычайную опасность. Но дело не только в этом. А в том: лежит ли дорога к ASI на пути исследований в области когнитивного кодирования? По нашим данным движение «по Петрову» здесь пока не задействовано.

¹ Исследовательская философия – совокупность сегментов и инструментов философского знания и философской деятельности, обеспечивающих процесс получения новых мировоззренческих знаний, формирование стратегий деятельности, включающая философскую диатропику (совокупность фундаментальных философских концепций), философскую альтернативистику (парадоксальные и отличные от традиционных интерпретаций онтологии, аксиологии, когнитивистики) и философскую инноватику (прикладная философия и разработка мировоззренческого уровня). Исследовательская философия – динамично-продуктивная, инновационная часть современной системы философских знаний и методов. См. подробнее: [8; 9, с. 17-36].

Между тем, движение по пути формирования системы алгоритмов и сложных самообучающихся нейросетей, нацеленных на научно-исследовательский поиск, на наш взгляд, способно обозначить прообраз научного искусственного интеллекта (НИИ). В качестве «ручного варианта» НИИ могут рассматриваться алгоритмы исследовательской философии, которыми блестяще владел на материале культуроцентрической исследовательской парадигмы М.К. Петров. Мы можем привести собственную версию ключевого алгоритма исследовательской философии в его «ручной версии».

Когда мы говорим об инструментарии современной исследовательской философии, то должны указывать на те предпосылки, которые его формируют как характеристиками объекта и условиями его существования, так и параметрами, и сложностями субъекта и условий познания. Эти особенности новой когнитивной матрицы нами освещались в исследовательском кейсе «Философия когнитологии» [13, § 4.10. Философия когнитологии: гуманитарная проекция].

В рамках современной исследовательской философии, включающей в себя прикладную философию как философскую инноватику, прописан собственный усложненный алгоритм, апробированный в общих чертах в научно-инновационной практике (различные кейсы) междисциплинарного синтеза. В самых общих чертах эта поэтапная алгоритмическая схема выглядит следующим образом:

1. Вычленение системы познавательной ситуации, ее конкретизация и проблематизация применительно к условиям познания междисциплинарного (сложного) предмета.

2. Исследование опыта и как когнитивного источника, и как особой части, компоненты когнитивного и практического процесса с прямыми и обратными связями, ведущими к управляющему процессом субъекту.

3. Исследование операций обобщения опыта на научно-дисциплинарном, междисциплинарном и межпарадигмальном уровнях. Выявление альтернативных моделей сложного объекта в условиях различных познавательных ситуаций.

4. Анализ логического инструментария и выделение областей оптимальной применимости разных логик: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия (толерантных отношений), диатропической логики.

5. Исследование условий диффузии, транзита когнитивных продуктов, их практического закрепления и апробации, а также тиражирование, изучение последствий этого и определение оптимальных условий их дальнейшего использования.

6. Это самая приблизительная операционная схема. Но, как видно, она исходит уже из сложно-системного характера познавательной ситуации, сложных и динамично изменяющихся сопряженных отношений субъекта и объекта. Здесь по ходу развития этих отношений органично не просто включение рефлексии на том или ином этапе, а их непрерывное рефлексивное сопровождение. Вот что характеризует инструментарий современной исследовательской философии как важного механизма междисциплинарного синтеза. А этот синтез особо необходим в процессе изучения сложных социально-органических систем. Ибо только предметно-дисциплинарным инструментарием не удастся их адекватное постижение¹.

Подводя итоги сказанному и возвращаясь к исходной позиции о «пророках в своем Отечестве», хотелось бы сослаться на авторитет известнейшего нашего ученого-физика, академика П. Л. Капицы. Он был отличителен тем, что не стеснялся писать письма вождю – И.В. Сталину. В 1946 г., в самом начале «холодной войны» и «железного занавеса» и в разгар работ по атомному, ракетному и другим крупнейшим проектам, он пишет: «Для того, чтобы.... поднять наше культурное влияние за рубежом, необходимо осознать наши творческие силы и возможности. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом поднимать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое. Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его, и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других, и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить» [14, с. 168]. На научном языке качество, о котором пишет П.Л. Капица, называется «когнитивная инклюзивность» – вписанность в мировой творческий процесс на основе авторской оригинальности, умения решать самостоятельно самые сложные исследовательские задачи на мировом уровне. Этим свойством вполне обладал М.К. Петров. И это ощущается по сей день. И он пытался разобраться, на чем зиждется эта способность.

¹ Более детальное описание см. в работе: [8, с. 46-77].

Список источников

1. Федин С. Н., Горобец Б. С., Золотов Ю. А. Ученые шутят. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
2. Старостин А.М. Проблемы и перспективы формирования новой матрицы науки в контексте идей М. К. Петрова / XXVI Петровские Чтения. Ростов н/Д.: Дониздат, 2013.
3. Современный философский словарь. М.: «Акад. проект», 2015.
4. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Изд-во Канон+, 2009.
5. Дубровин В. Н., Тищенко Ю. Р. М. К. Петров. Два эпизода и вся жизнь. М.: «Март», 2006.
6. Петров М. К. Философские проблемы «Науки о науке». Предмет социологии. М.: Изд. РОССПЭН, 2006.
7. Старостин А. М. Summa Philosophiae в прикладном измерении. Ростов н/Д.: Дониздат, 2014.
8. Старостин А. М. Исследовательская философия. Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2018.
9. Старостин А. М. Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация. Ростов н/Д.: Изд-во МиниТайп, 2021.
10. Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: Изд-во ИФ РАН, 2012.
11. Альтернативная когнитология как методологический драйвер становления новой волны глобализации / Старостин А. М. Глобализация современного мира: концептуальная репрезентация. Ростов н/Д., 2018.
12. Черешнев Е. Форма жизни № 4: как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта. М.: Альпина Паблшер, 2022.
13. Старостин А. М. Прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.

References

1. Fedin S. N., Gorobets B. S., Zolotov Yu. A. *Scientists joke*. Moscow: Publishing House of LKI; 2010. (In Russ.)
2. Starostin A. M. Problems and prospects for the formation of a new matrix of science in the context of the ideas of M.K. Petrov. In: XXVI Petrovsky Readings. Rostov-on-Don: Donizdat; 2013. (In Russ.)
3. *Modern philosophical dictionary*. Moscow: "Acad. project"; 2015. (In Russ.)
4. *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow: Publishing House Canon +; 2009. (In Russ.)
5. Dubrovin V. N., Tishchenko Yu. R. *M.K. Petrov. Two episodes and the whole life*. Moscow: "March"; 2006. (In Russ.)
6. Petrov M. K. *Philosophical problems of "Science on Science." Subject of sociology*. Moscow: ROSSPEN; 2006. (In Russ.)
7. Starostin A. M. *Summa Philosophiae in applied dimension*. Rostov-on-Don: Donizdat; 2014. (In Russ.)
8. Starostin A. M. *Research philosophy*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State Economic University (RINH); 2018. (In Russ.)
9. Starostin A. M. A new philosophy of global peace: problematic representation. Rostov-on-Don: Publishing House MiniTip; 2021. (In Russ.)
10. *Measuring philosophy. On the grounds and criteria for assessing the effectiveness of philosophical and socio-humanitarian studies*. Moscow: Publishing House of IF RAS; 2012. (In Russ.)
11. Alternative Cognitive Science as a Methodological Driver of the Formation of a New Wave of Globalization. In: Starostin A. M. *Globalization of the Modern World: Conceptual Representation*. Rostov-on-Don, 2018.
12. Chereshevnev E. *Life form No. 4: how to remain a person in the heyday of artificial intelligence*. Moscow: Alpina Publisher; 2022.
13. Starostin A. M. *Applied philosophy as philosophical innovatics. Scientific and educational edition*. Rostov-on-Don: Publishing House of YURI RANEPА; 2015.

Информация об авторе

А. М. Старостин – докт. полит. наук, проф., вед. научн. сотр. Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и стратегического управления РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

A. M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor, Lead Researcher, Institute for Interdisciplinary Research in Global Processes and Strategic Management of RSUE.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Научная статья
УДК 327.323.339
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-207-216

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Татьяна Павловна Черкасова¹, Давид Армикович Айрапетян²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tcherkasova@uriu.ranepa.ru

²david.space.98@inbox.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию моделей национальных инновационных систем с применением междисциплинарного подхода, базирующегося на политологическом анализе. Подробно рассмотрена структура НИС, основные экономические, политические и технологические факторы ее формирования в современных государствах. Изучено сущностное содержание известных науке моделей, а также проведен сравнительный анализ стратегического содержания разновидностей НИС. На основе систематизированных данных об актуальных политико-экономических и социальных процессах современности предпринята попытка применения конструктивного анализа определяющей важности различных траекторий и моделей инновационного развития для внутривнутриполитической обстановки и в контексте глобального соперничества современных государств. В конце исследования приводятся три основополагающих действия-процесса, необходимые для построения НИС, а также заключается, что для эффективного инновационного развития национальное государство должно быть заинтересовано в поддержании высокого уровня демократии в обществе.

Ключевые слова: национальная инновационная система, модель, государство, инновации, институты, инновационная политика, социально-экономическое развитие, политическая система, управление, социальная макроэволюция

Для цитирования: Черкасова Т. П., Айрапетян Д. А. Политологический анализ моделей национальных инновационных систем в современном мире // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 207–216. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-207-216>

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL SCIENCE ANALYSIS OF MODELS OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS IN THE MODERN WORLD

Tatiana P. Cherkasova¹, David A. Ayrapetyan²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tcherkasova@uriu.ranepa.ru

²david.space.98@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the study of models of national innovation systems using an interdisciplinary approach based on political science analysis. The structure of the NIS, the main economic, political and technological factors of its formation in modern states are considered in detail. The essential content of the models known to science has been studied, as well as a comparative analysis of the strategic content of the NIS varieties has been carried out. On the basis of systematized data on current political, economic and social processes of modernity, an attempt is made to apply a constructive analysis of the determining importance of various trajectories and models of innovative development for the domestic political situation and in the context of global rivalry of modern states. At the end of the study, three fundamental actions-processes necessary for building an NIS are given, and it is also concluded that for effective innovative development, the national state should be interested in maintaining a high level of democracy in society.

Keywords: national innovation system, model, state, innovations, institutions, innovation policy, socio-economic development, political system, governance, social macroevolution

For citation: Cherkasova T. P., Ayrapetyan D. A. Political science analysis of models of national innovation systems in the modern world. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):207–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-207-216>

Сегодня современную реальность невозможно характеризовать через одну единственную призму исследований, так как многогранная сложность протекающих в мире процессов провоцирует и категорически заставляет смотреть на те или иные политические, социально-экономические, культурные категории, факты, явления с точки зрения междисциплинарного подхода. Междисциплинарности, в данном случае, требуют и национальные инновационные системы (далее НИС) – одни из главных структурных и фундаментальных институтов макро-социальной эволюции в постиндустриальную эпоху.

Инновационная система государства в XXI веке перестает быть исключительным объектом исследования экономической теории ввиду того, что понятие «инновации» обретает специфическую смысловую нагрузку в других обществоведческих науках, особенно в политологии и социологии. В первом случае, инновации и системы их выработки рассматриваются как элементы эффективного внутриполитического управления государством и достижения геополитических императивов и целей в глобальной политике, во втором – как основополагающий залог качественной трансформации социумов и модернизации в целом.

Бесспорным является то, что основной вклад в изучение НИС внесли экономисты, которым обязана современная наука. Здесь необходимо выделить Г. Б. Клейнера, А. А. Харина, Р. А. Фатхудинова, которые добились значительных результатов в исследовании инновационных систем, а также факторов, оказывающих непосредственное влияние на эффективность инновационного развития [1]. Именно эти ученые глубоко и основательно исследовали инновационные системы, разрабатывая теоретико-методологическую основу изучения, анализа, а также практического функционирования НИС. Конечно, фундаментальными фигурами всех инновационных теорий, как в экономике, так и в междисциплинарном сегменте исследований являются наш соотечественник, советский экономист Н.Д. Кондратьев [2], разработавший концепцию социально-экономических циклов, более известных, как К-волны и австрийский экономист, политолог и социолог Й. Шумпетер [3] – основоположник термина «инновация» и автор эволюционной теории деловых циклов, который качественно доработал Кондратьевские выводы по поводу темпоральных рамок экономической волны. Затем продолжили работы в данных областях П. Друкер, К. Фриман, Б. Лундвалл, Р. Нильсон и социолог Э. Роджерс [4] (основоположник теории диффузии инноваций).

Задача же данной статьи заключается в выявлении и исследовании дифференциальных разновидностей инновационных систем с точки зрения политологии, то есть в конструктивном анализе определяющей важности различных траекторий и моделей инновационного развития для внутриполитической обстановки и в контексте соперничества современных государств в макромасштабном измерении.

Из всего многообразия подходов к определению НИС, распространенных в научной литературе, представим наиболее универсальное. Таким образом, национальная инновационная система – есть общая совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (субъектов, объектов, систем отношений между ними и платформ), главной, или одной из главных целей которых является генерация инноваций, коммерциализация научных знаний и конкурентоспособных технологий в пределах национального государства и в целях устойчивого развития экономической системы, имеющей национальную специфику, политические и культурные особенности и традиции. При этом стоит отметить, что НИС в современных условиях, не должна быть закрытой (в контексте глобализации существование закрытой НИС, практически, невозможно), а ее функционирование обязательно происходит на должной инновационной инфраструктуре и законодательной базе при непосредственном содействии финансовых и социальных институтов, действующих как внутри национальных границ, так и вовне.

Формирование и становление национальной инновационной системы обусловлено рядом факторов и предпосылок, среди которых можно выделить следующие, отраженные в табл. 1.

Таблица 1 – Современные факторы формирования национальной инновационной системы

Table 1. Modern factors of formation of the national innovation system

Факторы формирования НИС		
Экономические	Технологические	Политические
Спрос на инновационную продукцию, новые технологии, информацию, образование и знания.	Растущий интеллектуальный и научно-технический потенциал социума.	Совокупная демократизация политической системы ввиду перехода от иерархических систем управления к децентрализованным.
Создание отраслевой инновационной инфраструктуры.	Диверсификация национального хозяйства или отдельных его секторов.	Повышение эффективности управления политическими процессами за счет перехода на принципы кластерного или «полюсного» роста.
Благоприятные условия для развития рыночной экономики и возможности внедрения инноваций в производство и быденную жизнь человека.	Цифровизация, создание кибернетических экосистем и внедрение единых цифровых платформ.	Попытка государства стать ведущим актором глобальной политики посредством «мягкой силы», используя привлекательность экономической системы, стабильность и надежность функционирования политических институтов.

Инновационную систему любого развитого национального государства можно кратко охарактеризовать посредством анализа ее структурных элементов. Обычно НИС включает следующие субъектные компоненты, от согласованности и взаимозависимости которых зависит общая эффективность системы (рис. 1).

Рис. 1. Субъектная структура национальной инновационной системы

Fig. 1. The subject structure of the national innovation system

Подобная структура является распространенной для многих моделей НИС, существующих в современном мире (несмотря на разнообразные отличия в индивидуальных особенностях и наличие/отсутствие тех или иных компонентов), однако главенствующие функции все же занимают правительственный, частный и научный секторы, именно они регулируют и, в большей степени, воспроизводят в реальность инновационные продукты и технологии.

Государство предстает гарантом обеспечения социально-экономического развития и предоставляет легальные возможности и нормативно-правовую базу для функционирования НИС, подает определенные импульсы в целях генерации идей другим участникам инновационного процесса и занимается стратегическим планированием в этой области. В свою очередь бизнес принимает роль ведущей движущей силы в процессе выработки инноваций. Предприниматель ориентируется на рынок и практическую возможность коммерциализации своего продукта или услуги. Академический сектор является параллельным генератором инноваций, одновременно ускоряя научно-технологический прогресс посредством приращения научного знания путем фундаментальных и прикладных исследований и разработок. Остальные структурные элементы НИС не менее важны, чем первые три, однако их роль скорее пока сопутствующая, нежели основополагающая, но, несмотря на это, только от технологий трансфера

инноваций, возможности привлечения зарубежных инвестиционных вложений и инициативного гражданского общества зависит та или иная модель построения национальной инновационной системы и ее положительное влияние на общее состояние государства и социума.

Ввиду достаточного разнообразия форм построения, функционирования и осуществления инновационной политики в самых разных странах мира, для проведения последующего анализа более логичным будет взять за основу понятие «модели НИС», которая позволяет учитывать влияние таких факторов, как социокультурные, геополитические, геоэкономические, климатические и иные особенности на функционирование НИС с обязательным учетом индивидуальных требований-условий.

Каждая из существующих моделей представляет собой определенный трек развития, который может быть универсален для ряда государств того или иного географического региона, политического режима или экономической системы, однако практическая реализация инновационной политики в какой-либо из форм НИС будет всегда уникальной для каждой из стран. При этом, проводя политологический анализ поставленной проблемы, необходимо учитывать эффективность той или иной модели в контексте глобальной политики и внутреннего развития политической и социально-экономической систем, то есть возможности государства использовать НИС в целях достижения внешнеполитических целей с минимальными издержками и улучшения внутривнутриполитического климата.

Современная наука выделяет пять основных моделей национальных инновационных систем. Прежде, чем перейти к их анализу в актуальных условиях, рассмотрим их стратегическое содержание.

Таблица 2 – Сравнительный анализ стратегического содержания моделей НИС

Table 2 – Comparative analysis of the strategic content of NIS models

Модель	Цель	Институт модельного ядра	Роль государства	Финансирование
Евроатлантическая	Создание инновационной среды полного цикла	«Пространство знаний» (академический сектор)	Поддержка инновационных проектов через механизмы ГЧП	Превалирует частный сектор
Восточноазиатская	Полная интеграция НИС в мировой инновационный процесс	«Пространство инноваций» (бизнес сектор с упором на крупные корпорации)	Формирование условий для инновационной деятельности национальных фирм и ТНК	Превалирует частный сектор
Альтернативная	Интеграция с инновационными системами стран-партнеров	«Пространство согласия» (академический сектор + инновационная инфраструктура)	Развитие инновационной инфраструктуры, подготовка профессиональных кадров	Практически равные доли государственных и частных расходов
Смешанная	Создание собственной инновационной среды полного цикла для перехода к более развитой модели НИС	«Пространство согласия» (академический сектор + инновационная инфраструктура)	Весомая поддержка инновационных предприятий, развитие ГЧП и инновационной инфраструктуры	Превалирует государственный сектор
«Тройная спираль»	Эволюция трехзвенной синергии генерации инновационных технологий	Интегративный комплекс в виде цифровых экосистем «государство-наука-бизнес»	Создание условий для реализации синергии спиралей	Превалирует частный сектор и высокая доля венчурного капитала

Евроатлантическая модель НИС, имея широкое распространение, не лишена недостатков. После отмены масштабных локдаунов в связи с COVID-19, в европейских странах, как в совокупной региональной инновационной системе стала ощущаться нужда в повышенном внима-

нии государства к социально-экономическим вопросам [6]. Скорее всего, в ближайшее время, евроатлантическую модель инновационного развития ждет некоторая трансформация, заключающаяся в утере былой автономии субъектами инновационного процесса (ввиду роста многочисленных законодательных и технологических нарушений) и увеличение государственного регулирования в данной сфере. Оно тесно связано с общественным запросом на социальный либерализм, программные аспекты политики которого помогут справиться с последствиями постпандемического восстановления и общей перестройки глобальной конъюнктуры в связи с растущими рисками и политической конфликтогенностью.

Восточноазиатская модель более мобильна в современных условиях. В отличие от европейской традиционной модели, даже актуальная проблема пандемии, заморозившей, практически, всю мировую экономику, менее всего отразилась на государствах восточной Азии и, в целом, на Азиатско-Тихоокеанском регионе в плане параметрических показателей прироста ВВП и торможения экономического развития. Так, в IV квартале 2020 года (сразу после снятия жестких локдаунов) ВВП Японии вырос на 2,8%, а прирост в США и в Великобритании составил всего по 1 %¹. Прирастающий показатель ВВП Тайваня за тот же квартал 2020 года равнялся 4,94%. В результате годовой рост ВВП частично признанной страны составил 2,98%, что практически идентично статистике за 2019 год, чего нельзя сказать, например, о западных державах. Если обратиться к данным за прошедший годовой период, то японская экономика за II квартал 2021 года выросла на 1,3 % (в годовых темпах роста ВВП) и смогла избежать рецессии, заняв в итоге 3 место среди ведущих экономик мира в прошлом году².

При построении НИС по типу восточноазиатского развития вклад государства в разработки достигает не таких высоких показателей, как, например, в странах Западной Европы или в США. Четыре Азиатских Тигра (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) и Япония – страны, предоставляющие широкие возможности для инновационной деятельности, в первую очередь, высокотехнологичным и другим крупным отраслевым корпорациям (см. таб. 2). Несмотря на это, а также на ряд характерных недостатков, регион полностью ориентирован на экспорт высокотехнологичной продукции (как правило, производимой филиалами западных компаний или местными фирмами), или же на имитацию, мимикрию и заимствование технологий, их адаптацию под местные особенности и рынки. Однако, если фундаментальные исследования, действительно, проседают, то дела с прикладными науками и опытно-конструкторскими разработками обстоят гораздо лучше. Благодаря этому, Япония и Южная Корея выходят в мировые лидеры по робототехническим разработкам, экологическим производствам, медицине и т.д. Уникальные способности населения стран Азии к кооперации, а параллельно этому, креативность, аккуратность и ответственность работников позволяют создавать высокотехнологичные товары широкого потребления, зачастую, не имеющие аналогов в мире, что способствует выходу азиатских корпораций на мировые рынки и теснит, таким образом, западных коммерческих гигантов.

Стоит отметить, что отнесение материкового Китая к восточноазиатской модели инновационного развития – достаточно, спорно. Сложная экономическая система КНР, которая, с одной стороны, критически зависит от национального планирования, а с другой – множит китайские ТНК и задает импульсы для инновационной деятельности, не позволяет отнести ее к какой-либо из моделей НИС, так как главная роль в инновационной политике Китая принадлежит, все же, монополии коммунистической партии, а не корпорациям. Существование государственного, контролируемого капитализма и непрекращающийся системный градуализм позволяют говорить об уникальности китайской НИС, во многом опирающейся на идеологический «микс» марксизма-ленинизма, установок Д. Сяопина, конфуцианства, легизма и даосизма. Несомненно лишь то, что Китай, со всей присущей противоречивостью его политико-экономической системы, задает положительные тенденции к сверхбыстрому достижению ведущих позиций в мире, что бесспорно определяет его как одного из лидеров в глобальной гонке инноваторов, даже формально не занимающего первые позиции в Глобальном индексе инноваций. А сами инновационные проекты китайцы воплощают в реальность путем плановой

¹ «ВВП G20 в 2020 году сократился на 3,3 %». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/756031> (дата обращения 23.01.2022)

² ВВП стран мира 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fingeniy.com/vvp-stran-mira-dolya-stran-v-mirovom-vvp/> (дата обращения 23.01.2022)

модуляции – планирования модулей развития, каждый из которых выполняется в строго обозначенных темпоральных рамках (по типу советских пятилеток).

Альтернативная модель НИС сегодня применяется в основном в странах, ориентированных на сельское хозяйство и аграрное производство. Как правило, такие государства не обладают значительными потенциалами в фундаментальных и прикладных науках, не имеют больших ресурсных запасов сырья. Альтернативная модель, по сути, вообще отвергает идею НИС. Для реализации инновационной политики таким странам вполне хватает лишь не сложной инновационной инфраструктуры, так называемого, «пространства согласия» [7]. Ввиду отсутствия развитой научно-технической политики, государства с альтернативной моделью делают упор на подготовку управленческих кадров в области гуманитарных и социальных наук и экономики (также активно направляя студентов обучаться за границу). Большое внимание уделяется человеческим ресурсам в плане воспитания, разработке оптимальных методик управленческого менеджмента в местных представительствах и филиалах транснационального бизнеса, международных банков и в политических организациях. Как показывает опыт Турции или Португалии, подобная переориентация инновационного развития с высоких технологий на прогрессивные социогуманитарные технологии позволяет добиться определенного экономического и политического успеха – Турция, например, одна из крупнейших региональных держав, способных конкурировать с Россией по ряду международных вопросов и в сфере отстаивания интересов, а Португалия – достаточно, благополучная европейская страна, население которой вполне комфортно себя ощущает в условиях еврокризиса, даже несмотря на невысокие темпы развития.

Смешанная модель, на примере России, характеризуется медленным региональным развитием инновационной инфраструктуры (кластеров, технопарков, технополисов, зон опережающего экономического развития) [5]. Происходит определенная стагнация фундаментальных научных исследований (зачастую используются результаты НИОКР, проводимых еще в советский период истории страны). Развитие корпоративных прикладных разработок только начинает активно развиваться между академической сферой и производственным сектором экономики. Наблюдается недостаточная заинтересованность государственных субъектов инновационной политики в направлении социально-финансовых импульсов в бизнес-среду, научную сферу и гражданское общество. Отдельной особенностью является лишь относительная открытость инновационной системы России, а также реализуемая в этом десятилетии политика протекционизма и импортозамещения, результаты которой до сих пор вызывают дискуссии в ученых кругах.

Несмотря на это, Россия обладает всеми атрибутами инновационного потенциала [8]. При условии скорейшего дипломатического преодоления политических и социально-экономических проблем, в России появится возможность реализации сценарной модели «наращивания», предполагающей, однако, хотя бы частичное привлечение иностранных инвестиций и обращение к передовому опыту государств с развитой инновационной системой [9]. При таком исходе событий, и при условии, что новая Стратегия инновационного развития РФ будет разработана, учитывая вышеперечисленные проблемы, в России вполне возможно за короткий срок выстроить основу для конкурентоспособной НИС «тройной спирали», стратегические «зачатки» движения к которой были обозначены в новой редакции Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации¹.

С точки зрения политологического анализа модель «тройной спирали» является наиболее интересной и перспективной, так как именно в ней отражены векторные направления инновационной политики, нацеленные на достижение комплексного внутривнутриполитического развития и распространения внешнеполитического влияния в условиях формирования новых глобальных структур.

В теории модель «трехзвенной спирали» имеет несколько «прототрехзвенных» разновидностей. Так, Девятлова А.И. и Ершова И.Г. в своем исследовании «Управление национальной инновационной системой» [10] рассматривают некоторые подвиды данной модели.

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 (с изменениями от 15 марта 2021 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420384257?marker=6580IP> (дата обращения 23.01.2022).

Главным преимуществом административно-командной модели выступает административная концентрация инновационного потенциала страны на стратегически важных или выгодных для государства направлениях, однако недостатком является безынициативность частного сектора, что ведет к своеобразной «авторитарной» инновационной политике. Использование административной модели возможно в короткие сроки и на начальных этапах перестройки предыдущего формата НИС в «тройную спираль».

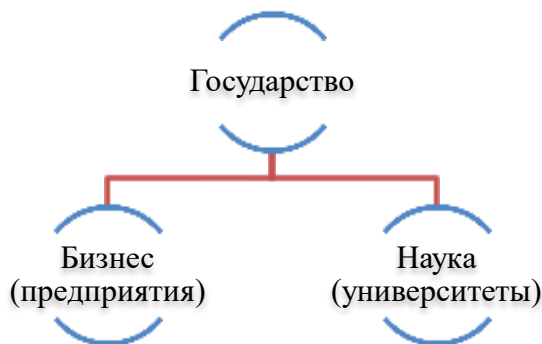

Рис. 2. Административно-командная модель НИС «тройной спирали»

Fig. 2. Administrative and command model of the NIS "triple helix"

Второй подтип «тройной спирали» – рыночный или либеральный. Либеральная модель хорошо реализована на практике в США, где государственная инновационная политика направлена лишь на создание благоприятных условий для взаимодействия и сотрудничества предприятий (в лице крупных корпораций, среднего и малого бизнеса, венчурных инвесторов, бизнес-ангелов и т.д.) с научно-исследовательскими организациями (НИИ, университеты, бизнес-школы). Однако рыночная модель имеет ту же самую проблему, что и сам рынок в условиях кризиса: лишенная достаточного государственного регулирования, инновационная система закономерно временно «провиснет» под воздействием тяжелых внутренних или внешних социально-экономических или политических факторов. Данная проблема циклична и характерна для многих государств, чьи политико-экономические установки тяготеют к минархизму или иной модели либертарианской, или же неолиберальной политической философии. Поэтому для реализации подобной модели необходима уже проработанная система сдержек и противовесов для экономического либерализма, что не подходит государствам, находящимся еще в стадии развития. Помимо этого, оптимальное функционирование рыночной модели возможно лишь при условии относительно высокого показателя индексов экономической свободы и демократии, что в некоторой степени коррелируется с моделью американского политолога Л. Липсета, демонстрирующей [11] зависимость демократии от уровня благосостояния граждан.

Либеральная модель в США, на данный момент, имеет тенденцию к скорому переходу в новую, более совершенную форму сбалансированной модели «трехзвенной» НИС (рис. 3). Речь идет о сопряжении институциональных сфер взаимодействия, когда сектора инновационной деятельности каждого из трех субъектов НИС пересекаются. На практике это реализовано в работе кластеров вокруг вузов, например, в Стэнфордском университете, или в полном сопряжении в Кремниевой долине. Правительство, в данном случае, выступает как общественный предприниматель и, своего рода, венчурный инвестор в дополнении к традиционной роли законодателя и регулятора общественных отношений.

Рис. 3. Сбалансированная модель «тройной спирали»
 Fig. 3. Balanced model of the "triple helix"

Помимо рассмотренных моделей НИС, сегодня существуют теории их новых видовых конфигураций. Это «четырёхзвенная» (Quadruple Helix) и «пятикратная» (Quintuple Helix) структуры инновационной спирали [12] разработанные Э. Караяннисом и Д. Кэмпбеллом в 2009 и в 2010 годах соответственно. В реальности ни одно государство в мире пока не способно реализовать подобные модели НИС ввиду множественных социальных противоречий внутри своих политических систем и несовершенства функционирования глобальной экономики. Однако, при условии поступательного преодоления сложившихся проблем, а также эффективной эволюции «трехзвенности» вполне возможным представляется формирование интерактивных взаимодействующих сетей в масштабах всего национального сообщества, включая институт гражданского общества (если брать во внимание модель «четвертой спирали»).

Именно гражданское общество должно стать связующим звеном, которое обеспечит гармоничное взаимодействие субъектов инновационной политики, при этом, оно само становится источником инноваций. Государство, которое сможет реализовать подобную фундаментальную модель, откроет бесконечные возможности использования «экономики знаний», чем обеспечит себе неоспоримое глобальное лидерство посредством использования Political and Economic Soft Power (политической и экономической мягкой силы). Подобные спиральные каркасы инновационного взаимодействия – это и есть искомая стратегия устойчивого развития не только каждой страны в отдельности, но и всего мира в целом.

Подводя итог данного исследования, следует отметить, что независимо от дифференциации моделей НИС, их построение необходимо всегда начинать с трех основополагающих действий-процессов:

1. Создания инновационной инфраструктуры, а именно строительства предприятий и внедрения в них отдельных систем управления инновационными процессами, что позволит приобрести зарождающейся НИС эндоинновационную характеристику и начать накапливать собственные знания и технологии. Конструировать инновационную систему необходимо, исходя из имеющихся ресурсных возможностей и желания политической системы адаптировать свои институты под динамично изменяющийся мир;

2. Параллельного индуцирования инновационной политики, которая прямо коррелируется с особенностями национальной инновационной системы, являясь ее креатором, и, в то же время, основывается на НИС как на институциональной платформе реализации отраслевой государственной политики в области инновационной деятельности;

3. Научно обоснованного стратегического планирования, формализованного в нормативно-правовых актах, способных агрегировать интересы всех потенциальных субъектов инновационного процесса.

Учитывая эти факторы, политическая система должна осознавать всю важность инноваций, как для самой себя, так и для социума, стимулировать инновационный сектор экономики к открытости и инвестиционной привлекательности и ни в коем случае не вводить жесткое

авторитарное управление инновационными процессами, так как в условиях активного администрирования исчезает сама тенденция к порождению идей и воспроизводству знаний и инноваций. Это означает, что национальное государство сегодня обязано быть заинтересованным в поддержании высокого уровня демократии в обществе и в собственных структурах, а также способствовать поддержке всех уровней бизнеса, инвестировать в образование и развитие гражданственности.

Список источников

1. Попова Л.В., Коростелкина И.А., Дедкова Е.Г. Исследование современной парадигмы инновационного развития национальной экономики // Вестник Омского государственного университета. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 23.01.2022).
2. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. 1989. С. 175-176.
3. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо. 2008. С. 317-363.
4. Rogers E.M. *Diffusion of innovations* (4th ed.). NY.: The Free Press. 1995. P. 5-34.
5. Айрапетян Д.А., Черкасова Т.П. Инновационная политика развитых государств как фактор обеспечения ускоренного развития политико-экономических систем и преодоления кризисов в современном мире // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве. Ростов н/Д, 2020. С. 61-70.
6. Свиридова С.В., Ильина Е.А. Исследование инновационного развития при реализации стратегий социально-экономической деятельности // ЭКОНОМИНФО. 2020. Т. 17. № 1. С. 43-48.
7. Бурцев Д.С. Особенности различных моделей национальных инновационных систем // Экономика и бизнес. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razlichnyh-modeley-natsionalnyh-innovatsionnyh-sistem> (дата обращения 23.01.2022).
8. Игнатова Т.В Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5-14.
9. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П., Глущенко А.В. Особенности инновационного развития регионов через призму национальной инновационной политики России // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 1. С. 42.
10. Девятлова А.И., Ершова И.Г. Управление национальной инновационной системой // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemoy> (дата обращения 23.01.2022).
11. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69-105.
12. Кэмпбелл Дж., Караяннис Э. Академическая фирма: новая форма предпринимательства в инновационной экономике знаний. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 23.01.2022).

References

1. Popova L. V., Korostelkina I. A., Dedkova E. G. Research of the modern paradigm of innovative development of the national economy. *Bulletin of Omsk State University*. 2018. Available from: <https://cyberleninka.ru> [Accessed 23.01.2022]. (In Russ.).
2. Kondratiev N. D. *Problems of economic dynamics*. Moscow: Economics. 1989:175-176. (In Russ.).
3. Schumpeter J. A. *Theory of economic development. Capitalism, Socialism and democracy*. Moscow: Eksmo. 2008. pp. 317-363. (In Russ.).
4. Rogers E.M. *Diffusion of innovations* (4th ed.). NY.: The Free Press, 1995:5-34.
5. Ayrapetyan D. A., Cherkasova T. P. Innovation policy of developed states as a factor in ensuring the accelerated development of political and economic systems and overcoming crises in the modern world. In: *Modern trends in public administration, economics, politics, law*. Rostov-on-Don, 2020:61-70. (In Russ.).

6. Sviridova S. V., Ilyina E. A. Research of innovative development in the implementation of strategies of socio-economic activity. *EKONOMINFO*. 2020;17(1):43–48. (In Russ).

7. Burtsev D. S. Features of various models of national innovation systems. *Economics and business*. 2018. [Electronic resource]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razlichnyh-modeley-natsionalnyh-innovatsionnyh-sistem> [accessed 23.01.2022]. (In Russ).

8. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. Institutions and technologies of the digital economy as factors of innovative growth in Russia. *Drucker's Bulletin*. 2020;2(34):5–14. (In Russ.).

9. Ignatova T. V., Cherkasova T. P., Glushchenko A. V. Features of innovative development of regions through the prism of the national innovation policy of Russia. *Bulletin of Eurasian Science*. 2020;12(1):42. (In Russ).

10. Devyatlova A. I., Ershova I. G. Management of the national innovation system. *Natural-humanitarian studies*. 2021. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-natsionalnoy-innovatsionnoy-sistemoy> [Accessed 23.01.2022]. (In Russ).

11. Lipset S. Some Social Requirements of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*. 1959;53(1):69–105.

12. Campbell J., Karayannis E. *Academic firm: a new form of entrepreneurship in the innovative knowledge economy*. 2017. Available from: <https://cyberleninka.ru> [Accessed 23.01.2022]. (In Russ).

Информация об авторах

Т. П. Черкасова – докт. экон. наук, проф. ЮРИУ РАНХиГС;

Д. А. Айрапетян – магистрант факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. P. Cherkasova – Doctor of Economic Science, Professor of URIU RANEPА;

D. A. Ayrapetyan – Master's student of the Faculty of Political Science of URIU RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 03.04.2022.

The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 03.04.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 217–221
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):217–221

Sociology Problems

Original article

**INVESTIGATION OF THE EFFECT OF ON JOB SATISFACTION
OF TAX OFFICERS' STRESS STRUCTURE**

Osman Shahin

Ministry of Treasury and Finance of the Republic of Türkiye, Ankara, Republic of Türkiye
ahmetsamilsahin@hotmail.com

Abstract. One of the things that you need to sustain the life of a human being is to work and earn money. Therefore, the vast majority of people start to work after a certain age. A large part of the time in the business life of the individuals who will spend rest of his life in the business environment is composed of a set of expectations. As long as the individual's expectations being met and worked happier work environment that is more productive and successful. Otherwise, in which individuals become unhappy with the situation and are exposed to stress, unhappiness. In cases where the stress is on the individual can make mistakes on the job. Individuals who mistake the effects of stress at work is miserable. The success of both the individual may cause deterioration of the deterioration of the psychology of happiness in both the workplace. Examples of these different situations is present in every sector. Because it is in the subject of research in the public sector is the reflection of this situation are available. The subject of this research is "Evaluation of the Effects of Stress on Job Satisfaction of Tax Officers Structure".

Keywords: public sector, tax officer, stress, job satisfaction

For citation: Osman Shahin. Investigation of the effect of on job satisfaction of tax officers' stress structure. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):217–221. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-217-221>

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-217-221

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ
В СТРУКТУРЕ СТРЕССА НАЛОГОВЫХ РАБОТНИКОВ**

Осман Шахин

Министерство казначейства и финансов Турции, Анкара, Турецкая Республика,
ahmetsamilsahin@hotmail.com

Аннотация. Большую часть своей жизни люди проводят на работе. При этом эффективность и продуктивность их работы тесно связана и зависит от удовлетворенности их ожиданий от занимаемой должности и выполняемой работы. Так, стресс и неудовлетворенность приводят к ошибкам на рабочем месте и, как следствие, снижают производительность труда. Такая ситуация присуща как частному, так и государственному сектору. В данной статье приводятся результаты анализа влияния стресса и удовлетворенности работой служащих налоговых органов Турецкой Республики на эффективность и продуктивность их работы.

Ключевые слова: государственный сектор, налоговые инспекторы, должностное лицо, стресс, удовлетворенность работой

Для цитирования: Осман Шахин. Исследование фактора удовлетворенности трудом в структуре стресса налоговых работников // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 217–221. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-217-221>

1. Introduction

Working life, people are expected to form a team. In this case, the individual starts with a dream of becoming a business owner. What he wanted to earn money to meet their needs as individuals first are the expectations and dreams. Consequently, the colleagues are developing ideas with managers as well subsistence. All of these expectations affect the individual's job satisfaction. Individuals become happy when expectations are met. The resulting efficiency brings happiness and success with him. Otherwise people composed of unhappiness and causes stress. Stress hinders the success of its people.

That the weight of the public sector is a sector service delivery and studied the intensive work schedule. Such an individual working in the business sector must be highly satisfied. Otherwise, it is an inevitable consequence of stress. The concept of job satisfaction has a different meaning for each individual. features that people have, culture, age, job satisfaction also the understanding of the influence of factors such as education also varies. conditions offered by expectations of individuals in the work environment consistent regardless of job satisfaction may occur. Individuals do not like the terms presented to him or fails to accept job dissatisfaction can occur. Job dissatisfaction leads to unhappiness and raises the stress level.

The satisfaction of the tax officials to obtain business with the business Finance Organization and carrying out operations in the public sector is required. Because being studied in a busy work schedule. He is a source of stress in the job, an individual is unsatisfied exposure causes more stress.

Research topics Investigation of the Effect of Tax Officials Stress on Job Satisfaction of Building "dir. The aim of the study is to determine how this affects the tax collectors job satisfaction stress of the structure. Research was carried out by the method described is descriptive and evaluation of the current situation.

2. Business Satisfaction

Conceptual expression of being happy and satisfied with the work situation of individuals from the business is satisfied. Many factors affect individual job satisfaction with individual features. It is generally divided into individual factors and organizational factors. The first factor is the concept of individual needs. If your needs are met provided the formation of job satisfaction. The happiness of individuals occurs and can continue to work without exposure to stress. See value in work environments where individuals feel valued other factors affecting job satisfaction. Value concept is one of the individual factors. Individual factors affecting job satisfaction: age, gender, expectations, at the same time in work, education, intelligence and ability are status and socio-cultural environment.

The first factor is the need of the individual. If the individual's needs as a priority the issue of providing satisfaction can be happy. In this way, individuals can work efficiently stress from too much exposure. The Value cases are among the individual factors. Individuals may want to work in an environment that felt it was worthwhile. He worked with colleagues who value the same way individuals live dissatisfaction when not see the money. other individual factors affecting job satisfaction: expectations, gender, age, duration of work in the same environment, education level, status, intelligence and ability, personality, profession and socio-cultural environment¹.

¹ CUTTER, S. (2006), Motivation and Job Satisfaction Relationship and Practice in Bank One example, Pamukkale University, Institute of Social Sciences, Department of Business Administration, Management and Organization Department, Unpublished Master Thesis, Denizli

Other factors are the organizational factors affecting job satisfaction. These factors include: wages, if not seen, career opportunities, management style, organizational culture, business ethics, relationships with colleagues and be counted as physical conditions.

An employee is charged first thing to expect from the job. Therefore, a high-income employees who are satisfied in this regard. Another factor to be healthy and full of physical condition also facilitates the job satisfaction. However, only individual factors at this point does not match reality and thus to achieve the job satisfaction too much. Because individual characteristics job satisfaction because it leads to the formation differences vary between individuals. Another cause of this condition is due to a dynamic phenomenon job satisfaction. Despite this, creating general conditions for working individuals ensures that individuals are happy and work with less stress.

Job satisfaction of employees up to managers to executives as well be a topic of concern must also be careful of. Because once released as providing job satisfaction for employees is a situation unthinkable. Job satisfaction is a dynamic phenomenon¹. do not want to fall below the level of satisfaction they gain because individuals are always requested a further level.

3. Relationship Between Stress and Job Satisfaction

Stress every moment, every second because there is also a factor in job satisfaction. Stress There is a direct relationship between job satisfaction. Both concepts are also factors affecting individual and organizational. However, one detail stands out at this point. Job stress affects satisfaction or dissatisfaction is located between organizational stress factors. Topics to be illustrative of stress and stress factors need to be disclosed.

Stress defined by Hans Selye is expressed as the reaction of the human body to external factors. Magnuson, on the other hand, expressed it as a reaction to the difference between the inner world of man and the outer world.

Stress is a concept first described by Hans Selye. Selye stress is stated as a general response to external factors of the human body. Magnuson people with reactions to expectations in his inner world he has defined the differences between the real world². expressing thriller that definition as the ability to cope with people's surroundings Davis³'E belongs. In general, stress, strain and given the situation that causes people to disrupt the peace is expressed in all of the physical and psychological reactions.

Stress, the leading causes are sorted by himself. Individually, three topics are discussed in the organizational and environmental stress factors. In particular, it is composed of organizational stress factors working life. Job's own property, work load, the situation attracted the response of the individual are factors that affect stress. Individuals between the characteristics of the business with its own characteristics leads to the formation of the mismatch stress⁴.

Organizational stress factors that occur in the business environment. Workload, time limit, to a lack of physical conditions, wages, role conflict, administration problems, for many reasons such as bullying are considered as organizational stress factors. It also increases the level of stress experienced by the individual formation of organizational stress reasons. It is observed that the organizational stress factors are the same reasons that factor into job dissatisfaction. Therefore, it is understood that there is a direct relationship between job dissatisfaction and stress.

¹AKINCI, Z. (2002). Tourism Industry Factors Affecting Business Listed in the Job Satisfaction: A Case Study in Five Star Hotels, Akdeniz University. FEAS Magazine, Issue 4, p. 1-25

²GÜMÜŞTEKİN, GA and our EU ÖZTEKİN, 2004, "Essential Personnel Management and Organizational Stress on an Application", Erciyes University Journal of Economics and Administrative Sciences, Vol. 23 July-December ss.61-85

³ DAVIS, K., 1982, Human Behavior in Business, Trans. Tosun K. et al., Istanbul University Faculty of Business Publications, No.199, Istanbul

⁴ CAM, E., 2004, "Stress at Work and Women Employees in the Public Sector", International Journal of Human Sciences, ISSN: 1303-5134

Tax officers work intensity, the structure of the organization is exposed to stress due to organizational policies. The formation of the existing employees in more job dissatisfaction leads to increased stress levels. Individuals of loss in productivity, errors occur in their work. Make no mistake of an employee in the teller clerk may cause improper operation of or collection of any taxpayer. Stress is therefore a further deterioration of the health situation would occur if tax officials. Physical and individuals can come inoperable patients psychologically. This is why the tax officials to ensure job satisfaction for the health of both individuals and organizations that are important for public institutions.

4. Conclusion

individuals working as a tax clerk job satisfaction is not possible to provide completely. However, overall job satisfaction by making some arrangements can be captured. Observe the following advice may be to ensure job satisfaction:

1. to facilitate career opportunities
2. Recreation time separation
3. a satisfactory level of salary
4. improving the physical conditions
5. To popularize the profession, conducting activities to improve the professional solidarity.

policies should be implemented in line with expectations. Otherwise, if you do what is done it will fail.

References

- AKÇAKOCA, E. (2002), *Bankacılık Sektörü Yeniden Yapılandırma Programı*, BDDK, Ankara.
- AKINCI, Z. (2002). *Turizm Sektöründe İş Gören İş Tatminini Etkileyen Faktörler: Beş Yıldızlı Konaklama İşletmelerinde Bir Uygulama*, Akdeniz Üniv. İ.İ.B.F. Dergisi, Sayı : 4, s. 1 – 25.
- ASLAN, R. ve HOTAMIŞLI, M. (2007), *“Türk Bankacılık Sisteminde Kurumsal Çevrenin Bankaların Yapı ve Uygulamaları Üzerinde Oluşturduğu Teşvik ve Kısıtlamalar”*, Yönetim ve Ekonomi, Cilt:14, Sayı:1.
- AYDINER Z.Y., *Hastane Yönetimi ve Kalite Anlayışı; Kamu ve Özel Sektör Hastanelerinden Mukayeseli Bir Uygulama*, Araştırma, Marmara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi, İstanbul, 2003.
- CAM, E., 2004, *“Çalışma Yaşamında Stres ve Kamu Kesiminde Kadın Çalışanlar”*, *Uluslararası İnsan Bilimleri Dergisi*, Issn: 1303-5134.
- DAVIS, K., 1982, *İşletmelerde İnsan Davranışı*, Çev. K. Tosun vd., İstanbul Üniversitesi İşletme Fakültesi Yayınları, No.199, İstanbul.
- GÜMÜŞTEKİN, G. E. ve A. B. ÖZTEMİZ, 2004, *“Örgütsel Stres Yönetimi ve Uçucu Personel Üzerinde Bir Uygulama”*, Erciyes Üniversitesi İ.İ.B.F. Dergisi, Sayı. 23, Temmuz-Aralık, ss.61-85.
- İPÇİ, M. ve KARAN, M., B. (1998), *“21. Yüzyıl Eşiğinde Türkiye’de Bankacılık Sisteminin Yapısı, Verimliliği ve Sanayi Sektörüne Katkıları”*, ASOMEDYA Dergisi, Mart.
- KESİCİ, S. (2006), *Bankalarda Motivasyon ve İş Tatmini İlişkisi ve Uygulamadan Bir Örnek*, Pamukkale Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, İşletme Anabilim Dalı, Yönetim ve Organizasyon Bilim Dalı, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Denizli.
- PARASIZ, İ. (2001), *Modern Bankacılık Teori ve Uygulama*, İstanbul.
- SARISU, A. (1996), *Türk Bankacılık Sisteminin Genel Yapısı, Temel Özellikleri ve Kamu Bankalarının Bölünerek Özelleştirilmesi*, T.C. Başbakanlık Hazine Müsteşarlığı, Araştırma-İnceleme Dizisi No:7, Ankara.
- SENCER, M. (1982). *Kamu Görevlilerinde İş Doyumu ve Moral*, TODAİE Dergisi, s. 9.
- ŞAHİN,O.(2015) “Analysis of Effects of Stress on 112 Emergency Service MedicalStaff”. *The Russian Academic Journal*;32(2):54–59.

- ŞAHİN, O. (2015) "Examination of Effects of Stress on Public Officers". *The Russian Academic Journal*; 32(2):8-13.
- ŞAHİN, O. (2015) "Check the Effects of Foreign Language Learning Stress". *The Russian Academic Journal*; 32(2):94-97.
- ŞAHİN, O., SALMANLI, E. (2015) Effect Of Performance Of A Study On Stress And Stress Sources of Public Employees. *The Journal of Turk And Islam World Social Studies*; (5):251-259.
- ŞAHİN, O., SALMANLI, E. (2015). Health Industry's Commercial Potential as Seen the Nature of the Stress. *The Journal of International Management Research*; (1):62-74.
- ŞAHİN, O., SALMANLI, E. (2015). Made on the Concept and Work Stress Mobbing in Employees Study. *The Journal of Academic Social Science*; (20):355-368.
- YAZGAN, T. (2002). Türkiye'de Bankacılık Sistemi, Reklam Yayınları, İstanbul.
- YÜKSEL, A. S., Yüksel, A., Ülkü, Y. (2004). Bankacılık Hukuku ve İşletmesi, Beta Basım Yayın, İstanbul.

Информация об авторе

Осман Шахин – эксперт по доходам Министерства казначейства и финансов Турции.

Information about the author

Osman Shahin – Revenue Expert of the Ministry of Treasury and Finance of the Republic of Türkiye.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.
The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

**CONTEMPORARY THREATS OF THE LOSS OF SOCIO-HISTORICAL MODELS
OF RUSSIAN THINKING SYMBOLIC PROGRAMS AND SOCIAL BEHAVIOR IN MODERN RUSSIA**

Zhanna V. Andrievskaya¹, Sergey G. Voskoboynikov², Tatiana V. Shchukina³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, zhandan3@gmail.com

^{2,3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, Voskoboynikov1968c@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern threats to the loss of the cultural identity of Russian thinking and social behavior of Russians (in the broad sense of the word), as well as to the promotion of constructive measures aimed at protecting Russian cultural identity, primarily in the sphere of its "soft power", within the boundaries of which it will be necessary to form the level of a nationwide independent cultural stratum capable of pushing the "mass culture" of the West to the periphery of Russians' interest. Particular attention is paid to the position of the methodology of science, known as the "principle of correspondence", stating that the new is the heir and successor of the old, and not its denier, denoting the logic of the evolution of any activity and any tradition.

Keywords: integration, culture, globalization, socio-historical symbolic programs, social behavior, democracy, alternative globalism

For citation: Andrievskaya Zh. V., Voskoboynikov S. G., Shchukina T. V. Contemporary threats of the loss of socio-historical models of Russian thinking symbolic programs and social behavior in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):222–227.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-222-227>

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-222-227

**СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ УТРАТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**Жанна Викторовна Андриевская¹, Сергей Георгиевич Воскобойников²,
Татьяна Владимировна Щукина³**

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, zhandan3@gmail.com

^{2,3}Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия,
Voskoboynikov1968c@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу современных угроз утраты культурной самобытности российского мышления и социального поведения россиян (в широком смысле этого слова), а также выдвиганию конструктивных мер, направленных на защиту российской культурной самобытности, прежде всего – в сфере своей «мягкой силы», в границах которой потребуются формирование уровня общенационального самостийного культурного пласта, способного оттеснить «массовую культуру» Запада на периферию интереса россиян. Особое внимание обращается на положение из методологии науки, известное как «принцип соответствия», фиксирующий, что новое есть наследник и преемник старого, а не отрицатель его, обозначающее логику эволюции всякой деятельности и любой традиции.

Ключевые слова: интеграция, культура, глобализация, общественно-исторические символические программы, социальное поведение, демократия, альтернативный глобализм

Для цитирования: Андриевская Ж. В., Воскобойников С. Г., Щукина Т. В. Современные угрозы утраты общественно-исторических моделей символических программ российского мышления и социального поведения в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 222–227. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-222-227>

The situation that has been formed by now can be called "globalization" [1]; in this regard, it is usually said that the world is becoming more and more interdependent and mutually related. At the same time, it is often forgotten that this globalization itself is a unidirectional expansion of the Western economy and culture into societies of a traditionally non-Western type with their own socio-historical models of development. However, it is widely known that "after the end of the "Cold War" with the fall of the Berlin Wall, following perestroika, the world witnessed a series of epoch-making events, in particular the end of an era characterized by confrontation between two opposing blocs" [2]. It is the collapse of the Soviet Union that is the starting point from which the formation of a unipolar system is essentially counted, in which the Western countries carry out their aggression against the economies and cultures of the rest of the world; in particular, globalization and urbanism have made the spread of slums on Earth unprecedented in history [3], and these slums themselves are an economic and cultural appendage of the population of countries included in the "golden billion": it is no coincidence that different countries are involved in the process of globalization on an unequal status and the unequal provision of their national interests [3]. This creates clear threats to local cultures, including Russia and its characteristic socio-historical models of symbolic programs and social behavior, which is the key issue of this article, written with the use of methods of synthesis and analysis in their precise, authentic sense. Namely, in the sense of combining and decomposing some wholes into their component parts with the accompanying identification of the relationships between these integral objects (with a special fixation of the fact that any organic whole is always "more" than its constituent parts, and is never subject to reduction in the full palette of its properties, – the thesis of modern holistic philosophy and methodology).

The background of global culture – the phenomenon of "mass culture". There remains an extremely small number of researchers – and this minority is just the most naive – for whom the news is that "in the process of globalization, the leading role belongs to the West, which invented a culture suitable for everyday consumption – mass culture" [4, p. 154]. This modern Western mass culture – it would be more accurate to call it a "surrogate culture" – does not arise from scratch, not from "a blank page"; leaving aside individual historical "bends" on the path of its development, it should be pointed out that its genesis was once initiated by the post-war discourse of the Western world, and, according to the plan, should have brought freedom and independence to people; naturally, in the "halfway" of its development, its goal was transformed into liberalist slogans, sexual revolution, pseudo-culture ("hippie", with its characteristic drug addiction slogans), etc.; it is difficult to believe that this process was spontaneous, that is, artificially "disordered" ("free") in nature: in the construction of these phenomena, an artificial, man-made effect is manifested – one way or another, explicitly or implicitly, which arouses a certain socio-philosophical interest in this group of cultural phenomena.

This surrogate culture, known as "mass culture", builds up samples of postmodernist creativity, which blurs the distinction between good and evil – destroying the relationship between absolute good and absolute evil, this postmodernist creativity breaks ethically absolute coordinate axes in the minds of people, establishing totally relativistic models of personality and relationships between people, exposing the worst in moral and ethical terms of behavior and activity as privileged – and these are examples of murderers, swindlers, manipulators, homosexuals, escaped imprisonment, narcissists, psychopaths (and even psychopathic doctors!), and other parts of all this unhealthy shameful postmodernist "broth" in which Western artists "marinate" the consciousness of citizens – both of their country and countries involved in the process of oppression of morality and ethics, its decay and "philosophical deconstruction".

However, this problem is actually much deeper than it might seem at first glance, because *postmodernism is a denial of Hegel's heritage, and the situation of postmodernism is a problematic situation*; as if "stuck" at the stage of denying *Hegel* himself, postmodernism does not generate anything constructive, but only develops the potentials of those traditions that were laid down in the starting points of Hegel's thinking, only antagonistically switching "metaphysical gestalts", replacing, for example, centrism with the so-called "principled pluralism". As a consequence, overcoming the problematic situation of postmodernity should follow not simply the way of "denying negation" – according to the logic of *Hegel* himself – but by actively constructing new classics that could absorb all the best from what was presented in these previous traditions – including postmodernism.

As a result, this new classics must remove, preserve, maintain and critically expand the old traditions, absorbing all the best from them, and discarding all the worst (as for *Hegel* himself – the worst in his totalitarianism of his thinking, the presumption of his system's comprehensive coverage of the entire human universe activity and human culture, etc.). At the same time, it should be pointed out that the thinking of *Hegel* is totalitarianism and violence, the thinking of postmodernists is based on the denial of *Hegel* – there is arbitrariness and disorder, the synthesis of *both is freedom as variably regulated ordered activity*.

Thus, the legacy of existing cultures and civilizations will embark on the path of constructive development only with the emergence of a "new classics" that will absorb the best from those traditions that exist at present. At the same time, in Russia, this new classic will have to preserve our distinctive socio-historical symbolic programs and models of social behavior that are characteristic of the activities of Russians and have been forged over the millennia. These are the very socio-historical symbolic programs and models of social behavior that are threatened by the "weathering" of the very surrogate culture offered by the Western world in its worst, muddled, ethically dusted with the lowest postmodern models.

The initial frame of dialectical synthesis. It is already known from Western philosophical traditions that dialectical synthesis – in this case, the synthesis of Hegelian philosophy with the philosophy of postmodernism – should be characterized by a number of functional properties, including such functional (constructive) restrictions for the forms of the "new classics" as:

- (1) dialectical retrodution: "a new period in the history of science begins with *a return movement* that leads us to an earlier stage of cognition": [5, p. 153];
- (2) correspondence principle: the coverage and removal of what was previously present in the "body" of traditions, its large-scale synthesis on alternative grounds;
- (3) feasibility principle: opening new horizons: "this model, or project of an object should open up new opportunities for practice, i.e. would be realizable by these available methods": [6, p. 74].

As a result, in the current state of the situation, such a synthesis, which we could oppose to the decaying and degenerating tradition of postmodernism, should in a constructive way unite modern world philosophical traditions and absorb all the best of them, while discarding all the worst.

In this regard, the modern threats of the loss of models of socio-historical symbolic programs of Russian thinking and social behavior can be stopped by the formation of such an intellectual, mental and spiritual world for Russians – and, in the future, for the whole world – which would have been developed several steps forward compared to the world poisoned by the vicious practices of postmodernism, and, first of all, in the sphere of "soft power". "The non-commercial nature of culture is recognized by the international community, but how can it be protected? What kind of culture is being taken care of? At a time when economic globalization is driving the spread of consumer culture around the world, many local and distinctive cultures have proven to be "weak." This is the reality": [3] – in this sense, our Russian culture must by all means get ahead of the steps of the development of world culture, overcoming the sick situation of postmodernism.

As a result, it is required to set a kind of "patterns" for forging a new tradition, which could serve as a basis for the subsequent evolution of thinking in general, and from positions that are protective for Russian culture with its characteristic models of socio-historical symbolic programs of Russian thinking and social behavior; this synthesis should be a new level of development of thought, from the height of which the vicious and unhealthy postmodernist practices would be overcome; without overcoming the situation of postmodernity, it will hardly be possible to reverse the dominance of the Western world in the sphere of "soft power", and otherwise we are in danger of losing original patterns of social behavior, and their place will be taken by aestheticized and romanticized examples of the worst moral and ethical sense (mass murderers, swindlers rogues, impostors, manipulative cowards, homosexual psychopaths, etc.). It is clear that the synthesis of the legacy of *Hegel* and the postmodernists themselves (that small, but apparently essential of what is there in general) can be exclusively creative in nature; mechanical combination of elements alone is indispensable.

In this case, a coupling of two components is required:

- (1) "new classics" in ethics, philosophy, aesthetics, etc., which will free up space for new, healthy samples of socio-historical symbolic programs and social behavior (at the level of global culture);
- (2) the core of Russian culture with its characteristic models of socio-historical symbolic programs and social behavior (at the level of local-Russian culture).

In the systemic unity of these two elements – the emergence of a synthesis of *Hegel's* thought and *postmodernism* as a thesis and antithesis in a certain new dialectical unity, and the consolidation of Russian culture in a new light and context – one sees the prospect of overcoming the threats of losing models of socio-historical symbolic programs of Russian thinking and social behavior, and on the other hand, the further growth of the branches of world culture according to exhausted templates of post-modernism does not promise anything constructive for world culture.

Measures to preserve Russian culture. The preservation of the original, internal socio-historical symbolic programs of Russian thinking and social behavior, needs measures that should ensure its sustainable reproduction and enable its positive (in the ideal case, sustainable) development for some – at least the medium-term perspective. It is noted that “today the Russian society is experiencing a clear deficit of spiritual values: mercy, sympathy, compassion, support and mutual assistance – a deficit of what has historically made us stronger at all times, something that we have always been proud of” [7, p. 252]. Such social and historical symbolic programs as Russian love of freedom; search for freedom ("free will"); eschatologism: the value of moral and ethical retribution – posthumous (in the "Kingdom of God") or even lifetime; Russian flatland vigilance; "Russian hospitable reception" and "Russian tableful" (not reduced to mentally deviant behavior, that is, deviations or everyday drunkenness, as they often try to expose in Western pop culture); special Russian maximalism, monumentalism and gigantomania; extreme ("all or nothing"); Russian sweep and expanse – for example, as opposed to Western niggling; the bookish character of Russian culture and the culture of thinking reading of fundamental classics; the phenomena of the "Russian soul", "breadth of the Russian soul", "cordiality" – and, accordingly, such qualities of Russians as daring, maximalism, sociability, uncompromisingness; hospitality; spontaneity; cardiocentrism and cordiality (a Russian person “thinks with his heart, not with his mind,” “the claims of reason have their limits”); panetism (the inevitability of ethical assessments from judgments) – and this list is by no means complete, these socio-historical symbolic programs, and the value and semantic cores embedded in them, are currently under attack by the all-consuming mass culture of the Western type, which turns any event and action into pretentious and pompous, and, precisely by this, a completely meaningless incoherent set of "clips", which nowadays often does not lend itself to rationalization at all in certain terms of common sense, but is generally illogical.

As a result, the national culture in its current form must absorb the social and historical symbolic programs that we inherited from the ancestors of our multinational Motherland, and its “products” (in the words of our Western partners), and set their normativeness among young people on the basis of the “new classics” in philosophy, and on a constructive, creative basis, forming the best ethical, moral, aesthetic, professional attitudes (professional – in the sense of the professions of doctors, military men, teachers, entrepreneurs, etc.).

The "new classics" in the field of ethics and philosophy should make it possible to normalize and standardize the consciousness and thinking of Russians – and, more broadly, around the world in a ratio approximately corresponding to:

- (1) in a formal sense – the aspect of the "new classics";
- (2) in the content aspect – the aspect of original cultures.

That is, drawing of "products of soft power" and the corresponding formatting and rationing into the formation, a new classic is taken in the aspect, at the level of concepts and categorical grids-formal aspect, and the content that would be distributed among the cells – according to *forms* as in accordance with the specifics of these local cultures – is a content aspect.

Thus, taking as a basis the categorical and archetypal grids of the "new classics" of ethics, philosophy, aesthetics, these grids should be filled with normative meaningful models based on Russian culture – including, first of all, those given above (Russian love of freedom; the search for "free will", eschatologism: the value of moral and ethical retribution, ... panetism etc.), and personify these norms in lofty

images of the defenders of the Fatherland, the wise Teacher (high Mentor), the Doctor, etc. – and endow these personified samples with qualities forged by Russian culture and nurtured in its depths for centuries and millennia, in contrast to the sick world of samples of social behavior and socio-historical symbolic programs found in the “works” (“products”) of Western “soft power”. At the same time, the categorical and archetypal grid, which will be taken as the formal basis for constructing norms, will be forged in the depths of the “new classics”.

The formation of the level of a nationwide independent cultural stratum capable of pushing the “mass culture” of the West to the periphery of Russians' interest cannot *completely* follow a destructive path – by discrediting the “content” that is imposed by Western “soft power” (although such content is absolutely obliged to be present especially in relation to the promotion of non-traditional same-sex marriages and adoption of children in the context of this kind of “non-traditional” institutions): the products of our culture should exactly overlap, and not just cover, the requirements of modernity – both in the ethical sense (as far as classical Russian drama is concerned) and in the technical sense (in which Western cinema has undoubtedly succeeded).

Products of Western “soft power” – genre in their essence – are most often simply flawed in their ethical-value and moral-semantic aspects, they do not give the feeling of fundamentality that Russian thinking is aimed at. Western, mostly immoral, products are most often destructive: destroying and violating certain norms, for example, rejection of the absolute grid of good and evil (as, for example, in the famous TV series “LOST”, in the end of which one of the survivors remains mass murderer and manipulator), they offer nothing in return except “naked” denial, and direct a person's thoughts to deny norms and rules.

The response moment in defense of Russian culture can serve as ethically-centered and morally-oriented products of soft power (which, at the same time, in the technical aspect should not be inferior to the products of Western culture), aimed at *developing traditions, norms and rules, and not at denying them*: in this case, the principle of correspondence is again brought to the fore – the new must preserve and develop the old, and not be build on its ruins (the old history that our country has already gone through is building a new world on the destroyed building of the old; in this respect, the methodological principle of correspondence is fair in relation to any and every activity and any and every tradition, indicating directions for finding ways of their evolution – the new is the heir and successor of the old, and not a denier of it).

Conclusion. Thus, measures to stop modern threats to the loss of Russian models of socio-historical symbolic programs of Russian thinking and social behavior affect processes that are much deeper and broader than competition in the field of technical equipment in the production of video products; they relate to the very foundations of human thinking – both the Americans and Europeans themselves, and, which is critical for our study, – the Russians.

These foundations require the construction of thinking at the level of the “new classics”, which would be able to synthesize the heritage of Hegel's thinking – as well as the whole of German classical philosophy, both *Marx* and *Feuerbach* – with the legacy of postmodern thought, the so-called “Post-non-classical philosophy”. This synthesis should overcome the totalitarianism of Hegel's thought with its attempts to fit everything and everyone into its own “system”, as well as the slackness, indiscipline, disorder of postmodern thought with its articulated, underlined and accentuated anti-systemism (*Nietzsche's* essays, the experience of *Deleuze* and *Guattari's* “Thousand Plateaus”, arranged in a rather arbitrary order, devoid of the “classical” logic of the placement and distribution of material in its treatise “version” – in the same order in which *Kant, Fichte, Schelling, Hegel* and others).

In this regard, it will be necessary to develop a new format of philosophizing – which would guarantee orderliness (assuming the systematicity of classical philosophy), but at the same time would allow for non-linearity of reading and interpretation (taking into account the anti-systemicity of postmodern writing). Setting such a format is a matter for the future of philosophy, and not only in the narrow, Western sense, but in the sense of a kind of global-classical approach to writing philosophical texts.

In this philosophical attitude, the world is on the verge of a revolution that will affect all spheres of life of global humanity, and will be aimed, among other things, at preserving local diversity – its *formal canon* will be supplemented with specific material, and a vicious “surrogate culture” (“Mass culture”) will be pushed aside from the cultural agenda of the global society by genuine culture.

Список источников

1. Самыгин С. И., Любецкий Н. П., Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье российской молодежи в эпоху глобализации. М., 2020. 235 с.
2. Vilasi A. Intelligence, Globalization, Complex and Multi-Level Society // *Open Journal of Political Science*. 2018. № 8. Pp. 47-56.
3. Zhang Y. Another Possible World—Reading Yuezhi Zhao, *Communication and Society: Political Economy and Culture Analysis* // *Chinese Studies*. 2018. № 7. Pp. 251-258.
4. Сулова Т. И. Глобализация: к вопросу идентичности русской культуры // *Век глобализации*. 2010. № 2. С. 154-162.
5. Фейерабенд П. К. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: «АСТ», 2007.
6. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. – М.: Восточная литература (издательство), 2005. 463 с.
7. Путин, В. В. Прямая речь [Текст]: в 3 т. / Владимир Путин. – 2-е изд. – М.: «Звонница-МГ»: Новый ключ, 2016. – Т. 1: Послания Федеральному Собранию... – 412, [4] с.

References

1. Samygin S. I., Lyubetsky N. P., Gafiatulina N. Kh. Social health of Russian youth in the era of globalization. Moscow; 2020. 235 p. (In Russ.).
2. Vilasi A. Intelligence, Globalization, Complex and Multi-Level Society. *Open Journal of Political Science*. 2018 (8): 47–56.
3. Zhang Y. Another Possible World—Reading Yuezhi Zhao, *Communication and Society: Political Economy and Culture Analysis*. *Chinese Studies*. 2018 (7): 251–258.
4. Suslova T. I. Globalization: on the issue of the identity of Russian culture. *Vek globalizacii = The Age of Globalization*. 2010 (2): 154–162. (In Russ.).
5. Feyerabend P. K. *Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge*. Moscow: "AST"; 2007. (In Russ.).
6. Shchedrovitsky G. P. *Sign and activity*. Moscow: Vostochnaya literatura (publishing house); 2005. 463 p. (In Russ.).
7. Putin, V. V. Direct speech [Text]: in 3 volumes / Vladimir Putin. – 2nd ed. – М.: "Zvonitsa-MG": New Key, 2016. – Vol. 1: Messages to the Federal Assembly ... – 412, [4] p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ж. В. Андриевская – канд. психолог. наук, доц. ЮФУ;
 С. Г. Воскобойников – канд. ист. наук, доц. ДГТУ;
 Т. В. Щукина – канд. ист. наук, доц. ДГТУ.

Information about the authors

Zh. V. Andrievskaya – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Southern Federal University;
 S. G. Voskoboynikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Don State Technical University;
 T. V. Shchukina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 21.05.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 21.05.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-228-233

МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Галина Васильевна Ганьшина¹, Наталья Халиловна Гафиатулина²,
Яна Викторовна Артамонова³

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, gv_gansina@mail.ru

^{2,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

³janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Аннотация. В рамках данной статьи авторы работы рассматривают модели родительского поведения с точки зрения фактора, влияющего на социальное здоровье молодой семьи. Проведенный авторами анализ позволил оценить показатели социального здоровья молодых супругов в России. По мнению авторов статьи, социальное здоровье супругов представляет собой комплекс показателей: благополучие, фиксируемое как в супружеских, так и детско-родительских отношениях, а также комплекс семейных ценностей. Авторы работы утверждают, что в настоящее время существует множество факторов, которые влияют на то, что молодые семьи не выполняют эффективно свои функции, что негативно сказывается на жизнедеятельности новых поколений. Исходя из существующих проблем, разрабатываемые методы работы с молодыми семьями должны быть направлены на социальную защищенность супругов.

Ключевые слова: семья, российская молодежь, молодая семья в России, социальное здоровье, модели родительского поведения, типы молодой семьи, социализация

Для цитирования: Ганьшина Г. В., Гафиатулина Н. Х., Артамонова Я. В. Модели родительского поведения как фактор формирования социального здоровья молодой семьи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 228–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-228-233>

Sociology Problems

Original article

MODELS OF PARENTAL BEHAVIOR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE SOCIAL HEALTH OF A YOUNG FAMILY

Galina V. Ganshina¹, Natalia Kh. Gafiatulina², Yana V. Artamonova³

¹Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, gv_gansina@mail.ru

^{2,3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

²gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

³janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Abstract. Within the framework of this article, the authors of the work consider models of parental behavior from the point of view of a factor influencing the social health of a young family. The analysis carried out by the authors made it possible to assess the indicators of the social health of young spouses in Russia. According to the authors of the article, the social health of spouses is a set of indicators: well-being, recorded both in marital and child-parent relationships, as well as a set of family values. The authors of the work argue that at present there are many factors that affect the fact that young families do not effectively perform their functions, which negatively affects the life of new generations. Based on the existing problems, the developed methods of working with young families should be aimed at the social security of spouses.

Keywords: family, Russian youth, young family in Russia, social health, models of parental behavior, types of young family, socialization

For citation: Ganshina G. V., Gafiatulina N. Kh., Artamonova Ya. V. Models of parental behavior as a factor in the formation of the social health of a young family. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):228–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-228-233>

Сегодня в институциональном пространстве молодой семьи происходят трансформационные процессы, требующие глубокого социологического анализа. Изменения наблюдаются в образе жизни молодых супругов, в трансформации социальных установок молодых семей, в появлении разных моделей семьи. Современная молодежь полагает, что семья относится к инструментальным ценностям. Также стоит отметить, что в настоящее время у молодежи не наблюдается отрицания к такой форме семейных отношений как сожителство (без официально зарегистрированного в органах ЗАГС брака). Среди молодых семей распространены двухдетные или однодетные модели семьи, также молодежь как норму семейных отношений рассматривает и модель семьи без детей, т.н. «чайлдфри» [1; 2].

Однако, несмотря на трансформационные процессы, семья все еще остается важным институциональным субъектом [3], который обладает решающим значением как для индивидуальной жизнедеятельности и здоровья, так и для социального, экономического, общественно-политического, социокультурного развития общества в целом [4].

Молодая семья в современном обществе риска рассматривается как одна из самых незащищенных и уязвимых групп населения. В связи с этим одной из целей государственной политики в отношении молодых семей выступает создание условий, которые необходимы для того, чтобы создать и поддерживать социальное благополучие семьи. Ведь именно семейное благополучие – это залог крепкого социального здоровья населения России. По оценкам специалистов в области фамилистики, для нового поколения современных российских молодых семей характерно снижение уровня социального здоровья.

В связи с этим, на наш взгляд, весьма актуально обратиться к такой проблеме, как факторы формирования социального здоровья молодой семьи, одним из которых является родительское поведение.

Внимание к молодой семье – это актуальная проблема, которая очень часто поднимается в современной отечественной социологии, так как именно молодая семья является важнейшим ресурсом для развития общества. Ученые обращаются к таким вопросам, как мотивы заключения брака и создания семьи [2], социальные роли супругов в молодой семье [5], жизненный мир молодой семьи [6], репродуктивные установки и демографическое поведение молодых супругов [7].

Анализ научной литературы, посвященной выбранному нами полю исследования, свидетельствует о том, что современные ученые считают проблемы молодой семьи важными, актуальными, научно и социально значимыми. Несмотря на многоплановость научно-исследовательских интересов современных фамилистов, обращение к родительскому поведению является весьма актуальной и очень важной для российского общества темой.

Для решения цели, которая поставлена в данном исследовании, мы обращаемся к теории институализации молодой семьи Т.К. Ростовской [8]. Методологической базой данной работы стал анализ нормативно-правовых документов Российской Федерации, связанных с семейной политикой России.

Для того чтобы понять, какие модели родительского поведения формируются у современных молодых семей, мы должны обратиться к определению понятия «молодая семья». В Федеральном законе «О молодежной политике в РФ» «молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством РФ порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно...»¹. Таким образом, очевидно, что к установленным на законодательном уровне признакам молодой семьи относятся: наличие официально заключенного брачного союза, возрастная граница вступивших в брак – до 35 лет. Также молодой

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/400156192/paragraph/1:0>

семьей считается семья не только из двух супругов, но и семья, состоящая из одного родителя в возрасте до 35 лет.

Молодая семья – это семья, отличительной чертой которой являются супружеские отношения, а не родство и родительство. Даже наличие ребенка не отменяет доминирование супружеских отношений над родительскими. Опираясь на классификацию российского фамелиста В.С. Торохтий [9, с. 127], выделяют такие типы молодых семей: традиционный тип; тип семьи, который направлен на развитие личности мужа и жены; а также тип, построенный на досуговых практиках супругов. Семейные ценности доминируют в таком типе семьи, как традиционный. В рамках данного типа семейных отношений супруги нацелены на двухдетную семью. В традиционной семье глава семьи – это муж. Досуговые практики супругов чаще всего проходят совместно [10]. Второй тип молодой семьи ориентирован на развитие личности супругов, их карьерных стратегий. Также следует отметить, что у молодой семьи, ориентированной на развитие личности супругов имеется установка на малодетную семью. Третий тип семейных отношений связан с таким показателем, как отдых молодой семьи. В большинстве случаев молодые семьи, относящиеся к данному типу семей, выбирают тип семьи с одним ребенком или же семью без детей.

Мы считаем, что для выстраивания благоприятного климата в семье необходимо ориентироваться на то, что каждый из супругов является неповторимой, уникальной личностью, что позволяет любому из них самореализовываться в семье. В родительских отношениях такие супруги опираются на демократический стиль коммуникации.

Нельзя не отметить тот факт, что тип семьи оказывает влияние на другие процессы: демографические показатели, социальное и психофизиологическое здоровье личности. Обращаясь к такому показателю, как социальное здоровье (СЗ) молодой семьи, мы должны учитывать то, что каждая молодая семья в течение своей жизни сталкивается с огромным количеством трудностей, которые откладывают отпечаток на ее социальное здоровье. Опираясь на мнение А.Д. Плотникова, можно отметить, что молодая семья, которая имеет малолетних детей, чаще, чем другие семьи нуждается в поддержке со стороны государственных органов, что позволит укрепить социальное здоровье семьи [11], что наталкивает на мысль о том, что должны формироваться определенные модели родительского поведения молодой семьи.

Семейная социализация способствует повышению уровня СЗ молодой семьи. В настоящее время мы можем констатировать кризис социализационных механизмов семьи и ухудшение ее СЗ.

Сегодня мы являемся свидетелями тех социальных явлений, которые существенным образом влияют на процесс социализации, внося различного рода риски и неопределенности, отражаясь на СЗ семьи.

В данной статье социальное здоровье является состоянием «благополучия в ракурсе первичной семейной социализации, супружеских и детско-родительских отношений, системы социализационных семейных ценностей и предпочтений, этических и нравственных норм семейного социума, а также отражение отношения молодых родителей к своим маленьким детям» [12, с. 2].

Если опираться на типологические характеристики уровня социального здоровья, то молодые семьи могут быть благополучные, конфликтные, кризисные и дисфункциональные. Благополучная семья – это здоровые детско-родительские отношения и отношения между супругами – уважение и взаимопонимание. Безусловно, это не значит, что у благополучной семьи нет проблем, это означает, что семья стремится находить компромиссы. В молодой семье могут фиксироваться конфликты: напряжение между супругами, трудные отношения родителей и детей. Кризисная молодая семья требует быстрого вмешательства со стороны специалистов, поскольку все члены семьи находятся в стрессовой ситуации. В таких семьях нет эмоциональной близости, жизненный мир семьи может разрушиться. Дисфункциональная молодая семья характеризуется невыполнением или сокращением реализации своих основных семейных функций (жизнеобеспечения, воспитания, эмоциональной поддержки и др.).

Отметим, что огромное количество факторов влияет на формирование СЗ молодой семьи. Среди них: состав семьи, стиль воспитания, семейные ценности, стиль семейного взаимодействия и многое другое. Если социальное здоровье семьи в норме, то мы наблюдаем внутрисемейную активность, учет интересов и мнения всех членов семьи. Отклонение от нормы – это

рассогласованность в интересах супругов, родителей и детей. При отсутствии социального здоровья семьи фиксируется внутрисемейный дискомфорт, когда каждый из членов семьи нацелен на свои интересы.

Обращаясь к такому понятию, как родительство, отметим пять моделей родительского поведения: «родительство, сохраняющее остатки традиционности; «расколотое» и девиантное родительство; «индивидуалистическое» и созидательное родительство» [13, с. 188].

Если мы обращаемся к молодым семьям, то модель родительства, основанная на частичном сохранении традиционных семейных установок может считаться как благополучный опыт родительства. Но существующая нестабильность не всегда позволяет транслировать данную модель. То есть такая модель уязвима перед угрозами извне. Также опыт супругов, который они приносят из своих родительских семей, очень влияет на построение родительского поведения в молодой семье.

Неполные семьи – это модель «расколотого» родительства, поскольку именно один родитель постоянно занимается воспитанием детей. Безусловно, такая модель отражается на личности ребенка.

Девиантная модель – это источник неблагополучной молодой семьи. Такая модель семьи указывает на то, что молодые супруги ведут неправильный образ жизни, что сказывается на воспитании детей, так как при таком образе жизни дети не могут получить нормального ухода.

К четвертой модели относится индивидуалистическая модель. В рамках данной модели фиксируются как партнерские, так и авторитарные отношения между родителями и детьми. Как отмечает Л. А. Грицай [13], такая модель родительского поведения характеризуется отчуждением членов семьи друг от друга. Естественно, в рамках такой модели родительства не может быть обеспечен высокий уровень социального здоровья.

Созидательная модель выступает как наиболее благоприятная для современной молодой семьи. Модель базируется на духовно-нравственном наследии России и ее семейных ценностях, поскольку именно такая база позволит воспитать социально, психически и физически здоровую личность. В нашем понимании, данная модель – это некая идеальная модель, но для того, чтобы она была воспроизведена в современных условиях, необходимо воссоздать целостное духовно-нравственное пространство российского общества.

По данным большинства прикладных исследований для большинства россиян не характерна позитивная оценка удовлетворенности семейной жизнью и детско-родительскими отношениями. Особенно много вопросов есть у молодых семей, которые начинают свой совместный путь: материальные вопросы, трудоустройство на хорошую и высокооплачиваемую работу, поиск и покупка совместного жилья, что существенным образом влияет на оценку уровня социального здоровья, вызывая неудовлетворительность данным уровнем.

Очень острой проблемой для молодых семей является проблема трудоустройства супругов. В период становления семьи, активно происходит становление молодых людей и в профессиональной сфере. Для возраста 20-24 лет уровень занятости в 2020 году был равен 49,9%, 25-29 лет – 82,4%. Также стоит отметить, что в таких семьях, которые представляют модели традиционного и «расколотого» родительства, у женщин могут возникнуть проблемы с трудоустройством. Очень часто работодатели не горят желанием брать на работу женщин с детьми или женщин, которые недавно создали семью, так как опасаются, что такая работница может уйти в декретный отпуск или же будет постоянно находиться на больничном листе по уходу за ребенком.

Также для перечисленных нами моделей родительства характерна такая проблема, как психологическая неготовность к браку. Связано это с тем, что в рамках современной системы образования нет курса семейведения, а в родительской семье не всегда уделяют внимание тому, что такое семья. Часто молодая семья зависит от родителей, что приводит к нарушению границ молодой семьи и свидетельствует о социальном нездоровье молодой семьи.

Также на социальное здоровье молодой семьи влияют конфликты. Как известно, у молодой семьи после рождения ребенка наблюдается изменение социальных ролей, что требует согласованных компромиссных взаимоотношений между супругами, кроме того, на их плечи ложится большая материальная нагрузка, что, в свою очередь, влечет за собой новые физические и психоэмоциональные нагрузки.

Исходя из проведенного нами анализа, мы видим, что в настоящее время молодая семья не обладает способностью для эффективного выполнения своих ключевых социализационных функций. Данный фактор обладает долговременными тенденциями и может отразиться на социальной безопасности общества в целом.

Родительство и детство выступают как основные объекты социальной семейной политики. Семейная политика в отношении молодых семей должна быть направлена на формирование потенциала молодой семьи.

Опираясь на выделенные модели родительства, мы считаем, что одной из наиболее эффективных моделей родительства является созидательная модель. Более распространенной в России является модель родительства, сохраняющая признаки традиционности при явных тенденциях роста семей девиантного и индивидуалистического типа с соответствующим моделями родительства.

Исходя из существующих проблем, разрабатываемые методы работы с молодыми семьями должны быть направлены на социальную защищенность супругов, что в целом будет способствовать формированию и сохранению социального здоровья молодой семьи.

Список источников

1. Васильева Е. Н., Ростовская Т. К. Многодетные и двухдетные семьи в современной России: перспективы нейтрализации следующей волны депопуляции // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019-2024 гг. в социальном развитии молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, М., 2020. С. 103-106.

2. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 527-545.

3. Гафиатулина Н. Х. Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи // Инженерный вестник Дона. 2014. №1. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296.

4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе, М., 2018 / Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. С. 103-108.

5. Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг. 2020. №5 (159).

6. Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 233-236.

7. Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. №4. С. 83-103.

8. Ростовская Т. К. Молодая семья в современном российском обществе: Монография. Иваново, 2005. 107 с.

9. Торохтий В. С. Основы психолого-педагогического обеспечения социальной работы с семьей. Часть 1. М.: МГСУ, 2000. 240 с.

10. Ганьшина Г. В., Бабаев А. В., Мищерякова Л. В. Организация досуга современной семьи в учреждениях культуры и образования // Среднее профессиональное образование. 2020. № 5. С. 9-14.

11. Плотников А. Д. Молодая семья // Знание. Понимание. Умение. 2006. №3. С. 201-202.

12. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х. Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения // Инженерный вестник Дона. 2016. №1. ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3527.

13. Грицай Л. А. Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. 2001. № 2. С. 187-201.

References

1. Vasilyeva E. N., Rostovskaya T. K. Large and two-child families in modern Russia: prospects for neutralizing the next wave of depopulation. In: *State youth policy: national projects 2019-2024. in the social development of youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow; 2020:103-106 (In Russ.)

2. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Transformation of the image of the desired family model among different generations: the results of an all-Russian sociological study. *Bulletin of the Peoples' Friendship*

University of Russia. Series: Sociology = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2020;20(3):527-545 (In Russ.)

3. Gafiatulina N. Kh. The state of institutional entities that model the social health of Russian youth. *Inzhenernyj vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don.* 2014;(1). Available from: ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296(In Russ.)

4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. The attitude of young people to the family in a changing social reality. *Family in modern society.* Moscow, 2018. Ed. Ryazantseva S. V., Rostovskaya T. K. P. 103-108 (In Russ.)

5. Rozhdestvenskaya E. Yu. Involved fatherhood, caring masculinity. *Monitoring = Monitoring.* 2020;5(159) (In Russ)

6. Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. Designing the life world of a young family in a changing reality. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scientific notes.* 2020;(4). Available from <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-zhiznennogo-miramolodoy-semi-v-usloviyah-izmenyayusheysya-realnosti> (In Russ.)

7. Gudkova T. B. Reproductive Intentions of Russians: Motivation and Restraining Factors. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review.* 2019. No. 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnyye-namereniya-rossiyan-motivatsiya-i-sderzhivayuschie-faktory> (In Russ.)

8. Rostovskaya T. K. *Young family in modern Russian society:* Monograph. Ivanovo, 2005:107 (In Russ.).

9. Torokhty V. S. *Fundamentals of psychological and pedagogical support of social work with the family.* Part 1. Moscow: MGSU, 2000: 240 (In Russ.).

10. Gan'shina G. V., Babaev A. V., Mishcheryakova L. V. Leisure organization of a modern family in institutions of culture and education. *Srednee professional'noe obrazovanie = Secondary vocational education.* 2020;(5) (In Russ.)

11. Plotnikov A. D. Young family. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill.* 2006;(3): 201-202 (In Russ.)

12. Vereshchagina A. V., Gafiatulina N. Kh. Prosperous childhood as a basis for the social health of young generations: indicators of sociological measurement. *Inzhenernyj vestnik Dona = Engineering Bulletin of the Don.* 2016; 1. Available from: ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3527 (In Russ.)

13. Gritsay L. A. Social dimension of modern Russian parenthood. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology.* 2001;(2):187-201(In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Ганьшина – канд. педагог. наук, доц. МГПУ;

Н. Х. Гафиатулина – канд. социолог. наук, доц., докторант ЮФУ;

Я. В. Артамонова – канд. социолог. наук, ст. преп. ЮФУ.

Information about the authors

G. V. Ganshina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

N. Kh. Gafiatulina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral of Southern Federal University;

Y. V. Artamonova – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 21.05.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 21.05.2022; accepted for publication 23.05.2022.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

Евгений Алексеевич Капогузов¹, Роман Игоревич Чупин²

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, egenk@mail.ru

²Омский научный центр Сибирского отделения РАН, Омск, Россия, roman-chupin@ya.ru

Аннотация. *Введение:* Проблематика взаимосвязи между объективными показателями качества жизни, социальной напряженностью и протестной активностью является предметом академического дискурса в особенности с начала 2010-х годов. Вместе с тем, объективные характеристики данных взаимосвязей являются междисциплинарными и остаются малоизученными. В этой связи *цель статьи:* выявление взаимосвязи между качеством жизни и различными социально-демографическими характеристиками, влияющими на удовлетворенность граждан России, на основе данных Европейского социального исследования. *Методы:* множественный регрессионный анализ, кластерный анализ. *Результаты и выводы:* На основе анализа можем сделать вывод, что на удовлетворенность качеством жизни влияют микрофакторы и макрофакторы: уровень дохода, структура семьи (наличие детей), семейное положение, уровень здравоохранения, оценка здоровья и т.д. Но самая большая связь – между уровнем счастья респондента и удовлетворенностью качеством собственной жизни.

Ключевые слова: качество жизни, социальная напряженность, протестная активность, институциональный диссонанс

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31768 «Влияние общественно-политического дискурса изменений качества жизни на протестную активность населения».

Для цитирования: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Качество жизни, удовлетворенность и протестная активность: есть ли взаимосвязь? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-234-246>

Sociology Problems

Original article

QUALITY OF LIFE AND PROTEST ACTIVITY IN RUSSIAN CITIES: IS THERE A RELATIONSHIP?

Evgeny A. Kapoguzov¹, Roman I. Chupin²

¹Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia, egenk@mail.ru

²Omsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia, roman-chupin@ya.ru

Abstract. *Introduction:* The problem of the relationship between objective indicators of the quality of life, social tension and protest activity has been the subject of academic discourse, especially since the early 2010s. At the same time, the objective characteristics of these relationships are interdisciplinary and remain poorly understood. In this regard, *the purpose of the article* is to identify the relationship between the quality of life and various socio-demographic characteristics that affect the satisfaction of Russian citizens based on data from the European Social Survey. *Methods:* multiple regression analysis, cluster analysis. *Results and conclusions:* Upon completion of the study, we can conclude that satisfaction with the quality of life is influenced by microfactors and macrofactors. Satisfaction and how residents depend on many coefficients of factors: composition from all levels of chosen income, averages from respondents to the structure to evaluate families (having their own children), to assess from difficult marital status, health police, health confidence, etc. According to the relationship of health care between the quality of the level of happiness of one's respondent's happiness and the conclusion of satisfaction with the first quality one can see one's own other life.

Keywords: quality of life, social tension, protest activity, institutional dissonance

Financial Support: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project 21-011-31768 "The impact of socio-political discourse of changes in the quality of life on the protest activity of the population".

For citation: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Quality of life and protest activity in Russian cities: is there a relationship? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):234–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-234-246>

Введение

Проблемы воспринимаемой динамики качества жизни обострились в российском академическом и общественно-политическом дискурсе в период падения объективных показателей доходов населения после 2013 года. Несмотря на достаточную проработанность объективных критериев качества жизни в российских общественных науках, детализация параметров, комплексно характеризующих воспринимаемое благосостояние по-прежнему остается нерешенной проблемой. Так, согласно С.А. Айвазяну, максимально близким к операционализации (следовательно, к формированию эндогенных управленческих моделей) может являться подход, сочетающий использование как результатов измерений валидных статистических показателей в части параметров объекта, так и субъективных оценок самого объекта [1]. Данный подход также согласуется с исследованиями ООН в области качества жизни, в частности изложенными в работах Комиссии под руководством лауреатов премии имени Нобеля по экономике Джозефа Стиглица и Амартия Сена в части критики существующих показателей Системы национальных счетов (в частности ВВП) и важности применения более комплексных экономических показателей, в частности качества жизни [2].

Однако, несмотря на наличие множества объективных показателей, характеризующих качество жизни, позитивная динамика которых (в части улучшения общественной инфраструктуры, качества окружающей среды и др.) может не восприниматься в общественно-политическом дискурсе в случае недостаточной информированности населения и искажения дискурсивного порядка в информационном пространстве Интернет. В результате возникает эффект деградационной депрессии, когда воспроизводится дискурсивный нарратив – «все «устойчиво плохо». Данные ухудшения отражаются на настроении всех слоев населения, что приводит к росту социальной напряженности [3], что влечет за собой усиление негативных эмоционально-психологических состояний населения и способствует росту протестных настроений, которые в России пока имеют преимущественно экономическую подоплеку [4].

Социальная напряженность¹ как «интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением» [5] характеризует динамику особого социального состояния части общества. Она имеет и измеримый показатель напряженности – социальное самочувствие, определяемый как «субъективный показатель объективных жизненных условий личности, интегральная оценка человеком своего существования в социальном мире, детерминированное в первую очередь социальными факторами» [6, с.40-41]; см. также [7] и измеримый индексным методом. Наиболее популярным является индекс социальных настроений ВЦИОМ, который базируется на таких показателях как: „удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны“².

Содержательно социальная напряженность имеет уровневую составляющую, в частности рассматривается нормальный и пониженный уровень. Согласно подходу Кинсбургского и Топалова, «механизмом трансформации социальной напряженности в массовые акции протеста может быть представлен следующим образом: Социальное Недовольство + Потенциал Протеста = Массовые Действия Протеста [8, с. 21]. Причины для массового протеста могут иметь субъективный характер [9], а природа политических протестов может быть не связана с рейтингами политиков и политических партий [10]. Вместе с тем, объективной основой социального недовольства выступает изменение удовлетворенности людей уровнем своего благосостояния,

¹ Сам термин в российском дискурсе восходит к работе В. Рукавишниковой, опубликованной в 1990 году в журнале «Диалог».

² <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya>

в частности, уровнем доходов. Как отмечается в работе Ранчи, в крупных европейских мегаполисах наиболее значимое влияние на уровень удовлетворенности оказывают именно доходы [11]. Некоторые авторы отмечают, что представление о социальной напряженности является естественным условием функционирования города [12]. Эта идея опирается на классическую работу Айзингера, согласно которой рост социальной напряженности является результатом более открытой политической системы в городах, что создает условия для открытого выражения и распространения политических дебатов и протестов [13]. В частности, городские активисты, не нашедшие поддержку и понимание у муниципальных властей, получают почву для расширения социальной напряженности, в том числе через социальные сети и Youtube-каналы, и способствуют росту протестных действий. Такой тип протеста является частью политической культуры современных демократических обществ, и иногда даже не рассматривается как негативное общественное явление [14].

В свою очередь, методика оценки социальной напряженности была разработана НИЦ ФСО России в начале 2000-х годов, и вошла в академический дискурс после обострения протестных настроений. С использованием данного инструментария в 2010-2011 гг. было проведено исследование по выявлению факторов, определяющих социальную напряженность в России в целом и в отдельных регионах [15]. Это позволило предложить определенный набор показателей, характеризующих социальную напряженность (на федеральном уровне) и составить методологию и методику измерения социальной напряженности [16].

На первом этапе исследования проведен экспертный опрос, цель которого заключалась в выявлении факторов, оказывающих значимое влияние на социальную напряженность в России. Ключевыми факторами, представленными в исследовании НИЦ ФСО, отказывающимися наиболее значимое влияние на уровень социальной напряженности в городе, являются: уровень доходов на душу населения; рост цен; неудовлетворенность деятельностью местных органов власти; размер заработной платы; уровень преступности; уровень безработицы. В развитии данного подхода Г. Барановой был разработан концептуальный подход к анализу уже протестной активности и теми факторами, которые определяют непосредственно протестный потенциал общества, в частности в мегаполисах [17]. В свою очередь нами (в составе исследовательского коллектива) была в частности разработана методика оценки факторов социальной напряженности и проведена оценка их воздействия применительно к г. Омску [18].

Другим важным аспектом исследуемой проблемы применительно к воспринимаемому качеству жизни в российских мегаполисах является проблема институционального диссонанса [19]. При этом применительно к развитию мегаполисов и качеству жизни в городах можно выделить институциональный диссонанс трех типов дискурса: дискурса высокой урбанистики, оперирующего образом индустриального, модернистского города; дискурса левой урбанистики, акцентирующего внимание на социальных проблемах в городе; дискурса хипстерской урбанистики, актуализирующего запрос горожан на креативную экономику, современный дизайн публичных пространств, которые позволяют улучшить качество жизни [20]. Преобладание тех или иных типов дискурса может проводить к обострению как социальной напряженности и росту протестного потенциала, но и способствовать к центростремительным миграционным процессам, в результате чего «недовольные провинциалы» из депрессивных регионов усиливают социальную напряженность в мегаполисах-реципиентах [21, 22].

Еще одним значимым элементом исследования является воздействие социальных сетей, в частности видеохостингов на массовое сознание и на формирование протестного потенциала. Как показывается в экспериментальных исследованиях в сфере поведенческой экономики, социальные сети способствуют существенному снижению субъективного восприятия людьми качества собственной жизни [23]. В свою очередь, «кликбейтная ориентация» региональных СМИ приводит к формированию негативного образа положению дел. В целом цифровая трансформация приводит также к изменению объективных условий жизнедеятельности населения. В частности в литературе выделяется цифровая составляющая качества жизни [24], которая дополняет традиционные объективные критерии. С учетом глубокого погружения значительной части молодежи в «цифровой мир» с отличающимся от традиционных масс-медиа восприятием реальности и воздействием на массовое сознание «лидеров мнений» федерального уровня важным элементом исследования является анализ нарративов по позитивным и негативным элементам, представленным в социальных сетях и видеохостингах относительно

восприятия качества жизни [25]. Кроме того, применительно к политическим акциям протеста, как отмечает Э. Шульц: «Социальные сети – главный рупор и коммуникационная система мобилизации сторонников» [10, с. 320].

В свою очередь, положительная оценка жителями городов усилий местных органов власти связана с восприятием ими удовлетворенности жизнью в конкретном городе. В этой связи выявление взаимосвязи между измеряемыми статистически показателями уровня жизни и субъективным восприятием конкретных факторов, определяющих такое восприятие, является значимой исследовательской задачей. Исходя из этого **целью** исследования является выявление взаимосвязи между объективными показателями качества жизни, удовлетворенностью и протестной активностью на основе данных опросов, характеризующих объективные (измеряемые статистически) и субъективные параметры качества жизни.

Информационная база и методы

Для выявления взаимосвязи между объективными показателями качества жизни и протестной активностью необходимо провести анализ того, насколько на основе объективных критериев. В рамках поставленной проблемы для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить общую характеристику удовлетворённости качеством жизни населения России.
2. Выявить зависимость удовлетворенности качеством жизни жителей России от внутренних (микро) факторов, а также выяснить, на сколько удовлетворённость зависит от внешних (макро) факторов.
3. Выявить взаимосвязь между удовлетворенности качеством жизни и различными социально-демографическими характеристиками.

Наглядно операционализация признаков и показателей, в которых раскрываются эти задачи, представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Операционализация признаков

Table 1 – Operationalization of features

Признак	Показатель	Индикатор	Тип шкалы	Вопрос в базе
Удовлетворённость жизнью в целом	Степень удовлетворенность	Указание респондентом степени удовлетворенности качеством жизни в целом	Порядковая	<i>voznst</i>
	На сколько счастлив	Указание респондентом уровня своего счастья	Порядковая	<i>happy</i>
	Пол	Указание респондентом пола	Дихотомическая	<i>gndr</i>
	Возраст	Указание респондентом своего возраста	Порядковая	<i>agea</i>
Внутренние факторы, влияющие на удовлетворённость	Доход	Указание респондентом своего уровня дохода	Порядковая	<i>hinctnta</i>
	Семейное положение	Указание респондентом своего семейного положения	Порядковая	<i>maritalb</i>
	Наличие детей	Указание респондентом о наличии детей, которые живут вместе с ним	Дихотомическая	<i>chldhm</i>
	Образование	Указание респондентом ступени образования	Порядковая	<i>eduys</i>
	Здоровье	Оценка респондентом своего здоровья	Порядковая	<i>hlthhmp</i>
	Религия	Указание респондентом принадлежности к какой-либо религии	Номинальная	<i>rlgdnm</i>

Окончание табл. 1

End of Table 1

Внешние факторы, влияющие на удовлетворённость	Доверие Госдуме	Оценка доверия респондента Госдуме	Порядковая	<i>trstprl</i>
	Доверие политикам	Оценка доверия респондента политикам	Порядковая	<i>trstplt</i>
	Доверие полиции	Оценка доверия респондента полиции	Порядковая	<i>trstplc</i>
	Удовлетворенность здравоохранением	Оценка системы здравоохранения в стране	Порядковая	<i>stfhlth</i>
	Удовлетворенность образованием	Оценка системы образования в стране	Порядковая	<i>stfedu</i>
	Безопасность	Чувство безопасности	Порядковая	<i>aesfdrk</i>

Информационной базой послужили данные сравнительного исследования изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы (с 2006 г. России) – Европейского социального исследования (ESS). Материалы ESS уже рассматривались в ряде публикаций, в частности анализировались данные 4-й волны исследований [26] и последующие, при этом согласно выводу Андреевской: «особенностями изменений, происходящих в политических установках людей в России, является увеличение позитивных оценок работы политической системы в целом и рост доверия к государственным институтам» [27, с. 75]. Мы в рамках нашего анализа будем опираться на данные восьмой волны, которая в России было проведено Институтом сравнительных социальных исследований в октябре 2016-январе 2017 года (размер выборки составил 2430 чел.)¹. Рассмотрим, что показывают эти данные, сформулировав ряд задач в рамках цели исследования:

Результаты

Как отмечалось выше, всего в опросе участвовало 2430 респондентов. Из данных ESS мы отобрали только тех респондентов, которые на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» не ответили отказом, затруднением или оставили без ответа, т.к. они будут не нужны в анализе в дальнейшем.

Для выполнения 1 задачи, понадобятся 4 переменные: *stflife*, *happy*, *agea*, *gndr* – они нам помогут определить общую характеристику удовлетворённости качеством жизни населения России.

В отличие от многих других стран, где удовлетворенность жизнью мало связана с базовыми социально-демографическими показателями (пол и возраст), в России такая связь есть, хотя и не очень сильная. Наблюдается общее постепенное снижение удовлетворенности жизнью с возрастом.

Также для исследования интересно проследить связь удовлетворённости жизнью в целом и оценкой респондента своего уровня счастья. Можно отметить, что полностью удовлетворены своей жизнью те, кто отметил своё состояние как «очень счастлив» – 66 человек, 46,2%, так же и наоборот: кто по состоянию «очень несчастлив» отметили, что не удовлетворены совершенно – 23,6%. Большое кол-во респондентов (167 человек) находятся в среднем расположении – на «5» баллов они оценивают свою степень счастья и удовлетворенность качеством жизни. По табл. 2 можно сказать, что чем счастливее человек, тем больше у него удовлетворенность.

Можно сделать следующий вывод: с увеличением уровня счастья удовлетворённость жизнью также увеличивается.

¹ Европейское социальное исследование. 8-я волна. 2016 г. 2430 чел. URL: <http://ess.nsd.uib.no/ess/>

Таблица 2 – Взаимосвязь счастья и удовлетворенности

Table 2 – Relationship between happiness and satisfaction

		Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Насколько Вы счастливы?
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Корреляция Пирсона	1	,582**
	Знач. (двухсторонняя)		,000
	N	2380	2380
Насколько Вы счастливы?	Корреляция Пирсона	,582**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	
	N	2380	2380

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Для выполнения второй задачи исследования, нам понадобится частотные таблицы и корреляционный анализ, чтобы понять, какие переменные являются значимыми, а какие не связаны с удовлетворенностью.

«К какой группе по уровню дохода принадлежит Ваша семья?» Анализируя таблицу сопряженности, можем сделать такие выводы: респонденты, получающие в год менее 12 тыс. руб. (12,7% из всего кол-ва), которые совершенно не удовлетворены жизнью – 14 человек, это самое большое количество, по сравнению с другими группами доходов, полностью удовлетворенных – 9 человек, среднюю характеристику своей жизни дают 57 человек. Самими удовлетворенными себя считают респонденты с доходом 30 – 40 тыс. руб. Исходя из логических рассуждений, можно подумать, что самыми удовлетворенными будут люди с самым высоким достатком в 80 тыс. руб. и больше, но всего 5 человек из 88 считают себя таковыми, остальные респонденты с таким доходом оценивают свое качество жизни на «5» – «8» баллов. Следовательно, связь между уровнем дохода и удовлетворенностью существует.

«Официальное семейное положение». Из 4 групп респондентов, распределенных по семейному положению, самое большое количество совершенно не удовлетворенных своей жизнью – 26 человек (36,1% из всех не удовлетворенных), но также полностью удовлетворенными себя считают большее количество замужних/женатых людей (40,8% из всех). Большое количество всех респондентов, не зависимо от семейного положения, оценивают свою жизнь на «5» баллов, самое большое количество тех, кто состоит в браке – из 485 людей, удовлетворенных на среднем уровне, оказалось 215 человек (44,3%) ото всех. Связь между семейным положением и удовлетворенностью существует.

«Структура семьи». Можно заметить, что у респондентов, имеющих детей, удовлетворенность жизнью меньше, чем у тех, которые выбрали другой ответ (либо у них нет детей, либо они живут не с респондентом). Большинство респондентов оценивают свою удовлетворенность на «5» и «7» баллов, 153 и 145 человек соответственно. Связь между структурой семьи и удовлетворенностью существует.

«Образование». Самое большое количество респондентов получили Среднее профессиональное образование (810 человек), имеют законченное высшее образование по 5-6 летней системе (703). Также было 2 респондента, которые окончили 1-2 класса школы или вообще не учились, они оценивают свою удовлетворенность на «5» и «7» баллов. Есть 11 респондентов, имеющих научную степень, свою удовлетворенность они оценивают с «3» баллов и до «8» баллов. В целом, тенденция та же: в большинстве случаев респонденты оценивают свою жизнь на «5» баллов из 11.

«Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии?». Ответ «Полностью не удовлетворен» больше выбрали люди, которые относят себя к религии: 46 религиозных против 26 не причастных к религии респондентов, можно отметить, что религиозные респонденты менее удовлетворены жизнью, чем нерелигиозные. Максимальное количество ответов пришлось на «5» у людей, причастных к религии, что составляет 266 человек, а у тех, кто не относит себя к религии – 210 человек. Полностью удовлетворенных религиозных людей больше, чем не относящихся к религии (6,4% и 5,6% соответственно).

«Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?». Самое большое количество респондентов со «средним» здоровьем – 1167 человек, 266 из которых на «5» баллов удовлетворены своей жизнью. Люди, которые оценивают своё состояние здоровья как среднее (43 человека), полностью не удовлетворены своей жизнью, это количество наибольшее в этой характеристике, так же люди со «средним» здоровьем тоже больше всех полностью удовлетворены качеством своей жизни (61 человек). В итоге присутствует связь между здоровьем и удовлетворённостью.

Для выполнения третьей задачи исследования, нам так же понадобится частотные таблицы и корреляционный анализ, чтобы понять, какие переменные являются значимыми, а какие не связаны с удовлетворённостью.

1. «Насколько Вы лично доверяете Госдуме?» Респонденты, которые полностью удовлетворены своей жизнью – это в основном те, кто совершенно не доверяют Госдуме, либо доверяют на «5» баллов из 11. Также дела обстоят и с респондентами, которые совершенно не удовлетворены своей жизнью – 42,9% не доверяют Госдуме и 22,9% доверяют на «5». Небольшое количество людей, кто вообще полностью доверяют Госдуме – это всего 113 человек из всей генеральной совокупности.

Таблица 3 – Удовлетворенность и доверие Госдуме

Table 3 – Satisfaction and trust in the State Duma

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b6 Насколько Вы лично доверяете Госдуме
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,280**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2281
	b6 Насколько Вы лично доверяете Госдуме	Коэффициент корреляции	,280**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2281	2281

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к Госдуме удовлетворённость жизнью также увеличивается.

2. «Насколько Вы лично доверяете политикам?» Из всего количества наблюдений, полностью доверяют политикам только 2,6% (59 человек), абсолютно не доверяют 15,4% (351 человек). Также те, кто абсолютно не доверяют политикам, оценивают свою удовлетворённость жизнью гораздо выше, чем те, кто доверяют политикам. Наибольшее количество респондентов, кто на «средний» балл удовлетворены жизнью и политиками – 106 человек (табл. 4).

Таблица 4 – Удовлетворенность и доверие политикам

Table 4 – Satisfaction and trust to politicians

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b9 Насколько Вы лично доверяете политикам?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,274**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2272
	b9 Насколько Вы лично доверяете политикам?	Коэффициент корреляции	,274**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2272	2272

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к политикам удовлетворённость жизнью также увеличивается.

3. «Насколько Вы лично доверяете полиции?». Из всех респондентов, большая половина удовлетворена своей жизнью, максимальное значение – 480 человек ответили на «5» баллов из 11. Не доверяющих полиции намного больше, чем тех, кто полностью доверяет – 10,7% (248) против 5% (116) соответственно. Так же самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и доверие оцениваются на «5» баллов у 115 человек.

Таблица 5 – Удовлетворенность и доверие полиции

Table 5 – Satisfaction and trust to police

			b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	b8 Насколько Вы лично доверяете полиции?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,320**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2314
	b8 Насколько Вы лично доверяете полиции?	Коэффициент корреляции	,320**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2314	2314

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с увеличением доверия к полиции удовлетворенность жизнью также увеличивается.

На вопрос «Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?» в основном респонденты отвечают, что в стране не очень хорошее образование. Как «очень плохое» оценивают 151 респондент, а как очень хорошее – 48 человек, самый усредненный ответ в «5» баллов ответило 444 респондента. Самое наибольшее количество недовольных образованием это те, кто совершенно не удовлетворен жизнью (46,8% из всех, кто не удовлетворен жизнью). Также самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и оценка оцениваются на «5» баллов у 122 человек.

Таблица 6 – Удовлетворенность и система образования

Table 6 – Satisfaction and the education system

			Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?
Ро Спирмана	Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,328**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2266
	Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы образования в нашей стране?	Коэффициент корреляции	,328**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2266	2266

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с улучшением состояния системы образования, удовлетворенность жизнью также увеличивается.

На вопрос «Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы здравоохранения в нашей стране?» очень небольшое количество респондентов оценивают состояние здравоохранения как «очень хорошее» – всего 0,9% из всех респондентов, «очень плохим» систему здравоохранения считают 227 человек (9,7%). Также большое кол-во человек, считающих систему здравоохранения

охранения очень плохой (57 человек), оценивают удовлетворенность на «5» баллов из 11. Также самый популярный усредненный ответ на два параметра – удовлетворенность и оценка системы здравоохранения оцениваются на «5» баллов у 115 человек.

Таблица 7 – Удовлетворенность и система здравоохранения

Table 7 – Satisfaction and the health care system

			b27 Насколько Вы удовле- творены своей жиз- нью в целом?	b32 Как Вы оцени- ваете нынешнее состояние системы здраво- охранения в нашей стране?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	,323**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2338
	b32 Как Вы оцениваете нынешнее состояние системы здравоохране- ния в нашей стране?	Коэффициент корреляции	,323**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2338	2338

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Можно сделать следующий вывод: с улучшением состояния системы здравоохранения, удовлетворенность жизнью также увеличивается.

4. «Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в Вашем районе после наступления темноты?». Анализируя таблицу, можно сделать вывод, что в относительной безопасности себя ощущает большая часть опрошенных – 53,7% из 100%. Респонденты, которые чувствуют себя совсем небезопасно почти в равной доле полностью удовлетворены и совсем не удовлетворены своей жизнью – 5 и 4 респондента соответственно. Наибольшее количество ответов, которые выбирали респонденты пересеклись у 265 людей, которые удовлетворены своей жизнью на «5» баллов из 11 и они чувствуют себя в относительно безопасности на улице при наступлении темноты.

Таблица 8 – Удовлетворенность безопасностью

Table 8 – Satisfaction of public security

			Насколько Вы удовле- творены своей жиз- нью в целом?	Насколько Вы чувствуете себя в безопас- ности в Вашем районе после наступления темноты?
Ро Спирмана	b27 Насколько Вы удовлетворены сво- ей жизнью в целом?	Коэффициент корреляции	1,000	-,171**
		Знач. (2-х сторонняя)	.	,000
		N	2380	2350
	с6 Насколько Вы чувствуете себя в безопасности в Вашем районе после наступления темноты?	Коэффициент корреляции	-,171**	1,000
		Знач. (2-х сторонняя)	,000	.
		N	2350	2350

Можно сделать следующий вывод: с изменением чувства безопасности, удовлетворённость жизнью уменьшается.

Заключение

Несмотря на уже достаточную изученность как механизмов возникновения социальных протестов, так и их причин и последствий, возникновение новых факторов, таких как развитие «новых медиа», распространение социальных сетей и др. стимулируют исследовательский интерес. Кроме того, с 2020 года в российском обществе, как и в мире в целом, появился еще один фактор для усиления социальной напряженности и формирования протестного потенциала – коронакризис, который приводил к крайней форме – «коронапсихозу». [28]. В этом плане очевидно, что доступные релевантные статистические данные, если ими конечно сложно манипулировать, могут служить объективной основой для формирования общественного мнения, позволяющего снизить протестный потенциал и улучшить социальное самочувствие.

Как нами было показано в ходе анализа данных восьмой волны сравнительного исследования изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы, взаимосвязь между удовлетворенностью и качеством жизни включает как субъективные, так и объективные детерминанты. Множественность параметров качества жизни (уровень дохода, социально-демографические характеристики респондентов) дополнялись отношением к системам образования и здравоохранения, полиции и политической системы. Между тем то, что наиболее сильная взаимосвязь проявлялась между двумя экзистенциальными субъективным воспринимаемыми параметрами – счастьем и удовлетворенностью, демонстрирует значимость правильной подачи позитивной информации. Тем самым ответ на вопрос, поставленный в названии статьи, не является однозначным. И во многом существующие детерминанты протестной активности объясняются политическим триггерами и находятся вне объективной картины с качеством жизни, фиксируемыми данными как официальной статистики, так и репрезентативными опросами, отражающими субъективное восприятие россиянами ситуации.

Список источников

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. ЦЭМИ РАН. М: Наука, 2012. 432 с.
2. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 216 с.
3. Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Автореф. дис.... канд. социол. наук. М., 2002.
4. Латов Ю. В. Призрак "революционной ситуации": протестные действия и протестные настроения современных россиян // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 36–51.
5. Тучков Е. В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования: дис. канд. социолог. наук. Орел : б.н., 2000. С. 134.
6. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
7. Черникова И.А., Родимушкина О.В. Протестная активность и протестный потенциал в субъектах Российской Федерации // *Социальная политика и социология*. 2016. Т. 15. № 5(118). С. 157–165.
8. Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 1(13). С. 20–34.
9. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
10. Шульц Э. Э. Протест в России 2017–2021: технологии и закономерности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 3. С. 312–328.
11. Ranci, C. Competitiveness and social cohesion in Western European cities. In *Urban Studies*, 13 (48), 2011, pp.2789-2804.
12. Netto, V. M. *The social fabric of cities*. Routledge, 2016.
13. Eisinger, P. K. The conditions of protest behavior in American cities. In: *American political science review*, no. 1 (67), 1973, pp. 11-28.
14. Оболонский А. В. Народ, власти и полиция: уличные протесты в США // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 109–125.

15. Баранова Г. В., Фролов В. А., Кондрашин А. В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. 2011. № 6 (326). С. 48–55.
16. Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3 (335). С. 50–65.
17. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10 (342). С. 143–152.
18. Kapoguzov E. A., Chupin R. I., Kharlamova M. S., Pligunova A. V. Social Tension Factors: Estimation and Analysis Issues (Case Study: the City of Omsk) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 4. P. 517–528.
19. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 36 с.
20. Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 165–175.
21. Печёркина И.Ф. Детерминанты протестных настроений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 4. С. 86–97.
22. Глотов В.И., Бахтизин А.Р., Волкова М.И Социальная напряженность в субъектах Российской Федерации Анализ причин и последствий // Федерализм. 2019. № 4(96). С. 142–160.
23. Шмаков А.В. Изменение субъективного восприятия качества жизни под воздействием социальных сетей / В сборнике: Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории. Сборник докладов секционных заседаний. 2020. С. 137–138.
24. Литвинцева Г. П., Карелин И. Н. Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 3. С. 53–71.
25. Антошин В. А., Антошин А. В., Колесникова К. И. Протестный потенциал и протестная активность современной российской молодежи: ценностные доминанты, динамика и тенденции // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 93–101.
26. Пинкевич А. Г. Возможности изучения социальной напряженности в России на основе данных Европейского социального исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. №1. С. 150–169.
27. Андреевкова А.В. Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002-2016 гг. // Социологические исследования. 2018. № 10 (414). С. 66–76.
28. Попов В. В., Бычков П. И., Дорофеев Д. В. Проблемы социальной напряженности в условиях пандемий, коронавируса и изоляции. Уроки и опыт по их преодолению // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 3.

References

1. Ayvazyan S. A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskii podkhod [*Analysis of the quality and lifestyle of the population: an econometric approach*]. CEMI RAN. Moscow: Nauka. 2012. 432 p. (in Russ.)
2. Stiglits D., Sen A., Fitussi Zh.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeyet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. [*Why GDP Doesn't Make Sense? Report of the Commission for Measuring Economic Performance and Social Progress.*] Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2015. 216 p. (in Russ.)
3. Pirogov I. V. Sotsial'naya napryazhonost': teoriya, metodologiya i metody izmereniya [*Social tension: theory, methodology and methods of measurement*]: Avtoref. dis.... kand. sotsiol. nauk. Moscow; 2002 (in Russ.)
4. Latov Yu. V. Prizrak "revolyutsionnoy situatsii": protestnyye deystviya i protestnyye nastroyeniya sovremennykh rossiyan [Phantom of the "revolutionary situation": protest actions and protest moods of modern Russians]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [*Social sciences and modernity*]. 2017;(2): 36–51. (in Russ.)
5. Tuchkov Ye. V. Sotsial'naya napryazhennost' v regionakh tsentra Rossii: mekhanizmy diagnostiki i regulirovaniya [*Social tension in the regions of the center of Russia: mechanisms of diagnostics and regulation: dis. cand. sociological sciences*]: dis. kand. sotsiolog.nauk. Orel; 2000. (in Russ.)

6. *Social well-being of the population in the context of reforms: regional aspect*. M.K. Gorshkov (ed.) Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2011. (in Russ.)
7. Chernikova I. A., Rodimushkina O. V. Protestnaya aktivnost' i protestnyy potentsial v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Protest activity and protest potential in the subjects of the Russian Federation] *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social policy and sociology]*. 2016;15(5(118)):157–165 (in Russ.)
8. Kinsburskiy A. V., Topalov M. N. Sotsial'naya napryazhonnost' i massovyie aktsii protesta (k voprosu o mekhanizme deystviya) [Social tension and mass protests (on the issue of the mechanism of action)]. *Sociological science and social practice*. 2016; (1):20–34. (in Russ.)
9. Gurr T. R. *Pochemu lyudi buntuyut [Why Men Rebel]*. St. Petersburg: Piter, 2005. (in Russ.)
10. Shults E. E. Protest in Russia 2017–2021: Technologies and Patterns. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(3):312–328. (in Russ.)
11. Ranci C. Competitiveness and social cohesion in Western European cities. In: *Urban Studies*, 2011; 13(48):2789–2804.
12. Netto V. M. *The social fabric of cities*. Routledge, 2016.
13. Eisinger P. K. The conditions of protest behavior in American cities. *American political science review*. 1973; no. 1 (67), pp. 11–28.
14. Obolonskiy A.V. () *Narod, vlasti i policija: ulichnye protesty v SShA [People, authorities and police: Street protests in the USA]*. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 2013;(4):109–115 (in Russ.)
15. Baranova G. V., Frolov V. A., Kondrashin A. V. Osobennosti sotsial'noy napryazhennosti v regionakh Rossii [Features of social tension in the regions of Russia]. *Sociological research*. 2011; 6 (326):48–55. (in Russ.)
16. Baranova G. V., Frolov V. A. Metodologiya i metodika izmereniya sotsial'noy napryazhennosti [Methodology and methodology for measuring social tension]. *Sociological research*. 2012;3 (335):50–65. (in Russ.)
17. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii [Methods of analysis of the protest activity of the Russian population]. *Sociological research*. 2012;10 (342):143–152. (in Russ.)
18. Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S., Pligunova A.V. Social Tension Factors: Estimation and Analysis Issues (Case Study: the City of Omsk). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020;13(4):517–528. (in Russ.)
19. Kirdina-Chandler S. G. () *Mezouroven': novyy vzglyad na ekonomiku?: Nauchnyy doklad. [Me-solevel: a new look at the economy?: Scientific report]*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2017. 36 p. (in Russ.)
20. Kapoguzov E. A., Ovodova S. N., Chupin R. I. Dominiruyushchiye kontsepty blagoustroystva sibirskogo goroda: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v gorode Omske [Dominant concepts of beautification of the Siberian city: the experience of sociological research in the city of Omsk]. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*. 2020;5(2):165–175. (in Russ.)
21. Pecherkina I. F. Determinanty protestnykh nastroyeniy [Determinants of Protest Moods]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya. [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research]*. 2017;3(4):86–97. DOI: 10.21684/2411-7897-2017-3-4-86-9 (in Russ.)
22. Glotov V. I., Bakhtizin A. R., Volkova M. I. Sotsial'naya napryazhennost' v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii Analiz prichin i posledstviy [Social tension in the subjects of the Russian Federation Analysis of causes and consequences]. *Federalism*. 2019;4(96):142–160. (in Russ.)
23. Shmakov A.V. Izmeneniye sub'yektivnogo vospriyatiya kachestva zhizni pod vozdeystviyem sotsial'nykh setey [Changing the subjective perception of the quality of life under the influence of social networks] In: *Proceedings of the IX All-Russian Symposium on Economic Theory. Collection of reports of section meetings*. 2020. P. 137–138 (in Russian)
24. Litvintseva G. P., Karelin I. N. Effekty tsifrovoy transformatsii ekonomiki i kachestva zhizni naseleniya v Rossii [Effects of digital transformation of the economy and the quality of life of the population in Russia]. *Terra Economicus*. 2020;18(3):53–71 (in Russ.)
25. Antoshin V. A., Antoshin A. V., Kolesnikova K. I. Protestnyy potentsial i protestnaya aktivnost' sovremennoy rossiyskoy molodezhi: tsennostnyye dominanty, dinamika i tendentsii [Protest potential and protest activity of modern Russian youth: value dominants, dynamics and trends]. *Alma mater (Bulletin of Higher School)*. 2021;(12):93–101. (in Russ.)

26. Pinkevich F. The Promises of Social Tension Research using Russian Data from the European Social Survey. *Mir Rossii*. 2015;24(1):150–169 (in Russ.)

27. Andreyenkova A.V. Stabil'nost' i izmeneniya sotsial'nykh ustanovok rossiyan i yevropeytsev v 2002-2016 g.g.[Stability and changes in social attitudes of Russians and Europeans in 2002-2016]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2018;10(414):66–76. (in Russ.)

28. Popov V. V., Bychkov P. I., Dorofeyev D. V. Problemy sotsial'noy napryazhennosti v usloviyakh pandemiy, koronavirusa i izolyatsii. Uroki i opyt po ikh preodoleniyu [Problems of social tension in the context of pandemics, coronavirus and isolation. Lessons and experience in overcoming them]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2021;12(3). (in Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Капогузов – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;

Р. И. Чупин – канд. социол. наук, науч. сотр. Омского научного центра Сибирского отделения РАН.

Information about the authors

E. A. Kapoguzov – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and World Economy of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky;

R. I. Chupin – Candidate of Sociological Sciences, Researcher of Omsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 21.05.2022; принята к публикации 22.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 21.05.2022; accepted for publication 22.05.2022.

Научная статья

УДК 316.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-247-251

BIG DATA: НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Лейла Шамильевна Крупеникова¹, Владимир Иванович Курбатов²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, leilakrupenikova@gmail.com

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, kurbahsy@list.ru

Аннотация. Статья посвящена аналитическому обзору результатов применения «Big Data» («Большие Данные») различными международными компаниями и обзору экспертных оценок, в соответствии с чем выявлены возможности использования больших массивов данных информации и, одновременно с этим показано, что возникли новые социокультурные вызовы, проблемы, связанные с информацией, которая может подбираться по смещенным выборкам, социальные риски, обусловленные использованием приватной информации и личных данных не по назначению, в частности для создания ложных новостей, искаженной официальной статистики, для фальсификации опросов и выборов.

Ключевые слова: Big Data, «Большие данные», цифровизация, безопасность информации и бизнеса, организационные возможности и социальные риски использования больших массивов информации, социокультурные проблемы

Для цитирования: Крупеникова Л. Ш., Курбатов В. И. Big Data: новые организационные возможности и социальные риски // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 247–251. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-247-251>

Sociology Problems

Original article

BIG DATA: NEW ORGANIZATIONAL OPPORTUNITIES AND SOCIAL RISKS

Leila Sh. Krupenikova, Vladimir I. Kurbatov

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, leilakrupenikova@gmail.com

²South-Russian Branch of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, kurbahsy@list.ru

Abstract. The article is devoted to an analytical review of the results of the application of "Big Data" ("Big Data") by various international companies and a review of expert assessments, in accordance with which the possibilities of using large data arrays as sociological information and, at the same time, sociocultural challenges, problems associated with information, which can be selected from biased samples, the risks associated with the use of private information and personal data for other purposes, in particular to create false news, distorted official statistics, to falsify polls and elections.

Keywords: Big Data, big data sets, models of social reality, digitalization, digital sociology

For citation: Krupenikova L. Sh., Kurbatov V. I. Big Data: new organizational opportunities and social risks. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):247–251. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-247-251>.

Big Data «Большие данные» – это термин, предназначенный для указания на систематически структурированные и бессистемные неструктурированные разнообразные данные, которые характеризуются огромным и постоянно пополняемым объемом различной многопрофильной информации, которая обрабатывается с помощью специальных программных инструментов и технологий.

Термин «Big Data» возник и стал широко использоваться сравнительно недавно, во всяком случае исследователи связывают появление данного термина с именем эксперта Клиффорда Линча, который в журнале «Nature» в своей статье так назвал накопление информации. С тех пор этот термин стал общепринятым и по оценкам Американской ассоциации изучения общественного мнения, характеризующей статьи таких авторов, как М. Берг, П. Биенер, П. Декер, Л. Джэпес, Ф. Креутер, К. Лэмп, Дж. Лэйн, О. Нейл и других, определяет данное понятие как описание огромных по объему и самых разнообразных по содержанию, наполнению и характеристикам компьютерных практик, технологических и технических приемов, различной информации, касающейся производства и бизнеса, народонаселения и политики, образования и здравоохранения, науки и искусства, этики и права, миграции и демографии, равно и проблем, которые связаны с разными сторонами общественной жизни [1–2].

Информационный объем «Больших данных» постоянно увеличивается и по данным аналитиков, если в 2003 г. он составлял пять эксабайтов данных (1 ЭБ составляет 1 миллиард гигабайтов), в 2020 г. – сорок четыре зеттабайта (1 ЗБ составляет 1024 эксабайта), то в 2025 г. по прогнозам этот объем вырастет на порядок. Источниками «Больших данных» являются блоги, социальные сети, сайты, форумы, СМИ, корпоративные архивы, многообразные транзакции, различные профессиональные базы данных, в том числе показания разнообразных считывающих устройств, данные геолокации, метеорологии, сотовой связи т.д.

По экспертным оценкам исследовательской программы «Cisco Annual Internet Report» принцип работы «Больших данных» может быть объяснен тремя «V» («volume», «velocity» и «variety»), соответственно обозначающими физический объем, скорость получения новых данных и их быстрая обработка¹. В дальнейшем, как пишут С. Барокас, С. Бендер, Р. Китчин, Х. Ниссенбаум и В. Стодден, принцип трех «V» расширился до восьми «V», включив в себя «veracity» (достоверность), «viability» (жизнеспособность), «value» (ценность), «variability» (переменчивость) и «visualization» (визуализация) [3–4]. Появились и получили динамичное развитие конкретизированные «Большие данные», например, «Data Science», «Data Busines», «Data Mining» и другие. Международная компания «McKinsey» характеризуют методы обработки данных следующим образом: краудсорсинг (классификация), интеграция данных (data fusion and integration), машинное обучение, сетевой анализ с использованием генетических алгоритмов (genetic algorithm), распознавание образов, прогнозная аналитика, имитационное моделирование (simulation), пространственный анализ (spatial analysis), статистический анализ, визуализация аналитических данных.

По данным аналитиков, таких как С. Белфки, Ф.-З. Бенджелоун, А. А. Лахцен и А. Оссоуз 59,4 % респондентов заявили, что использование «Больших данных» повышают производительность работы, а 66,7% заявили, что это помогло сократить расходы. Подавляющее большинство (92 %) представителей компаний одобряют возможности использования «Больших данных», а 89 % полагают, что это дало дополнительный ресурс их бизнесу для совершенствования и развития [5]. В целом, оценивая использование «Больших данных» дает возможность принятия лучших решений, помогает внедрять инновации, повышает производительность, помогает находить клиентов и рынки и создает условия обеспечения безопасности корпоративной информации. Масштабность внедрения «Больших данных» дали основания Дж. Ван Дейку даже ввести в оборот новые термины – «датафикация» и датаизм» [6].

По данным опроса «Cisco Connected World Technology Report» источниками оперативных данных являются для пользователей являются: 74 % собирают соответствующие данные; 55 % собирают данные по истории; 48 % снимают данные с мониторов и датчиков; 40% используют

¹ Cisco Annual Internet Report. White Paper (2018–2023).

<http://www.cisco.com/en/US/netsol/ns1204/index.html#~Products> (Date of treatment – 03/10/2018); Economist Intelligence Unit survey data // <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/executive-perspectives/annual-internet-report/index.html> (accessed 9.03.2020).

данные, соответствующие реальному времени¹. Исследование «Accenture», в котором участвовали более тысячи руководителей компаний из 19 стран мира реализовалось в отчете «Intelligence Unit», который показал, что основные преимущества «Больших данных» 56 % усматривают в возможности поиска и получения новых источников дохода, 51 % отмечают приобретение нового опыта в работе с информацией о клиентах, 50 % видят преимущество в реализации возможности производства новых товаров и услуг и 47 % отмечают, что благодаря использованию больших массивов информации удалось обеспечить приток новых клиентов.

Для большинства, опрошенных, которых оказалось 51 %, очень важной проблемой является проблема безопасности информации и бизнеса; для 47 % это проблемы бюджета, для 41 % нехватка квалифицированных кадров, способных работать с большими объемами информации и для 35 % проблемой оказывается интеграция информации в сложившуюся бизнес-систему. Для 73 % респондентов «Большие данные» это «локомотив прогресса», при этом они несколько расходятся в оценках того, что считать «Большими данными»: 65 % полагают, что это «соответствующие каталоги данных», для 60 % это прежде всего «продвинутая аналитика», а для 50 % респондентов это «данные инструментов визуализации»².

Результаты исследования международной компании «New Vantage Partners» в области «Больших данных» для руководителей, проведенное в 2018 году, проанализированное экспертами, показали, что 97,2 % опрошенных фирм инвестируют в сферу «Больших данных». По данным отчета об опросе, проведенного «New Vantage Partners» 36,2 % считают, что это лучшие инвестиции, при этом уже 84,1 % начали работать над проектами, связанными с «Большими данными», а 59,0 % уже добились определенного результата, который делает инвестиции оправданными. 69,0 % респондентов утверждают, что благодаря таким инвестициям их компании успешно конкурируют и растут, а более половины респондентов (54,7 %) утверждают, что использование инструментов «Больших данных» дает увеличение дохода и ускорение роста. Более того, согласно отчету 41,7 % респондентов заявили, что применение технологий обработки больших массивов информации повышает гибкость их бизнеса [7–8].

Таким образом, по оценкам экспертов «Большие данные» дают возможность принимать лучшие решения, а инструменты работы с массивом большой информации дают возможность просматривать больше информации и на более высоких скоростях, что помогает лучше структурировать входящую информацию. Что касается организации бизнеса, то «Большие данные» помогают сократить расходы организаций, увеличить доход, улучшить обслуживание клиентов. Это связано с тем, что доступ к аналитике операций по сбору данных упрощает обслуживание клиентов. Это помогает завоевать доверие потенциальных клиентов. Компании также могут быстрее выходить на рынок с новыми продуктами или услугами. «Большие данные» создают условия для внедрения инноваций, чем обеспечивается продвинутость компании и гибкость ее поведения на рынке, что способствует развитию электронной коммерции.

«Большие данные» привнесли в общественную жизнь не только новые ресурсы и новые возможности, но также и новые вызовы, проблемы и риски. Представляется возможным, основываясь на экспертных оценках, выделить несколько основных групп вызовов, проблем и рисков. Первая группа – это проблемы технологические и организационные. Так, по данным исследования «New Vantage Partners», ориентированного на анализ использования «Больших данных» для трансформации бизнеса, было отмечено, что 90,9 % опрошенных компаний указывают на то, что самой большими проблемами являются трудности управления большими объемами информации, что добавляют организационные проблемы, отсутствие кадров и соответствующего опыта работников [7–8].

¹ Cisco Annual Internet Report. White Paper (2018–2023).

<http://www.cisco.com/en/US/netsol/ns1204/index.html#~Products> (Date of treatment – 03/10/2018); Economist Intelligence Unit survey data // <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/executive-perspectives/annual-internet-report/index.html> (accessed 9.03.2020)

² Big Data Analytics Market. Companies profiled In Big Data Analytics Market Microsoft Corporation (Washington, U.S.), Dun & Bradstreet Holdings, Inc. (New Jersey, U.S.), Equifax, Inc. (Georgia, U.S.), IBM Corporation (New York, U.S.), Salesforce.com, Inc. (California, U.S.), SAP SE (Walldorf, Germany), Verisk Analytics Inc. (New Jersey, U.S.), Dow Jones & Company, Inc. (New York, U.S.), Moody's Corporation (New York, U.S.), Oracle Corporation (Texas, U.S.), SAS Institute Inc. (North Carolina, U.S.), QlikTech International AB (Pennsylvania, U.S.), TransUnion (Illinois, U.S.), Fair Isaac Corporation (California, U.S.), Experian Information Solutions, Inc. (California, U.S.).

Другая группа проблем связана с безопасностью, а именно с тем, как используется информация «Больших данных», не приведет ли она к вторжению в частную область и некорректному использованию личных данных, на что указывают многие эксперты, в частности, В. Вейхонг, Г. фон Войгт, Х. Кай, С. Сзонгот, Б. Хенне и другие. Во всяком случае, эксперты указывают, что анонимизация пользователей стала весьма проблематичной, что порождает целый ряд этических проблем, связанных с вторжением государства и корпораций в частную область. Эксперты отмечают, что аналитика больших массивов информации сделалась привлекательной мишенью для кибератак, в частности, согласно отчету Risk-Based Security Mid-Year «Большие данные», уже в первой половине 2019 г. в результате утечек данных было раскрыто 4,1 млрд записей, от чего пострадала конфиденциальность и был нанесен вред клиентам и партнерам [9–10].

В других случаях, государство, организации или группы лиц могут сами использовать частную информацию не по назначению. Это может быть и то, как отмечают Р. Джозеф и Н. Джонсон и другие эксперты, что называется «цифровым концлагерем», «цифровым капитализмом» или просто государственной слежкой, может быть вмешательством в выборы, распространением фальшивых новостей, манипулированием, использованием для создания ложного имиджа, например, препятствующего карьерному росту и продвижению по службе. Эксперты прямо называют, что аналитика «Больших данных» может способствовать дискриминации по самым разным признакам. Все это вышесказанное воспроизводит цифровое неравенство [11–12].

Среди разных вызовов и социальных рисков использования «Больших данных» эксперты называют социокультурные проблемы, характеризующие необходимость адаптации к новой цифровой среде, например, в опросе «New Vantage» о достоинствах и недостатках «Больших данных» среди руководителей фирм и компаний, почти 99 % руководителей заявили, что их компании находятся только в процессе создания новой культуры и, как отмечают Д. Бойд и К. Крауфорд, только около трети персонала адаптировались в новой среде. При этом, во многом достоинства и возможности «Больших данных» зависят от качества этих данных, т.е. от достоверности и оперативности информации, о чем эксперты пишут, что она не всегда точна, порою тенденциозно подобрана, либо ее выборка сделана по произвольным критериям, а та информация, которая контролируется правительствами, например, официальная статистика подается таким образом, каким это выгодно заказчику [13].

В результате аналитического обзора оценок применения «Больших данных» различными международными компаниями, наряду с положительными оценками, о которых было сказано выше, выделены несколько основных групп вызовов, проблем и социальных рисков использования «Больших данных»:

- технологические и организационные проблемы, связанные с трудностями управления большими массивами информации;
- недостаточная подготовленность кадров к работе с операционными системами;
- этические проблемы, связанные с использованием частной информации и личных данных;
- проблемы социальных рисков тотального контроля за цифровой личностью со стороны государства, корпораций и групп людей, которые могут вторгаться в частную область и использовать персональные данные не по назначению;
- социокультурные проблемы, характеризующие необходимость адаптации людей к новой цифровой среде и трудности формирования новой цифровой культуры.
- проблемы, связанные с недостоверной, непроверенной, неточной или неполной информацией, которая может подбираться по смещенным выборкам, тенденциозно и субъективно, не быть объективной и оперативной;
- проблемы применения «Больших данных» не по назначению, в частности, для ложных новостей, искаженной официальной статистики, для фальсификации опросов и выборов.

Список источников / References

1. Lynch, C.A. Big data: How do your data grow? *Nature*. 2008; 455(7209):28-41. DOI:10.1038/455028a.
2. Japac, L., Kreuter, F., Berg, M., Biemer, P., Decker, P., Lampe, C., Lane, J., O'Neil, C., Usher, A. Big Data in Survey Research: AAPOR Task Force Report Get access Arrow. *Public Opinion Quarterly*. 2015;79(4):839–880. Available from: <https://doi.org/10.1093/poq/nfv039> [Accessed 3.11.2015].

3. Barocas, S., Nissenbaum, H. «Big Data's End Run around Anonymity and Consent». 2014;44-75. *Privacy, Big Data, and the Public Good: Frameworks for Engagement*, edited by J. Lane, V. Stodden, S. Bender, and H. Nissenbaum. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Kitchin R. Big Data and Human Geography: Opportunities, Challenges and Risks. *Dialogues in Human Geography*. 2013;3(3):262–267.
5. Oussous, A., Benjelloun, F.-Z., Lahcen, A.A., Belfki, S. Projects: Big Data Big Data analysis and security. *Journal of King Saud University*. 2017;30(4):1-18. DOI:10.1016/j.jksuci.2017.06.001
6. Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance: Big Data between scientific paradigm and ideology. *Surveillance & Society*. 2014;12 (2):197–208.
7. Davenport T.H., Bea R. How Big Data and AI are Accelerating Business. *Data and Innovation*. 2019. Available from: www.newvantage.com.
8. Akter S., Michael K., Uddin M., McCarth, G. Transforming business using digital innovations: the application of AI, blockchain, cloud and data analytics. *Annals of Operations Research*. 2022;(308):59.
9. Hongbing, C., Chunming, R., Kai, H., Weihong, W., Yanyan, L. Secure big data storage and sharing scheme for cloud tenants. *Communications, China*. 2015;12(6):106–115. doi: 10.1109/CC.2015.712246.
10. Szongott C., Henne B., von Voigt G. Big data privacy issues in public social media. In: 6th IEEE international conference on digital ecosystems technologies. 2012:1-6.
11. Joseph R. C., Johnson N. A. Big data and transformational government. *IT Professional*. 2013;15 (6):43–48.
12. Krishnamurthy R., Desouza K.C. Big data analytics: the case of the social security administration. *Information Polity*. 2014;19(3/4):165–178.
13. Boyd D., Crawford K. Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, communication & society*. 2012;15 (5):662–679.

Информация об авторах

Л. Ш. Крупеникова – канд. социол. наук, доц. кафедры прикладной социологии Института социологии и регионоведения ЮФУ;

В. И. Курбатов – докт. филос. наук, проф., гл. научн. сотр. Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Information about the authors

L. Sh. Krupenikova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Department of Applied Sociology of Southern Federal University.

V. I. Kurbatov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of South-Russian branch of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 13.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Владимир Андреевич Жуков¹, Наталия Валериевна Баблоян²,
Андрей Михайлович Лилюхин³, Людмила Петровна Вардомацкая⁴**

^{1, 2, 3, 4}Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹econandsociologyRostGMU@yandex.ru

²babloyan2011@yandex.ru

³dalai-lama2008@yandex.ru

⁴econandsociologyRostGMU@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается суть аддиктивного поведения как социального. Дано определение, рассмотрена классификация социального поведения. Описаны границы аддиктивного поведения, а также выявлены его особенности. Сделаны выводы об исследовании социального поведения в рамках социологической науки в корреляции с другими науками.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, социальное поведение, аддикция, девиация, отклонение, устойчивая зависимость, деструктивность

Для цитирования: Жуков В. А., Баблоян Н. В., Лилюхин А. М., Вардомацкая Л. П. Аддиктивное поведение как часть поведения социального: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 252–258. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-252-258>

ADDICTIVE BEHAVIOR AS PART OF SOCIAL BEHAVIOR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

**Vladimir A. Zhukov¹, Natalia V. Babloyan², Andrey M. Lilyukhin³,
Lyudmila P. Vardomatskaya⁴**

^{1, 2, 3, 4}Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹econandsociologyRostGMU@yandex.ru

²babloyan2011@yandex.ru

³dalai-lama2008@yandex.ru

⁴econandsociologyRostGMU@yandex.ru

Abstract. This article examines the essence of addictive behavior as a social one. The definition is given, the classification of social behavior is considered. The boundaries of addictive behavior are described, as well as its features are revealed. Conclusions are drawn about the study of social behavior within the framework of sociological science in correlation with other sciences.

Keywords: addictive behavior, social behavior, addiction, deviation, deviation, stable dependence, destructiveness

For citation: Zhukov V. A., Babloyan N. V., Lilyukhin A. M., Vardomatskaya L. P. Addictive behavior as part of social behavior: a sociological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):252–258.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-252-258>

В социологической литературе на современном этапе аддиктивное поведение занимает свою научную нишу и имеет свою собственную трактовку, согласно которой его определяют как обособленный подвид девиантного поведения, «выражающийся в стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, что достигается различными способами: фармакологическими (применение психоактивных веществ) и нефармакологическими (сосредоточение на определенных предметах и активностях, что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний)» [1, с. 8-9]. Это обуславливает социологическую ценность и научную обоснованность данного понятия. Согласно вышеуказанному определению, автором которого является член-корреспондент АН ВШ и действительный член Нью-Йоркской академии наук, профессор Ц. П. Короленко, аддикция «представляет собой деструктивный процесс, а сам термин (от англ. addiction) означает пагубную привычку, пристрастие к чему-либо, порочную склонность» [2, с. 32]. Таким образом мы видим специфические черты поведения данного рода. Большинство современных социологов, работающих в парадигме деструктивного поведения, поддерживают основные постулаты этого определения, которое признается универсальным и всеупотребительным для данной категории.

Современная нам российская школа социологии как правило трактует аддиктивное поведение через призму поведения девиантного, то есть «как одну из форм отклоняющегося поведения с формированием стремления к уходу от реальности, связанного со злоупотреблением чем-то или кем-то в целях саморегуляции или адаптации путем искусственного изменения своего психосоциального состояния, что дает аддиктам иллюзию безопасности, восстановления равновесия» [3].

Но в процессе осуществления выделения аддиктивного поведения из структуры поведения девиантного перед исследователями появляется проблема, что именно относится к аддикции. Иными словами, определяя аддиктивное поведение, необходимо определить и его границы в целом. Также это касается и моментов актуальности применения данного термина в научной среде. Без выполнения этих условий в принципе крайне затруднительно определить саму суть аддиктивного поведения и, как следствие, актуализировать его для последующего научного изучения, поскольку оно так или иначе включает в себя все формы отклоняющегося поведения и является составным элементом социального поведения людей в обществе. Иными словами, без определения четких границ аддиктивного поведения мы не сможем корректно понять его содержание. Поэтому для описания границ аддиктивного поведения определено следующее условие – оно как особый вид девиантного поведения наличествует при активном и осознанном употреблении фармацевтических и прочих веществ, влияющих на психическое состояние индивида, но маркером здесь будет служить фактор физического привыкания – мы относим это к аддиктивному поведению лишь до той минуты, когда не успело сформироваться физическое привыкание, то есть не сформировалась устойчивая физическая зависимость от употребляемого объекта. Также это касается и психической зависимости. То есть привыкание не обязательно носит открытый физический уровень, а вполне может носить и латентный характер, будучи сформированным на психическом уровне. Главный маркер аддиктивного поведения – отсутствие болезненного состояния в виде чрезмерной зависимости. Примечательно, что в отечественной психиатрии границей аддикции также считаются случаи без индивидуальной психической зависимости [4, с. 47]. То есть пограничным барьером аддиктивного поведения принято считать отсутствие у индивида прямой физической и/или психологической зависимости от объекта, с помощью которого индивид стремится получить чувство удовольствия и/или уйти от окружающей его действительности.

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что особенностью аддиктивного поведения является то, что в ходе его протекания не фиксируется болезненное состояние человека в виде непреодолимой зависимости, а скорее обнаруживается совокупность нарушений социального поведения индивида, которые могут принимать разные формы, но тем не менее не разрушающие в целом личность и социальный облик его носителя и как правило носящий в социальном плане обратимый процесс.

В большинстве случаев аддиктивное поведение не несет в себе большой общественной опасности и, если мы говорим о его индивидуальных социальных особенностях, является скорее проблемой индивида, нежели окружающих его людей и в целом социума. И, исходя из вышеска-

занного, можно утверждать, что для профилактики и противодействия аддиктивному поведению следует применять не медицинские меры, а комплекс воспитательных и социализирующих мероприятий [5]. В частности, речь идет об агентах первичной социализации, способных оказывать значительное влияние на формирование социального и психологического облика индивида в детско-юношеском возрасте. Во многом именно семья, а затем и школа и высшее/среднее профессиональное учебное заведение являются сосредоточением наиболее авторитетных с точки зрения зрения молодого поколения людей. Современная образовательная среда, на наш взгляд, обладает достаточным количеством инструментов и ресурсов для формирования и сохранения психологического здоровья обучающихся [6, с. 27].

«В борьбе с аддиктивным поведением общество пытается использовать различные методы и средства, такие как социальная реклама – предупреждения на пачках сигарет и бутылках с алкоголем, баннеры с информацией о возможных последствиях аддикций, социальные акции, теле и радиопередачи, телефоны доверия, запрет рекламы алкоголя и сигарет в СМИ, закрытие казино и игровых салонов, введение антитабачного закона, различные социальные акции, популяризирующие здоровый образ жизни и т.д», но эта борьба не дает значительного эффекта [7, с. 109].

Аддиктивное поведение неоднородно и весьма дифференцировано. Главным критерием дифференциации служит степень или мера того негативного влияния, которое оно оказывает на индивида, страдающего им. Классификация аддиктивного поведения весьма обширна, и виды, включенные в нее, достаточно широки: это и табакокурение; и злоупотребление алкоголем; употребление веществ, изменяющих психическое состояние, включая наркотики, лекарства, различные яды; участие в азартных играх, включая компьютерные; трудовоголизма, сексуальное аддиктивное поведение; переедание, голодание, постоянное употребление фаст-фуда и т. д.

Логично, что все вышеперечисленные виды аддиктивного поведения дифференцируются согласно своего деструктивного последствия для общества, групп и индивидов, а также по своему внутреннему содержанию, развитию и формам проявления. Но, несмотря на это, они имеют общую черту, связывающие их в одно целое. Этим основанием является то, что все виды и типы аддиктивного поведения объединены проблемой зависимости от чего-либо. Форма и проявление зависимости может быть совершенно разными. Ключевой момент заключается не в этом. Как правило, их делят на два основных вида по природе самой зависимости – психическая зависимость (к примеру, фетишизм или сектантство) и физиологическая (чрезмерное увлечение алкоголем, никотиновая зависимость и т.д.). Опять же, согласно описанному нами выше пограничному барьеру аддиктивного поведения мы обязаны уточнить, что ключевым моментом является желание человека изменить свое психическое состояние путем использования данных инструментов аддиктивного поведения, а не проявление заболевания. То есть мы не рассматриваем болезненные состояния наподобие алкоголизма, наркомании, игромании и т.д.

Как правило, субъекты с аддиктивным поведением отнюдь не отрицают факт наличия у них определенной зависимости. В большинстве случаев они ее вполне осознают. Более того, они могут каяться, говорить о терзающих их угрызениях совести из-за своего поведения, обещают непременно скорректировать свое поведение, но как правило их стиль жизни остается неизменным. Большинство носителей аддиктивного поведения, осознающих пагубность данного рода пристрастий прежде всего для себя, пытаются оправдать свое поведение перед лицом общества и зачастую даже перед самим собой, совокупностью внешних и внутренних факторов, якобы не оставляющих им альтернативного выбора. Для оправдания своих зависимостей субъекты аддиктивного поведения придумывают новые поводы и ряд причин. К примеру, это может быть известная установка, что табакокурение способствует снятию стресса или похуданию. Стратегии такого рода чрезвычайно распространены из-за природного консерватизма, а также нежеланием менять сложившийся жизненный стиль, смена которого неминуемо приведет к слому сложившихся привычек, стереотипов и поменяет поведенческие образцы. Сделать это весьма нелегко. Для того, чтобы понять, как формируется аддиктивная зависимость и как нелегко от нее избавиться, нужно объяснить психофизиологические основания, лежащие в основании формирования данного процесса.

К примеру, психолог-кризисолог С. Смагин считает, что причиной аддиктивного поведения является привычка, трактуемая как «не столько появление нового умения, сколько нового мотива или тенденции к автоматически выполняемым действиям. Другими словами, привычка – это действие, выполнение которого становится потребностью» [8]. С точки зрения физиологии, при формировании привычки в мозговых структурах субъекта появляются устойчивые нервные связи, характеризующиеся повышенной возбудимостью и функционированию. Данная система устойчивых нервных связей является основой для формирования динамических поведенческих стереотипов, которые характеризуют наш стиль и образ жизни и в конечном счете отвечают за наше поведение. Функция данной системы заключается в вызове положительных эмоций в момент удовлетворения привычного состояния, а в случае невозможности ее осуществления индивид испытывает отрицательные переживания. Именно под влиянием такого рода физиологических процессов наступает парадоксальная ситуация – такие привычки, которые зачастую вредят самому их носителю, субъект воспринимает как приятные, позитивные, а иногда даже прямо необходимые. Большинство ученых-психологов полагают, что именно такого рода физиологические процессы в организме служат триггером формирования таких негативных привычек и выходящего из него аддиктивного поведения.

Нетрудно заметить, что в качестве основных причин формирования аддиктивного поведения представители психологической науки выделяют внутренние (индивидуальные особенности личности) и внешние (влияние социального окружения). В качестве индивидуальных особенностей личности выделяют его физиологические предрасположенности, ключевой из которых является низкий порог психической устойчивости, то есть индивид крайне слабо может переносить психологически дискомфортные для него вещи [9]. То есть наличествует непреодолимая тяга к удовлетворению потребности в зависимости, причем любыми способами.

Во многом это может быть связано с последствиями испытанных когда-либо индивидом психических травм либо защитная реакция психики индивида на сложившуюся стрессовую ситуацию.

Влияние внешних условий, главным из которых выступает социальное окружение индивида, на возникновение аддиктивного поведения в социальной психологии интерпретируется с точки зрения экзистенциального подхода. К примеру, индивид, испытывающий проблему с межличностной коммуникацией, может изменять существующую для него реальность посредством применения определенных или сосредоточении на определенных предметах. С его точки зрения, это влечет иллюзию внутреннего спокойствия, умиротворения. Так как человеческое общение таким человеком воспринимается с критической точки зрения и вызывает стресс, данная аддиктивная практика полностью заменяет его, поскольку аддиктивное поведение как правило не поощряет динамику межличностных отношений. Индивид сублимирует аддиктивным поведением влияние социального окружения. Для включения этой функции необходима сосредоточенность внимания индивида на испытанной ранее положительной эмоции, которая достигается привычным способом. Во многом это способствует ограничению развития индивида как личности, ибо данная эмоция является испытанной, стабильной и предсказуемой. Носитель аддиктивного поведения точно знает, какие приятные ощущения она ему принесет и использует все доступные ему способы для удовлетворения своих желаний.

Все это приводит к нарушению социальных коммуникаций, социальной дезадаптации личности, выстраиванию барьеров общения, замыканию индивида в себе, оторванности от реальной жизни. Практически все носители аддиктивного поведения испытывают иллюзию того, что их эмоции и желания находятся под контролем и зависимости не носят системный и деструктивный характер. Однако в большинстве случаев данный контроль является мнимым и заключается в изменении одного типа аддиктивного поведения на другой. В качестве примера можно привести сублимацию игровой зависимости зависимостью от социальных сетей или табакокурения курением кальяна или электронной сигареты.

Соответственно, в научном обороте аддиктивное поведение трактуется с позиции деструктивного, так как по сути основной его формой является прием различных веществ для последующего изменения своего психического состояния. Но с другой стороны, как мы установили ранее, аддиктивные практики не приводят к появлению перманентной зависимости от принятых веществ, особенно на первом этапе их употребления. Именно потому в целях борьбы

с аддиктивным поведением зачастую используют различные психотерапевтические приемы и социализирующие мероприятия, направленные на искоренение внутренних и внешних факторов, ведущих к его появлению и функционированию. И очень важным здесь является своевременное обнаружение и корректное диагностирование.

Поведенческие практики личности исторически изучаются психологией и определяются как «осознанная или неосознанная реакция на внешние и внутренние изменения ..., то есть как внешне фиксируемая сторона деятельности, исключающая возможность свободного целеполагания» [10]. То есть мы можем сказать, что с данной точки зрения поведение индивида рассматривается как ситуативный акт, а не целеполагающий поступок.

Переходя к социальным аспектам, мы видим следующее. В социологической науке под влиянием работ М. Вебера (который впервые обогатил социологию данной категорией) единицей социального измерения принято считать социальное действие, которое должно носить осознанный характер и быть ориентировано на социальную реакцию другого индивида. По Веберу, «основным признаком социальности действия является субъективное осмысление индивидом возможных вариантов поведения людей, вступающих во взаимодействие» [11, с. 80]. Ожидаемые действия индивида в виде ответных действий от другого Вебер называет социальным ожиданием. Согласно ему, данное действие не в коей мере не может быть аффективным и импульсивным. Наоборот, оно основано на рациональности и должно быть адекватно социальным ожиданиям. По Веберу рациональность и есть главный атрибут социального действия. На основании этого он выделял четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное [12, с. 634–646]. Основанием для выделения данных типов послужило различное проявление рационального начала в них.

Далее понятийная эволюция концепции социального поведения протекала в русле структурно-функциональных и бихевиористских теорий. Соответственно, в структурном функционализме по существу социальное поведение трактовалось как некий синоним социальной роли, ибо основывалось на поведении, соответствующим статусным и ролевым ожиданиям. В рамках бихевиоризма социальное поведение в общем и аддиктивное в частности описывается как продукт неправильного ролевого поведения индивида, вследствие чего возникают психические и социальные расстройства, так как социальные ожидания индивидов ввиду объективных или субъективных факторов не могут быть корректно исполнены. С точки зрения данной теории это рождает социальную дезадаптацию и в сложных случаях дезинтеграцию, что может быть причиной возникновения аддиктивного поведения.

Более современным в наше время для изучения социологии действия считается подход под названием акционизм. В нем социальное действие тесно переплетено с результатами коллективного труда и взаимной деятельности людей, что и приводит к возникновению и функционированию системы социальных отношений в целом. С точки зрения акционизма, социальное действие вкупе с инновационной и рациональной основой коллективного труда способствуют возникновению новых форм социальной активности и развитию социальной сферы жизни общества. Латентной дисфункцией данной деятельности и является в частности аддиктивное поведение.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что исследование социального поведения в рамках социологической науки осуществляется в союзе с психологией. Но с позиции социологического знания социальное поведение трактуется в границах социальной структуры и характерных для данного социума системы социальных взаимодействий. В основе этого лежит взаимосвязь «индивид» – «группа» – «общество», а единицей социального измерения служит социальное действие. В рамках современных подходов социальное поведение трактуется как элемент и составная часть социального действия. Следовательно, аддиктивное поведение есть результат социальных действий и в целом является частью социального поведения, характерного для отдельных индивидов в социуме.

Список источников

1. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: НГПУ, 2001. 251 с.

2. Segal B., Korolenko C. The study of addictive behavior in Alaska and Siberia. A review of a cooperative relationship and implications for research in circumpolar nation. 8th International Congress on Circumpolar health. Yukon, Whitehorse, 1999. P. 21-39.
3. Чернобровкина Н. И. Теоретическое расширение понятия социального контроля: от конформизма к инструментализму // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 153–155.
4. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2010. 256 с.
5. Чернышенко О. В. Психологическая коррекция интернет-зависимого поведения у детей, В сборнике: Актуальные проблемы научно-методического обеспечения процесса безопасной жизнедеятельности школьников и студентов в сфере образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 89–92.
6. Власова В. Н. Психологическое здоровье обучающихся как основа организации образовательного процесса / В сборнике: Актуальные проблемы здоровьесбережения и медицинской профилактики в современном педагогическом процессе. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 23–28.
7. Мкртычева К. Б. Биосоциальные аспекты формирования аддикции от фаст фуда // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 4. С. 108–110.
8. Смагин С. Аддиктивное поведение // Нева. 2006. № 1. Электронный ресурс <http://magazines.russ.ru/neva/2006/1/ss16.html>
9. Власова В. Н. Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе / В сб.: Актуальные проблемы научно-методического обеспечения процесса безопасной жизнедеятельности школьников и студентов в сфере образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 18–21.
10. Гришко И. В. Концептуализация понятия «аддиктивное поведение» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 1–10.
11. Давыдов Ю. Н., Фомина В. Н. Вебер М. // Современная западная социология. Словарь. М.: Наука, 1996.
12. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

References

1. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Psychosocial addictology*. Novosibirsk: NGPU, 2001. 251 p. (In Russ.)
2. Segal B., Korolenko C. *The study of addictive behavior in Alaska and Siberia. A review of a cooperative relationship and implications for research in circumpolar nation*. 8th International Congress on Circumpolar health. Yukon, Whitehorse, 1999. P. 21-39.
3. Chernobrovkina N. I. Theoretical expansion of the concept of social control: from conformism to instrumentalism. *Socio-humanitarian knowledge*. 2012;(7):153–155. (In Russ.)
4. Lichko A. E. Psychopathy and accentuation of character in adolescents. St. Petersburg: Speech, 2010. 256 p. (In Russ.)
5. Chernyshenko O. V. Psychological correction of Internet-dependent behavior in children. In: *Actual problems of scientific and methodological support of the process of safe life of schoolchildren and students in the field of education*. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference. 2019. С. 89–92. (In Russ.)
6. Vlasova V. N. Psychological health of students as the basis of the organization of the educational process. In: *Actual problems of health saving and medical prevention in the modern pedagogical process*. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. 2020:23–28. (In Russ.)
7. Mkrtycheva K. B. Biosocial aspects of the formation of addiction from fast food. *Humanities and socio-economic sciences*. 2015;(4):108–110. (In Russ.)
8. Smagin S. Addictive behavior. *Neva*. 2006. No. 1. Available from: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/1/ss16.html> (In Russ.)
9. Vlasova V. N. Information and psychological security of the individual in the information society. In: *Actual problems of scientific and methodological support of the process of safe life of schoolchildren and students in the field of education*. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference. 2019. P. 18-21. (In Russ.)

10. Grishko I. V. Conceptualization of the concept of "addictive behavior". *Theory and practice of social development*. 2015;(3):1–10. (In Russ.)
11. Davydov Yu. N., Fomina V. N. Weber M. In: *Modern Western Sociology*. Dictionary. Moscow: Nauka, 1996. (In Russ.)
12. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.)

Информация об авторах

В. А. Жуков – докт.экон.наук, проф., зав. кафедрой экономической и социальной теории РГМУ.
Н. В. Баблюян – канд. соц. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории РГМУ.
А. М. Лиллюхин – канд. соц. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории РГМУ.
Л.П. Вардомацкая – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории РГМУ.

Information about the authors

V. A. Zhukov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of economic and social theory of Rostov State Medical University.
N. V. Babloyan – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory of Rostov State Medical University.
A. M. Lilyukhin – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory of Rostov State Medical University.
L. P. Vardomatskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory of Rostov State Medical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare a lack of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264

ЯЗЫК КАК МАРКЕР ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

Рашид Думаличевич Хунагов¹, Зуриет Анзауровна Жаде²,
Светлана Аслановна Ляушева³

^{1,2,3}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹khunagov-rd@mail.ru

²zhadezura@yandex.ru

³slyausheva@list.ru

Аннотация. В статье анализируется роль национального языка в формировании этнокультурной идентичности на примере полиэтнической Республики Адыгея. Доказывается, что в республике существуют условия для значительного расширения сферы распространения адыгейского языка. Этносоциологические исследования, проведенные в Адыгее, подтвердили значимость роли национального языка в формировании этнокультурной идентичности адыгов, несмотря на существенные трансформации общества в последние десятилетия. Делается вывод о том, что адыгейский язык выступает важным и значимым маркером этнокультурной идентичности в регионе. При этом определяются проблемы, связанные с развитием адыгейского языка. Предлагаются пути укрепления позиций адыгейского языка и сохранения этнокультурной идентичности адыгов в современном мире.

Ключевые слова: языковой фактор, национальный язык, адыгейский язык, этническая идентичность, этнокультурная идентичность, языковая политика, Республика Адыгея

Для цитирования: Хунагов Р. Д., Жаде З. А., Ляушева С. А. Язык как маркер этнокультурной идентичности в Республике Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 259–264. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264>

Problems of sociology

Original article

LANGUAGE AS A MARKER OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY IN THE REPUBLIC OF ADYGEA

Rashid D. Khunagov¹, Zuriyet A. Zhade², Svetlana A. Lyausheva³

Adyghe State University, Maykop, Russia,

¹khunagov-rd@mail.ru

²zhadezura@yandex.ru

³slyausheva@list.ru

Abstract. The article analyzes the role of the national language in the formation of ethno-cultural identity on the example of the polyethnic Republic of Adyghea. It is proved that there are conditions in the republic for a significant expansion of the sphere of distribution of the Adyghe language. Ethnosociological studies conducted in Adyghea have confirmed the importance of the role of the national language in the formation of the ethnic and cultural identity of the Adygs, despite significant transformations of society in recent decades. It is concluded that the Adyghe language is an important and significant marker of ethnocultural identity in the region. At the same time, the problems associated with the development of the Adyghe language are determined. The ways of strengthening the positions of the Adyghe language and preserving the ethno-cultural identity of the Adygs in the modern world are proposed.

Keywords: language factor, national language, Adyghe language, ethnic identity, ethno-cultural identity, language policy, Republic of Adygea

For citation: Khunagov R. D., Zhade Z. A., Lyausheva S. A. Language as a marker of ethno-cultural identity in the Republic of Adygea. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):259–264. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-259-264>

Духовно-нравственное пространство цивилизации во все времена формировалось на основе фундаментальных принципов развития истории, культуры и языка. Эти вопросы особенно актуализируются сегодня, когда мы наблюдаем многосоставные социокультурные трансформации российского общества.

Исследуя в течении многих лет содержание многоуровневой идентичности поликультурного социума, мы с необходимостью обращались к такому важному фактору ее формирования и сохранения, как национальный язык. Очевидно, что все социально-экономические, политические и социокультурные изменения, характеризующие современный мир, безусловно, оказывают значительное влияние на национальные языки и приводят порой к противоречивым последствиям.

Такие процессы, как глобализация, (дез)интеграция, цифровизация, усиление разнопорядковых миграционных потоков, и как следствие, появление новых маргинальных групп, а также языковых и адаптационных барьеров, оказывающих влияние на социокультурную среду, традиции, и в целом духовную ситуацию, привлекают особое внимание со стороны институтов власти и научного экспертного сообщества. Однако, несмотря на мнение многих ученых о постепенном размывании этнической и этнокультурной идентичности под воздействием указанных процессов, подобного не происходит. Наоборот, мы наблюдаем, что мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы, организуемые в диаспоры, землячества и т.п., проявляют сплоченность в сохранении своей самобытности, культурных традиций и национального языка. Последний выступает, на наш взгляд, самым мощным маркером, позволяющим сохранить этнокультурную идентичность.

Ядром этнической картины мира и поколенческой памяти, всего того, что лежит в основе конструирования этнокультурной идентичности, в первую очередь, выступает язык как хранилище и носитель культуры этноса.

Именно в полиэтничных социумах, отличающихся языковой дробностью, особенно заметно влияние языкового фактора на этнокультурные процессы. «Наличие у титульных наций республик в составе Российской Федерации собственной национальной государственности создает более благоприятные условия для сохранения и развития их государственных языков, сохранения этнической идентичности» [1, с. 77].

Этнокультурная самоидентификация населения имеет особое значение с точки зрения оценки вызовов и рисков новой реальности, воздействующих на идентификационно-консолидационные механизмы полиэтничного российского общества. Мы солидарны с точкой зрения Л.М. Дробижевой, согласно которой «в ситуации неопределенности, неуверенности у людей, как правило, усиливается потребность в идентификации с чем-то более близким, привычным. Такими на фоне постконфликтных трудностей стали этническая, региональная и локальная идентичности» [2, с. 37].

Укрепление единства россиян, обеспечение межнационального согласия, сбережение этнокультурного и языкового многообразия страны относятся к стратегическим ориентирам государственной национальной политики РФ. В Федеральном законе «О языках народов Российской Федерации» подчеркивается, что «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства. Языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства. Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия»¹.

¹ Закон о языках народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kuban-arm.ru/upload/iblock/b3b/6Zakon-RF-ot-25.10.1991-N-1807_1_-red.-ot-31.07.2020_-O-yazyk.pdf

В данной статье проанализируем роль национального языка в формировании этнокультурной идентичности на примере полиэтничной Республики Адыгея. В первую очередь следует отметить, что статус адыгейского языка закреплен в Конституции Адыгеи, статья 5 которой гласит: «Равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгейский языки»¹.

Одним из стратегических приоритетов республики является укрепление позиций адыгейского языка, что определено в Законе «О языках народов Республики Адыгея», который гарантирует защиту языков народов Адыгеи: «являясь равноправной республикой в составе Российской Федерации, Республика Адыгея на своей территории решает все вопросы, связанные с языками, обеспечивает их экономическую, социальную и юридическую защиту, стимулирует их изучение, содействует гражданам республики независимо от расы, национальности, вероисповедания выбору языка образования, воспитания и обучения, осуществлению политических, экономических и социальных прав»².

В последние годы в республике наблюдается неуклонное расширение использования адыгейского языка. С целью сохранения и развития языка в 2003 году создан Совет по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея, который является «консультативным и координационным органом, образованным для обеспечения взаимодействия органов государственной власти Республики Адыгея, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, общественных объединений, научных, образовательных и иных организаций по вопросам поддержки и развития адыгейского языка»³. Также в 2019 году создан Проектный офис по изучению и сохранению адыгейского языка на базе АРИГИ.

Усилению позиций адыгейского языка способствует проведение с 2019 г. акции «Адыгэ диктант» в День адыгейского языка и письменности (14 марта) – день выхода «Букваря черкесского языка» Умара Берсея. В 2022 г. IV Международная просветительская акция, организаторами которой выступили Международная черкесская ассоциация, Адыгейский и Кабардино-Балкарский государственные университеты, прошла в онлайн-режиме с прямой трансляцией на YouTube. Диктант на адыгейском языке прошел на YouTube-канале Адыгейского госуниверситета «консультативным и координационным органом, образованным для обеспечения взаимодействия органов государственной власти Республики Адыгея, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, общественных объединений, научных, образовательных и иных организаций по вопросам поддержки и развития адыгейского языка»⁴.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что вопросы сохранения и изучения адыгейского языка, который обеспечивает преемственность и связь поколений, находятся в фокусе внимания руководства региона и широкой общественности.

Культурообразующая и культуросохраняющая функции языка позволяют национальному языку усилить свою миссию, связанную, как минимум, с воспроизводством и трансляцией социокультурного опыта, а, как максимум, с конструированием этнокультурной идентичности.

Как отмечено выше, национальный язык является основным механизмом воспроизводства и сохранения не только этнокультурных, но и общечеловеческих ценностей. Именно поэтому важно проводить системные научные исследования позиций национальных языков как в поле этнокультурологии, так и в этнополитологии, этнолингвистике, этнопсихологии и этносоциологии.

Следует согласиться с мнением ученых о том, что «в зависимости от того, на каком языке протекают воспитательный и образовательный процессы, происходит преимущественное формирование того или иного типа идентичности и выстраивается определенная иерархия идентичностей» [3, с. 91].

¹ Конституция Республики Адыгея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/804932122>

² Закон Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adygea.narod.ru/docums/language.htm>

³ Положение о совете по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430568888>

⁴ «Адыгэ диктант» написали в 40 странах мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nazaccent.ru/content/37887-adyge-diktant-napisali-v-40-stranah-mira.html>

Анализируя консолидирующую роль национального языка в формировании этнокультурной идентичности, обратимся к результатам социологических исследований, проведенных в Республике Адыгея в 2011 г. (N=398) и в 2021 г. (N=329) [4].

Одним из вопросов анкеты был следующий: «Что Вас объединяет с людьми, проживающими в Вашей местности?». Здесь обратим внимание на три наиболее интересные в контексте нашей проблемы позиции: общая территория проживания; язык; обычаи и традиции (диаграмма 1).

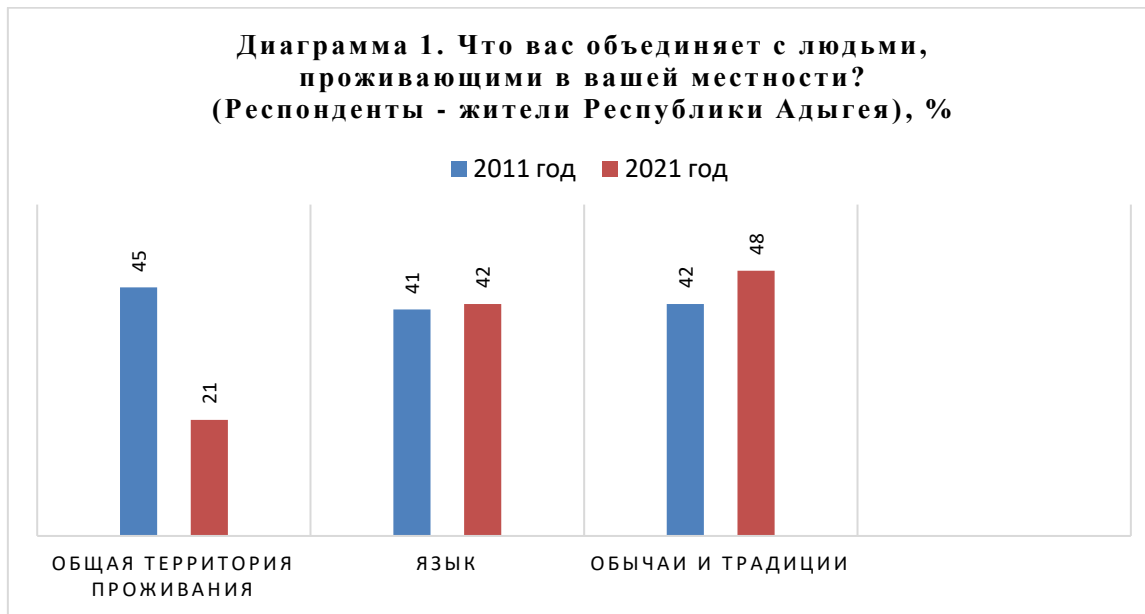

Chart 1. What unites you with people living in your area? (Respondents – residents of the Republic of Adygea), %

Как видно на диаграмме, важность территории проживания респондентами была оценена в 2021 г. на 24 позиции ниже, чем в 2011 г. Что же касается национального языка, то в качестве консолидирующего/объединяющего фактора его отметили 41% респондентов в 2021 г.; 42% в 2011 г. Также высока консолидирующая роль обычаев и традиций (42% в 2011 г. и 48% в 2021 г.). Это подтверждает, что десятилетие спустя национальный язык по-прежнему является одним из основных маркеров этнокультурной идентичности.

В контексте обозначенной нами проблемы обратим внимание еще на одно исследование, проведенное молодым исследователем М.Ю. Донежуком, который вполне обоснованно высказывает обеспокоенность судьбой родного языка [5]. Опрос молодежи (N=320, 44% мужчин, 56% женщин), обучающейся в учебных заведениях столицы Адыгеи, был осуществлен разными формами анкетирования и направлен на выявление уровня владения родным языком и сфер наибольшего его употребления по оценкам самих респондентов.

Из полученных результатов можно обратить внимание на следующее: на родном языке думает более 60% опрошенных; читают и говорят, но думают на другом языке 16%; говорят на адыгейском языке с затруднениями – 17%; респондентов, не знающих язык – 4%. В домашнем общении среди респондентов преобладает адыгейский язык, который используется чуть менее чем 45% опрошенных. Второй по популярности ответ, это «русский и адыгейский языки» – 31%. Исключительно русский язык дома использует 18% респондентов [5, с. 80].

Таким образом, этносоциологические исследования, проведенные в Адыгее, подтвердили значимость роли национального языка в формировании этнокультурной идентичности адыгов, несмотря на существенные трансформации общества в последние десятилетия.

Сегодня ученые обращают внимание еще на один немаловажный фактор, влияющий на языки и культуру этносов – возрастающую цифровизацию, которая вносит глобальные изменения в межэтническую и межкультурную коммуникацию.

Анализируя потенциал выполнения национального языком функции консолидации этноса и укрепления этнокультурной идентичности, следует понимать различный уровень его

употребления в быту, на работе, в учебных заведениях, в экономике и культуре и т.д. Возникают труднопреодолимые проблемы, связанные с вытеснением адыгейского языка из различных сфер и направлений жизни, обусловленные как социально-экономическими реалиями, так и культурными факторами; оттоком сельского населения в города, разным уровнем школьного обучения родному языку и т.п.

Для укрепления позиций адыгейского языка в современном мире, на наш взгляд, следует предпринять усилия в следующих направлениях:

- расширение присутствия адыгейского языка в сети «Интернет», существенное увеличение в сети «Интернет» количества качественных ресурсов на адыгейском языке;
- поддержка современного адыгейского литературного творчества, издания и распространения литературных журналов;
- поддержка научной работы по подготовке академических изданий адыгейской литературы и трудов по истории литературы;
- сохранение традиций и развитие школы художественного перевода;
- принятие мер по возрождению интереса к чтению;
- расширение доступности для граждан произведений, созданных на адыгейском языке;
- повышение качества владения адыгейским языком;
- развитие системы подготовки преподавателей адыгейского языка;
- повышение качества обучения адыгейскому языку;
- создание условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для сохранения двуязычия граждан;
- организация и поддержка работ в области научного изучения адыгейского языка, его грамматической структуры и функционирования.

Для сохранения и повышения статуса национального языка, осмысления объективных и субъективных факторов его развития, его консолидирующей роли в укреплении и развитии этнокультурной идентичности, этнической культуры в целом, необходимы, во-первых, системные усилия заинтересованных представителей научной общественности; во-вторых, мониторинговые исследования языковых компетенций и языковых стратегий в регионе и др.

Таким образом, очевидно, что сегодня назрела острая необходимость в принятии и реализации скоординированной стратегии сбережения адыгейского языка и сохранения этнокультурной идентичности адыгского народа.

Список источников

1. Фарукшин М. Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.
2. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
3. Сафин Ф. Г., Халиулина А. И. Роль русского языка в формировании общероссийской гражданской идентичности в полиэтничном регионе (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 90–96.
4. Klimenko L., Zhade Z., Petrulovich I. Identity of the Population of the Multiethnic South of Russia in the Context of Societal Integration of the Macroregion // Central Asia and the Caucasus. 2021. Volume 22. Issue 3. P. 136-146.
5. Донежук М. Ю. Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 75–91.

References

1. Farukshin M. H. The status of official languages of ethnic communities in multiethnic states // *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017;(7):77–87. (In Russ.)
2. Drobizheva L. M. Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2020;(8):37–50. (In Russ.)

8. Safin F. G., Khaliulina A. I. The role of the Russian language in the formation of the all-Russian civic identity in a multiethnic region (on the example of Bashkortostan). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015;(11):90–96. (In Russ.)

9. Klimenko L., Zhade Z., Petrulovich I. Identity of the Population of the Multiethnic South of Russia in the Context of Societal Integration of the Macroregion. *Central Asia and the Caucasus*. 2021;(22.3):136–146. (In Russ.)

10. Donezhuk M. Y. Linguistic behavior and competencies of Adyghe students. *Vestnik antropologii = Bulletin of Anthropology*. 2021;(4):75–91. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. Д. Хунагов – докт. социол. наук, проф., директор НИИ комплексных проблем АГУ;

З. А. Жаде – докт. полит. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии АГУ;

С. А. Ляушева – докт. филос. наук, проф. кафедры философии и социологии АГУ.

Information about the authors

R. D. Khunagov – Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adyghe State University;

Z. A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law and Political Science of Adyghe State University;

S. A. Lyausheva – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Adyghe State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare a lack of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 316.347(470.62)
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271

ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Национальный (родной) язык является ключевым идентификатором этнической самоидентификации и его состояние определяет состояние межэтнической сферы: ущемление национального языка, как правило, сопровождается ухудшением межнационального климата, формированием в общественном сознании принципов интолерантности, враждебности и агрессии. В этой связи изучение языкового поведения представляется актуальной задачей на фоне происходящих сложных и противоречивых этноязыковых процессов в современном российском обществе. Целью исследования является выявление факторов, влияющих на языковое поведение городского населения Дагестана. На основе результатов эмпирического исследования сделан вывод о превалировании русского языка как языка межнационального общения во всех социальных сферах современного дагестанского общества. Данное обстоятельство является вполне закономерным, ибо Дагестан многоязычный регион, в котором существует объективная необходимость в языке межэтнической коммуникации. При одновременно высокой значимости русского языка наблюдается снижение веса национальных языков народов Дагестана, более того, печатные издания на русском языке (книги, журналы, газеты, электронный ресурс), а также социальные сети являются основными источниками получения информации для опрошенного городского населения республики. Верификация результатов опроса показывает, что деструктивное влияние на языковые процессы оказывает множество факторов, среди которых процессы урбанизации и модернизации, нивелирующие этнокультурную специфику, отсутствие Закона «О языках народов Дагестана», закономерно способствующие трансформации языкового сознания и вытекающего из него языкового поведения городского населения республики.

Ключевые слова: полиэтничность, этноязыковый процесс, языковой конфликт, урбанизация, городское население, городская среда, билингвизм, дагестанские народы, языковое поведение, языковое сознание

Для цитирования: Шахбанова М. М. Языковые установки городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 265–271. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271>

Problems of sociology

Original article

LANGUAGE INSTRUCTIONS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN

Madina M. Shakhbanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru

Abstract. The national (native) language is a key identifier of ethnic self-identification and its state to a certain extent determines the state of the interethnic sphere: infringement of the national language is usually accompanied by a deterioration of the interethnic climate, the formation of the principles of intolerance, hostility and aggression in the public consciousness. In this regard,

the study of linguistic behavior seems to be an urgent task against the background of the ongoing complex and contradictory ethno-linguistic processes in modern Russian society. The aim of the study is to identify the factors influencing the language behavior of the urban population of Dagestan. Based on the results of an empirical study, it is concluded that the Russian language prevails as the language of interethnic communication in all social spheres of modern Dagestan society. This circumstance is quite natural, for Dagestan is a multilingual region, in which there is an objective need for the language of interethnic communication. While the importance of the Russian language is high, there is a decrease in the weight of the national languages of the peoples of Dagestan, moreover, printed publications in Russian (books, magazines, newspapers, electronic resource), as well as social networks are the main source of information for the surveyed urban population of the republic. Verification of the survey results shows that many factors have a destructive effect on linguistic processes, including the processes of urbanization and modernization leveling the ethnocultural specifics, the absence of the Law "On the languages of the peoples of Dagestan", naturally contributing to the transformation of linguistic consciousness and the resulting linguistic behavior of the urban population of the republic.

Keywords: poly-ethnicity, ethno-linguistic process, linguistic conflict, urbanization, urban population, urban environment, bilingualism, Dagestan peoples, linguistic behavior, linguistic consciousness

For citation: Shakhbanova M. M. Language instructions of the urban population of Dagestan. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):265–271. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-265-271>

Введение

При исследовании языкового поведения в многонациональном сообществе невозможно обойти вниманием последствия влияния модернизации и урбанизации на данный процесс, ибо изначально городскому пространству характерна интенсивная межэтническая коммуникация. Иными словами, в современный период, «когда урбанизация по своим масштабам и темпам обрела небывалый прежде размах... важно учитывать значение непрерывно расширяющейся и изменяющейся городской среды как фактора, влияющего на языковое поведение представителей разных этносов» [1, с. 40]. Соответственно, в условиях урбанизации и ускорения научно-технического прогресса возрастает необходимость овладения вторым языком, т.е. возникает потребность в существовании языка межнационального общения, каковым, например, для российских народов является русский язык.

Что такое языковое поведение? И этот вопрос является ключевым в рамках изучения языковых процессов в городском пространстве, ибо в городах, особенно полинациональных, они протекают ярко, интенсивно и противоречиво. Более того, языковое поведение является индикатором измерения языкового сознания, позволяет уловить свойственные ему характеристики, в частности, языковые предпочтения, отношение человека к национальному языку своей этнической общности, позитивные и негативные тенденции в языковой сфере и т.д. Иными словами, состояние в языковой сфере напрямую отражается на состоянии межличностной коммуникации, межнациональной сферы в целом.

По мнению А.Ф. Валеевой, по своей структуре языковое поведение является сложным образованием и включает в себя: «1. совершенствование грамматических форм, обогащение лексики и фразеологии родного языка; 2. увеличение числа сред, сфер деятельности, в которых используется родной (и неродной) язык; 3. количество и иерархия используемых для общения языков (моно- или билингвизм, диглоссия или недиглоссия); 4. способность переходить с одного языка на другой ("переключать языковой код"); 5. отношение к носителям родного языка; 6. отношение к двух и более язычным; 7. стремление к углубленному знанию родного языка; 8. развитие потребности в изучении второго и более языков; 9. реализация в практическом поведении основных функций родного и неродного языков» [1, с. 40].

Урбанизация отражается как на внешнем, так и на внутреннем языковом поведении человека, например, в части выбора языка межличностного общения, количества используемых языков в процессе коммуникации (то есть двуязычие), увеличении словарного запаса и т.д. Двуязычие как форма общения представителей разных национальных общностей, широко распространено в городской местности, в сравнении с сельской, хотя, например, в Дагестане

есть многонациональные сельские поселения, в которых наблюдается своеобразное языковое поведение: так население владеет не только своим родным языком, но и национальным языком другой этнической общности, с которой они совместно проживают.

Языковая ситуация в Дагестане характеризуется тем, что здесь исторически имело место двуязычие, порой и трехязычие, обусловленное многонациональностью самого региона. В послереволюционный период в Советском Союзе русский язык стал языком межнационального общения и в данной роли за прошедший период только укрепил свои позиции. Доминирование русского языка над национальными языками вызывает неоднозначную реакцию у носителей этнического языка: в основном анализом ситуации с дагестанскими языками занимаются лингвисты, которые в силу своей профессии могут наблюдать происходящие с национальными языками деструктивные процессы и пытаются донести до власти и общественности, что ситуация с родными языками очень сложная, наблюдается трансформация языкового сознания и поведения. Так, существенно сужено пространство использования родных языков дагестанских народов, уменьшилось книгопечатание на национальных языках, в городской среде выросло поколение, которое при коммуникации даже среди соплеменников и внутрисемейном общении использует неродной язык. Следует отметить, что такая языковая ситуация сложилась по объективным причинам, например, из-за особенности городского пространства, то есть отсутствия анклавов проживания носителей одного языка. Хотя можно допустить, что и при компактном проживании в городе представители одной национальности вряд ли бы говорили на родном языке, особенно в молодежной среде в отличие от взрослого поколения, которое еще придерживается традиционного языкового поведения и не утратило осознание ценности родного языка. Таким образом, можно утверждать, что урбанизация создает условия для расширения пространства русского языка при одновременном ограничении поля использования родных языков.

В Дагестане при относительно низкой доле городского населения, влияние фактора урбанизации на динамику языковой и этнокультурной идентичности ощущается сильнее, чем в других субъектах Российской Федерации. Как известно, удельный вес горожан в составе населения того или иного региона является не единственным, но очень важным показателем уровня урбанизации. Языковые процессы и языковое поведение, специфика их протекания являются предметом исследования отечественных исследователей. Так, языковое поведение и языковое предпочтение в межнациональной семье рассмотрено Э.М. Загировой [см. 2–5], состояние национальных языков малочисленных дагестанских народов анализируется Н.Р. Добрушиной [6], билингвальное поведение горожан на примере Махачкалы исследовано Д.С. Тисовой [7]. В связи с этим, научный интерес представляет выявление отражения процесса модернизации и урбанизации на языковое поведение городского населения Дагестана.

Материалы и методы исследования. Социологический опрос по изучению языкового сознания и языкового поведения городского населения Дагестана проведен в 2021 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N=521.

Результаты исследования

Как правило, в первую очередь, объектами влияния урбанизации становятся ценностные ориентации и установки на определенный тип языкового поведения, в том числе на отношение к использованию наиболее распространенных в регионе языков. Каковы языковые предпочтения опрошенного городского населения? В каких сферах используется родной язык? Ответы на эти вопросы являются индикаторами измерения языкового поведения, поэтому в авторском исследовании по изучению этноязыковых процессов в современном городском пространстве Дагестана были затронуты вопросы, показывающие языковые предпочтения и языковое поведение горожан. Так, полученный на вопрос «Где Вы чаще всего говорите на родном языке?» материал показывает, что основными сферами использования горожанами родного языка являются семья (76,6 %), представители своей этнической общности и друзья.

Анализ материала в этническом разрезе свидетельствует о большей распространенности использования опрошенными лезгинами родного языка во внутрисемейном общении (85,2 %), по сравнению с другими национальными подмассивами, где показатели меньше 80,0 %. Недоверие вызывает позиция опрошенных в интервале «до 20 лет», которые поддерживают межличностную коммуникацию на национальном (родном) языке (80,4 %), ибо в реальности они демонстрируют противоположное языковое поведение, кроме того, среди городской молодежи

меньше всего владеющих национальным (родным) языком. Далее опрошенные используют родной язык для поддержания общения с представителями своего народа (38,4 %); по национальной принадлежности предпочтение родному языку при внутриэтнической коммуникации отдает одна вторая часть аварцев, лакцев и чеченцев, таковых меньше в даргинской, лезгинской и кумыкской подгруппах (каждый третий). С возрастом и уровнем образования респондентов наблюдается увеличение процентного показателя поддерживающих диалог на национальном (родном) языке с 38,1 % в разрезе «до 20 лет» до 50,0 % «от 60 лет и выше», и с 37,7 % имеющих среднее образование до 41,3 % с высшим образованием. Языком общения с друзьями для 28,4 % опрошенного городского населения является родной язык, среди них больше половины опрошенных чеченцев, 29,3 % из подмассива даргинцев и 32,9 % кумыков. Одна треть респондентов имеющих среднее и среднее специальное образование выбрала данный вариант ответа, доля таковых среди имеющих высшее образование заметно меньше (24,9 %). Остальные позиции (в учебных заведениях, государственных заведениях, магазине, на рынке) отмечены менее 10 % опрошенных горожан, что вполне закономерно.

Следует отметить, что имеются глубокие расхождения в языковом поведении внутри городов: например, в г. Хасавюрте и Кизляре, где численное доминирование аварского населения, вполне возможно поддержание в общественных местах межличностного общения на аварском языке. Кроме того, как показывает практика, часто человек, который живет в инонациональном окружении, владеет и неродным языком и данное явление больше распространено среди взрослого поколения городских жителей.

Как известно, в общественном сознании имеет место обозначение «невидимой связи» с представителями своего народа и поддержание диалога на родном языке, что способствует укреплению внутриэтнических связей. Также в общественном сознании наблюдается установка, что в деловой сфере переход на национальный язык общения позволяет «разрушить» имеющиеся преграды между субъектами коммуникации, то есть появляется возможность положительно «решить» определенный вопрос.

Сравнительный анализ результатов исследования по годам (2009 и 2021 гг.) показывает заметное снижение интенсивности коммуникации на родном (национальном) языке внутри семьи (с 88,7 % в 2009 г. до 76,4 % в 2021 г.), впрочем, как и с представителями своего народа (44,3 % в 2009 г. и 38,4 % в 2021 г.), в то время как процентный показатель по суждению «общаясь в кругу друзей» практически не изменился (27,8 % в 2009 г. и 28,4 % в 2021 г.), что позволяет сделать вывод о трансформации языкового предпочтения, соответственно, и языкового поведения опрошенного городского населения в семейной и внутриэтнической сферах.

Установление сфер наиболее интенсивного применения национального (родного) языка требует выявления областей, в которых чаще используется русский язык, при этом необходимо учесть, что у русского языка изначально статус выше, чем у национальных (родных) языков. Одно дело обозначение национального языка как идентификатора, другое, состояние языкового сознания, степень интенсивности языкового поведения, а они, как показывает практика, очень слабо выражены (см. табл. 1).

Закономерно превалирование русского языка в государственных учреждениях, ибо на нем ведется деловая переписка и документация: эмпирический материал показывает частотность использования русского языка в официальной сфере. По сравнению с другими этническими подгруппами, данный вариант отмечен меньшей долей чеченцев; анализ по социально-демографическим параметрам показывает, что поддерживает межличностное общение на русском языке почти одинаковая доля во всех возрастных интервалах и подмассивах с разным уровнем образования. Само собой разумеющимся является коммуникация на русском языке в учебных заведениях, ибо на нем осуществляется обучение. Также вопросов не вызывает общение с друзьями на русском языке – дружеский круг может быть представлен носителями разных языков. При этом обращает на себя внимание 2-х кратное увеличение процентных показателей, которое свидетельствует о превалировании русского языка во внутрисемейном общении.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Где Вы чаще всего говорите на русском языке?» (% , вторая цифра в таблице – опрос 2009 г.)

Table 1 – Distribution of answers to the question "Where do you most often speak Russian?" (% , second figure in table – 2009 survey)

Варианты ответов	В семье	В кругу друзей	С представителями своей национальности	С представителями других национальностей	В учебных заведениях	В государственных заведениях	На рынке, в магазине
Национальности							
Аварцы	38,5	56,1	20,9	56,1	59,5	68,9	50,7
Даргинцы	48,8	62,2	37,8	65,9	63,4	73,2	61,0
Лезгины	44,3	77,0	21,3	62,3	65,6	72,1	54,1
Лакцы	55,6	77,8	26,7	60,0	66,7	77,8	55,6
Кумыки	44,3	60,8	26,6	58,2	54,4	68,4	55,7
Чеченцы	34,5	51,7	17,2	65,5	51,7	65,5	44,8
Другие	64,3	58,9	30,4	51,8	64,3	60,7	39,3
Возраст							
До 20 лет	46,4	67,0	30,4	63,9	70,6	75,8	56,7
От 20 до 40	48,8	58,0	25,3	53,7	56,2	64,2	46,9
От 40 до 60 лет	36,8	59,6	21,1	58,8	56,1	70,2	50,9
От 60 лет и старше	53,1	59,4	18,8	68,8	46,9	68,8	62,5
Образование							
Среднее	44,0	62,9	27,0	60,4	65,4	69,2	50,9
Среднее специальное	46,2	65,0	27,3	60,8	61,5	70,6	51,0
Высшее	46,3	59,7	23,4	57,2	56,7	70,6	55,2
Всего:	46,0/22,2	62,4/58,8	26,0/14,4	59,2/0	60,8/49,0	69,6/59,8	52,4/0

По этнической принадлежности на предпочтительность общения на русском языке указывает подавляющая часть опрошенного лакского населения, каждый второй из подмассива даргинцев, лезгин и кумыков, а также одна треть аварцев и чеченцев, причем среди последних меньше всего выбравших данный вариант ответа. Далее с повышением возраста и образовательного уровня респондентов растет число предпочитающих внутрисемейную коммуникацию на русском языке (с 46,6 % в разрезе до 20 лет до 53,1 % старше 60 лет; с 44,0 % имеющих среднее образование до 46,3 % с высшим образованием). Также наблюдается увеличение процентных показателей поддерживающих внутриэтнические контакты на русском языке.

Таким образом, сравнительный анализ эмпирического материала на вопросы «Где Вы чаще всего говорите на русском языке?» и «Где Вы чаще всего говорите на родном языке?» показывает, что коммуникация на родном языке превалирует в семейном кругу и существенно меньше в государственных и учебных заведениях. Общение на русском языке больше распространено в государственных и учебных заведениях, потому что в городской местности языком общения практически во всех социальных сферах является русский язык как язык межнационального общения. Сравнение результатов исследования по годам (2009 и 2021 гг.) констатирует о заметном изменении языкового поведения опрошенного городского населения по всем социальным сферам взаимодействия.

Ценностное отношение к национальному (родному) языку и языку межнационального общения можно проследить через анализ источников, которыми пользуются респонденты для получения информации о национальной жизни, этнокультуре, а также этнических проблемах своего народа. Верификация социологического материала показывает, что источником информации для одной трети опрошенного городского населения о национальной жизни и культуре своего народа выступает Интернет и социальные сети на русском языке, среди них 51,1 % опрошенных из подмассива лакцев, 45,1 % даргинцев, 31,8 % аварского, 31,1 % лезгинского, 31,6 % кумыкского и 37,9 % чеченского населения.

Молодежь (42,8 %) и респонденты с низким образовательным уровнем (42,9 %) предпочтение отдают русскоязычным источникам по сравнению со взрослым поколением и имеющими высокий образовательный статус. На втором месте в качестве информативного источника располагается Интернет и социальные сети на национальных (родных) языках (34,8 %) и выбравших данное суждение заметно больше в подгруппе чеченцев (51,7 %), в остальных подмассивах одна треть респондентов, за исключением опрошенных даргинцев (26,8 %). Анализ по социально-демографическим характеристикам показывает, что данная позиция ближе одной трети респондентов в каждой из возрастных и образовательных подгрупп. 23,4 % опрошенных по всему массиву источником информации считает художественную литературу на родном языке; по этому варианту ответа можно отметить существование отличий по социально-демографической принадлежности респондентов: подавляющая часть респондентов в возрастном разрезе до 40 лет и имеющие среднее образование указывает на данный информативный источник. Однако, это утверждение опрошенных вызывает недоверие из-за того, что, во-первых, заметно снизилось издание литературы на родных языках, во-вторых, современная Россия далеко не Советский Союз – «самая читающая страна в мире». Не одно десятилетие национальной, в данном случае творческой интеллигенцией подчеркивается, что население, особенно молодежь, мало читает.

Свою лепту в изменение языкового поведения респондентов, по мнению автора, внесла реформа российской образовательной системы, стремление некоторых деятелей «подогнать» ее под западные образцы. Кроме того, кардинально изменилась и учебная программа – речь идет о преподавании в школах литературы вообще, а не только национальной: к сожалению, «классиками» стали писатели и поэты, чье творчество критически оценивается подавляющей частью общественности. Для 21,8 % опрошенного населения по всему массиву источником информации об этнокультуре своего народа служат печатные средства массовой информации – газеты и журналы, издающиеся на национальном (родном) языке. Это положение по этническому разрезу разделяют 25,0 % аварцев, 27,9 % лезгин и 24,1 % чеченцев, одна пятая часть лакцев и, в сравнении, меньше всего читающих издания на национальном (родном) языке в кумыкской подгруппе (16,5 %). Далее, каждый шестой опрошенный по всему массиву, одна вторая часть лезгин, каждый пятый в кумыкской и лакской подмассивах информативным источником о национальной жизни своего народа считают теле- и радиопередачи на родном языке. Дальнейший анализ эмпирики показывает, что по значимости опрошенное городское население на шестое место определил вариант ответа «из газет и журналов, издающихся на русском языке»; сопоставление показывает, что больше таковых в подмассиве лакцев (20,0 %) и кумыков (11,4 %). Результаты исследования в разрезе социально-демографической принадлежности опрошенного городского населения свидетельствуют о росте количества респондентов, отдающих предпочтение источникам на русском языке (с 9,8 % в возрасте 0 – 19 лет до 25,0 % выше 60 лет; с 9,4 % имеющих среднее образование до 13,9 % с высшим образованием). 10,6 % респондентов информацию получают из художественной литературы, издающейся на русском языке, и заметных отличий по этнической и социально-демографической принадлежности не выявлено.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает интенсивное языковое поведение опрошенного городского населения: в качестве информационных источников о национальной жизни, культуре своего народа указывались практически все перечисленные в вопросе источники, но доминирует Интернет и социальные сети как на русском, так и на национальных (родных) языках, более того, разница между данными вариантами не очень большая. Далее располагаются суждения «газеты и журналы, издающиеся на родном и русском языках», «художественная литература на русском и родном языках» и «теле- и радиопередачи на русском и родном языках». По мнению автора, в целом, несмотря на полученные обнадеживающие цифры, ситуация в языковой сфере остается сложной, более того, можно утверждать, что в ней проявляются деструктивные тенденции и без принятия Закона о языках народов Дагестана, обязательного обучения родным языкам в школах улучшить положение вряд ли возможно.

Список источников

1. Валеева А.Ф. Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 40–49.
2. Загирова Э.М. Общественное мнение о традиционной семье и причинах разводов в современном дагестанском обществе (по результатам социологического исследования) // Актуальные вопросы истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 24–36.
3. Загирова Э.М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 298–303.
4. Загирова Э.М. Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние и тенденции // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 4 (48). С. 163–170.
5. Загирова Э.М., Гафиатулина Н.Х. Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 2 (50). С. 143–157.
6. Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 103–127.
7. Тисова Д.С. Использование этнических языков в условиях доминирования лингва франка (на примере Махачкалы) // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 114–121.

References

1. Valeeva A. F. The influence of urbanization on the linguistic behavior of residents of a multiethnic region. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2002;(8): 40–49. (In Russ.)
2. Zagirova E. M. Public opinion on the traditional family and the causes of divorce in modern Dagestan society (based on the results of a sociological study). *Aktual'nye voprosy istorii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Topical issues of history. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference*. 2016; 24–36. (In Russ.)
3. Zagirova E. M. Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2017; 17(3): 298–303. (In Russ.)
4. Zagirova E. M. Demographic behavior of the Dagestan family: state and trends. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2016; 4(48): 163–170. (In Russ.)
5. Zagirova E. M., Gafiatulina N. H. The value system of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2017; 2(50): 143–157. (In Russ.)
6. Dobrushina N. R. Multilingualism in Dagestan, or why a person needs three languages. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2007; (1):103–127. (In Russ.)
7. Tisova D.S. The use of ethnic languages in the conditions of lingua franca dominance (on the example of Makhachkala). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2020; (6): 114–121. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – докт. социол. наук, вед. научн. сотр., Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 05.05.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 272–280
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):272–280

Young scientists

Original article

**VALUING THE ECOLOGICAL QUALITY OF THE URBAN ENVIRONMENT
USING HEDONIC PRICING METHOD**

Yinan Dong^{1, 2}

¹Henan University of Economics and Law, Zhengzhou, China, yinan.2.dong@uconn.edu,
<https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Development of sustainable cities needs the natural and human living in a harmony way. River is an important natural attribute, which has a closed relationship with the development of the city. The purpose of the study is to use hedonic pricing method to assess the economic value of the river in Nanyang city. The novelty of the study lies in the development of econometric models, which use two explanatory variables as metrics of environmental quality – the distance from the residential property to the river and the beauty of the river landscape. Three hedonic pricing models using dummy variables to reflect distance and landscape were developed and analyzed. Simulation results showed that the distance to the river has a positive effect on property price when the distance between them is less than 200 meters. The price of property with river vision will be 9.8 % higher than the price of property without river vision. The results of the study demonstrate a fairly high economic value of the river and the need to implant economic assessments of the ecological quality of the urban environment into the strategic management of sustainable cities' development.

Keywords: environmental valuation, hedonic pricing method, river vision, proximity to the river, pricing model

For citation: Yinan Dong. Valuing the ecological quality of the urban environment using hedonic pricing method. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):272–280. (In Russ.)*.
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-272-280>

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-272-280

**ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ГЕДОНИСТИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ**

Инань Дун^{1, 2}

¹Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китай, yinan.2.dong@uconn.edu,
<https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Развитие устойчивых городов требует гармоничного сосуществования природы и человека. Река является важным природным атрибутом, определяющим развитие города. Цель исследования – оценка экономической ценности реки в китайском городе Наньян с использованием метода гедонистического ценообразования. Новизна исследования состоит в разработке эконометрических моделей, в качестве метрик экологического качества в которых использованы две объясняющие переменные – расстояние от жилой недвижимости до реки и красота речного пейзажа. Разработаны и проанализированы три модели гедонистического

ценообразования с использованием фиктивных переменных для отражения расстояния и пейзажа. Результаты моделирования показали, что расстояние до реки оказывает положительное влияние на цену недвижимости, когда расстояние между ними составляет менее 200 м. Цена недвижимости с видом на реку будет на 9,8 % выше, чем цена недвижимости без него. Результаты исследования демонстрируют достаточно высокую экономическую ценность реки и необходимость имплантации экономических оценок экологического качества городской среды в систему стратегического менеджмента устойчивого развития городов.

Ключевые слова: экологическая оценка, метод гедонистического ценообразования, речной пейзаж, близость к реке, модель ценообразования

Для цитирования: Инань Дун. Оценка экологического качества городской среды с использованием метода гедонистического ценообразования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 272–280. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-272-280>

Sustainable development and environmental quality of the urban environment

Sustainable development has become a popular topic in recent years. In 2015, the United Nations development program adopted the 2030 Agenda for sustainable development. In the agenda, sustainable city is one of the 17 goals. Environmental attributes play an important role in achieving sustainable cities. The presence of environmental attributes in urban areas increase the quality of life greatly [1]. Although it has become a consensus to govern the environment and improve the quality of the environment its importance has changed. It has been neglected to a large extent due to the nature of the "commodity" itself, the quality of the environment. From economics perspective, the environment is a public good. Although the improvement of environmental quality is important to improve the welfare of residents, its economic value is difficult to express because of the lack of a direct market. It is this difficulty in valuation that makes policymakers often underestimate the importance of environmental quality [2]. So, to help decision makers to better formulate and implement related environmental policies, the economists actively explore reasonable environmental valuation methods and establish a scientific environmental policy evaluation system [3]. Like air condition, green spaces and so on. In recent years, the environmental valuation is still focused by economists in novel ways related to the environmental attributes. Chen & Hua used economic valuation method to value the urban heritage trees in Guangzhou, China [4].

Safety drinking water is another topic which draws the economists' great interest. Chatterjee et al. studied the safety of drinking water in the city of Jacksonville, Florida. The result showed the average WTP for safety drinking water is \$6.22 [5].

In recent years, water resources have been widely cited as an environmental attributes in environmental economics, especially when the issue is economic valuation [6]. In our study, we are trying to estimate the value of water resources concerning with some social attributes. And the basic method we use in this study is the hedonic pricing method. Besides the basic social attributes which are commonly used in hedonic pricing method, like schools, hospitals, public facilities, we included the attribute – river vision. The vision of river is not only concerned with the river, but also could be regarded as a social indicator.

In this paper, we will give the theoretical foundation of environmental valuation in the second part including the theory of environmental valuation, and the theory that used in our research – hedonic pricing method. In the third part, we will talk about the case study, and the data. The reason why to choose the Nanyang city as our case study. How and where to collect the data is another topic in this part. In the fourth part, we will introduce the three kinds of variables' used in our study. And in this part, we will show the mathematical and econometric ways of building up the models. 7 models are represented in this part. In the fifth part, we estimate the models using econometric regression method. The reports will be represented in this part and be explained. In the sixth part, we will discuss the results of the study. Besides we will compare our study with previous studies, deliberating the novelty in our study. Meanwhile the disadvantages will also be discussed in this part. In the final part, we will make some conclusion based on the results and discussions.

Methodology for assessing the environmental quality of the urban environment

Two main environmental valuation methods are revealed preference method and stated preference method. Travel cost method (TCM) and hedonic pricing method (HPM) are most used revealed preference method. Contingent valuation method (CVM) and choice experiments (CEs) are usually used stated preference method.

After Rosen [7] first proposed the hedonic pricing method, research on the impact of air quality on property prices began to emerge in large numbers. In Rosen's study, the author proven that the price of property is the sum of marginal willingness to pay (MWTP) for the characteristics of the property. A great number of researches used HPM to value the air pollution [8, 9] and water resources [10]. Among them valuation of air pollution is the most common research topic. Bender et al. utilized the quadratic Box-Cox flexible form in attribute demand work. In their work, they use functional forms in both the hedonic pricing function and demand stages [11]. Brucato et al. compared two approaches to evaluating the benefits of improving air quality. The first approach uses a bottom-up methodology. The second approach uses a top-down approach, which is the hedonic price method [12]. Kim et al. improved the methodology of hedonic price functions considering the inherently spatial data [13].

Over the past 10 years, as the importance of environmental issues has increased, the literature on air quality assessment has begun to increase. From the perspective of research methods, the recent literature has two major breakthroughs. The first is the use of space metrology technology. The traditional hedonic pricing method often ignores the spatial correlation of house prices, causing bias in the estimation results.

Catma used spatial error hedonic pricing model to assess the economic value of beach width [14]. The spatial hedonic pricing model could better explain the spatial dependency among the error terms. The second is to introduce migration and other behaviors into the analysis, combining hedonic pricing method and discrete selection model for analysis. For example, Lorde et al. studied the impact of the price-setting behavior of hosts on the property market in the Caribbean [15].

Results and proposals

In our study, we tried to include spatial correlation to decline the traditional hedonic pricing method bias. We build up a model with six spatial dummy variables related to the proximity to the river. We choose Nanyang city as the case study. Nanyang city is a prefecture-level city in the southwest area of Henan Province, China. Nanyang has 10,263,660 inhabitants, at the 2010 census. Among them, 1,811,812 residents live in the urban areas. There are three districts in the urban areas of Nanyang, which are Wolong district, Wancheng district, and High-Tech development district. White river has a total length of 264 kilometers and a drainage area of 12,270 square kilometers.

We collect property transaction data from a Chinese real estate website: Anjuke.com. We collect environmental data about the river from Google map, using GIS program to get distance data. And for the social related data, like hospitals and schools around property, we combine the property transaction data and Google maps.

In the Anjuke website, we collected property transaction data in 2018. The total number of transactions in 2018 is 1506, which cover all districts of Nanyang (including the rural areas). So, we choose the transaction data only happened in Wolong district, Wancheng district, and High-Tech development district. The total number is 837. Considering our research is related to the valuation of river attribute. We selected 300 data from those 837 data, which are in a less than 3 kilometers distances from the White river.

Our study uses the hedonic pricing method to measure the valuation of the White river. The basic consumer's utility function is $U_i(W_i, x_i, z_i, M_i, \alpha_i)$. In this function, W_i represents the characteristics of the river, x_i represents property characteristics, z_i represents neighborhood characteristics, M_i represents built-up areas, α_i represents other social characteristics. The basic assumption: $\frac{\partial U_i}{\partial W_i} < 0$, which represents that people think the river has a good impact on their utility. So, the consumer's optimizing problem becomes:

$$\max_{W, x, z, M, \alpha} U_i(W_i, x_i, z_i, M_i, \alpha_i) \quad (1.)$$

$$\text{s. t. } p_i(W_i, x_i, z_i, M_i, m_i)M_i + \alpha \leq y_i \quad (2.)$$

The setting form of the price equation will seriously affect the estimation results of the hedonic price method. We'll use two forms to make the estimation results robust. The first form of estimation function is linear function, which is our first model.

$$P = \alpha + \beta W + \gamma X + \delta Z + \epsilon \quad (3.)$$

In equation (3), X is a vector of structural characteristics of the property; Z is a vector of neighborhood characteristics.

The second form of estimation function is log-linear function, which is model 2, represented by equation (4). The dependent variable is in log form, and the independent variables are in linear form.

$$\ln(P) = \alpha + \beta W + \gamma X + \delta Z + \epsilon \quad (4.)$$

The third form of estimation function is linear-log function, which is model 3, represented by equation (5). In this form, it is the opposite with the second form. The dependent variable is linear, while the explanatory variables are in the log form.

$$P = \alpha + \beta \ln(W) + \gamma \ln(X) + \delta \ln(Z) + \epsilon \quad (5.)$$

The fourth form of estimation function is log-log function where both the dependent and independent variables regressed in the log form. This is the fourth model, represented by equation (6).

$$\ln(P) = \alpha + \beta \ln(W) + \gamma \ln(X) + \delta \ln(Z) + \epsilon \quad (6.)$$

Since we choose three characteristics related to the river, the first one is the proximity to the river, the second one is the view of the river, the third one is the direction of the river. We use these three attributes to create three models with different dummy variables. The first model is focused on the proximity. We created six dummy variables about the distance from the property to the nearest river. The second model, we added the dummy variable about the view of the river; the third one, we added the dummy variable, which measures the direction of the property to the river.

In equation (7), D_1 represents the distance from the property to the river is less than 200 meters; D_2 represents the distance from the property to the river is between 200 meters and 500 meters; D_3 represents the distance from the property to the river is between 500 meters and 800 meters; D_4 represents the distance from the property to the river is between 800 meters and 1200 meters; D_5 represents the distance from the property to the river is between 1200 meters and 1500 meters; D_6 represents the distance from the property to the river is more than 1500 meters.

$$\ln(P) = \alpha + \beta_1 D_1 + \beta_2 D_2 + \beta_3 D_3 + \beta_4 D_4 + \beta_5 D_5 + \beta_6 D_6 + \gamma X + \delta Z + \epsilon \quad (7.)$$

In equation (8), we add the dummy variable - view of the river. V denotes the dummy variable view.

$$\ln(P) = \alpha + \beta D + \gamma X + \delta Z + \theta V + \epsilon \quad (8.)$$

In equation (9), we add the dummy variable - direction of the river. R denotes the dummy variable direction.

$$\ln(P) = \alpha + \beta D + \gamma X + \delta Z + \theta V + \eta R + \epsilon \quad (9.)$$

Table 1 presents the description data results (300 observations). Table 2 presents the results of the baseline hedonic price models.

Таблица 1– Описательная статистика¹

Table 1 – Descriptive statistics

Variable	Obs	Mean	Std.Dev.	Min	Max
hp	300	9163	1809	5993	15324
dist	300	793.8	518.9	120	2304
years	300	2009	4.078	2000	2017
area	300	119.2	21.34	42	198
bedroom	300	2.913	0.578	1	4
livingroom	300	1.690	0.491	0	3
floors	300	16.74	8.727	5	33
ages	300	9.950	4.078	2	19
direction	300	0.523	0.500	0	1
decoration	300	0.633	0.483	0	1
view	300	0.477	0.500	0	1
schools	300	1.990	0.875	1	5
hospitals	300	1.527	0.686	0	3

Таблица 2 – Результаты базового гедонистического моделирования²

Table 2 – Results of baseline hedonic price models

	(1) m1	(2) m2	(3) m3	(4) m4
VARIABLES	hp	lnhp	hp	lnhp
dist	-2.095*** (0.154)	-0.000232*** (1.58e-05)		
ages	-95.98*** (20.75)	-0.00998*** (0.00215)		
area	-7.866 (7.474)	-0.000815 (0.000739)		
bedroom	319.5 (211.9)	0.0326 (0.0214)		
floors	10.14 (9.454)	0.00122 (0.000964)		
schools	382.4*** (94.89)	0.0379*** (0.00954)		
hospitals	518.3*** (111.8)	0.0530*** (0.0117)		
Indist			-1,701*** (122.1)	-0.184*** (0.0124)
lnage			-843.8*** (166.7)	-0.0896*** (0.0172)
lnfl			76.92 (144.2)	0.0110 (0.0146)
lnb			1,060* (637.7)	0.108 (0.0656)
lnl			206.2 (320.2)	0.0193 (0.0331)
lns			660.6*** (163.5)	0.0646*** (0.0168)
lnh			794.7*** (175.1)	0.0802*** (0.0183)
Constant	9,605*** (579.5)	9.171*** (0.0607)	23,578*** (4,357)	10.63*** (0.436)
Observations	300	300	290	290
R-squared	0.547	0.580	0.606	0.626

Robust standard errors in parentheses *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

¹ Составлена автором.² Составлена автором по результатам моделирования.

Model 1 is the linear model, model 2 is the log-linear model, model 3 is the linear-log model, and model 4 is the log-log model. In all these four models, the distance variable was statistically significant at the 1% level. And the relationships between the property price and the distance from the river are negative correlated, which indicates that the more far away from the river, the property price will become lower. From the model 1, we cloud calculated that 1 meter away from the river, the price of the property will decrease 2 yuan per square meter. And the neighborhood variables are statistically significant at 1% level. Both these two neighborhood variables show a positive impact on the price of the property.

Table 3 presents the results of the models with distance dummy variables. To have a more accurate and detailed analysis of the relationship between the proximity to the river and the price of property, we created 6 distance dummy variables.

Таблица 3 – Результаты 1 включения в модель фиктивных переменных¹

Table 3 – Results 1 of inclusion of dummy variables in the model

VARIABLES	(1) model1 hp	(2) model2 hp	(3) model3 lnhp	(4) model4 lnhp
D1d	5.930* (3.139)	5.369* (2.854)	0.000699** (0.000324)	0.000643** (0.000294)
D2d	0.774 (1.023)	1.398 (0.931)	0.000143 (0.000106)	0.000211** (9.59e-05)
D3d	-1.267** (0.588)	-0.881 (0.538)	-9.10e-05 (6.08e-05)	-4.88e-05 (5.55e-05)
D4d	-1.983*** (0.398)	-1.629*** (0.368)	-0.000192*** (4.12e-05)	-0.000153*** (3.79e-05)
D5d	-1.826*** (0.363)	-1.457*** (0.338)	-0.000185*** (3.76e-05)	-0.000144*** (3.48e-05)
D6d	-1.489*** (0.222)	-1.358*** (0.207)	-0.000157*** (2.30e-05)	-0.000141*** (2.13e-05)
ages		-96.93*** (19.14)		-0.0104*** (0.00197)
area		-8.799 (6.997)		-0.000864 (0.000721)
bedroom		421.8* (226.3)		0.0420* (0.0233)
livingroom		125.6 (185.9)		0.0101 (0.0192)
decoration		31.54 (155.4)		-0.00241 (0.0160)
schools		340.4*** (84.79)		0.0344*** (0.00874)
hospitals		570.8*** (108.0)		0.0586*** (0.0111)
Constant	10,079*** (351.1)	8,834*** (606.0)	9.183*** (0.0363)	9.066*** (0.0625)
Observations	300	300	300	300
R-squared	0.439	0.554	0.466	0.578

Robust standard errors in parentheses

*** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

¹ Составлена автором по результатам моделирования.

We use linear model, and log-linear model to estimate the six different distances effects. From the results we could found that, when the distance is smaller than 500 meters, the relationship between the distance and the price is positive at a statistically significant level of 5%. This result shows that in a very short distance to the river, the property price is not the most expensive. Otherwise, the price will decrease with the distance closer to the river. But this relationship only exists in the distance smaller than 400 meters. When the distance is larger than 400 meters, the relationship between the distance and price, represents a negative effect.

The larger the distance is, the cheaper the property’s price will be. The results of the distance 800 – 1200 meters, distance 1200 – 1500 meters and distance larger than 1500 meters show statistically significant at the level of 1% in all models. While the distance from 500 meters to 800 meters only shows a negative effect at a statistically significant level of 5% in the linear model.

Table 4 presents the results of the models with view and direction dummy variables. For the view dummy variable, when the property has a view of the river, the variable equals 1, otherwise equals 0.

The reason we consider the property’s direction to the river is based on a geographical rule. The south of the mountain, and the north of the river are called “Yang”, otherwise it will be called “Yin”.

Таблица 4 – Результаты 2 включения в модель фиктивных переменных¹
 Table 4 – Results 2 of inclusion of dummy variables in the model

VARIABLES	(1) M1 lnhp	(2) M2 lnhp	(3) M3 lnhp
dist	-0.000167*** (1.74e-05)	-0.000230*** (1.53e-05)	-0.000173*** (1.75e-05)
area	-0.000946 (0.000738)	-0.000799 (0.000690)	-0.000916 (0.000692)
bedroom	0.0411** (0.0207)	0.0325 (0.0205)	0.0400** (0.0201)
livingroom	0.0193 (0.0198)	0.0114 (0.0190)	0.00896 (0.0187)
ages	-0.00895*** (0.00209)	-0.00950*** (0.00206)	-0.00864*** (0.00199)
floors	0.000760 (0.000900)	0.000658 (0.000950)	0.000303 (0.000886)
decoration	0.00713 (0.0153)	0.00300 (0.0152)	0.00585 (0.0147)
schools	0.0374*** (0.00909)	0.0370*** (0.00884)	0.0366*** (0.00851)
hospitals	0.0549*** (0.0115)	0.0526*** (0.0110)	0.0544*** (0.0109)
view	0.0980*** (0.0208)		0.0865*** (0.0211)
direction		0.0710*** (0.0144)	0.0642*** (0.0144)
Constant	9.064*** (0.0611)	9.158*** (0.0562)	9.065*** (0.0572)
Observations	300	300	300
R-squared	0.608	0.613	0.634

Robust standard errors in parentheses:*** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

¹ Составлена автором по результатам моделирования.

When direction dummy variable equals one, it represents the north side of the river. Otherwise is the south side of the river. The results of these two dummy variables are both statistically significant at the 1% level. And both show a positive effect on the property price. The results indicate that if the property located on the north side of the river, the price will be around 7% higher than the property located on the south side of the river. And for the other dummy variable, it indicates if the property has a vision of the river, the price will be around 9% higher than the property without a river vision.

In baseline hedonic pricing model, as well as in the models with view and direction dummy variables, the robustness regression test has been done. The results show that the distance larger than 800 meters is negatively related to the property price at the statistically significant level of 1%.

With the development of city, people pay more attention to the industrialization and urbanization. Environmental resources have become invisible attributes among the city developing. In our study, we have proved that the value of river in the city using the hedonic pricing method. We choose two attributes: proximity and view as our main environmental variables. The results have proved that the proximity to river will cause the higher price of the property. The proximity has a positive effect on the property's price when the distance is less than 200 meters. But when the distance is larger than 400 meters, the coefficients become negative. When other conditions are the same, the distance far away from the river 1 meters, the price of the property will decrease $1.6RMB/m^2$. Similar, the view of the river does have a positive effect on the price of the property. The river view hold by the property will also make the price higher. When other conditions are the same, the price of property with river vision will be 9.8% higher than the price of property without river vision. Based on these studies, we could conclude that the environmental goods, such as forests, rivers, and so on, have great value, especially those in the urban areas. They are ought to be regarded as luxury goods for protecting.

From a sustainable development perspective, the river could be regarded as an ecological system. The river will generate the wetland for increasing the species diversity. The more closed relationship with human is the supply water system. Because of the lack of data about the quality of the river, we could not evaluate the economic value of improving the water quality. However, in the future, with more environmental data related to the water quality, we could build up better model for assessing the economic valuation of the water. Our study only chooses two attributes of the water quality, in the future more attributes related to water could be valued.

References

1. Lazareva, E., Anopchenko, T., & Lozovitskaya D. Identification of the city welfare economics strategic management innovative model in the global challenges conditions. *SGEM 2016 Conference Proceedings*, 2016; 4: 3-10.
2. Kneese, A.V. Measuring the benefits of clean air and water. 2013; New York: RFF Press.
3. Lazareva, E., & Karaycheva, O. Natural capital from the "green" economy of sustainable innovation development perspective managing identification: an instrumental view. *SGEM 2018 Conference Proceedings*, 2018; 1.3: 693-700.
4. Chen, W.Y., & Hua, J. Citizens' distrust of government and their protest responses in a contingent valuation study of urban heritage trees in Guangzhou, China. *Journal of Environmental Management*, 2015; 155: 40-48.
5. Chatterjee, C., Triplett, R., Johnson, C.K., & Ahmed, P. Willingness to pay for safe drinking water: A contingent valuation study in Jacksonville, FL. *Journal of Environmental Management*, 2017; 203: 413-421.
6. Hackbart, V.C.S., de Lima, G.T.N.P., & dos Santos, R.F. Theory and practice of water ecosystem services valuation: Where are we going? *Ecosystem Services*, 2017; 23: 218-227.
7. Rosen, S. Hedonic Prices and Implicit Markets: Product Differentiation in Pure Competition. *Journal of Political Economy*, 1974; 82(1), 34-55.
8. Hitaj, C., Lynch, L., McConnell, K. E., & Tra, C.I. The Value of Ozone Air Quality Improvements to Renters: Evidence from Apartment Building Transactions in Los Angeles County. *Ecological Economics*, 2018; 146: 706-721.

9. Liu, T., Hu, W., Song, Y., & Zhang, A. Exploring spillover effects of ecological lands: A spatial multilevel hedonic price model of the housing market in Wuhan, China. *Ecological Economics*, 2020; 170: 106568.

10. Cobián Álvarez, J.A., & Resosudarmo, B.P. The cost of floods in developing countries' megacities: a hedonic price analysis of the Jakarta housing market, Indonesia. *Environmental Economics and Policy Studies*, 2019; 21(4): 555-577.

11. Bender, B., Gronberg, T.J., & Hwang, H.-S. Choice of Functional Form and the Demand for Air Quality. *The Review of Economics and Statistics*, 1980; 62(4): 638-640.

12. Brucato, P.F., Murdoch, J.C., & Thayer, M.A. Urban air quality improvements: a comparison of aggregate health and welfare benefits to hedonic price differentials. *Journal of Environmental Management*, 1990; 30(3): 265-279.

13. Kim, C.W., Phipps, T.T., & Anselin, L. Measuring the benefits of air quality improvement: A spatial hedonic approach. *Journal of Environmental Economics and Management*, 2003; 45(1): 24-39.

14. Catma, S. Non-market valuation of beach quality: Using spatial hedonic price modeling. 2020; Hilton Head Island, SC. Marine Policy.

15. Lorde, T., Jacob, J., & Weekes, Q. Price-setting behavior in a tourism sharing economy accommodation market: A hedonic price analysis of AirBnB hosts in the caribbean. *Tourism Management Perspectives*, 2019; 30: 251-261.

Информация об авторе

Инань Дун – исследователь, Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китай; аспирант, Южный федеральный университет, факультет управления

Information about the author

Yinan Dong – Researcher, Henan University of Economics and Law, Zhengzhou, China; graduate student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 18.04.2022.

COMPETITION AND COORDINATION OF CHINA'S REGIONAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY

Yongjing Shi

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, yushi@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1765-8525>

Abstract. The regional coordination strategy has been implemented for more than two decades in China. At the critical time when China is building a moderately prosperous society and moving towards common prosperity, narrowing the regional economic gap is a key issue to be addressed. With the rapid development of digital economy, a new driving force has been formed for regional economic development. This article first analyzes the connotation and current situation of regional economic coordination in China, and then explores the role of digital economy in narrowing the regional economic gap. It finds that: the overall regional coordination in China has been improved; in particular, the inter-regional economic gap has been gradually reduced. However, the problem of intra-regional economic disparity is still very serious. Digital economy can promote regional economic growth, but this economic growth is universal. So, when digital economy promotes regional economic coordination, it also leads to a continuous widening of regional economic disparity. Finally, this article puts forward practical policy suggestions to respond to the regional economic gap that may be widened by digital economy.

Keywords: regional coordination, gini coefficient, theil index, digital economy

For citation: Yongjing Shi. Competition and coordination of china's regional economy in the context of digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):281–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-281-288>

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 332:338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-281-288

КОНКУРЕНЦИЯ И КООРДИНАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Юнцзин Ши

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, yushi@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1765-8525>

Аннотация. Стратегия региональной координации осуществляется в Китае уже более двух десятилетий. В критический момент, когда Китай строит «среднезажиточное общество» и движется к всеобщему процветанию, ключевым вопросом, требующим решения, является сокращение регионального экономического разрыва. В условиях стремительного развития цифровой экономики сформировалась новая движущая сила регионального экономического развития. В статье анализируется значение и текущая ситуация региональной экономической координации в Китае, а затем исследуется роль цифровой экономики в сокращении регионального экономического разрыва. Обнаружено, что общая региональная координация в Китае улучшилась; в частности, постепенно сокращается межрегиональный экономический разрыв. Однако проблема внутрирегионального экономического неравенства по-прежнему очень серьезна. Цифровая экономика может способствовать региональному экономическому росту, но этот экономический рост универсален. Таким образом, когда цифровая экономика способствует региональной экономической координации, это также приводит к постоянному увеличению регионального экономического неравенства. Кроме того, в статье выдвигаются предложения по практической политике реагирования на региональный экономический разрыв, который может увеличиться цифровой экономикой.

Ключевые слова: региональная координация, коэффициент Джини, индекс Тейла, цифровая экономика

Для цитирования: Юнцзин Ши. Конкуренция и координация региональной экономики Китая в контексте цифровой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 281–288. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-281-288>

China is a vast country with different factor endowments among different regions. The innate geographic conditions, the era-specific policy emphasis, and different technology levels have combined to result in the economic development gap between regions. In the early years of New China, it developed a state of low-level coordination as the country relocated industries from coastal areas to the central and western regions on a large scale to strengthen national defense security and maintain economic balance (Li, 2020)^[1]. By 1978, in order to achieve economic growth, the country implemented the reform and opening up policy, and the eastern region experienced rapid economic growth by virtue of its good location conditions and policy advantages. During the same period, a series of measures such as land property rights system reform and tax sharing reform stimulated local governments' enthusiasm, but they also intensified local protectionism, and the economic gap between China's regions began to widen gradually. With the expansion of China's economy and the beginning of the period of building a moderately prosperous society, the country began to pay attention to the problem of economic disparity between regions and proposed for the first time in the Ninth Five-Year Plan to adhere to the goal of coordinated regional economic development and gradually narrow the regional development gap. In the two decades since then, the country implemented a series of strategies such as the Grand Development Plan of Western China, the Revitalization of Northeast China, Rise of Central China, and the Pioneering Development of Eastern China, which had narrowed the economic gap between regions. However, the gap is still very large (Liu et al. 2020)^[2]. As China has built a moderately prosperous society and begins to enter a new stage of building a comprehensive socialist modern state, the issue of regional coordination remains crucial and involves the sustainable development of the country. On the one hand, long-term economic disparities between regions will inhibit China's development potential and may even breed social conflicts when the disparities become too large. On the other hand, international competition has become more intense in recent years, and at a time when China's foreign trade is being hampered and its industrial and supply chains are facing security problems, China must pay attention to the pulling role of domestic demand and the domestic industrial layout to promote regional economic coordination and maintain the country's sustainable and healthy economic development.

Digital technology has triggered a new round of economic revolution. Throughout history, the emergence of each technological revolution has changed the economic layout to some extent. For one-part, digital technology has improved production efficiency by empowering traditional industries, and it has given rise to a number of new industries. For another part, data becomes a key element in digital economy, so digital technology can also digitize the traditional elements to a certain extent. The virtual and networked nature of data can reduce transaction costs, promote innovation and knowledge spillovers, and thus foster economic growth. So, will the flourishing digital economy ultimately lead to growing economic disparities between regions or promote regional economic coordination? Due to different methods and perspectives of research, the existing findings of academic studies on this issue can be divided into three categories. Yang (2021) believes that the role of digital economy in promoting economic development is more obvious in developed regions than that in less developed regions. He argues that there is a digital divide between regions, and less developed regions will fall into a vicious circle of backward economic level and lagging digital economy development^[3]. On the contrary, Duan et al. (2020) states that digital economy can solve the regional segmentation, enable less developed regions to give full play to their comparative advantages to produce differentiated products, so as to promote economic growth and narrow the regional gap^[4]. Moreover, Zhang et al. (2021) points out that digital economy has played a certain role in promoting regional coordination from the perspective of industrial structure upgrading, but there is also a threshold value for the promotion of regional economic growth by digital economy^[5].

From the perspective of the importance of regional economic coordination to the healthy development of China's economy and the rapid development of digital economy, the pathways and research findings on the role of digital economy in regional economic development vary widely. Furthermore, because the strategy of regional economic coordination has been deepening for more than two decades, the early understanding of the connotation of regional economic coordination has changed dramatically. Therefore, this article tries to first analyze the connotation of regional economic coordination, and then put forward certain policy suggestions for promoting regional economic coordination in China, taking into account the current situation of China's regional economic development and the pathways that digital economy promote regional economic development.

1. What is Regional Coordination?

China has long been concerned with the issue of regional economic disparities. Since the Ninth Five-Year Plan, the country has made the promotion of regional economic coordination an important strategic goal. Subsequently, the academic circle has also begun to conduct relevant studies on the issue of regional

economic coordination. Initially, scholars focus on the concept definition and evaluation of regional coordination^{[6]-[8]}. Subsequently, some scholars have conducted related studies on mechanisms and policies to promote regional economic coordination^{[9]-[12]}. At present, the strategy of regional economic coordination has been implemented for more than two decades, and the relevant connotation has been changing continuously. Apart from that, at this stage, China has already achieved the goal of building a moderately prosperous society and is moving toward a socialist modernization country. In the new era, the connotation of regional economic coordination must be deepened and updated in a timely manner in order to solve the problem of regional economic development gap and achieve common prosperity.

Regarding the concept of regional economic coordination, Tan^[6] points out that the similarities of the academic community are mainly reflected in the recognition that regions should be interconnected, that the economy can develop together, and that the economic gap is gradually reduced. The differences in the definition of the connotation of regional economic coordination are mainly reflected in the content and scope of coordination. For example, whether the regional economic coordination strategy only coordinates the economy or it coordinates the whole society with the economy as the core? Is the regional economic coordination strategy implemented among regions or in the same region? Tan believes that regional economic coordination refers to coordinated economic development among regions. He points out that coordinated regional economic development is fundamentally different from sustainable regional development, and the former should focus mainly on the economy. Chen^[8], on the other hand, includes the equalization of public goods in the coordinated regional economic development. Even in recent empirical studies, scholars' different indicators for measuring regional economic coordination reflect varied perceptions of its connotation. Some use GDP per capita to measure regional economic coordination^[13], and others adopt comprehensive indicators such as economy, people's livelihood, environment, and innovation^[14]. There are studies specifically on intra-regional economic coordination^[15] and inter-regional economic coordination^[16]. In summary, there is still some controversy in the academic community about the connotation of regional economic coordination.

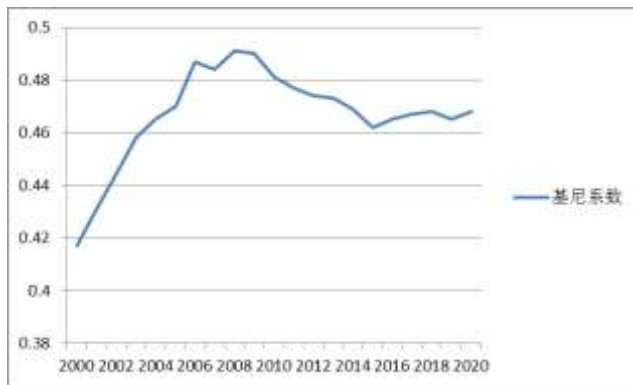
In national documents, from the Ninth Five-Year Plan to the Eleventh Five-Year Plan, the understanding of coordinated regional economic development has focused on inter-regional economic development. However, in the Tenth Five-Year Plan, the requirement of protecting environment had been initially mentioned, and the chapter name Promoting Regional Economic Coordination in the Ninth Five-Year Plan was changed to Promoting Coordinated Regional Development, which has been continued to this day. In the Eleventh Five-Year Plan, in addition to further proposing to narrow the gap between public services and people's living standards, there is also a preliminary mention of strengthening the intra-regional division of labor and collaboration represented by urban clusters. In the Twelfth Five-Year Plan, for the regional development, requirements such as harmony between human beings and nature, equalization of public services, and scientific planning of functional positioning and industrial layout of each city in the city cluster have been clearly brought up. The connotation of regional economic coordination begun to shift from economic focus to taking the economy as the center while considering the environment and public services, and paying attention to intra-regional economic coordination while narrowing the economic gap between regions. In the Thirteenth Five-Year Plan, the role of openness in promoting regional economic coordination was further emphasized, and for the first time, attention was paid to the marine economy. In the Fourteenth Five-Year Plan, it is clearly proposed to build a regional economic layout for high-quality development, and to achieve regional economic growth while paying attention to the innovative, coordinated, green, open and shared development of regions. In sum, it can be concluded that regional economic coordination refers to the interconnection of regions and the gradual integration of markets within regions. It also means that the gap between people's living standards should be gradually narrowed as the economy grows together.

2. Current Development Situation of China's Regional Economy

2.1. Data Analysis of Regional Economic Coordination in China

At present, the measurement of regional economic disparity is mainly based on Gini coefficient, Theil index, variation coefficient and composite index. In view of the above understanding of the connotation of regional economic coordination, this article adopts Gini coefficient and Theil index to analyze the current situation of regional coordination in China. Gini coefficient is an indicator used to measure the income disparity of residents in a country or region, which can comprehensively reflect the disparity of regional development levels. Theil index can divide the overall economic development differences of a country into inter-regional differences (TBR) and intra-regional differences (TWR), so that the sources of economic differences can be analyzed more clearly. In addition, depending on the weights, the Theil

index can be divided into the GDP-weighted Thiel T index and the population-weighted Thiel L index. This article chooses the Theil T index to divide China into the East, Central, West and Northeast¹ parts. The four parts are analyzed using the specific calculation process that is referred to Liu (2020).

Gini Coefficient
Fig. 2-1. Change in Gini Coefficient in China, 2000-2020

Source: China Statistical Yearbook, National Economic and Social Development Statistical Bulletin, World Bank and other information

As shown in Figure 2-1, after the regional coordination strategy was systematically proposed and implemented in the Tenth Five-Year Plan, China's Gini coefficient continued to rise, but after 2008, it steadily declined. Despite the upward trend in 2016, the overall trend is unchanged, indicating that the income gap in China was gradually narrowing. But compared with the international warning line of Gini coefficient of 0.4 or the initial Gini coefficient of China, the current Gini coefficient of China is still very high. In particular, 2020 shows another upward trend, all indicating that China still needs to make great efforts in narrowing the income gap and moving towards common prosperity.

According to Figure 2-2, the regional economic disparity in China has shown an overall decreasing trend from 2003 and stabilized after 2012. The trend of TBR, which measures the inter-regional economic disparity, is the same as the trend of the Thiel index. The trend of TWR, which measures the intra-regional economic disparity, also shows a downward trend but with a small magnitude. It has a brief increase in 2018, and the intra-regional disparity starts to be larger than the inter-regional economic disparity, which fully indicates the effectiveness of the policy focusing on inter-regional economic coordination at the early stage of China's implementation of the regional coordination strategy. But it also shows that intra-regional economic disparity in China now continue to face serious problems. From Figure 2-3, it can be clearly seen that the regional disparity in the east and west regions vary significantly and are much higher than those in the center and east regions. It further shows that in addition to focusing on the economic disparity between regions, intra-regional economic coordination is also a key issue to be addressed when implementing regional coordination strategies in China.

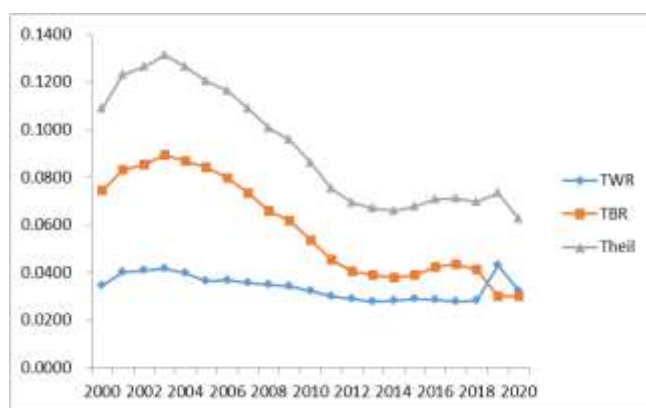
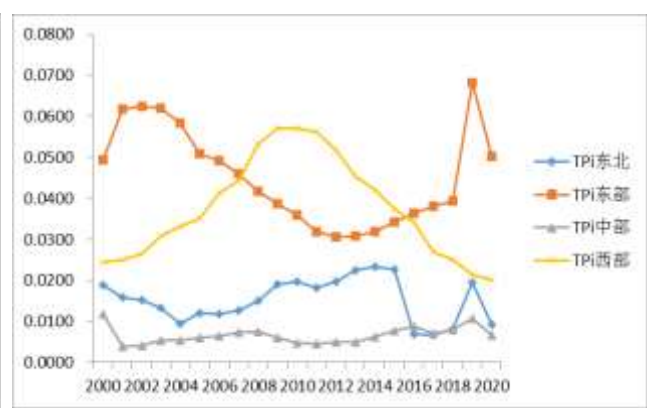

Fig. 2-2. Change in Thiel Index in China, 2000-2020

Northeast China, Eastern China, Central China, Western China
Fig. 2-3. Change in Thiel Index in Different Regions of China, 2000-2020

¹ East includes: Beijing, Tianjin, Hebei, Shanghai, Jiangsu, Zhejiang, Fujian, Shandong, Guangdong and Hainan; Central includes: Shanxi, Anhui, Jiangxi, Henan, Hubei and Hunan; West includes: Inner Mongolia, Guangxi, Chongqing, Sichuan, Guizhou, Yunnan, Tibet, Shaanxi, Gansu, Qinghai, Ningxia and Xinjiang; Northeast includes: Liaoning, Jilin and Heilongjiang.

2.2. Regional Economic Coordination Strategy Implemented in China

China has been implementing the regional coordination strategy for more than two decades. By continuously learning lessons from the implementation of the strategy and taking into account China's actual situation, China has now developed a path where the government and the market work together to promote regional economic coordination. Through a series of major plans such as the spatially systematic planning of the main functional areas, major regional strategies, coordinated development of the four regions and the ocean economy, the government has provided a strategic orientation for the development of each region. Subsequently, through specific supporting measures, such as issuing the Opinions on Building a More Perfect Institutional Mechanism for Factor Market Allocation, it promotes market integration, stimulates market vitality, and provides prerequisites for enterprises to carry out a reasonable division of labor layout, thus enabling each region to fully rely on its own characteristic resources to follow the path that suits it. In order to achieve high-quality economic development, the government plays a coordinating role for regions with special tasks such as ecological function zones and agricultural product regions, and supports them through inter-regional benefit compensation mechanisms such as transfer payments. For special types of backward regions such as border and revolutionary areas, the government implements transfer payments and other means while also providing one-to-one assistance by means of regional cooperation and mutual assistance to promote coordinated regional economic development as a whole.

In addition to a series of strategic plans for inter-regional economic coordination, in order to boost regional economic growth, the government also pays full attention to the role of economic growth poles such as central cities and city clusters on the development of the whole region. It is proposed to give full play to the radiation effect of the growth level on the peripheral areas, forming a synergistic situation of functional division of labor and staggered development, and narrowing the economic gap within the region.

3. The Impact of Digital Economy on Regional Economic Development

Many factors have resulted in the regional economic development gap today. On the one hand, the natural conditions of different regions have caused the gap; on the other hand, the gap is formed due to external reasons such as national policies and the international environment, with national policies playing a major role. The natural conditions of a region mainly include geographical conditions and factor endowments. For example, coastal areas are naturally characterized by foreign trade economy. The factor endowment of a region directly determines the economic structure of the region. For instance, the fertile soil creates the grain silo in the northeast and the rich resources enable the energy output in the northwest. These different economic structures, together with national policies and international environment of the same period, have led to different rates of regional economic development at different stages. At the early days of New China, the inward relocation of industries was implemented to protect the national industry. Then, in order to achieve high economic growth, the low value-added foreign trade economy was adopted. At present, in the face of China's industrial transformation and upgrading and the intensification of the Sino-US conflicts, the double-cycle strategy and high-quality economic development is carried out. Therefore, national goals at different stages have led to different development results in different regions. Moreover, due to the to protect Matthew effect, rich regions become richer and poor regions become poorer.

The rapid development of digital economy has become an inevitable trend of social development, and the academic community confirms and agrees with the role of digital economy in promoting economic growth from different perspectives^{[17][18]}. Firstly, the core of digital economy – digital technology and data can improve the production efficiency of manufacturing and service industries, and the replicability and sharing of data can also break the limitations of factor scarcity, with the role of increasing returns to scale that traditional factors do not have. Secondly, digital technologies such as big data, cloud computing and the Internet of Things have also reduced transaction costs and improved market efficiency. Thirdly, digital technologies have expanded the market scope, as reflected in the emergence of new industries and the development of online markets, which have greatly activated the market potential. Finally, from the perspective of improving consumer confidence, stimulating consumption and promoting economic growth, in the era of digital economy, all the information is data-driven and stored, and the traceability of such data makes market competition fairer. The rapid development of block chain technology further reduces the risk of information tampering, improves the authenticity of information and boosts market credit. These economic growth-enhancing effects are universal in nature^[19], so whether the economic growth promoted by digital economy narrows the relative economic gap between regions or widens it?

On the one hand, the initial investment in digital technology requires large capital costs and labor costs, which are not available in less developed regions. So, developed regions take the lead in the digital economy, forming a first-mover advantage^[3]. Then, both the innovation caused by digital economy and digital platform, which is an important carrier of digital economy, may cause monopoly due to the imperfect state regulation and the sticky market of platform economy, thus further widening the economic gap between regions. Last, the automation and intelligence of digital technology improve productivity while greatly reducing the demand for labor, especially for low-skilled labor^[20]. Moreover, due to regional inequality in public services, a relatively larger proportion of low-skilled labor is found in less developed regions. The employment resulting from the new business model generated by the digital economy can also face imperfect protection mechanisms to the detriment of individual interests, which in turn indirectly leads to regional development disparities.

On the other hand, while the digital economy is inclusive in terms of reducing transaction costs and developing online markets and new business models, these properties are more important for less developed regions. The less developed regions have a natural disadvantage in trade due to the imperfect infrastructure. There are inconvenient transportation and information asymmetry in those regions. However, digital technology can greatly reduce the impact of spatial distance on trade and promote information flow. So, the past agglomeration economy is decentralized, which is not only beneficial to the development of local enterprises, but also attracts a part of the enterprises to move in, giving the less developed regions more opportunities to integrate into the domestic value chain and international value chain. Moreover, the development of digital economy also greatly weakens the drawbacks caused by local protectionism. Luo (2019)^[16] points out that excessive government competition is one of the important causes of regional economic disparities. The era of digital economy requires that all regions must be integrated into a unified network. This unification of virtual markets based on digital economy can form market integration and promote the free flow of factors and products. In addition, digital technology can be used to analyze big data to plan and adjust the economic structure of less developed regions in a relatively more reasonable way, and fully stimulate the economic growth potential of less developed regions, as illustrated by the recent launch of cloud tourism. Finally, digital economy can also promote the equalization of basic public services, which can be fully reflected by the rapid development of online education and online healthcare during the epidemic. The improvement of public services can enhance the quality of local factors and attract factor inflows^[21], fundamentally improving the economic situation in less developed regions.

As mentioned above, although digital economy has played a vital role in promoting economic growth and regional coordination, there is still a potential risk of widening the regional economic gap, and it is necessary to play an exogenous role of policy in order to prevent the existence of the Matthew effect of the economic gap.

4. Policy Suggestions

4.1. Combing Top-level Design and Supporting Measures to Implement Regional Coordination Strategy

Regional coordination is a major strategy involving the whole country. Against the background of inter-regional competition and local protectionism without the means for effective exchange and cooperation, the state should play an overall regulatory role and plan regional strategies from the national level as a whole, including optimizing the pattern of territorial spatial development and protection, implementing major regional strategies and coordinated regional development strategies. However, in addition to the role of the state in macro policy formulation, the most important thing to achieve the goal of regional coordination is to put the regional coordination development strategy into practice. This requires a combination of specific national and local supporting measures, including strategies to break down local protectionism and promote market integration. The strategy is to reform the household registration system and promote the free flow of talents; to increase the targeted transfer payments to improve the ability of less developed regions to develop their economies; to give policy preferences to less developed regions to attract enterprises to transfer. Only by combining national systematic planning with specific supporting measures can the regional coordination strategy be put into practice, and thus effectively narrow the regional development gap.

4.2. Increasing Infrastructure Development for Less Developed Regions

Sound infrastructure is the basis for regional economic development. Whether it is the infrastructure represented by transportation, post and telecommunications in the past or the new infrastructure represented by cloud, network and terminal with the arrival of the digital era, the gap in infrastructure

between regions is one of the important reasons for the gap in regional economic development. A well-developed infrastructure reduces transaction costs for businesses, which in turn creates agglomeration economies and boosts economic growth. Under the condition that less developed regions lack their own economic capacity, when improving transportation, water and electricity infrastructure, the state should also increase transfer payments to less developed regions and invest more in digital infrastructure, such as cloud computing, artificial intelligence and block chain technology, so as to provide a basis for less developed regions to achieve a bend in the digital economy era.

4.3. Using Digital Technology to Promote Public Service Parity

The future economic development will be talent-based development, and quality public services are the key to retaining and attracting talents. Under the condition that there is no way to achieve parity in education and healthcare in a short time, the country should vigorously develop digital education and digital healthcare, and use digital technology to enable less developed regions to share quality public services with developed regions. On the one hand, it can improve the satisfaction of people in less developed areas, and on the other hand, it can narrow the public service gap, which is conducive to attracting more talents to flow in, and provide a talent base for the economic development of less developed areas. Moreover, the use of digital technology can also make the government to provide public services to a wider range. People can use the e-government platform to easily and quickly understand relevant policy information and complete required services without leaving homes.

4.4. Strengthening the Regulation of Industries Related to Digital Economy and Accelerating the Improvement of Relevant Laws and Regulations

Digital economy is a new economic model that involves all aspects of life and has spawned many new industries. However, the problems facing regulators have also increased. The monopoly of digital platforms, an important vehicle in digital economy, is an urgent issue that regulators need to focus on. The operation of digital platforms is based on a large amount of data, and digital platforms can obtain a large amount of data by providing services based on data analysis. This circular and cumulative effect will make the leading digital platform companies with first-mover advantage form a winner-take-all situation, which will greatly harm the interests of consumers. On February 27, 2021, the Anti-Monopoly Committee of the State Council has formulated and released the Anti-Monopoly Guidelines of the Anti-Monopoly Committee of the State Council on the Platform Economy, emphasizing that the Anti-Monopoly Law and supporting regulations are applicable to all industries. Although relevant platform companies are punished for violating the Anti-Monopoly Law, there is still a great controversy regarding the criteria for digital platforms to reach monopoly. In addition, the infringement of personal privacy when digital platforms collect and use data, and the management of related digital economy industries in terms of tax collection and management are still ambiguous, and the country should accelerate the improvement of related laws and regulations and strengthen supervision.

4.5. Improving the Protection Mechanism for Practitioners of Emerging Industries

Digital economy has given rise to new industries, which have boosted economic growth while solving the employment problems of a large number of workers and generally alleviating the reduction of jobs due to intelligence and other factors. However, since some of the new industries are platform-based, especially those that address low-skilled labor employment, such as rural e-commerce, live streaming and other forms of economy, the security mechanism for employed workers is still very imperfect. The platform only provides a virtual trading platform for anchors or merchants, and the relationship between the two belongs to cooperation rather than employment, then the responsibility attribution of the contracted subjects who encounter problems when working and trading on the platform cannot be clarified, and the rights of the employed persons face the threat of being violated in the face of the monopoly position of the platform. Furthermore, there is no way for the employed people to get the protection of work injury insurance, unemployment insurance and housing provident fund. The reason for this is that the classification of new industries has not been clarified. Now it is only classified as service industry in general, but the different business model in the service industry has caused the service industry-related laws and regulations to be inapplicable to the new industry workers, which leads to the lack of protection mechanism for the workers. Employment in the form of e-commerce and live streaming has solved a large part of the current unemployment problem and will be an important channel to solve unemployment in the future. The country needs to provide a timely protection mechanism for those employed in these industries.

References

- [1] Li Lanbing. Logical Framework and Theoretical Explanation of China's Regional Coordinated Development Strategy [J]. *Economic Perspectives*, 2020(01): 69-82.
- [2] Liu, Xiaoming, Tan Jianli & Liu Xiaoyong. Transfer Payment, Government Competition and Regional Economic Coordination: An Empirical Study Based on Provincial Spatial Panel Data [J]. *On Economic Problems*, 2020(09): 36-45.
- [3] Yang Wenpu. Digital Economy and Regional Economic Growth: Late-developing Advantage or Late-developing Disadvantage? [J]. *Journal of Shanghai University of Finance and Economics*, 2021, 23(03): 19-31+94.
- [4] Duan Bo & Shao Chuanlin. Has Digital Economy Exacerbated Regional Disparities: Empirical Evidence from 284 Prefecture-level Cities in China [J]. *World Regional Research*, 2020, 29(04): 728-737.
- [5] Zhang Shaohua & Chen Zhi. Research on Mechanism Identification and Heterogeneity of Digital Economy and Regional Economic Growth [J]. *Statistics & Information Forum*, 2021, 36(11): 14-27.
- [6] Tan Chenglin, Zhang Hua & Mao Chao. Regional Coordinated Economic Development: Conceptual Analysis, Judgment Criteria and Evaluation Methods [J]. *Reform of Economic System*, 2011(04): 34-38.
- [7] Zhou Guofu. A Study on Regional Disparities in China's Economic Development [M]. Dalian: Northeast University of Finance and Economics Press, 2001.
- [8] Chen Dongsheng. On Harmonious Development of Regional Economy [J]. *Social Science of Beijing*, 2005(02): 3-10+62.
- [9] Tan Chenglin. Systematic Study on the Mechanism of Regional Coordination Development [J]. *Economist*, 2011(04): 63-70.
- [10] An Husen & Tang Xiaoyin. Discussion on the Way to Realize Regional Coordinated Development under the New Development Pattern [J]. *Social Science in Nanjing*, 2021(08): 29-37.
- [11] Wei Houkai, Nian Meng & Li Lei. China's Regional Development Strategy and Policy during the 14th Five-Year Plan Period [J]. *China Industrial Economies*, 2020(05): 5-22.
- [12] Liu Binglian, Bian Yang, Zhou Mi & Zhu Junfeng. 70 Years Review of China's Regional Economic Development and Its Prospect [J]. *China Industrial Economies*, 2019(09): 24-41.
- [13] Peng Qiao, Xiao Yao & Chen Hao. An Empirical Test of the Impact of Market Integration on Coordinated Regional Economic Development [J]. *Statistics & Decision*, 2021, 37(20): 113-116.
- [14] Zhong Wen & Zheng Mingui. Impact of Digital Economy on Regional Coordinated Development [J]. *Journal of Shenzhen University (Humanities & Social Sciences)*, 2021, 38(04): 79-87.
- [15] Hou Jie & Zhang Meiqing. Study on the Influence of Functional Division of Urban Agglomerations on Regional Coordinated Development Taking Beijing-Tianjin-Hebei Urban Agglomeration as an Example [J]. *Economist*, 2020(06): 77-86.
- [16] Luo Fuzheng & Luo Nensheng. Government Competition, Market Agglomeration and the Coordinated Development of Regional Economy [J]. *China Soft Science*, 2019(09): 93-107.
- [17] Zhang Xun, Wan Guanghua, Zhang Jiajia & He Zongyue. Digital Finance, Financial Inclusion and Inclusive Growth [J]. *Economic Research Journal*, 2019, 54(08): 71-86.
- [18] Chen Mingming & Zhang Wencheng. Research on the Pathways of Digital Economy on Economic Growth [J]. *Social Science*, 2021(01): 44-53.
- [19] Xia Jiechang & Liu Cheng. Empowerment of Common Prosperity Through Digital Economy: Pathways and Policy Design [J]. *Research on Economic and Management*, 2021, 42(09): 3-13.
- [20] Sun Zao & Hou Yulin. How Does Industrial Intelligence Reshape the Employment Structure of Chinese Labor Force [J]. *China Industrial Economies*, 2019(05): 61-79.
- [21] Deng Huihui, Xue Yi & Yang Luxin. Public Service Competition, Factor Flow and New Regional Economic Pattern [J]. *Journal of Finance and Economics*, 2021, 47(08): 34-48.

Information about the author

Yongjing Shi – Ph.D Student, Faculty of Economics, Southern Federal University.

Информация об авторе

Юнцзин Ши – аспирант, экономический факультет, Южный федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Научная статья

УДК 334

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-289-294

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИЙ В БИЗНЕС-МОДЕЛЯХ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Байрта Сергеевна Бадмаева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, badmaeva.bayrta.1997@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос развития инновационных бизнес-моделей в условиях развивающихся процессов цифровизации экономики. Автор подчеркивает, что на сегодняшний день значение инноваций в бизнес-моделях превосходит интерес исследователей и практиков к продуктовым и процессным нововведениям. В свою очередь, для более комплексного раскрытия изучаемого вопроса в статье раскрывается понятие «бизнес-модель», приводятся различные направления его концептуализации. В рамках изучения инноваций в бизнес-модели автор приводит различные подходы к их трактовке и обращает внимание на них в контексте межорганизационных взаимодействий. В связи с этим, автор отмечает актуальную тенденцию, связанную с трансформацией современных бизнес-моделей в сторону бизнес-экосистем. Вместе с тем, отмечается, что несмотря на положительные стороны внедрения инноваций в бизнес-модели, данный процесс сопряжен с проблемой организационной инертности компаний.

Ключевые слова: цифровизация, бизнес-модель, инновация, инновация в бизнес-модели, бизнес-экосистемы, организационная инертность

Для цитирования: Бадмаева Б. С. Развитие инноваций в бизнес-моделях в цифровой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 289–294. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-289-294>

Young scientists

Original article

DEVELOPMENT OF BUSINESS MODEL INNOVATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Bayrta S. Badmaeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, badmaeva.bayrta.1997@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the development of business model innovations in the context of digitalization of the economy. The author emphasizes that nowadays the importance of business model innovations exceeds the interest of researchers and practitioners in product and process innovations. For a more comprehensive research on the issue, the article reveals the concept of a «business model», provides various directions for its conceptualization. As part of the business model innovation research, the author highlights various approaches to interpretation of business model innovation and draws attention to it in the context of inter-organizational interactions. In this regard, the author notes the current trend associated with the transformation of modern business models towards business ecosystems. At the same time, it has been noted that despite the positive aspects of introducing innovations in the business model, this process is associated with the problem of firms' organizational inertia.

Keywords: digitalization, business model, innovation, business model innovation, business ecosystems, organizational inertia

For citation: Badmaeva. B. S. Development of business model innovations in the digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):289–294. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-289-294>

Согласно оценке Бостонской консалтинговой группы, за последние несколько десятилетий средняя «продолжительность жизни» бизнес-модели сократилась с пятнадцати до пяти лет¹. Отчасти данный тренд является следствием усиливающейся цифровой конвергенции, отражающейся в значительной трансформации инновационного процесса [1]. В частности, интеграция цифровых технологий в нецифровые продукты и процессы привела к переосмыслению компаниями собственных бизнес-моделей посредством развития соответствующих радикальных инноваций. Так, появление коммерческого интернета привело ко множеству новых способов обмена информацией и проведения транзакций, что способствовало повышению эффективности функционирования бизнес-модели. Развитие цифровых технологий, таких как Big Data, обусловило более углубленное понимание потребностей рынка со стороны бизнеса, впоследствии отразившись во внедрении нововведений на уровне стратегического направления развития компаний. Повсеместная цифровизация также стимулировала выход на рынок различных фирм, бизнес-модели которых основаны на использовании электронных платформ для обеспечения взаимодействия с клиентами.

Неудивительно, что недавние опросы топ-менеджеров глобальных корпораций показывают, что важность инноваций бизнес-моделей стремительно возрастает, причем, по их прогнозам, она превзойдет значимость продуктовых и процессных нововведений [2]. Данные условия приводят к тому, что на практике компании разного размера и возраста, в различных отраслях и географических регионах адаптируют свою бизнес-логику к меняющимся внешним условиям цифровой среды, стремясь стать гибкими поставщиками услуг и продуктов [3]. В результате инновация в бизнес-модели стала одной из важнейших инструментов обеспечения высокой траектории роста организации и устранения негативных эффектов трансформации отрасли, обусловленной появлением новых игроков или прорывных технологий. В связи с этим многие компании исследуют потенциал новых бизнес-моделей, обеспечивающих укрепление конкурентных позиций на рынке.

Тем не менее, для наиболее полного понимания термина «инновация бизнес-модели» (business model innovation) необходимо обратиться к не менее дискуссионному понятию «бизнес-модель».

В научных исследованиях бизнес-модель часто концептуализируется как структура, охватывающая ряд взаимосвязанных компонентов [4], как система конкретных видов деятельности [5] или как представление о том, каким образом функционирует бизнес [6].

Вместе с тем, наблюдается движение к научному консенсусу, который согласуется с концептуализацией бизнес-модели как организационной и финансовой архитектуры бизнеса, то есть конфигурации его ценностных предложений, процессов создания ценности и механизмов присвоения ценности [7, 8]. С данной трактовкой отчасти согласуется описание бизнес-модели как системы, состоящей из четырех областей (модель STOF), направленных на предложение ценности для клиентов (рис. 1) [9].

В связи с этим, стремясь к инновациям в бизнес-модели, по мнению сторонников ценностного подхода, организациям необходимо вносить корректировки на уровне ценностного предложения. В частности, Навальная Е.Г. под инновацией бизнес-модели фирмы подразумевает изменение в принципе создания ценности [10]. Согласно, Casadesus-Masanell и Zhu, данный тип инноваций, в первую очередь, фокусируется на поиске новых способов получения доходов и формировании ценностных предложений для клиентов, поставщиков и партнеров [11].

Тем не менее, в отношении трактовки инновации в бизнес-модели также не выработано единого подхода, причем анализ отечественной литературы, посвященной данной тематике, показал, что российские исследователи используют словосочетания «инновация бизнес-модели», «инновация в бизнес-модели» и «инновационная бизнес-модель» в качестве синонимов.

¹ Инновационная бизнес-модель обеспечивает конкурентное преимущество // Официальный сайт Boston Consulting Group. - <https://www.bcg.com/ru-ru/capabilities/innovation-strategy-delivery/business-model-innovation> (дата обращения 19.02.2022).

Рис. 1. Модель STOF для описания бизнес-модели

Fig. 1. STOF model to describe the business model

Так, согласно Foss и Saebi, она описывает новые, нетривиальные изменения ключевых элементов бизнес-модели компании и/или архитектуры, связывающей их [12]. Причем Saebi и др. проводят различие между инновациями в бизнес-моделях и их адаптацией. Инновационные бизнес-модели могут быть вызваны как внутренними, так и внешними факторами, более того, они имеют место только в том случае, когда бизнес-модель компании содержит инновационные элементы, способные повлиять на текущие рыночные условия. В свою очередь, адаптация бизнес-модели происходит, когда организации стремятся реагировать на изменения внешней среды. В этом случае новая бизнес-модель компании может быть неинновационной, являясь только следствием реакции на произошедшие в отрасли изменения [13].

Также в рамках изучения сущности данного типа инноваций примечательна точка зрения сторонников динамического подхода, в соответствии с которой инновация в бизнес-модели определяется в качестве процесса, способствующего созданию и поддержанию конкурентных преимуществ компании [14].

Между тем, активно развивается область исследований, затрагивающих инновации в бизнес-моделях в контексте межорганизационных взаимодействий. В частности, вместо использования исключительно внутренних ресурсов для изменения бизнес-модели, компания может реконфигурировать ее, следуя стратегии совместных инноваций. В связи с этим, Spieth и др. отмечают перспективность сотрудничества компаний на основе общей бизнес-модели, исходя из которой они выделяют инновационную бизнес-модель в стратегических альянсах [15], что подчеркивает значимость сетевых форм взаимодействия в качестве потенциального ресурса организации. Следовательно, с этой точки зрения основная цель центральной фирмы, то есть субъекта, встроенного в сеть, смещается от классических представлений об эффективном распределении и структурировании внутренних ресурсов к связыванию и соотносению деятельности и ресурсов фирмы с деятельностью и ресурсами других участников сети [16].

Так, одним из наиболее актуальных трендов в мировой экономике выступает трансформация современных бизнес-моделей в сторону бизнес-экосистем [17], представляющих собой структуру взаимозависимых сторон, состоящую из центральной компании и ее окружения, а также связей между ними, создающих синергический эффект [18]. Исходя из результатов проведенного выше исследования, следует отметить, что в контексте бизнес-экосистем данная

инновационная модель бизнеса рассматривается в качестве источника конкурентных преимуществ организации и предписывает, чтобы центральные компании получали доступ и объединяли ресурсы различных заинтересованных сторон в бизнес-экосистеме в целях совместного создания и присвоения ценности.

В России одними из самых активных участников экосистемной гонки выступают кредитные организации, в частности, банковские экосистемы развивают Сбер, Тинькофф и ВТБ. Данные финансовые учреждения, привлекая в собственные экосистемы разнообразные небанковские сервисы, пытаются повысить лояльность своих клиентов на фоне усиливающегося давления со стороны нетрадиционных игроков, таких как финтех-стартапы и бигтех-корпорации [19].

Несмотря на положительные стороны внедрения инноваций в бизнес-модели, данный процесс сопряжен с некоторыми трудностями. Учитывая, что внедрение новой системы обычно подразумевает полную или частичную замену существующей, при перестройке компании имеет место инерционное поведение, обусловленное сопротивлением предыдущей модели, организация которой связана фиксированными операционными процедурами. Даже для успешных компаний инертность приводит к тому, что они сталкиваются с проблемой адаптации к новым методам ведения бизнеса. Иными словами, учитывая организационную инертность и неопределенность результатов, фирмы с меньшей вероятностью изменят свою бизнес-модель, если у них не возникнут значительных стимулов для этого [3]. Более того, возможно возникновение трудности с перераспределением необходимых ресурсов из существующих бизнес-моделей и отсутствие приверженности к инновациям со стороны высшего руководства. Однако даже если оно открыто к изменениям, могут произойти сбои из-за неправильных представлений о том, какие проблемы необходимо решить и какие существенные изменения необходимо претворить в жизнь [20].

Тем не менее, несмотря на данные трудности, инновации в бизнес-моделях представляют интерес для делового и научного сообщества по нескольким причинам. Во-первых, они представляют собой недоиспользуемый источник ценности. Во-вторых, для конкурентов данный тип инноваций сложнее скопировать по сравнению с отдельными инновационными продуктами или услугами. В связи с тем, что зачастую относительно легче свести на нет отдачу от продуктовых и процессных инноваций, инновации на уровне бизнес-модели могут привести к устойчивому преимуществу в эффективности работы компании [6].

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что хотя управление бизнес-моделью сопровождается рисками и неопределенностями, а организационная инерция компаний приводит к проблеме тяжелого принятия существующей бизнес-моделью любых изменений, использование инноваций в бизнес-моделях приводит к повышению эффективности организации и способствует достижению оптимальных преимуществ снижения затрат и стратегической гибкости [21]. Инновационные бизнес-модели также могут помочь организациям в создании и поддержании сильных конкурентных позиций на рынке, а также способствовать более эффективному удовлетворению потребностей клиентов, повышению качества продукции и ее свойств, особенно в условиях высокой неопределенности.

Список источников

1. Yu, W., Jacobs, M.A., Chavez, R., Feng, M. (2019). Data-driven supply chain orientation and financial performance: the moderating effect of innovation-focused complementary assets. *Br. J. Manag.* 30 (2), 299 – 314.
2. McGrath, R.G. (2010). Business models: a discovery-driven approach. *Long. Range Plan.* 43, 247 – 261.
3. Moradi, E., Jafari, S.M., Doorbash, Z., & Mirzaei, A. (2021). Impact of organizational inertia on business model innovation, open innovation and corporate performance. *Asia-Pacific Management Review.*
4. Olofsson, S., Hoveskog, M., & Halila, F. (2018). Journey and impact of business model innovation: The case of a social enterprise in the Scandinavian electricity retail market. *Journal of Cleaner Production*, 175, 70-81.
5. Massa, L., Tucci, C., Afuah, A. (2017). A critical assessment of business model research. *Acad. Manag. Ann.* 11 (1), 73 – 104.

6. Amit, R., & Zott, C. (2012). Creating value through business model innovation. *MIT Sloan Management Review*, 53(3), 41–49.
7. Foss, N.J., Saebi, T. (2018). Business models and business model innovation: between wicked and paradigmatic problems. *Long. Range Plan.* 51 (1), 9 – 21.
8. Денисов И.В. Влияние трансформации социально-экономических систем на изменение основ теории менеджмента: перспективные бизнес-модели // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Том 12. № 2. – DOI: 10.18334/epp.12.2.114243.
9. Bouwman, H., De Vos, H., Haaker, T. (2008). *Mobile Service Innovation and Business Models*. Springer.
10. Навальная Е. Г. Инновации бизнес-моделей// Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5(83). С. 144–146.
11. Casadesus-Masanell, R., & Zhu, F. (2013). Business model innovation and competitive imitation: The case of sponsor-based business models. *Strategic Management Journal*, 34: 464–482.
12. Foss, N.J., & Saebi, T. (2017). Fifteen Years of Research on Business Model Innovation. *Journal of Management*, 43, 200–227.
13. Saebi, T., Lien, L., & Foss, N.J. (2017). What drives Business Model Adaptation? The Impact of Opportunities, Threats and Strategic Orientation. *Long Range Planning*, 50(5), pp. 567–581.
14. Ожиганов Э.Н., Чурсин Р.А. Интеллектуальный капитал и инновации бизнес-модели компании: теоретические основания и перспектива системно-динамического подхода// Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1. № 11. С. 10–14. – DOI:10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.002.
15. Spieth, P., Laudien, S.M., & Meissner, S. (2020). Business model innovation in strategic alliances: a multi-layer perspective. *R & D Management*, 51, 24–39.
16. Engwall, M., Kaulio, M.A., Karakaya, E., Miterev, M., & Berlin, D. (2021). Experimental networks for business model innovation: A way for incumbents to navigate sustainability transitions? *Technovation*, 108, 102330.
17. Каленов, О. Е. Трансформация бизнес-модели: от классической организации к экосистеме / О. Е. Каленов // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 3(111). С. 124–131. – DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-124-131.
18. Филимонов О. И., Касьяненко Т. Г., Кухта М. В. Экосистема как новая организационно-экономическая форма ведения виртуального бизнеса // Актуальные исследования. 2021. №48 (75). Ч.II. С. 31–41. URL: <https://apni.ru/article/3298-ekosistema-kak-novaya-organizatsionno-ekonom> (дата обращения: 18.02.2022)
19. Свиридов, О. Ю. Банковские экосистемы как стратегия развития российских банков в условиях цифровизации экономики / О. Ю. Свиридов, И. В. Некрасова, Б. С. Бадмаева. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Содействие – XXI век», 2020. 184 с.
20. Rozentale, L. & van Baalen, P. J. (2021). Crafting business models for conflicting goals: Lessons from creative service firms. *Long-Range Plan.* vol. 54, 102092. DOI: 10.1016/j.lrp.2021.102092
21. Hamelink, M., & Opendakker, R. (2019). How business model innovation affects firm performance in the energy storage market. *Renewable Energy*, 131, 120–127.

References

1. Yu W., Jacobs M.A., Chavez R., Feng M. *Data-driven supply chain orientation and financial performance: the moderating effect of innovation-focused complementary assets*. *Br. J. Manag.* 2019; 30 (2): 299 – 314.
2. McGrath R.G. *Business models: a discovery-driven approach*. *Long. Range Plan.* 2010; 43: 247 – 261.
3. Moradi E., Jafari S.M., Doorbash Z., & Mirzaei, A. Impact of organizational inertia on business model innovation, open innovation and corporate performance. *Asia-Pacific Management Review*. 2021
4. Olofsson S., Hoveskog M., & Halila F. Journey and impact of business model innovation: The case of a social enterprise in the Scandinavian electricity retail market. *Journal of Cleaner Production*. 2018; 175: 70–81.
5. Massa L., Tucci C., Afuah A. A critical assessment of business model research. *Acad. Manag. Ann.* 2017; 11 (1): 73 – 104.
6. Amit R., & Zott, C. Creating value through business model innovation. *MIT Sloan Management Review*. 2012; 53(3): 41–49.
7. Foss N. J., Saebi T. Business models and business model innovation: between wicked and paradigmatic problems. *Long. Range Plan.* 2018; 51 (1): 9 – 21.

8. Denisov I. V. The impact of the transformation of socio-economic systems on changing the foundations of management theory: promising business models. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(2). DOI: 10.18334/epp.12.2.114243. (In Russ.)
9. Bouwman H., De Vos H., Haaker T. (2008). *Mobile Service Innovation and Business Models*. Springer.
10. Navalnaya E. G. Business model innovations. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov = Proceedings of St. Petersburg University of Economics and Finance*. 2013;5(83):144–146. (In Russ.)
11. Casadesus-Masanell R., & Zhu F. Business model innovation and competitive imitation: The case of sponsor-based business models. *Strategic Management Journal*. 2013; 34:464–482.
12. Foss N.J., & Saebi T. Fifteen Years of Research on Business Model Innovation. *Journal of Management*. 2017;(43):200–227.
13. Saebi T., Lien L., & Foss N. J. What drives Business Model Adaptation? The Impact of Opportunities, Threats and Strategic Orientation. *Long Range Planning*. 2017; 50(5):567–581.
14. Ozhiganov E. N., Chursin R. A. Intellectual capital and innovations of the company's business model: theoretical foundations and prospects of a system-dynamic approach. *Ekonomika i upravlenie: problema, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2021;1(11):10–14. – DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.11.01.002. (In Russ.)
15. Spieth P., Laudien S. M. & Meissne S. Business model innovation in strategic alliances: a multi-layer perspective. *R & D Management*. 2020;(51):24–39.
16. Engwall M., Kaulio M. A., Karakaya E., Miterev M. & Berlin D. Experimental networks for business model innovation: A way for incumbents to navigate sustainability transitions? *Technovation*. 2021;(108): 102330.
17. Kalenov O. E. Transformation of a business model: from a classical organization to an ecosystem. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of Plekhanov Russian Economic University*. 2020;17(3(111)):124–131. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-124-131. (In Russ.)
18. Filimonov O. I., Kasyanenko T. G., Kukhta M. V. Ecosystem as a new organizational and economic form of virtual business. *Aktual'nye issledovaniya = Current research*. 2021;(48(75)2):31–41. (In Russ.)
19. Sviridov O. Y., Nekrasova I. V., Badmaeva B. S. *Banking ecosystems as a strategy for the development of Russian banks in the conditions of digitalization of the economy*. Rostov-on-Don: Publishing House «Assistance-XXI century»; 2020. 184 p. (In Russ.)
20. Rozentale L. & van Baalen P. J. Crafting business models for conflicting goals: Lessons from creative service firms. *Long-Range Plan*. 2021;(54):102092. DOI: 10.1016/j.lrp.2021.102092
21. Hamelink M., & Opdenakker R. How business model innovation affects firm performance in the energy storage market. *Renewable Energy*. 2019;(131), 120–127.

Информация об авторе

Б. С. Бадмаева – аспирант кафедры «Финансы и кредит» ЮФУ.

Information about the author

B. S. Badmaeva – Postgraduate student of the Department of Finance and Credit of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.

The article was submitted 22.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 18.04.2022.

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-295-303

**«ДАТУНИЗМ» КАК ИСТОК «СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»
(К АКТУАЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАН ЮВЭЯ)**

Мэн Юйфэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Аннотация. В статье анализируется социальная теория известного китайского мыслителя Кан Ювэя под углом зрения идейных истоков доктрины «социализма с китайской спецификой». Автор показывает, что в контексте полемики китайских и зарубежных ученых о начале китайской социалистической традиции остается спорным как утопический статус идей Кан Ювэя, так и принадлежность их к теории социализма. По мнению автора, началом политической теории китайского социализма следует считать «датунизм» как комплекс идей, в котором древний конфуцианский концепт «Великого единения» (датун) модернизируется в духе прочих школ философско-политической мысли Китая и одновременно современных европейских идей. Автор утверждает, что нарисованный Кан Ювэем образ эпохи «датун» обнаруживает сходства с более поздними европейскими и китайскими (в том числе, марксистскими) концептами социализма (коммунизма). Одновременно датунизм Кана существенно от них отличается, выступая в качестве идеологической матрицы более широкого круга политических воззрений.

Ключевые слова: Кан Ювэй, конфуцианство, датун, датунизм, сяокан, утопический социализм, социализм с китайской спецификой, эволюционизм, прогрессизм, буддизм, жэнь

Для цитирования: Мэн Юйфэн. «Датунизм» как исток «социализма с китайской спецификой» (к актуальным аспектам политической теории Кан Ювэя) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 295–303. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-295-303>

Young scientists

Original article

**«DATONGISM» AS THE SOURCE OF «SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS»
(SOME TOPICAL ASPECTS OF KANG YOUWEI'S POLITICAL THEORY)**

Meng Yufeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Abstract. The article analyzes the social theory of the famous Chinese thinker Kang Youwei from the point of view of the ideological origins of the doctrine of "socialism with Chinese characteristics". The author shows that in the context of the discussion between Chinese and foreign scientists about the beginning of the Chinese socialist tradition, both the utopian status of Kang Youwei's ideas and their belonging to the theory of socialism remain controversial. According to the author, the beginning of the political theory of Chinese socialism should be considered "Datongism" as a set of ideas in which the ancient Confucian concept of "Great Unity" (Datong) is modernized in the spirit of other schools of Chinese philosophical and political thought and, at the same time, contemporary European ideas. The author argues that the image of the Datong era drawn by Kang Youwei reveals similarities with later European and Chinese (including Marxist) concepts of socialism (communism). At the same time, Kang's Datongism differs significantly from them, acting as an ideological matrix for a wider range of political views.

Keywords: Kang Youwei, Confucianism, Datong, Datongism, Xiaokang, Utopian socialism, socialism with Chinese characteristics, evolutionism, progressivism, Buddhism, Ren

For citation: Meng Yufeng. «Datongism» as the source of «socialism with Chinese characteristics» (some topical aspects of Kang Youwei's political theory). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):295–303. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-295-303>

Введение

Выражение «социализм с китайской спецификой» уже прочно вошло в мировой политический дискурс. Но когда начинается история стоящей за этим выражением концепции – вопрос нетривиальный. Прежде всего, надо учитывать, что в Китае, как и во многих других странах, марксизм и социализм суть разные, хотя и родственные истории. В мировой традиции социалистических и коммунистических идей традиционно различали их «утопические» и «научные» версии. Однако после исчезновения «стран реального социализма» в Европе само это различие уже не кажется столь очевидным, как прежде. Для стороннего наблюдателя, не включенного в идеологический контекст КНР, отнюдь не легко ответить на вопрос: где в современной политической философии «социализма с китайской спецификой» проходит разделительная линия между наукой и мечтой? Ведь, с одной стороны, в официальном дискурсе Китая признается принципиальность различия между утопическим и научным социализмом. В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК подчеркивается, что «в XXI веке научный социализм приобрел в Китае могучую жизнеспособность и жизненную энергию»¹. С другой стороны, в этом же докладе современное китайское общество называется конфуцианским понятием «сяокан», вписывается в «более чем пятитысячелетнюю историю китайской нации», а «возрождение» этой нации объявляется «величайшей мечтой» всех китайцев.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы с использованием сравнительного анализа философско-политических концептов, взятых в их историческом контексте, представить понятие датунизма как идеологической матрицы, в лоне которой возникает теория социализма с китайской спецификой.

«Китайский социализм»: проблема «начала» в обзоре научной литературы

Стандартный ответ на вопрос об идейном начале «социализма с китайской спецификой» может звучать так: с распространением в Китае на рубеже XIX–XX веков западных социалистических идей, в особенности марксистского концепта социализма. Современные китайские исследователи [1, р. 3] отмечают в этой связи, прежде всего, просветительскую роль «Истории социализма» британского историка Томаса Киркапа [2], китайский перевод которой был опубликован в 1898 году. Однако ряд других авторов связывают собственное начало китайского социализма с фактором Октябрьской революции в России и влиянием советской (большевистской) версии марксизма. В этом контексте подчеркивается роль «Движения четвертого мая» (1919 г.) в качестве водораздела между «новой» (近代史) и «новейшей» (现代史) историей Китая [3, р. 1].

Хотя среди китайских ученых есть разные мнения относительно точного начала марксистской традиции в Китае, одно несомненно: еще до того, как влиятельный в 1920-х годах журнал «Новая молодежь» (新青年) стал распространять в Поднебесной марксистские идеи, китайцам уже была известна теория с таким названием.

Соглашаясь со значительной ролью западной (миссионерской) литературы в Китае рубежа столетий, а также идей Октябрьской революции, мы все же считаем, что подлинным истоком политической философии «социализма с китайской спецификой» является система взглядов, которую можно назвать «датунизм». Этот термин, произведенный от конфуцианского концепта «Великого единения» (大同 – Датун), мы связываем по содержанию с идеями, изложенными в «Книге о Великом единении» (大同書 – Датун шу) Кан Ювэя, китайского философа и

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. XIX Всекитайский съезд КПК. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата посещения 03.05.2022).

реформатора эпохи Цин¹. Нельзя сказать, что такое суждение является совсем оригинальным в научной литературе по данной теме. Так, англо-американский историк Мартин Бернал начинает историю китайского социализма с обсуждения как раз «Великого единения» Кан Ювэя, раскрывая широкий культурный контекст принятия китайцами западной социалистической мысли [6, p. 205].

Датунизм – это не просто система философских взглядов, а определенная идеологическая установка. И подобно всякой идеологии, датунизм вырастает из большой социальной проблемы, на решение которой он направлен. Интерес китайских интеллектуалов – еще до Октябрьской революции и плотного знакомства с марксистской литературой – к идеям социализма и коммунизма объясняется специфической общественной ситуацией в Китае второй половины XIX века. Как справедливо замечает российский историк-китаист Д. Е. Мартынов, в условиях унижения тогдашнего Китая иностранными державами требовалось обратить внимание на универсальные законы общества, а не на возвеличивание национальной исключительности, потому что «только с этой точки зрения можно было критиковать неприемлемые архаические китайские теории и приспособлять к китайским реалиям те западные ценности, которые укладывались в универсалистскую схему» [7, с. 25]. Датунизм, реализуя этот идеологический запрос, усматривает различия между Западом и Китаем лишь в «степени восхождения по ‘ступеням’ исторического развития единой мировой цивилизации», что включает также «задачу возвышения китайской культуры до уровня ‘колыбели’ будущей глобальной цивилизации» [8, с. 51]. Это предполагало, с одной стороны, слом некоторых элементов китайской интеллектуальной традиции, а с другой – сохранение и даже укрепление ее базовых элементов в контексте критики Запада.

И хотя социалистическая мысль кажется чем-то экзотическим в Китае до появления там коммунистической партии, все же распространение соответствующих идей опиралось здесь на глубокую почву национальной культуры, о чем свидетельствует интерпретация социализма не только у Кан Ювэя, но также у его ученика Лян Цичао и Сунь Ятсена [9]. Можно сказать, что от идеала «Великого единения» Кан Ювэя до концепта «социализма» Лян Цичао и теории «трех народных принципов» Сунь Ятсена сформировалась зародышевая форма китайской социалистической мысли. К этому «зародышу» (собственно *концепту*) социализма с китайской спецификой мы и относим датунизм. Он представляет собой идеологическую матрицу модернизационных усилий Китая в XX столетии, включая и современный «китайский социализм» КПК.

«Датун шу» Кан Ювэя как утопический социализм с «китайской спецификой»

Изданная в 1980 году китайскими авторами «История китайской философии» также квалифицирует развитую Кан Ювэем концепцию Великого Единения как «мечту о первобытном коммунистическом обществе», относящуюся к утопическому социализму, хотя и имеющую определенное прогрессивное значение [10, с. 466]. Однако «датунизм» Кан Ювэя отнюдь не всеми историками сближается с коммунизмом. Цян Дин-ань, автор предисловия к первому изданию «Датун шу» (1935 г.), вообще рассматривал эту книгу как нечто по духу коммунизму противоположное, включая, правда, в коммунистическое направление мысли не только марксистов, но любых социалистов и даже анархистов. Для Цян Дин-аня учение о Великом единении «сильно отличается» от идей нынешних коммунистов, поскольку учитель Кан – гуманный человек, а те «занимаются терроризмом» [11, с. 141]. Скорее скептически оценивает отнесение теории «Датун шу» к утопическому социализму и автор английского перевода этого сочинения Лоренс Томпсон. Представления Кана о коммунизме, – пишет он, – весьма расплывчатые, а мимолетное упоминание термина «коммунизм» в его сочинении – не более чем эпизод в ходе обсуждения проблемы социального неравенства как одного из препятствий на пути к Всеобщему единению. Американский синолог при этом уверен, что Кан ничего не знал о реальных теориях

¹ Прецеденты использования термина «датунизм» уже имеются в литературе, посвященной Кан Ювэю. Так, в английском переводе «Трех народных принципов» Сунь Ятсена, изданном в КНР, принцип народного благосостояния характеризуется как «socialism, also called communism, or Datongism» [4, p. 299]. В русском переводе это место передается как «социализм или, иначе, коммунизм, то есть принцип Великого единения (Датун)». А в официальном переводе на английский язык, сделанном «Комиссией по истории партии» Гоминьдана («Китайской Национальной партии») на Тайване, эта часть текста вообще опущена – видимо, по идеологическим соображениям [5, p. 209].

марксизма и счел бы марксистскую схему совершенно неадекватной, поскольку она принимает во внимание только одну из главных причин человеческих страданий [12, p. 52].

Нет единства в оценке предложенной Кан Ювэем концепции датун и среди современных китайских авторов. Одни ученые считают, что «Датун шу» носит, в целом, буржуазно-консервативный характер, а потому не может быть поставлена в один ряд с европейской традицией даже утопического социализма. Столь негативная оценка в известной мере продолжает линию Мао Цзэдуна, который в начале 1970-х годов инициировал кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция», а в отношении самого Кан Ювэя иронично заметил, что тот написал о *датун* целую книгу, только вот не нашел и не мог найти путь к *датун*. Другие китайские ученые, напротив, полагают, что «Датун шу» имеет прогрессивное значение, но существуют разногласия относительно того, относится ли эта прогрессивность к буржуазной антифеодальной демократии или к антибуржуазному утопическому социализму [13].

Для ученика Кан Ювэя Лян Ци-чао, видного ученого и политика ранней Китайской Республики, идеи его учителя – это «философия школы социализма», в которую, правда, Лян Ци-чао включает не только Сен-Симона, но также Канта, а начинает эту традицию с платоновского «коммунизма». Учитель, замечает он, «никогда не читал их книг, но его идеалы имеют с ними чрезвычайно много совпадений» [14, с. 180].

Для многих современных китайских, как ранее и советских авторов, эта позиция неприемлема из-за смутного понимания сути социалистического учения, прежде всего, отсутствия различия между «утопическим» и «научным» (т. е. марксистским по своему происхождению) социализмом. Известный советский и российский историк-китаист С. Л. Тихвинский отмечал в этой связи близость «Великого единения» Кан Ювэя к идеям социалистов-утопистов, в особенности, Ш. Фурье [15, с. 389]. Сяо Гунцюань, американский политолог-китаист, интерпретирует идеалы Кан Ювэя как «творческую вестернизацию», при которой индустриальный прогресс Китая не разрушал бы его специфическую культуру и социальную организацию, идеализированную в коммунистическом духе [16, p. 470 ff.]. Такой подход не позволяет сделать однозначный вывод о социалистическом статусе утопических идей Кан Ювэя. Многие авторы указывают на их эклектический характер, из чего следует, что развиваемый в «Датун шу» утопический идеал не в меньшей мере можно назвать либеральным. К такому выводу склоняется Д.Е. Мартынов, посвятивший творчеству китайского мудреца ряд интересных работ. По словам российского ученого, «триада основана, на которых стоит доктрина Великого единения, являются гедонизм, гуманизм и эгалитаризм. При этом идеал Великого единения показан Каном в динамике, а потому в социальном плане гедонизм приведет к демократии, гуманизм – к коммунизму, а эгалитаризм – к сциентизму» [7, с. 30].

Но проблемным в оценке социального идеала Кан Ювэя является не только общая идеологическая направленность данного утопизма, но также сам его тип, отличный от западного. Д. Е. Мартынов, сделавший этот аспект наследия Кан Ювэя объектом специального анализа, замечает: в течение всего XX века ни в терминологическом, ни в мировоззренческом плане не наблюдается «органичного синтеза западных представлений об утопическом обществе с моделью Великого единения, как в традиционном, так и модернизированном виде» [7, с. 12].

По словам Л. Томпсона, утопическая (в западном смысле этого термина) мысль почти полностью отсутствовала в китайской традиции, и в этом как раз, по мысли британского историка, состоит гениальная уникальность Кан Ювэя, открывшего здесь новую страницу интеллектуальной истории Китая [12, p. 55]. В любом случае, утопизм «Датун шу», даже будучи родственен европейскому, вырастает органически из китайской культурной традиции. По этой причине, при всей своей эклектичности, заданное «Датун шу» направление общественной мысли ни в коем случае не следует считать тупиковым. Наоборот, оно выражает общую идеологическую матрицу для целого спектра концепций, прежде всего либерально-социалистических, реализовавшихся позднее в обеих (материковой и островной) частях Китая. Гонконгский политолог Альберт Чен не очень далек от истины, когда утверждает, что идеология, которую в настоящее время реализуют китайские коммунисты, включая концепт «сяокан», может быть лучше понята в свете концепции «датун» китайской философии [17], чем только на основе идей марксизма-ленинизма-маоизма.

Переосмысление концепта «датун» в политической философии Кан Ювэя

Специфика утопизма «Датун шу» Кан Ювэя выражается уже в том, что он не выдумывает совершенно новый общественный идеал, а лишь по-новому истолковывает уже наличный в китайской традиции идеал общества «датун». Это понятие, которое с китайского переводят как «Великое единство (или единение)», «Великая общность (или содружество)», «Великая гармония» и т. п., восходит к конфуцианскому трактату «Ли цзи» (礼记 – «Книга установлений (или обрядов)», точнее, к разделу «Лиюнь» (礼运 – «Действенность (или действительность) ритуала»). В этой части трактата кратко характеризуются два состояния общества: «датун» (общество «Великого единения») и «сяокан» (小康) (общество «Меньшего (малого, среднего) процветания (умиротворения)»¹. Самым совершенным обществом здесь считается датун как доисторический «золотой век» Поднебесной, пришедший позднее в упадок, который продолжается и поныне. Подразумевается, что современное Конфуцию общество находится в таком разладе, что даже «Малое процветание» для него – лишь идеал, который, однако, может быть достигнут при следовании всех людей конфуцианской этике. Главное отличие между датун и сяокан в том, что если в первом случае «Поднебесная принадлежала всем», то во втором – «Поднебесная стала достоянием [одной] семьи» [18, с. 100]. Поэтому, если в эпоху датун «родными человеку были не только его родственники, а детьми – не только его дети», то в период сяокан «родные для каждого только его родственники, а дети только его дети». Соответственно, разными оказываются и способы упорядочивания (гармонизации) социальных отношений. В эпоху Великого единения «[для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии»; во времена Малого умиротворения «путеводными нитями стали ритуал и долг» [18, с. 101]. Одним словом, если в обществе сяокан люди заботятся только о себе и своих семьях, используя собственность только для своей выгоды, то в эпоху датун все заботятся о всеобщем благополучии, а свою собственность и труд подчиняют общественному благу. Поэтому в сяокан неизбежны конфликты и войны, а в датун наступает полная реализация конфуцианского принципа человечности-товарищества (жэнь). Таким образом, датун – это общество, в котором конфуцианские добродетели отнюдь не отменяются; но они уже не просто практикуются отдельными людьми и семьями в *отношении* отдельных людей и семей, но приобретают универсальный характер.

В чем выразилась модернизация этого старого концепта датун в «Датун шу» Кан Ювэя? Уже в своих работах периода 1890-х годов Кан Ювэй, который к тому времени начинает активно заниматься политикой, трактует конфуцианство как идеологию реформ. При этом китайский философ активно сочетает конфуцианство с идеями других китайских школ, а также с европейскими концептами.

В целом, возникающая в эти годы философия Кана строится на синтезе конфуцианства, буддизма, теорий эволюции и прогресса с элементами социализма (коммунизма) и либерализма [17]. Кан Ювэй придает современный смысл упомянутым конфуцианским понятиям из «Ли цзи»: он уподобляет сяокан капитализму с его изобилием материальной жизни, а общество «датун», где все равны и живут душа в душу, – социализму (коммунизму). Это сравнение усиливается тем, что Кан Ювэй соединяет упомянутые конфуцианские концепты с так называемым «учением Гунъяна о трех периодах». Считается, что данное учение восходит к «Чунью Гунъян чжуань» (Летописи Чунью в редакции Гунъяна), где упоминаются три периода, названия которых в более позднем толковании конфуцианца Хэ Сю (в период последней династии Хань, во II веке н.э.) звучат, соответственно, как «период слабости и смут» или «эпоха хаоса» (цзюй луань – 据乱); «период порядка» или «становящегося равновесия», «восходящего мира», «растущего мира и равенства» (*шэн пин* 昇平); «период великого спокойствия» или «полного мира и равенства», «всеобщего мира» (тай пин – 太平) [19, с. 84]. Речь идет о трех исторических стадиях, через которые проходит всё человечество. При этом упомянутые из «Ли цзи» эпохи «сяокан» и «датун» отождествляются Кан Ювэем соответственно со вторым и третьим из названных периодов из учения Гунъяна. Сам Кан считал, что он живет в первую эпоху «смут»,

¹ В русском переводе этой части Ли цзи датун и сяокан переводятся, соответственно, как «великое единение» и «малое умиротворение». См.: [18, с. 100-101].

но был убежден, что наступление всеобщего мира и спокойствия неизбежно. Причем им подразумевалась не циклическая смена порядка и беспорядка (обычное представление древних китайцев), а прогрессивное движение, в котором нельзя перескочить через ступень: «невозможно войти в датун, пока не пройден уровень сяокана; невозможно не достичь датуна, если уровень сяокана пройден» [20, p. 249].

Одновременно этот переход от «периода слабости и смут» к «периоду порядка», а затем к «периоду великого спокойствия» уже Хэ Сю мыслит как нарастающий процесс «глобализации», когда все больше и больше территорий попадают в сферу цивилизации, прочитанной конфуцианским кодом. Тем самым Кан придает конфуцианскому мифу вполне современный смысл эволюции как закономерного процесса. Его политическим измерением оказывается у китайского теоретика реформ переход от самодержавия через конституционную монархию (совместное управление правителя и народа) к народовластию [10, с. 461-462]. Заметим – и в этом состоит важный элемент датунизма – Кан Ювэй не просто импортирует и популяризирует западный эволюционизм, но перекодирует его в базовые понятия конфуцианской (и даже шире – традиционной китайской) философской мысли. Си Цзиньпин говорил на XIX съезде КПК о «пятитысячелетней истории китайской нации». Но гораздо раньше о «пяти тысячах лет» плодотворного взаимодействия Востока и Запада писал Кан Ювэй [21, p. 7].

Понятием, которое связывает воедино упомянутые три эпохи (и придает им смысл прогрессивного движения) выступает у Кан Ювэя упомянутая конфуцианская категория жэнь (仁 – гуманность, товарищество, благожелательность, любовь). Модернизация конфуцианства коснулась у Кан Ювэя прежде всего этой категории. По словам Лян Ци-чао, у его учителя данное понятие трактуется как основа Вселенной, порождающая всё живое. «[На принципе жэнь] основаны семья и государство, [из жэнь] возникли этикет и должная справедливость» [14, с. 178]. В эпоху «слабости и смут» принцип жэнь развит слабо, распространяется только на близких родственников, в эпоху же порядка (восходящего мира) он охватывает и других людей, но не всех; последнее возможно только в эпоху всеобщего мира (великого спокойствия), тогда люди любят вообще всех существ, не только людей.

Следует заметить, что конфуцианский концепт «жэнь» переосмысливается у Кан Ювэя не столько в христианской, сколько в буддистской традиции. В этом контексте он получает гедонистический смысл, который, однако, не следует смешивать с западным буржуазным гедонизмом. Отталкиваясь от общего буддистского тезиса о тотальности человеческого страдания, Кан Ювэй приходит к выводу, что все страдания людей рождаются девятью «границами» или «различиями» (цзе – 界) [21]. Речь идет о различиях между нациями, классами, расами, полами, профессиями, законами, а также внутрисемейными различиями, к примеру, между родителями и детьми и т. д. В «эру Великого спокойствия, [которое есть также] Великое единение» [11, с. 140], все эти границы, порождающие человеческое страдание, исчезнут – такова идея Кана. По его мнению, человеческая природа стремится к удовольствиям, и только когда будет реализовано общество Великого единения (датун), боль исчезнет, люди смогут достичь блаженства. Причем личное удовольствие должно быть установлено в стандартизированной и упорядоченной социальной среде, а верховная власть должна обеспечить гарантию максимального удовольствия.

В социально-политическом аспекте достижение блаженства означает, что в обществе «датун» исчезнут привычные для современного мира институты: семья, частная собственность, государство, социальные классы, национальные государства; вся планета будет управляться единым мировым правительством; между мужчинами и женщинами будет царить полное равенство, брак больше не будет юридическим актом, а сексуальная ориентация – объектом моральной и правовой оценки; функции семьи по воспроизводству членов общества будут переданы специальным учреждениям, отвечающим за образование и воспитание детей; бесплатной будет государственная забота о больных, одиноких и престарелых; будет разрешена эвтаназия, и люди прекратят убивать животных ради еды. Одним словом, датун — это идеальное общество, в котором «нет государства, нет императора, все живут душа в душу, все равны, и мир принадлежит народу» [21, p. 71].

В этом образе эпохи «полного мира и равенства» Кан Ювэй предвосхищает многое из того, что сегодня уже вписано в программы либеральных и либертарианских движений. Но тем

очевиднее радикализм, с которым он модернизирует конфуцианскую традицию с ее акцентом на семейные ценности. Ведь, согласно эволюционной схеме Кан Ювэя, эти ценности перестают быть актуальными на высшей ступени развития общества, в эпоху датун. То, что в классическом конфуцианстве располагалось в мифическом золотом веке седой древности, выносятся теперь в учении Кана вперед, как будущее состояние. Теперь вектор социального движения направлен не от датун к сяокан, как в «Ли цзи», а от сяокан к датун, и такое прогрессистское позиционирование общественного идеала близко по типу мышления европейским социалистам и коммунистам. И по своему содержанию описываемое Каном общество датун действительно обнаруживает сходство не только с современным либерализмом, но и социализмом. Так, мир в обществе датун принадлежит одинаково всем; частная собственность сменяется общественной, а преследование частных и семейных интересов – служением общему благу. Государство берет на себя заботу обо всех членах общества, царит дух жэнь – товарищества, возведенного в наивысшую степень.

Однако социальный идеал Кана существенно отличается от марксизма: классовые различия выступают в «Датун шу» только одной из девяти границ, которые надо преодолеть для достижения всеобщего блаженства. Еще дальше от марксизма оказывается конфуцианский принцип «жэнь», который у Кан Ювэя оказывается несовместимым с приматом материальных интересов, а также теорией классовой борьбы и пролетарской (в случае необходимости насильственной) революции для достижения коммунизма.

Заключение

Итак, в каком же смысле датунизм Кан Ювэя может считаться истоком социализма с китайской спецификой? Во-первых, китайский мыслитель рассматривает национальные проблемы Китая в универсалистской перспективе всего человечества. В этом заключается исходный элемент датунизма, который отражал идеологическую потребность полуколониального Китая: с одной стороны, сохранить свою культурно-цивилизационную специфику, а с другой – не скатиться в узкий национализм. Второй важный элемент датунизма – это переосмысление древних конфуцианских и буддийских концептов в духе европейского эволюционизма и прогрессизма, в результате чего традиционная китайская система ценностей подвергается модернизации в духе европейских либеральных и социалистических идей, а европейские принципы свободы, равенства и братства истолковываются в терминах древних китайских мудрецов. Наконец, в датунизме Кан Ювэя содержится ряд близких социализму идей, обрамленных конфуцианской и буддийской этикой, а не марксовым «классовым подходом»: прогрессивное движение к идеалу будущего, в котором реализуется принцип общего блага; организация всей экономической и культурной жизни людей на основе общественной (государственной) собственности; устранение классового, гендерного и прочего неравенства; создание системы полного социального обеспечения всех членов общества.

Список источников

1. 郭德宏：《中国马克思主义发展史》·北京：中共中央党校出版社·2001年版，共385页 [Guo Дэжун. *История развития марксизма в Китае*. Пекин: Изд-во Центральной партийной школы КПК, 2001. 385 с.]
2. Kirkup T. *A History of Socialism*. London and Edinburgh: Adam and Charles Black, 1892. 301 p.
3. 刘健清、李振亚主编：《中国近现代政治思想史》·天津：南开大学出版社·1993年版，共380页 [Лю Цзяньцин, Ли Чжэнья. *История политической идеи новой и новейшей истории Китая*. Тяньцзинь: Изд-во Нанькайского ун-та, 1993. 380 с.]
4. Sun Yat-sen. *Three Principles of the People*. Taipei: China Cultural Service, 1992. 577 p.
5. Baogang Guo. Utopias of Reconstruction: Chinese Utopianism from Hong Xiuquan to Mao Zedong. *Journal of Comparative Asian Development*. 2003. Vol. 2. No 2. P. 197-209. DOI:10.1080/15339114.2003.9678381
6. 伯纳尔. 1907年以前中国的社会主义思潮 福州：福建人民出版社，1985年. 共230页. [Бернал М. *Китайский социализм до 1907 года*. Фучжоу: Народное издательство Фуцзянь, 1985. 230 с.]

7. Мартынов Д. Е. Проект «Великого единения» Кан Ювэя и западные социальные утопии в общественно-политической мысли Китая. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 2013. 48 с.

8. Мартынов Д. Е. Этапы интеллектуальной биографии Кан Ю-вэя (1858-1927): к рецепции западной культуры на Дальнем Востоке. ХОРА. 2008. № 2. С. 48-54.

9. 高尚、王四达《近代中国社会主义思想的社会历史条件和演进路径》泉州：科学社会主义·2016年第2期P. 139-144页 [Гао Шан, Ван Сида. Социальные и исторические условия и путь развития социалистической мысли в современном Китае. Вестник научного социализма. 2016. № 2. С. 139-144].

10. История китайской философии: Пер. с кит. / Общ. ред. и послесл. М. Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. 552 с.

11. Цян Дин-ань. Предисловие [к первому изданию «Книги о великом единении» Кан Ю-вэя]. Вопросы философии. 2013. № 10. С. 135-144.

12. Thompson L. G. A General Discussion of the One-World Philosophy of K'ang Yu-wei. *Ta Tung Shu. The One-World Philosophy of K'Ang Yu-wei* / Transl. from the Chinese with introduction & notes by L.G. Thompson. London: George Allen & Unwin Ltd, 1958. P. 37-57.

13. 马洪林:《康有为大传》沈阳：辽宁人民出版社·1988年, P. 443-486页 [Ма Хунлинь. Биография Кан Ювэя. Шэньян: Народное издательство Ляонина, 1988. С. 443-486].

14. Лян Ци-чао. Из «Биографии учителя Кана Наньхайского» / пер. с кит. и примеч. Д. Е. Мартынова. Вопросы философии. 2015. № 1. С. 178-187.

15. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй. Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 10-415.

16. Hsiao K.-C. A Modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858—1927. Seattle: University of Washington Press, 1975. viii, 669 p.

17. Chen A. H. Y. The Concept of "Datong" in Chinese Philosophy as an Expression of the Idea of the Common Good. SSRN Electronic Journal. November 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/228278268_The_Concept_of_'Datong'_in_Chinese_Philosophy_a_s_an_Expression_of_the_Idea_of_the_Common_Good DOI: 10.2139/ssrn.1957955 (дата посещения 03.05.2022).

18. Ли цзи. / пер. И. С. Лисевича. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 99-140.

19. Мартынов Д. Е. Конфуцианский идеал Великого Единения: реинтерпретация и проблема перевода. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 1. С. 78-88.

20. 康有为.《康南海自编年谱》上海：中华书局·1992年, 共317页 [Кан Ювэй. Автобиография Кана Наньхайского. Шанхай: Книжная компания Чжунхуа, 1992. 317 с.].

21. 康有为.《大同书》郑州：中州古籍出版社, 1998年. 共301页 [Кан Ювэй. Книга Датун. Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжэнчжоу, 1998. 301 с.].

References

1. 郭德宏：《中国马克思主义发展史》·北京：中共中央党校出版社·2001年版, 共385页 [Guo Dehong. *The History of the Development of Marxism in China*. Beijing: Publishing House of the Central Party School of the CPC, 2001. 385 p.]. (In Chinese)

2. Kirkup T. A *History of Socialism*. London and Edinburgh: Adam and Charles Black, 1892. 301 p.

3. 刘健清、李振亚主编：《中国近现代政治思想史》·天津：南开大学出版社·1993年版, 共380页 [Liu Jianting, Li Zhen. *The history of the political idea of the new and modern history of China*. Tientsin: Publishing house of Nankai University, 1993. 380 p.]. (In Chinese)

4. Sun Yat-sen. *Three Principles of the People*. Taipei: China Cultural Service, 1992. 577 p.

5. Baogang Guo. Utopias of Reconstruction: Chinese Utopianism from Hong Xiuquan to Mao Zedong. *Journal of Comparative Asian Development*. 2003; 2 (2): 197-209. DOI:10.1080/15339114.2003.9678381

6. 伯纳尔. 1907年以前中国的社会主义思潮 福州：福建人民出版社, 1985年. 共230页. [Bernal M. *Chinese Socialism to 1907*. Fuzhou: Fujian People's Publishing House, 1985. 230 p.]. (In Chinese)

7. Martynov D. E. *Kang Youwei's "Great Unity" project and Western Social Utopias in China's Socio-political Thought*. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Kazan, 2013. 48 p. (In Russ.)
8. Martynov D. E. Stages of the intellectual biography of Kang Youwei (1858-1927): towards the reception of Western culture in the Far East. *HORA*. 2008 (2): 48-54. (In Russ.)
9. 高尚、王四达《近代中国社会主义思想的社会历史条件和演进路径》泉州：科学社会主义·2016年第2期 P. 139-144页 [Gao Shan, Wang Sida. Social and historical conditions and the way of development of socialist thought in modern China. *Gazette of Scientific Socialism*. 2016; (2): 139-144]. (In Chinese)
10. *The History of Chinese philosophy*: Transl. from Chinese / General ed. and afterword by M. L. Titarenko. M.: Progress, 1989. 552 p. (In Russ.)
11. Qian Ding-an. Preface [to the first edition of the Book of the Great Unity by Kang Youwei. *Russian Studies in Philosophy*. 2013 (10): 135-144. (In Russ.)
12. Thompson L.G. A General Discussion of the One-World Philosophy of K'ang Yu-wei. *Ta T'ung Shu. The One-World Philosophy of K'Ang Yu-wei* / Transl. from the Chinese with introduction & notes by L.G. Thompson. London: George Allen & Unwin Ltd, 1958, pp. 37-57.
13. 马洪林：《康有为大传》沈阳：辽宁人民出版社·1988年，P. 443-486页 [Ma Хунлинь. *Биография Кан Ювэя*. Шэньян: Народное издательство Ляонина, 1988. С. 443-486]. (In Chinese)
14. Liang Qichao. From the «Biography of the teacher Kang Nanhai» / Trans. from Chinese & note by D. E. Martynov. *Russian Studies in Philosophy*. 2015 (1): 178-187. (In Russ.)
15. Tikhvinsky S. L. The Movement for Reforms in China at the End of the XIX Century and Kang Youwei. *Tikhvinsky S.L. Selected Works: in 5 books*. Book 1: The History of China to the Twentieth Century. Moscow: Nauka, 2006, pp. 10-415. (In Russ.)
16. Hsiao K.-C. *A Modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858—1927*. Seattle: University of Washington Press, 1975. viii, 669 p.
17. Chen A. H. Y. The Concept of "Datong" in Chinese Philosophy as an Expression of the Idea of the Common Good. *SSRN Electronic Journal*. November 2011. Available from: https://www.researchgate.net/publication/228278268_The_Concept_of_'Datong'_in_Chinese_Philosophy_a_s_an_Expression_of_the_Idea_of_the_Common_Good DOI: 10.2139/ssrn.1957955 [Accessed 3 May 2022].
18. Li ji. / transl. by I. S. Lisevich. *Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes*. Moscow: Mysl, 1973. Vol. 2, pp. 99-140. (In Russ.)
19. Martynov D.E. Confucian Ideal of Great Unity: reinterpretation and the problem of translation. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities series*. 2011; (153) 1: 78-88. (In Russ.)
20. 康有为。《康南海自编年谱》上海：中华书局·1992年，共317页 [Kang Youwei. *The Chronicle of Kang Nanhai*. Shanghai: Zhonghua Book Company, 1992]. 317 c. (In Chinese)
21. 康有为。《大同书》郑州：中州古籍出版社，1998年。共301页 [Kang Youwei. *Book of Great Harmony*. Zhengzhou: Zhongzhou Ancient Books Publishing House, 1998. 301p.]. (In Chinese)

Информация об авторе

Мэн Юйфэн – аспирант, Южный федеральный университет.

Information about the author

Meng Yufeng – Graduate Student of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 08.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Научная статья
УДК 316.34:316.44
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-304-308

ОТНОШЕНИЕ К НАСЛЕДОВАНИЮ БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ

Илья Александрович Демешкин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
demeshkinilya@gmail.com

Аннотация. Статья основывается на результатах социологического исследования методом опроса и интервью. В рамках исследования рассматриваются практики наследования семейного бизнеса в отечественной среде, отмечаются положительные и негативные факторы, которые принимаются во внимание наследниками при принятии решения о получении в управление семейных активов. Мы приходим к выводу, что практика наследования бизнеса в Российской Федерации находится на стадии становления, что вызвано относительной новизной феномена предпринимательства, который начал широко распространяться в стране в 1990-ые гг. после распада СССР.

Ключевые слова: семья, бизнес, наследство, наследник, предприниматель

Для цитирования: Демешкин И. А. Отношение к наследованию бизнеса в предпринимательских семьях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 304–308. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-304-308>

Young scientists

Original article

ATTITUDE TO BUSINESS HERITAGE IN ENTREPRENEURIAL FAMILIES

Ilya A. Demeshkin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, demeshkinilya@gmail.com

Abstract. The article is based on the results of sociological research by the method of questioning and interviews. The study examines the inheritance practices of a family business in the domestic environment, highlights the positive and negative factors that are taken into account by the heirs when deciding whether to receive family assets for management. We come to the conclusion that the practice of business inheritance in the Russian Federation is in its infancy, which is caused by the relative novelty of the phenomenon of entrepreneurship, which began to spread widely in the country in the 1990s after the collapse of the USSR.

Keywords: family, business, inheritance, heir, entrepreneur

For citation: Demeshkin I. A. Attitude to business heritage in entrepreneurial families. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):304–308.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-304-308>

В наши дни проблематика наследования бизнеса в Российской Федерации приобретает особую актуальность [1]. По причине отсутствия наработанных практик возникают некоторые трудности, связанные с передачей бизнеса внутри семьи [2]. Возникновение проблемного поля связано с отсутствием предпринимательского сообщества на протяжении довольно длительного исторического периода, что было вызвано нюансами советской плановой экономики. Кроме того, есть определённые сложности с наследованием бизнеса в нормативно-правовой плоскости, действующее законодательство не всегда способно эффективно регулировать возникающие проблемы, а Гражданский Кодекс РФ нуждается в совершенствовании [3]. Негативное значение имеет и тот факт, что в России невозможно открыть наследственный фонд при жизни наследодателя, данный казус приводит к ухудшению позиций бизнеса после его передачи во владение неподготовленным наследникам [4].

К необходимости передачи имеющихся активов ещё до смерти бизнесмена подводят и бюрократические сложности, которые заметно осложняют функционирование бизнеса на первых порах. Весомые сложности испытывают предприниматели, занятые в транспортной сфере

или использующие в своей работе транспортные средства. Так, согласно действующего законодательства, со смертью правообладателя транспортного средства автоматически прекращается его регистрация, следовательно, использование такой техники становится невозможным в силу норм закона и может повлечь к определенным рестрикциям [5].

На данный момент в России существуют следующие механизмы наследования семейного бизнеса: душеприказчик, наследственный договор, наследственное возложение, наследственное распоряжение, наследственный фонд и завещание [6]. Ситуация сложнее в тех случаях, когда семейный бизнес ведётся в статусе индивидуального предпринимателя. Данная форма хозяйственных отношений не предполагает наследования статуса индивидуального предпринимателя, но может быть унаследовано имущество, права и обязательства старшего члена семьи [7]. Именно здесь особо актуализируется подготовка к вступлению в наследство членов семьи бизнесмена, ведь простой любого бизнеса может привести к его разрушению [8].

В отличие от России, в ряде западных стран сложились различные варианты передачи бизнеса и культура выхода из предпринимательства. В США, к примеру, на помощь приходят специальные посреднические фирмы. Предпринимателю предлагают передать свои активы компетентным специалистам, которые займутся дальнейшим развитием бизнеса. Как правило, предприниматели начинают заниматься общественной деятельностью или уходят на пенсионный отдых, получая доходы от внешних управляющих. Во Франции существует разработанная стратегия передачи семейного бизнеса путем подготовки молодого преемника на схожих предприятиях, начиная с рабочей позиции и заканчивая управленческой. Преемниками могут выступать как дети предпринимателей, так и наемные сотрудники.

Большие сложности в наследовании семейного бизнеса есть не только в России. К примеру, в довольно распространённой юрисдикцией для ведения бизнеса и регистрации компаний являются Британские Виргинские острова. Местное законодательство говорит о том, что правом на наследование имущества обладает только то лицо, которое специально уполномочено на то (установленными нормами) и получившее через суд документальное подтверждение о наличии права управления унаследованным имуществом [9].

Большое количество отечественных предпринимателей, начавших свою деятельность еще 1990-ых годах находятся сейчас в предпенсионном или пенсионном состоянии и готовы передать имеющиеся активы своим приемникам [10]. Встаёт закономерный вопрос: готовы и желают ли семьи (в частности дети предпринимателей) получить в свои руки управление активами или они выберут иные пути развития карьерной траектории? Целью данного исследования является выявление отношения младшего поколения к наследованию активов.

Для достижения поставленной цели были выполнены взаимосвязанные задачи:

- Определено отношение наследников бизнеса к факту возможного получения активов в управление.
- Определена доля наследников бизнеса, которые готовы получить управление активами.
- Определены причины согласия наследников бизнеса на продолжение предпринимательской деятельности старшего поколения.
- Определены причины отказа наследников бизнеса на продолжение предпринимательской деятельности старшего поколения.
- Выявлены карьерные траектории, которые привлекают наследников бизнеса и влияют на их решение по отношению к наследованию активами.
- Определены способы планирования процесса наследования.
- Определен уровень подготовки к наследованию бизнесом в предпринимательских семьях.
- Выявлен уровень необходимости контроля и корректировки предпринимательской деятельности наследников со стороны старшего поколения.

Реализация поставленных задач была произведена благодаря проведению социологического исследования среди жителей города Томска, которые являются наследниками семейного бизнеса. Исследование проводилось в период с 01.02.2022г. по 07.03.2022г. Опрос с элементами интервью имел следующую выборку: количество участников – 38 человек, из которых, мужчины – 18 респондентов, женщины 20 респондентов. Возраст участников: молодежь (18-35 лет) – 28 респондентов, средний возраст (35-40 лет) – 10 респондентов. Ниже представлены результаты исследования.

79% опрошенных готовы получить управление семейными активами, мотивируя это такими категориями, как: необходимость поддержания семейного дела, вовлеченность в семейный бизнес с раннего детства, наличие знаний в определенной отрасли и нежелание создания конфликтных ситуаций внутри семьи по причине отказа от наследования. 21% опрошенных, которые не готовы получить в наследство семейный бизнес, мотивируют это: отсутствием интереса, отсутствием необходимых знаний и компетенций, конфликтными отношениями внутри семьи и наличием приоритетных карьерных траекторий вне сферы бизнеса.

Среди 21% респондентов (8 человек), которые не готовы получить в наследство семейный бизнес, были изучены карьерные траектории, которые они считают для себя приоритетными: работа в государственном секторе – 2 человека, работа в частном секторе – 3 человека, работа в творческой профессии 2 человека и только 1 человек изъявил желание начать свой личный бизнес.

На основании ответов респондентов на вопрос «Каким образом внутри семьи планируется процесс Вашего наследования бизнесом?» мы получили следующие результаты: процесс никак не планируется – 45%, я лично готовлюсь к управлению бизнесом – 21%, семья подготавливает меня – 34%. Респонденты отметили, что помощь семьи выражается в предоставлении необходимых знаний, знакомстве с контрагентами, объяснении профессиональных тонкостей и нюансов, кроме того, респондентам систематически поручаются различные задачи по регулированию бизнес процессов. Полученные результаты говорят о том, что семьи, как правило, не занимаются специальной подготовкой наследников к управлению бизнесом.

На основании ответов респондентов на вопрос «Нуждаетесь ли Вы в контроле и корректировке деятельности со стороны старшего поколения после процесса наследования?» мы получили следующие результаты: скорее нет – 50%, нет – 13%, скорее да – 16%, да – 21%. Полученные результаты говорят о нежелании респондентов находиться под влиянием старшего поколения после наследования бизнеса, даже при отсутствии необходимых управленческих знаний.

В процессе исследования были проведены серии интервью с респондентами, в ходе которых мы пришли к выводам, что к положительным характеристикам наследования семейного бизнеса относятся:

- Адаптивность и гибкость – работая с семьей респонденты признают, что они более мобильны в своем графике и процессе исполнения обязанностей.

- Обучение и знания – навыки необходимые для ведения бизнеса легче получить в семейной среде, которая охотно делится имеющейся информацией и всячески способствует обучению наследников.

- Подготовленность – большинство респондентов систематически сталкивались с привлечением к ведению бизнеса внутри семьи. Можно отметить, что подготовленность бывает двух типов: частичная – привлечение к выполнению отдельных функций и общая – привлечение к выполнению практически полного цикла ведения бизнеса, начиная с этапов планирования, заканчивая реализацией товаров и услуг и постпродажной коррекцией.

- Стабильность – респонденты уверены, что при наличии взаимопонимания и хороших отношений в семье они могут эффективно и без боязни потери работы и активов продолжить трудиться внутри семейного бизнеса. Также, респонденты отмечают, что у них присутствуют определённые опасения в возможной работе с посторонними субъектами, которые могут применить по отношению к ним более жесткие рестрикции.

- Финансовое обеспечение – респонденты указывают на то, что при работе на семейном бизнесе они получают более высокое финансовое обеспечение, нежели получали бы при работе в сторонних организациях. Кроме того, большинство респондентов уверены в более высоком уровне своего финансового обеспечения и финансовой независимости при наследовании бизнеса. Данный факт вызван неопределенностью в условиях оплаты в сторонних организациях и четким пониманием наличия более высоких доходов у собственника бизнеса, нежели у его сотрудников.

- Взаимопомощь – респонденты отмечают, что будут получать необходимый уровень помощи со стороны семьи при ведении бизнеса, кроме того, они могут полагаться на наставничество и знания старших членов семьи. Часть респондентов отметила, что полагается на помощь семьи при наследовании бизнеса, если его постигнут неудачи или бизнес попадет под влияние глобальных финансовых потрясений. Примечательно, что респонденты указывают на возможность привлечения труда членов семьи без предоставления соответствующей оплаты.

• Целеполагание – опрашиваемые отмечали, что семейный бизнес, как правило, вовлекает акторов с детства в процессы его функционирования. Именно благодаря этому они получали определенный интерес к той сфере или отрасли, которой занимается их семья. Часть респондентов вовсе не могла представить своей трудовой деятельности в других отраслях экономики.

В процессе исследования были проведены серии интервью с респондентами, в ходе которых мы пришли к выводам, что к негативным факторам при наследовании бизнеса они относят:

• Наличие нескольких наследников – респонденты отметили данный фактор как один из самых негативных, могут возникнуть ситуации, когда одна часть семьи наследует бизнес, а другая нет. Либо, могут возникнуть ситуации, когда старшее поколение во избежание внутрисемейных конфликтов может разделить имеющиеся активы на несколько частей, что будет отрицательно влиять на ведение всего бизнеса и может нарушить его целостность. Часть респондентов отрицательно высказалась по отношению к наследованию бизнес активов одновременно несколькими детьми, ведь у каждого актора свои индивидуальные взгляды на ведение бизнес процессов, такое решение может привести к многочисленным и затяжным конфликтам.

• Внутрисемейные конфликты – респонденты отметили данный фактор как не зависящий от объективных обстоятельств. Различные взгляды на события и различия в ценностных моделях могут привести к внутренним конфликтам, и как итог, к развалу выстроенной годами модели бизнеса, а члены семьи могут покинуть занимаемые позиции ставя под удар работоспособность всего бизнеса или его части.

• Наследование бизнеса с имеющимися недостатками в его работе – респонденты указывают на то, что в функционирующих семейных предприятиях есть определённые недостатки, которые (на их взгляд) негативно влияют на получение доходности. Большинство респондентов указывает на то, что семейный бизнес ведется по устаревшим бизнес моделям и получает меньшую доходность, а их предложения по модернизации отвергаются старшим поколением до момента передачи активов в наследство.

• Возможность влияния старшего поколения на функционирование бизнеса после передачи его в наследство – часть респондентов высказывается негативно по вопросу возможного вмешательства старшего поколения в бизнес процессы после окончательной передачи активов. Основная обеспокоенность вызвана давлением старшего поколения в вопросах принятия важных для жизни бизнеса решений.

• Необходимость сотрудничества с персоналом, нанятым членами семьи – данный фактор также вызывает обеспокоенность респондентов по причине найма сотрудников исходя из семейных уз или дружеских связей старшего поколения (без учета профессиональной пригодности), а смена сотрудников может привести к внутрисемейным конфликтам.

• Необходимость трансформации моделей бизнеса – активы, доставшиеся в наследство, нуждаются в трансформации исходя из личных взглядов на ведение бизнеса его новых обладателей, что может повлечь определённые трудности и занять время.

Распространенными в наследовании семейного бизнеса выступают стратегии социального (аккумуляция мобилизуемых социальных отношений) и символического (накопление и приумножение капитала признания) инвестирования. Семейные традиции и опыт ведения бизнеса зачастую связаны с возможностями трансфера социального капитала с меньшими издержками, преимуществом транслировать и перенимать неформальный деловой опыт и бизнес-связи [11]. Наследование бизнеса как социальная практика находится в стадии формирования в виде системы стратегии воспроизводства, что мотивировано активной включенностью в бизнес процессы поколения основателей, персонификации всего бизнеса и многих институциональных факторов [12].

Список источников

1. Левушкин А.Н., Надысева Э.Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.
2. Солдатова В. И. Семейное предпринимательство в России: перспективы развития // Право и экономика. 2021. № 6. С. 11–14.
3. Топильская О.В. Применение норм наследственного права при наследовании бизнеса в России // Культура. Наука. Образование. 2022. № 1. С. 67–76.
4. Предтеченская Д.А. Преимущества создания наследственного фонда при жизни наследодателя // Молодой ученый. 2021. № 15. С. 249–251.
5. Филиппова Т.А. Наследование имущества индивидуального предпринимателя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 182–190.

6. Гущин В.В., Добровинская А.В. Наследственное планирование семейного бизнеса // Образование и право. 2021. №7. С. 106–110.
7. Дворникова А.А., Константинова С.А. Порядок наследования бизнеса индивидуального предпринимателя // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. 2021. № 41. С. 35–39.
8. Бухарова И. В. К вопросу о наследственной массе индивидуального предпринимателя // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2. С. 55–59.
9. Комаревцева И. А., Шульженко И. С. Наследование активов российских и зарубежных компаний // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 1. С. 312–323.
10. Панфилова Ю. С. Макросоциальные факторы воспроизводства бизнес-династий в современной России // Власть. 2020. № 4. С. 115–122.
11. Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Династийность в малом бизнесе в современной России: стратегии и перспективы воспроизводства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 1. С. 43–60.
12. Панфилова Ю. С. Стратегии воспроизводства российских династий в малом бизнесе (на материалах биографических интервью) // Вестник НГУЭУ. 2020. №4. С. 202–211.

References

1. Levushkin A. N., Nadyseva E. Kh. Transfer of family business by inheritance. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*. 2021;(3):8–12. (In Russ.)
2. Soldatova V. I. Family business in Russia: development prospects. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2021;(6):11–14. (In Russ.)
3. Topilskaya O. V. Application of the norms of inheritance law in the inheritance of business in Russia. *Kultura. Nauka. Obrazovanie = Culture. The science. Education*. 2022;(1):67–76. (In Russ.)
4. Predtechenskaya D. A. Advantages of creating a hereditary fund during the lifetime of the testator. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2021;(15):249–251. (In Russ.)
5. Filippova T. A. Inheritance of the property of an individual entrepreneur. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki = Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. 2021;(2):182–190. (In Russ.)
6. Gushchin V. V., Dobrovinskaya A. V. Inheritance planning of family business. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2021;(7):106–110. (In Russ.)
7. Dvornikova A. A., Konstantinova S. A. The order of inheritance of the business of an individual entrepreneur. *Studencheskiy vestnik: elektron. nauchn. zhurn = Student Bulletin: electron. scientific magazine* 2021;(41):35–39. (In Russ.)
8. Bukharova I. V. On the issue of the hereditary mass of an individual entrepreneur. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2020;(2):55–59. (In Russ.)
9. Komarevtseva I. A., Shulzhenko I. S. Inheritance of assets of Russian and foreign companies. *Vestnik Moskovskogo humanitarно-ekonomicheskogo instituta = Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*. 2021;(1):312–323. (In Russ.)
10. Panfilova Yu. S. Macrosocial factors of reproduction of business dynasties in modern Russia. *Vlast = The Authority*. 2020;(4):115–122. (In Russ.)
11. Klimenko L. V., Posukhova O. Yu. Dynasty in small business in modern Russia: strategies and prospects for reproduction. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2021;(1):43–60. (In Russ.)
12. Panfilova Yu. S. Strategies for the reproduction of Russian dynasties in small business (based on biographical interviews). *Vestnik NGUEU = Bulletin of NSUEM*. 2020;(4):202–211. (In Russ.)

Информация об авторе

И.А. Демешкин – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Information about the author

I. A. Demeshkin – Postgraduate Student of National Research Tomsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 31.05.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 31.05.2022.

Научная статья

УДК 316.334.4

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-309-313

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ СУДОВ

Анастасия Владимировна Макарова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
anastasiamakarova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования социологических методов в юридической практике. Рассмотрены тенденции информационной политики судебной системы в части ее взаимодействия с организациями, осуществляющими социологические исследования в современной России.

Ключевые слова: междисциплинарность, теория эффективности правосудия, социологические исследования, социология права

Для цитирования: Макарова А. В. Социологические исследования как инструмент изучения общественного мнения об эффективности работы судов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 309–313. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-309-313>

Young scientists

Original article

SOCIOLOGICAL RESEARCH AS AN INSTRUMENT OF INVESTIGATION OF PUBLIC OPINION ON COURT'S WORK EFFICIENCY

Anastasia V. Makarova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, nastasiamakarova@mail.ru

Abstract. The article explores the problem of using sociological methods in law. The topic investigated in the article is the information policies in the judicial system, which includes interactions between the judicial system and organizations running sociological survey in modern Russia.

Keywords: interdisciplinarity, the theory of justice efficiency, sociological research, sociology of law

For citation: Makarova A. V. Sociological research as an instrument of investigation of public opinion on court's work efficiency. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(2):309–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-309-313>

Развитие общенаучных тенденций можно проследить на примере одной дисциплины или же по способам преодоления проблем в отдельно взятом социальном институте, таком как суд.

На протяжении длительного времени главной тенденцией в науке являлось стремление к дисциплинарной организации знания. Установление дисциплины со своим традиционным объектом исследования и инструментарием помогало чётко организовать структуру научного знания. Между тем данное явление было связано, в том числе, с тем, что оно помогало облегчить контроль государства и научного сообщества над способами мышления и объяснения тех или иных событий. Так, французский философ М. Фуко указывал на то, что «общая тенденция дисциплинаризации...во многом обусловлена стремлением государственной власти контролировать все сферы жизни общества»[1]. Однако это приводило и к таким последствиям, как развитие упрощенного подхода к решению исследовательских проблем, что в дальнейшем могло повлечь и невозможность продуцирования нового знания.

Необходимость преодоления данных негативных тенденций повлияла на ускоренное становление междисциплинарности. В научной литературе существуют два подхода к рассмотрению названного понятия: взаимодействие двух или более дисциплин в форме работы над конкретными вопросами; обнаружение таких областей знания, которые не разрабатываются существующими дисциплинами. Из данных подходов усматривается, что обращение к междисциплинарным исследованиям в любом случае происходит либо в случае сложности предмета исследования, либо при невозможности разрешения проблемы в рамках определенной научной дисциплины.

Одним из таких вопросов в юриспруденции является развитие судебной системы и системы исполнения судебных решений при эффективном разрешении поставленных перед ними задач. Можно выделить следующие условия эффективности судебной деятельности: своевременность, открытость и доступность правосудия, качество нормативного материала и судебных актов (обоснованность, справедливость, законность), культура судопроизводства (взаимодействие с участниками процесса), а также профессиональная подготовка судей и аппарата суда.

В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы» определена основная функция судебной системы – общественного арбитра и защиты всех сфер деятельности, регулируемых правом. Самостоятельная и независимая судебная система – одна из важнейших составляющих правового государства.

Период с 2020 года по настоящее время характеризуется множеством исторических событий, которые повлияли на все сферы жизни общества, в частности, на судебную систему. С начала распространения коронавирусной инфекции жизненные обстоятельства показали необходимость быстрой адаптации к изменяющимся реалиям, которые ставят новые задачи также и перед судебной системой, но прежде всего указывают на потребность устойчивого поддержания эффективной работы судов.

В этой связи уместно обратиться к возможностям теории эффективности правосудия, которая изначально нацелена была на междисциплинарные исследования. Согласно ей, эффективность правосудия в узком значении имеет выражение в нормативных показателях работы конкретного суда и судебного корпуса, а в широком смысле она связана с вкладом системы правосудия в реализацию общественных интересов, достижение национальных целей, обеспечения правового и социального порядка и др. Для юридической науки понятия «эффективность» и «качество» являются сходными, возможность изменения эффективности судопроизводства зависит от качества элементов структуры.

Особенно остро вопрос об эффективности работы судов наметился из-за предстоящей реализации процедуры выхода России из Совета Европы, который является старейшей межправительственной организацией региона, созданной с целью сотрудничества в области прав человека и демократического развития. Выход из Совета Европы автоматически становится и выходом из всех механизмов правоприменительной деятельности, в частности, – отказ от Европейской конвенции по правам человека, закрепляющей один из важных механизмов защиты нарушенного права – возможность обратиться в Европейский суд по правам человека. В результате, по завершению процедуры выхода, граждане Российской Федерации не смогут обратиться в Европейский суд по правам человека.

Глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас подчеркивает, что Европейский суд по правам человека был дополнительной инстанцией для защиты нарушенного права, вместе с тем после вступления в Совет Европы российское законодательство интегрировало все механизмы защиты, в связи с чем эксперт отмечает, что «...гражданам стоит активнее обращаться за защитой своих прав в рамках национальной юрисдикции, в том числе, в Конституционный Суд РФ»¹.

В свете вышеизложенного, актуальным является мониторинговое выяснение общественного мнения об эффективности работы судов с использованием инструментария социологической науки.

¹ Клишас заявил, что россияне не смогут обращаться в ЕСПЧ после выхода РФ из Совета Европы // <https://tass.ru/politika/14019449?from=feed&ysclid=l2ox0la0uv>

Как одно из генеральных направлений в Концепции информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы, одобренной Советом судей Российской Федерации в 2019 году, заявлена «популяризация знаний о судебной системе и деятельности судов» через «взаимодействие с представителями экспертного сообщества, которые осуществляют мониторинг (опрос) общественного мнения о деятельности судебной системы, а также проводят социологические исследования, направленные на повышение эффективности взаимодействия органов судебной власти и СМИ».

Прежде чем перейти к современному состоянию исследования общественного мнения о деятельности судов, следует отметить, что эмпирические социологические исследования в дореволюционной России были редким явлением, как и господство дисциплинарной организации науки, данное отрицание необходимости изучать общественное мнение помогало контролировать развитие всех сфер жизни общества. Развитие междисциплинарных исследований, которое относят к 60-м годам XX века, можно соотнести и с появлением практики опросов общественного мнения. Первым в данной области стал Б.А. Грушин, который создал фактически первую профессиональную организацию для изучения общественного мнения – Институт общественного мнения «Комсомольская правда», просуществовавший практически 8 лет. После завершения его деятельности в 1969 году, он организовал Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ) АН СССР. Это учреждение просуществовало около трех лет. После первых двух опытов организации прикладной науки Грушин Б.А. создает свое главное детище – Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам (ВЦИОМ), всемирно известный и функционирующий по сей день, в течение вот уже более тридцати лет, научный центр. Кроме того, Борис Грушин также создал первую частную независимую службу изучения общественного мнения «Vox Populi».

Как указывал сам Грушин, изучение общественного мнения в советское время имело свои недостатки, вместе с тем наработанный опыт является безусловно очень важным, он повлиял на понимание важности общественного мнения в развитии государства.

С учетом указанной политики государства следует обозначить основные экспертные сообщества, осуществляющие социологические исследования в современной России:

- Фонд «Общественное мнение»;
- «Левада-Центр»;
- Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ);
- Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ).

Все организации специализируются на проведении опросов общественного мнения. Методами исследования организаций являются анкетные опросы, фокус-группы и личные интервью с гражданами и экспертами. Первые три названные организации не проводят исследования судебной системы на постоянной основе. Фонд ИНДЕМ проводил углубленные исследования коррупции как социального явления в российском обществе. Во всех исследованиях уделялось внимание изучению судебной системы как институту, действующему в коррумпированной среде, и коррупции в самой судебной системе.

Тенденция мониторинга общественного мнения относительно деятельности судебной системы является безусловно положительной, поскольку о необходимости познания причинно-следственных связей между людьми, соединенными в обществе указывал еще Герберт Спенсер: «Причинная связь между людьми настолько сложна, что, вероятно, полностью она еще долго останется непознанной. Тем не менее в наши дни ее существование стало достаточно очевидным, чтобы любой, кто способен думать, мог прийти к выводу: прежде чем вмешиваться в социальные процессы, их надо тщательно изучать» [3].

Так, именно социологическое исследование как система методологических, организационных и инструментально-технологических процедур, нацелено на получение релевантных данных об изучаемом социальном процессе или явлении для их последующего применения в решении практических задач.

Остановимся на характеристике главных социологических методов, которыми пользуются экспертные сообщества в настоящее время.

Одним из основных и первых называют социологический опрос. Данный метод нацелен на выявление мнения определенного круга респондентов по проблеме в форме анкетирования или интервьюирования.

Фокус-группа проводится с участием небольшого числа незнакомых друг другу, но схожими характеристиками людей в форме групповой дискуссии. Данное исследование проводится для выявления коллективной точки зрения по спорным вопросам и выяснения драйверов массового поведения.

Именно социологический опрос в форме анкетирования или интервьюирования, а также фокус-группы составляют основной инструмент при исследовании общественного мнения, поскольку являются эффективным союзом количественной и качественной методологии.

И если такие методы как статистический анализ данных, а также анализ документов прочно утвердились в юридической науке, то результаты социологических опросов мнений для многих остаются просто данными, которые не всегда получают должную оценку.

Главной составляющей получения научного результата, имеющего практическое применение, является грамотно составленная программа социологического исследования, включающая в себя теоретико-методологическую составляющую, методическую часть, инструментарий. То есть, получение результата зависит от четкой формулировки и обоснования исследуемой проблемы, целей и задач исследования, объекта и предмета, гипотез, интерпретаций используемых понятий, а также от обоснованности выборки и основных методов сбора, обработки и анализа эмпирических данных.

Для составления качественных программ социологического исследования по вопросам юриспруденции исследователь должен обладать знаниями как в области права, поскольку без обладания фундаментальными, основными знаниями в названной области результаты не будут отвечать задачам исследования, так и в прикладной социологии, включающей в себя инструментарий, адекватный для достижения результата.

Суд как орган власти является фактически социальной организацией, которая обеспечивает нужды населения. Необходимо отметить, что юристы, в частности, судьи обладают профессиональным знанием и опытом, которые имеют определенные границы понимания общества. То есть социологические исследования должны быть направлены на изучение взаимодействия суда и граждан, а также управляемости этой социальной организации и сущности происходящих в ней процессов.

Однако, как видно на данный момент, исследования проблем судебной системы носят эпизодичный характер, то есть реализуются в ответ на запрос соответствующих государственных структур.

Между тем немногочисленные, эпизодические, часто инициативные и несистемные исследования, конечно, не могут быть подспорьем для достижения целей, поставленных как в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы», а также в Концепции информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы, так и формируемыми жизненными реалиями ситуативными задачами.

На наш взгляд, стоит обратиться к тем электронным платформам, которые уже имеются в нашей стране и использовать их для изучения общественного мнения. В настоящее время в судах функционируют программы, нацеленные на автоматизацию обыденных процессов для сотрудников судов и повышение доступности судебной системы для граждан. Так, например, в арбитражных судах функционирует программный комплекс «Судебно-арбитражное дело-производство» (ПК «САД»), который обеспечивает автоматизированное распределение документов, учет дел, формирование отчетов, то есть нацелен на создание комфортной работы госслужащих. При этом вся информация, занесенная в указанный ресурс, синхронизируется с электронной системой «Картотека арбитражных дел» (КАД). КАД – это, можно сказать, общедоступная версия ПК «САД». КАД позволяет общественности отслеживать всю информацию по делу без лишнего обращения в суд. При этом лицам, участвующим в деле, также предоставлена возможность представлять все документы и ходатайства через систему «Мой Арбитр». В общей юрисдикции есть аналог данных систем ГАС «Правосудие», однако по причине неудобного интерфейса указанная программа не получила популярности у населения.

Данные системы рассматриваются как в юридической литературе, так и юристами-практиками в качестве механизмов, нацеленных на открытость и прозрачность судебной системы.

Использование названных платформ для проведения социологических исследований, регулярно обнародуемых для широкой общественности, имело бы важное значение для повышения уровня доверия населения, а также для отслеживания результативности и социальной эффективности судов.

Кроме того, данные платформы могли бы сгенерировать профиль респондентов, то есть помогли бы понять, влияет ли наличие юридического образования, результата рассмотрения дела, а также иные характеристики на оценку эффективности работы суда, поскольку работа в электронных системах проводится посредством использования учетных записей. Все это могло бы предоставить принципиально новые возможности для исследователей в отношении формирования репрезентативной выборочной совокупности.

Итак, суд как орган власти должен отвечать потребностям населения, в связи с чем социологические исследования должны показывать фактическое отношение населения к данной структуре. Вместе с тем, как было рассмотрено в статье, социологические исследования могут иметь практическое значение только при грамотно составленной программе, а для его проведения возможно использовать электронные платформы, действующие уже в настоящее время и имеющие необходимые технические возможности.

Список источников

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Изд-во «Ad Marginem», 1999. 479 с.
2. Спенсер Г. Грех законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 129–136.

References

1. Foucault M. *To supervise and punish: The birth of prison*. Moscow: Publishing house «Ad Marginem»; 1999. 479 p. (In Russ.)
2. Spencer G. Sins of legislators. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 1992;(2):129–136. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Макарова – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Makarova – Postgraduate student of the Department of Sociology of URIU RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication 27.05.2022.

Научная статья

УДК 316.614.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-314-318

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ МОДЕЛИ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Сергей Николаевич Смолянинов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
sergeysmolyaninov.job@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования социологических методов в социальном проектировании организационных структур, обеспечивающих реализацию основных направлений государственной молодежной политики, а также гражданско-патриотического воспитания в общеобразовательных учреждениях.

Ключевые слова: семья, школа, социальное проектирование, государственная молодежная политика, воспитание

Для цитирования: Смолянинов С.Н. Возможности социологической методологии в проектировании модели эффективного взаимодействия семьи и школы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 314–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-314-318>

Young scientists

Original article

POSSIBILITIES OF SOCIOLOGICAL METHODOLOGY IN DESIGNING A MODEL OF EFFECTIVE INTERACTION OF FAMILY AND SCHOOL

Sergey N. Smolyaninov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
sergeysmolyaninov.job@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of using sociological methods in the social design of organizational structures that ensure the implementation of the main directions of state youth policy, as well as civil and patriotic education in educational institutions.

Keywords: family, school, social design, state youth policy, upbringing

For citation: Smolyaninov S. N. Sociological research as an instrument of investigation of public opinion on court's work efficiency. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(2):314–318.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-314-318>

Актуализация, либо инноватизация и внедрение школьных организационных структур, налаживающих эффективную коммуникацию и взаимодействие между родительским и педагогическими сообществами – в настоящий момент является необходимостью, продиктованной как нормотворчеством законодателя последних лет, так и требованиями новой социальной реальности.

Принятая в 2020 году новая концептуальная модель государственной молодежной политики, имеет двадцать одно основание, из которых первое место занимает принцип воспитания

гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации¹.

В том же году в Федеральный закон «Об образовании» была внесена поправка, вводящая новое понятие «воспитание» и его определение в следующей формулировке: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»².

Контент-анализ указанного федерального закона позволяет заключить, что воспитание является не менее важной частью образовательного процесса, чем обучение; должно осуществляться организациями, представляющими все уровни образования и их педагогическими работниками; формализовываться в виде рабочих программ, при условии предоставления, – с одной стороны, – педагогическим работникам свободы выбора методов воспитания, а с другой стороны, – права родительскому сообществу принимать участие в разработке рабочих программ воспитания и календарных планов воспитательной работы.

Эти законодательные новеллы появились фактически в самый разгар пандемии вируса Covid-19, когда образовательный процесс перешёл в новый формат реализации – дистанционный, который частично сохраняется в настоящий момент времени и, возможно, продолжит своё существование и развитие в дальнейшем, сопрягаясь с цифровыми трансформационными процессами российской системы образования. По этой причине новые воспитательные практики сейчас только формируются и апробируются, а также наполняются новым сущностным содержанием.

Происходит это в контексте непростой геополитической ситуации, развитие которой диктует необходимость усиления участия государственных институций в создании контуров воспитательной работы для образовательных организаций, а также объединения усилий административных, педагогических работников и родительского сообщества для социального проектирования моделей эффективного взаимодействия семьи и школы – двух основных институтов социализации личности.

В свете вышесказанного, имеет смысл обратиться к наследию классика социологической науки Эмиля Дюркгейма, подробно исследовавшего роль морали в общественной жизни, проблемы аномичности общества, девиации, являющиеся следствием социальных болезней общества.

Вопросы воспитания и образования всегда играли важнейшую роль и в теории Дюркгейма, и в его практической деятельности. Это касается и морали, и образовательно-воспитательных институтов как таковых. [1]. Дюркгейм был сторонником социальных реформ, основанных на научных, прежде всего социологических рекомендациях. Несомненно, в образовательно-воспитательной системе современной ему Франции он видел один из главных каналов во-первых, внедрения социологии, во-вторых, реформирования морали и, шире, общества [1, с. 74].

С его точки зрения, воспитание состоит в методической социализации молодого поколения [2, с. 51]. Внутри собственно моральной социализации Дюркгейм различает понятия «моральное воспитание» («l'education morale») и «моральное образование» («l'enseignement moral»). Под первым он понимает формирование разного рода чувств и представлений, направленных на совершение практических моральных действий; под последним – стремление объяснять, делать понятным существующий порядок вещей, обращённое не столько непосредственно к воле, сколько к мышлению.

¹ Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1/doclist/5927/showentries/0/highlight/фз_об_образовании

Поскольку воздействие учителя или родителей нередко рискует быть чрезмерным, необходимы меры защиты от них свободы ребенка. Одна из наиболее эффективных мер предосторожности, которые могут быть приняты в данном отношении, – препятствовать тому, чтобы дети воспитывались в одной-единственной среде и, тем более, одной-единственной личностью. Это одна из многочисленных причин недостаточности домашнего воспитания. Ребёнок, воспитанный исключительно в своей семье, становится продуктом этой последней; он воспроизводит все особенности, все черты, вплоть до судорожных подергиваний семейной физиономии; но он не сможет развить свою собственную физиономию. Школа освобождает его от этой слишком тесной зависимости. В самой школе и из-за того же мотива необходимо, чтобы он последовательно поступал под ответственность различных учителей [3].

Итак, каковы же общественные дискуссии современных россиян и управленцев, курирующих сферу образования в отношении содержания воспитательной работы? Насколько общественное мнение созвучно классическому социологическому теоретизированию о проблемах воспитания?

Общественный дискурс берёт начало в 2020 году, с момента декларирования Сергеем Кравцовым, в рамках заседания профильного комитета Государственной Думы базовых ценностей, заложенных в федеральную программу воспитания. В качестве таковых были названы: Родина, семья, дружба, взаимопомощь, спорт, здоровье, любовь к природе, стремление к знаниям, труд, личность¹.

В январе 2021 года началась реализация федерального проекта «Патриотическое воспитание», целью которого является обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В рамках проекта ведётся работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности. За три года его действия планируется вовлечь 24 % граждан в систему патриотического воспитания, в которую входят образовательные организации, общественно-патриотические движения: «Российское движение школьников», «Юнармия», «Я горжусь», органы публичной власти.

В апреле 2022 года Сергей Кравцов заявил на пресс-конференции в рамках Первого Всероссийского школьного исторического форума «Сила – в правде!», о необходимости исторического просвещения в школах с первого класса как во время урочной, так и внеурочной деятельности².

В мае 2022 года, ко дню столетия пионерии, в Государственную Думу был внесен законопроект о создании нового общественного движения детей и молодежи «Большая перемена», которое станет самым масштабным в стране. По словам авторов инициативы, движение вберет в себя лучшее, что есть в уже существующих объединениях, а также учтет опыт Всесоюзной пионерской организации. Участие в «Большой перемене» будет добровольным. Его целями станут содействие проведению государственной политики в интересах детей и молодежи, участие в воспитании детей, их профессиональной ориентации, организации досуга детей, создание возможностей для их всестороннего развития и самореализации, подготовка детей и молодежи к полноценной жизни в обществе. Кроме того, «Большая перемена» сможет участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Предполагается, что наблюдательный совет движения возглавит Президент РФ, он же будет утверждать его состав. Наставниками в «Большой перемене» не смогут быть иностранные агенты и аффилированные с ними лица. Участниками движения станут школьники в возрасте от шести лет, а также учащиеся колледжей и техникумов. Само участие будет добровольным и основанным на равенстве прав всех, кто к нему присоединится³.

Каково же общественное мнение россиян относительно перечисленных государственных инициатив?

¹ Татьяна Замахина. Минпросвещения сформулировало базовые ценности воспитания в России // <https://rg.ru/2020/06/16/minprosveshcheniia-sformulirovalo-bazovye-cennosti-vospitaniia-v-rf.html>

² <https://edu.gov.ru/press/5022/sergey-kravcov-razyasnil-kak-budet-izuchatsya-istoriya-v-shkolah-s-pervogo-klassa/?ysclid=l3kwm808vh>

³ <https://tass.ru/obschestvo/14670573>

Относительно воспитания, россияне считают, что это занятие для обоих родителей (44%). Чуть меньшее количество – 42% полагают, что это совместная обязанность семьи и школы¹.

При этом самыми важными качествами учителя россияне называют высокую квалификацию (23%), любовь и доброжелательность к детям (по 19%), доброту (22%). Интересно, что необходимость знания своей предметной области отмечают только 10% респондентов, быть патриотом и воспитывать патриотизм у учеников – только 3%, а воспитывать детей – всего 2%².

Понимание сущности патриотизма фиксируется в вариантах ответов: любовь к стране (71%); деятельность, направленная во благо и для процветания страны (50%); защита страны от любых нападков и обвинений (44%); стремление к изменению положения дел в стране для обеспечения ей лучшего будущего (34%)³.

По мнению респондентов основная задача школы – давать знания (83%) Важными функциями также являются воспитание моральных качеств (69%) и участие в патриотическом воспитании молодежи (67%).

Дискутабельные на данный момент времени предложения Министерства просвещения получили следующие оценки: инициатива по поднятию флага и исполнению гимна перед учебной неделей: 59% относятся к ней положительно, 24% – отрицательно, еще 13% – безразлично; уроки, посвященным событиям специальной военной операции России на Украине, – 51% положительно, 37% относятся отрицательно, 5% безразлично; проведение уроков истории с первого класса 49% – отрицательно, 42% положительно, безразлично – 6%⁴.

92% родителей школьников 5-11 классов оценивают положительно деятельность советской пионерской организации. При этом, респонденты считают, что на сегодняшний день необходимо несколько организаций, занимающихся воспитанием школьников (72%). Только каждый пятый выступает за то, чтобы такая организация была одна (22%).

Родители школьников в большинстве своем встретили бы создание общероссийской детской организации, сравнимой по масштабу с пионерским движением, с позитивными эмоциями (81%), каждый десятый не испытал бы особых эмоций (11%). Отрицательно – (7%)⁵.

Таким образом, вторичный анализ социологических данных показывает неоднозначное отношение россиян к тем новациям в воспитательно-образовательной деятельности, которые предлагает сегодня государство. Очевидно, что необходимы совместно создаваемые практики взаимодействия родителей, педагогов и управленцев в сфере образования по вопросам реализации просветительской и воспитательной работы в части формирования патриотизма и исторической памяти. Для поиска механизмов и технологий возможно предложить комплексное прикладное социологическое исследование, объединяющее в себе количественную и качественную методологию: опрос и фокус-группы трех основных категорий респондентов: родителей школьников, их педагогов и административных работников, а также контент-анализ лучших методических документов (рабочих программ воспитания и календарных планов воспитательной работы). Необходимо также проектирование цифрового информационного ресурса с обратной связью и возможностями загрузки просветительского контента, либо ссылок на сторонние электронные ресурсы, одобренные для внеурочной деятельности педагогическим сообществом. При этом контент должен отражать и региональную специфику, обращаясь к исторической коллективной памяти больших социальных групп конкретной территории и мемориальным практикам соответствующего региона.

Список источников

1. Гофман А.Б. Социология морали Эмиля Дюркгейма: Истоки, принципы, значение. Вступительная статья // Дюркгейм, Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

¹ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-vozpitanii-detei>

² <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitel-prizvanie-ili-professija>

³ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>

⁴ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novicii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv>

⁵ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozzrozhdenie-pionerskikh-tradicii-mnenie-roditelei-i-uchitelei>

2. Durkheim E. *Education et sociologie*. Paris: PUF, 1990.

3. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с. – (Социальная теория). С. 284-285.

References

1. Gofman Alexander. Emile Durkheim's Sociology of Morality: Its Sources, Principles, Meaning. Introductory article. In: *Durkheim, Emile. Moral Education. Transl. from the French, introductory article, notes by Alexander Gofman*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021.

2. Durkheim E. *Education et sociologie*. Paris: PUF; 1990.

3. Durkheim, Emile. *Moral Education. Transl. from the French, introductory article, notes by Alexander Gofman*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021. 456 p. (Social Theory). P. 284-285.

Информация об авторе

С. Н. Смолянинов – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. N. Smolyaninov – Postgraduate student of the Department of Sociology of URIU RANEPА

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 31.05.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 31.05.2022.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [З, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2022

Выход в свет 29.06.2022. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 02-06/22

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ИП Кузнецов Н.В.
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61